

Хамид Хесам

КОГДА СКРЫЛАСЬ ЛУНА

Воспоминания об Ирано-иракской войне

Москва
2020

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)
Х40

Хесам, Хамид

Х40 Когда скрылась луна / пер. с перс. А. Андрюшки-на. – М., ООО Паблит, 2020. – 408 с.

ISBN 978-5-6043820-8-0

16+

Память о восьми героических годах Священной обороны по сей день бережно сохраняется в сердцах и душах иранцев. В Исламской Республике издаётся множество мемуаров участников боевых действий. «Когда скрылась луна» – одна из таких книг-воспоминаний.

Али Хошлафз (1964–2017) – ветеран Ирано-иракской войны. 15-летним мальчишкой он добровольцем пошёл в армию сразу после начала боевых действий, воевал на многих фронтах и был многократно ранен. Он прошёл войну от первого до последнего дня и стал свидетелем гибели десятков близких друзей из числа однополчан, поэтому его воспоминания пронизаны горечью и грустью. В литературной обработке Хамида Хесама они были опубликованы незадолго до смерти автора, получив высокую оценку Верховного лидера Ирана аятоллы Али Хаменеи.

Для широкого круга читателей.

Редактор Мамед-заде Н.Г.-А.

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)

© Центр истории и культуры Востока ДГУ, 2020

ISBN 978-5-6043820-8-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава первая. В садах района Шотор-Галу	7
Глава вторая. Станция на Дороге крови	24
Глава третья. Шестнадцатилетний проводник	54
Глава четвёртая. Операция по освобождению Хоррамшахра	101
Глава пятая. Рамадан войны на истощение	138
Глава шестая. Хорошо раненные братья	154
Глава седьмая. Клянусь конями скачущими... ..	181
Глава восьмая. Улыбка заступничества	218
Глава девятая. Я, луна и мины	240
Глава десятая. Бой за Фао	282
Глава одиннадцатая. Бегство от имени и должности	352
Глава двенадцатая. Шаламче: отрыв неразрывных со мной	371
Глава тринадцатая. Все мои братья	394

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ирано-иракская война – один из самых жестоких военных конфликтов конца XX века. По сути, он явился попыткой иракского лидера Саддама Хусейна подчинить молодую Исламскую Республику и завладеть богатейшими нефтяными месторождениями пограничной с Ираком области Хузестан. За Саддамом стояли страны Запада, в частности, США и Великобритания, стремившиеся его руками уничтожить в зародыше мятежный революционный Иран. Однако иракское руководство и его западные покровители даже представить себе не могли, с каким мощным отпором придется столкнуться захватчикам, когда иранский народ в едином порыве поднимется на защиту своей страны. Иранцы чуть ли не голыми руками воевали против вооруженного до зубов агрессора, но ни отсутствие новейших вооружений, ни наложенные на страну незаконные международные санкции не могли сломить духа иранского народа. Война, продолжавшаяся восемь лет, с сентября 1980 по август 1988 года, унесла с обеих сторон сотни тысяч жизней, а ее главным итогом стало то, что мир понял: с Ираном нельзя разговаривать языком силы, ибо народ, опирающийся не только на мощь оружия, но и на глубочайшую духовность и жертвенность, непобедим...

В современной иранской литературе военная проза представлена отдельным и очень ярким направлением. Многие авторы, пишущие о событиях тех лет, сами сра-

жались на передовой – именно поэтому их произведения так документально достоверны. Здесь есть всё: и батальные сцены, и рассказ о трагедии гражданского населения, и – самое главное – глубочайший духовный подтекст. В годы тяжелейших испытаний духовное начало нации в целом и каждого отдельного человека принимает особую окраску, становясь тем стержнем, без которого невозможно ни выжить, ни победить. И, как алые тюльпаны из капель крови павших за родину, так и из светлой и трагической памяти вырастают яркие, берущие за душу произведения, заставляющие думать, сопереживать, а главное – помнить...

*Посвящаю всем моим братьям –
однополчанам, погибшим на этой войне.*

*«Я вспомнил о тебе и издали послал
свой поцелуй Луне, что в небесах»
(иранская песня)*

Глава первая В САДАХ РАЙОНА ШОТОР-ГАЛУ

На первой странице моего старенького паспорта написано: Джамшид Хошлафз, дата рождения: 8.8.1343¹, город Хамадан.

Как и многие, я почти не помню раннего детства. Позже мама рассказывала мне:

«Имя Джамшид выбрал твой отец, да помилует его Аллах. Он говорил, что имя это – модное и современное. Быть может, оно потому ему понравилось, что родился ты в том же месяце и всего на пару дней позже, чем сын шаха Резы Пехлеви. А вот имя твоему младшему брату Джафару выбрал сам имам Реза.

Джафар родился в день, – продолжала мама, – когда празднуют рождение восьмого шиитского имама Резы. Был холодный зимний вечер, и ближе к ночи у меня начались схватки, а дома были только ты и твоя сестра. Она побежала за повитухой, а я прямо здесь, у кипящего самовара, задремала на несколько секунд и увидела себя в мавзолее имама Резы. Рядом со мной – пелёнки для Джафара, и ты играешь здесь же. Причём ты вёл себя очень непоседливо: я никак не могла удержать тебя на месте. Даже несколько человек пытались тебя поймать, но ты выскользнул из их рук и затерялся в толпе, скрылся

¹ 30 октября 1964 г. Автор этой книги, увидевшей свет в Тегеране в 2015 году, умер в декабре 2017 г. (*прим. перев.*).

с моих глаз. Тогда я закричала: Джамшид, Джамшид, где ты?! И, плача, взмолилась: “О имам Реза, верни мне сыночка Джамшида!” И в этот миг передо мной возник светоносный господин и ответил: “Не бойся, Джамшид не потеряется. Но ради нас¹ назови новорождённого Джафаром”.

И тут я проснулась. Твоя сестра привела акушерку, и, когда громкоговоритель мечети передавал утренний азан, родился на свет Джафар. Из уважения к имаму Резе мы не устраивали праздника в честь рождения твоего брата. А с тобой было не так, ведь ты был самым желанным у нас. В честь твоего рождения задали пир на несколько дней, и к нам в гости приходили родственники и соседи».

Когда мама вспоминала о моём рождении и рождении Джафара и говорила о весёлых празднествах в честь моего появления на свет, мне было ясно, что она соблюдала эти обычаи из уважения к отцу. То воспитание, которое предпочла бы дать детям она сама, было бы наполнено благочестием и богопочитанием. И, при должном уважении к супругу, мама вырастила пятерых своих детей именно религиозными людьми².

Отца моего звали Асадолла Хошлафз. Он был шофёром, трудолюбивым и преданным семье кормильцем. За рулём грузовика «Вольво» он в летний сезон работал в Хамадане и окрестностях, зимой – в Хоррамшахре и

¹ Т.е. во имя шестого шиитского имама Джафара ас-Садика (702–765), деда имама Резы (*прим. перев.*).

² Я был моложе моего старшего брата Амира на два года; Джафар был моложе меня на три года. Ещё дом моих родителей осветили своим рождением две дочери. Амир оставил этот мир в 1985 году, в результате химической атаки противника, а Джафар погиб на фронте под Мавутом в 1987 году. Отец мой умер уже после окончания Ирано-иракской войны, а сень нашей любящей матушки всё ещё хранит меня и моих сестёр. (*Здесь и далее, если не указано иначе, все примечания принадлежат автору.*)

Арвандкенаре, причём иногда брал с собой на юг всю семью.

Хоррамшахр той эпохи – то есть времени, когда мне было всего лет пять-шесть, – запомнился мне свежо зеленеющим. Как только я отцепился от материнской чадры, я сразу же потерялся в прибрежной толкотне возле реки Карун. Этих береговых районов я совершенно не знал, и вскоре меня привели в полицию. Своим детским языком я назвал имя отца и матери и после часа ожидания в участке увидел, что они явились за мной¹.

Но вернусь в Хамадан. Мы жили в районе, расположенном в конце «Садов Кямаль-абада», и там протекал полноводный прозрачный ручей, который, по причине его изогнутости, издавна называли «Шотор-Галу» – «Верблюжья шея». Женщины наполняли водой вёдра и прочие сосуды возле ключа, ниже по течению они стирали в тазах, а ещё ниже мы, шаловливые детишки, устраивали запруды и купались, спасаясь от летней жары.

Иногда мы своими играми так мешали женщинам, что они швыряли в нас туфлями или сандалиями. Да и мы были не прочь сыграть в футбол этой обувью, на что женщины жаловались нашим родителям, и, чтобы вновь заслужить доступ к ручью Шотор-Галу, мы наполняли водой вёдра обиженных нами и кое-как притаскивали к ним домой. В те годы ещё, конечно, не было водопровода, и питьевую воду брали из этого источника².

Когда мне исполнилось семь лет, отец с матерью вздохнули с облегчением, отправив меня в школу «Ареф».

¹ В возрасте шестнадцати лет судьба вторично привела меня на берег реки Карун. Я служил батальонным проводником в боях за освобождение Хоррамшахра и, естественно, вспоминал детские годы в этих местах.

² Мои сверстники, закадычные дружки тех лет: Бахрам Атайан, Аббас Алафчи, Маджид Салавати и Хамид Салавати. Бахрам, Аббас и Маджид героически погибли во время войны, а Хамид стал инвалидом.

В первый же год из-за излишней шаловливости я получил самый низкий балл из всех возможных.

Ещё через год я, однако, вновь поднял голову, так как стал взрослее и якобы умнее. Энергии было хоть отбавляй, как и желания напраказничать, и вот мы с Бахрамом Атайаном занялись известной детской забавой тех времён. Мы звонили в дверные звонки – преимущественно богатых домов – и удирали со всех ног.

Один из этих соседей решил устроить засаду. Он караулил за дверью и, как только палец мой коснулся звонка, распахнул дверь и схватил меня за руку – это был упитанный массивный мужчина, который в тот миг показался мне страшным джинном из лампы Аладдина. В ужасе я вырвал руку и на этот раз спасся.

Мы стали профессионалами в проказах. Выбирали для баловства новые улицы, однако для возвращения домой теперь требовалось делать далёкие обходы вокруг фруктовых садов. Естественно, что фрукты – и зрелые, и ещё зелёные – становились нашей добычей: был за нами такой детский грех.

Незнакомые районы грозили встречами с местными хулиганами, готовыми пустить в ход кулаки. Для самозащиты я в те дни обзавёлся стальным кастетом: он спасал от тех опустившихся личностей, что паслись во фруктовых садах. Сады как бы перетекали один в другой и кое-где не были разгорожены, так что нам случалось в них и заблудиться. При этом мы, конечно, наедались всего, что могли или хотели сорвать.

Моя бабушка, узнав о моей склонности лазать по садам, упрекала меня так: «Дорогой Джамшид, у нас же есть свой сад в Ущелье Морадбег¹. В любое время иди туда и ешь, сколько влезет, но чужих садов не трогай».

¹ Ущелье к югу от Хамадана, где расположена изобилующая садами одноимённая деревня.

Когда я попадал в сад моей бабушки, которую мы звали Аджи-джан, я не оставлял нетронутым ни одно дерево. Наедался до полного несварения желудка. Пресытившись, находил другую забаву: залезать на высокие деревья остролиста и прыгать с них. И мама, и бабушка одинаково переживали за меня из-за моего неуправляемого и непоседливого характера. Это было постоянным предметом их разговоров – я слышал краем уха, но не унимался. Кстати, садом бабушки Аджи я не вполне был доволен, так как в нём не было груш, которые я очень любил. Зато их было много в саду соседа, по прозвищу Голам Заячья Губа.

Голам был грозным охотником, метко стрелявшим из дробовика по птицам. Кстати, губу ему разорвало взрывом патрона с дробью, отсюда кличка «Заячья Губа». Как бы там ни было, но его белые сочные груши меня очень привлекали.

Голам жил в саду постоянно и для безопасности держал трёх больших чёрных собак, привязанных в разных концах сада. Стоило приблизиться чужому, как собаки начинали завывать и лаять, и Голам настигал вора или забравшегося в сад наркомана, или бродягу – неминуемо, как сама смерть.

Однако я умудрялся обманывать даже собак и незамеченным подбираться к грушевому дереву. Очень тихо нужно было ползти по земле, иногда приподнимаясь, чтобы осторожно преодолеть кусты, и вот, наконец, стволы плодовых деревьев. Конечно, собаки иногда чуяли постороннего и поднимали лай, тогда и Голама с вишнёвой розгой можно было ожидать.

Постепенно известия о моём воровстве в саду Голама Заячьей Губы дошли до мамы и бабушки: он им пожаловался. Кроме них ещё и тётка – мамина сестра – очень на меня сердилась, потому что я вовлекал в походы по садам её двух сыновей – Хамида и Маджида.

Однажды мы все были в саду бабушки Аджи, когда пришла тётка с подолом, завернутым так, словно в нём принесла фруктов. Войдя в дом, позвала нас: «Ребята, идите сюда, отведайте розовых яблочек, которые я вам отобрала».

Мы четверо – я и мой брат Джафар, а также сыновья тётки, Хамид и Маджид – в предвкушении весело побежали за ней. Но, как только мы вошли, она захлопнула дверь и выключила свет. Я понял, что вместо вкусных яблочек нас ждут вишнёвые розги. В подоле у тётки оказались кнут и палка. И она истощно закричала: «Вы опозорили нас перед всеми соседями!». Не жалея ударов, она не то ругалась, не то рыдала: «Сколько ещё будете лазать по чужим садам, воровством этим заниматься?!».

Кнут свистел в воздухе и обрушивался на нас. Однако, пользуясь темнотой, я спрятался за одним из ящиков с фруктами, стоящих в этой комнате. Ящик был полон сушёных абрикосов – кураги, и я, хоть и получал удары, но не забывал лакомиться курагой.

Дорогая бабушка Аджи лучше других знала о моих проделках и всё-таки продолжала меня баловать и верить в меня. Однажды вечером к нам должны были прийти гости, и потребовалось принести кое-что из садового домика в наш городской дом. «Дорогой Джемшид, – сказала бабушка, – аккуратненько сбегай в сад и принеси эти вещи». – «Будет исполнено», – ответил я.

От нашего дома в районе источника Шотор-Галу до сада было примерно четыре километра, и дорога в оба конца предстояла пешая. Вечерняя тьма и расстояние меня не пугали, но опасны были бродяги и хулиганы, которые в отсутствие хозяев забирались в сады. И, как назло, не прошёл я и половины пути, а уже оказался в окружении пятерых таких субъектов, каждый из которых был меня старше лет на десять-пятнадцать.

Один из них, вооружённый ножом, грязно ругался и угрожал мне. Когда он приблизился, я нашупал в кармане кастет. Мне было страшно, но я обладал и некоторой отвагой, и вот отвага и страх соединились, и я выхватил из кармана кастет. Ростом он был намного выше меня, и всё-таки мой сильный удар попал ему прямо в лицо.

Медлить было нельзя. Если бы поймали, разорвали бы меня на куски. И я полетел, как стрела, брошенная вперёд тетивой лука, и вскоре эти алчные волки отстали¹.

...Мама отвела меня на базарную площадь в деревне Ущелье Морадбег и устроила на подсобную работу к мороженщику. Ни денег, ни пищевого пайка за это не полагалось, но мне гарантировалась порция мороженого каждый день.

Мороженщика звали тоже Голам. Имя столь же грозное, как у Голама-охотника, но нрав моего хозяина был совсем иным. Поняв, что он – человек мягкий, я начал пользоваться его отсутствием и заглядывать в холодильник, не забыв специальную лопаточку для мороженого. Если знал, что учителя Голама не будет долго, то, бывало, наедался чуть не до смертельных колик.

* * *

Лето закончилось, и я пошёл во второй класс школы. Учёба не мешала мне посматривать на арбузы, которые школьный сторож посадил в углу двора, вплотную к стене своего дома. Недели не прошло, как он уже вынужден был собрать урожай своих арбузов, иначе я бы о них позаботился².

¹ Я привожу этот эпизод не для описания моей храбрости, а лишь как напоминание о нездоровых общественных условиях того времени и о низком уровне морали тогдашней молодёжи.

² В первый же год на фронте под влиянием политзанятий и уроков шариатской этики я дал себе слово: когда поеду в отпуск

В этом же году прошёл слух, что в город приедет шахиня, Фарах Дибя, для того чтобы торжественно открыть новые дома, построенные напротив нашего квартала Кямаль-абад. И опять словно шайтан под локоть меня подталкивал. Я заметил, что одну из улиц перекрыли и что рабочие городской управы метут и моют её и расставляют рядами стулья. Видно было, что церемония скоро начнётся, потому что на столы носили фрукты и сладости.

Тихо-тихо я пробрался под один из столов, накрытый красивой низко свисающей скатертью. Через пару минут и на этот стол принесли фрукты и напитки – я почувствовал запах фруктов. Осторожно потянул за скатерть – и вдруг эти красные яблоки и апельсины посыпались со стола и покатались по улице, чего я и добивался. Однако же и меня вытащили из-под стола и отдали в руки вооружённым людям в костюмах и галстуках. Пинками и кулаками они меня прогнали прочь – так я впервые увидел вблизи настоящее оружие.

Вся родня говорила матери, что единственное лекарство для такого неуправляемого ребёнка, как я, – уроки Корана. И меня отправили на занятия к господину Мескину. Он был влиятельной личностью в Хамадане, а его коранические занятия пользовались известностью и помогли многим молодым людям ещё до Исламской революции пойти по пути исламского образования. Занятия проходили дважды в неделю, и путь на уроки от нашего дома был далёк, но меня и моих сверстников непреодолимо тянуло на эти занятия желание узнать Коран и

в родной город, извинюсь перед всеми, у кого таскал запретные плоды. Многие из них уже совсем состарились, например, Голам Заячья Губа и Голам-мороженщик, однако все, кто видел меня в военной форме, тут же меня прощали. Не забуду, как Голам Заячья Губа, увидев меня, воскликнул: «До чего же ты исхудал!». Я молчал, опустив голову, и он добавил: «Прощаю тебе всё, сын Асадоллы».

основы веры, в особенности – научиться понимать намаз. На этих уроках я оказался всё с теми же друзьями по играм в садах и на улицах – мы вместе слушали учителя и вместе делали упражнения.

Кстати, от матери я уже знал один аят Корана и любил повторять его: «Господи наш! Даруй нам в ближней жизни добро и в последней добро и защити нас от наказания огня»¹. На одном из занятий учитель предложил любому из нас, кто выучил новую суру или аят, прочитать их. Я встал и на ломаном арабском, с ошибками, прочёл этот аят, причём все засмеялись, а я так смутился, что тут же выбежал на улицу. Вернулся домой в слезах, а у дверей нашёл толстый кошелёк с деньгами. Со слезами на глазах вручил его матери и попросил отдать надёжным людям квартала. И заявил, что больше на эти уроки не пойду. А мама ответила: «Дорогой Джамшид, если ты сегодня возвращаешь кошелёк с кучей денег его хозяину, то это уже – результат уроков по изучению Корана и намаза».

В четвёртом классе мои любимые игры стали иными. Лазанье по садам было вытеснено велосипедом, футболом и игрой в чижа. Учёба моя не была блестящей, но учителя уже не жаловались так, как прежде. Единственная моя ошибка в этом году произошла в тот день, когда один из учителей не только обругал меня, но и решил подкрепить свой выговор пинком ноги, однако я оказался проворнее и так ловко отскочил, что он грохнулся на пол под хохот ребят. А я опять убежал прочь из класса.

В пятом классе я стал регулярно посещать мечеть и читать намазы. Я был очень озабочен тем, чтобы ни в чём не сделать ошибки. Старательно учился, ходил на уроки Корана, иногда играл в футбол – но вот тут-то, как назло, меня подстерегло происшествие не просто неудачное,

¹Коран, 2:201; текст дан в переводе И.Ю.Крачковского (*прим. перев.*).

но поставившее меня на самый край. У нас был товарищеский матч с командой другого квартала, и предвидеть ничего зловещего я не мог. Пришла чужая команда и, по обычаю тех лет, принесла новенький запасной мяч. В перерыве между таймами трое из наших, пошептавшись, договорились украсть мяч и продать его, причём доля от продажи предназначалась и мне.

Так они и сделали, но другая команда пошла по домам наших игроков в поисках мяча. Я вышел к ним и рассказал о сговоре наших; мяч им вернули, но этим дело не кончилось. На следующее утро в дверь дома позвонили. Открыв, я увидел тех троих, о чём воровстве рассказал соперникам. Двое из них набросились на меня и схватили за руки, а третий, то есть главный организатор воровства, ударил меня в лицо кастетом – одним из тех, которые в нашем районе были столь же распространены, как носовые платки. Поток хлынула кровь. Мой нос был сломан в нескольких местах¹, подбежали люди и, ещё до оповещения родных, отвезли меня в больницу.

В тот же вечер в Хамадан приехал отец и рассудил, что моя вина в этом деле не меньшая, чем у других, поэтому он дал согласие на освобождение нападавшего из-под стражи. Но, хотя я и не стал тогда прибегать к кастету, мысль о мщении у меня осталась².

¹ Одна из моих проблем с дыханием и неправильным выговором связана как раз с этой юношеской дракой и переломом носа.

² В 1981 году, когда мне было 16 лет, я стал участником войны и попал на фронт. Я приехал домой в отпуск, и мы с двумя местными членами Басиджа сели на мотоциклы и нашли дом человека, нанёсшего мне тот удар. Я хотел отомстить ему, но в одиночку, и попросил ребят ждать в отдалении. Позвонил в дверь – открыл он сам. Повзрослевший, он стоял, опустив глаза. Конечно, он сразу узнал меня. Я занёс сжатую в кулак руку, чтобы ударить его в нос, но его военная форма остановила меня. Он стал законопослушным человеком, к тому же фронтовиком. И вместо удара я заключил его в объятия.

Меж тем пришла новость о школьной реорганизации. Иными словами, наше медресе вместе с вывеской «Средняя школа им. Аттара Нишапури¹» переехало в другое здание. Теперь я ходил на учёбу в другое место – и тут почувствовал себя взрослым. Я пришёл к выводу, что мне пора изменить своё поведение и нравственные установки; да, кстати, меня и окружающие уже воспринимали как одного из парней мечети.

* * *

Уже в 1976 году вся страна чувствовала назревающую великую революцию. Я был одним из тех, кто никак не мог остаться в стороне от этого исторического события, и всеми силами старался внести в него вклад. В те годы школьными учителями были женщины наряду с мужчинами. С учительницами, не закрывавшими волос, я вёл себя недружелюбно, стараясь им всячески досадить, – при том, что преподавательницам в хиджабах я оказывал подчёркнутое уважение. Мужчины в те годы одевались более сходно между собой: брюки-клёш и широкие длинные галстуки, – но и они разделились на две группы: сторонников и противников революции. Причём учителя – противники революции внушали окружающим своё мнение по преимуществу косвенно, намёками.

Я и многие другие ученики ломали головы над тем, как добиться закрытия школы, чтобы принять участие в уличных протестах. На переменах мы брали школу в кольцо и чем ни попадя обстреливали окна классов и даже учительской и директорского кабинета. Может, школа и без стёкол продолжала работать, но я этого уже не видел, так как влился в поток протестующих – тех, кто в каждом квартале и на каждой улице скандировали:

¹ Аттар Нишапури – персидский поэт-суфий XII века, автор многочисленных поэм и стихотворений (*прим. перев.*).

«Хомейни или смерть». Сделавшись частью этого народного моря, я почувствовал, что, наконец, стал собой, нашёл себя настоящего.

Смерть и похороны несравненного учителя и богослова нашего города – аятоллы Али Масуми Хамадани – стали новым шагом революционного движения, причём уличные выступления и у нас в городе режим подавлял с помощью стрельбы. А я впервые отведал на себе полицейских дубинок во время стычек около мавзолея Абдуллы.

Дело дошло, как я уже сказал, до стрельбы шахскими войсками по народу из винтовок G-3. Тяжёлый, раздирающий уши звук выстрелов заполнил улицу, и в людей полетели свинцовые пули. Старики и молодёжь, женщины и мужчины – все были целью тех военных, которые заняли господствующую высоту под названием «Дворец Гасема» – здание, из которого они стреляли по людям. Я научился, услышав визг пуль, прятаться за стену или за ствол дерева, а когда стрельба стихала, опять высккивал на середину улицы и кричал лозунг: «Независимость! Свобода! Исламская революция!».

Именно в тот день рядом со мной погиб пожилой мужчина невысокого роста, продавец керосина, которого все звали «папаша Годрат» или «Годрат-керосинщик».

Помню и день, когда среди взрослых на улицах пронёсся слух: «Начался штурм здания САВАК¹». Я знал это здание: оно стояло на том же проспекте, в другом конце которого был наш дом. Не мешкая, я вскочил на велосипед и вскоре, обливаясь потом, был на месте. Народ – в основном молодёжь – лезли, как муравьи, через стену вокруг двора и в само здание САВАК. Быть может, я был самым юным из всех, кто перелез во двор через эту высокую стену. Не побоялся ни пуль, ни дубинок; этот мой день совсем не похож был на прежние проказы и бесчин-

¹ САВАК – Министерство государственной безопасности Ирана времён правления шаха Мохаммада Резы Пехлеви (*прим. ред.*)..

ства. В моей душе разгорался праведный гнев против угнетательского режима, и я чувствовал, что выполняю полезное дело, сходное с учёбой или разведкой.

Люди взламывали стальные шкафы, доставая из них оружие и патроны, а я углядел какие-то большие альбомы. Прямо в том сумасшедшем столпотворении перелистал один из них: там было много фотографий революционных бойцов в тюрьме – с обритыми головами и измождёнными лицами, в одинаковых тюремных робах и с табличками на шеях. Я нашёл и другой альбом: в противоположность первому, он был полон фотографий отутюженных людей в галстуках-бабочках, а на первой странице красовалась большая чёрно-белая фотография, показывающая посещение шахом Хамадана. Я догадался, что эти фотографии после победы революции могут стать ценным свидетельством о работе САВАК. И я сунул альбомы под рубаху и ретировался из здания.

Приехал домой. Уже мой таинственный вид показывал, что я вернулся не с пустыми руками. И мама забеспокоилась: «Что ты прячешь под одеждой?».

– Два альбома с фотокарточками. В одном революционеры, в другом саваковцы.

Мама подошла ко мне и ощупала карманы брюк. А я и забыл, что напихал туда патронов. Она заплакала: «Хочешь, чтобы у нас полицейские обыск устроили?» – и указала на дом соседей. Она была права: по соседству жили двое полицейских, и, хотя они нас не притесняли, всё же это были слуги режима. Чтобы успокоить маму, я тут же поднялся по лестнице на нашу крышу и все патроны выкинул на крышу соседа – полицейского. Успокоив маму таким образом, я тайком вновь перелистал альбомы. Нужно было решить, кому и как их сдать. Центром народного сопротивления был тогда дом аятоллы Мадани. И я вскочил на велосипед, поехал к нему и сдал альбомы.

Революционная молодёжь, собравшись во дворе дома аятаоллы, вела речь о том, чтобы сбросить с пьедестала статую шаха. Но господин Мадани урезонил буйствующих так: «И статуя, и сам шах будут свергнуты, но этого не нужно добиваться ценой жизни наших молодых людей».

Назавтра ранним утром я явился на центральную площадь города, где стояла эта конная скульптура шаха – она была как заноза для революционно настроенных мусульман. Но режим поставил вокруг памятника танки, чтобы не дать людям сбросить с постамента изваяние диктатора. Когда люди переставали реагировать на угрозы полиции и подходили слишком близко, танкисты заводили моторы, и вскоре белесый дым заволакивал всю площадь. Я воспользовался этим дымовым прикрытием, чтобы подобраться вплотную к танкам, но что дальше? Голос аятаоллы Мадани звучал в моих ушах: «И статуя, и сам шах будут свергнуты, но этого не нужно добиваться ценой жизни наших молодых людей».

* * *

Мечети стали опорными базами революции, и после намаза каждый, в меру своих убеждений и возможностей, делал что-то для всенародного движения, направленного на свержение шахского режима. Моя ловкость и находчивость подсказали активистам мечети включить меня в группу по распространению революционных листовок и воззваний имама. Я брал листовки и по ночам расклеивал на видных местах города.

Уходили последние дни шахского режима – и вдруг сообщили, что из Керманшаха через Хамадан перебрасывают на платформах танки для подавления народного восстания в Тегеране. Календарь показывал дату 21 бахмана (10 февраля) 1979 года. Велосипеда у меня в тот день не было, и я пустился бегом из района

Шотор-Галу на развилку дорог Керманшах – Хамадан, её называли «Развилка грузовой площади». Весь в поту, я прибежал и увидел толпы народа с дубьём, противостоящие танкам. Надо сказать, что и танкисты не выказывали рвения выполнить свою задачу. Люди залезали на платформы, на башни танков и вешали венки цветов на шеи тех солдат, которые перешли на сторону народа.

Датой победы революции считается следующий день, 22 бахмана (11 февраля) 1979 года; после этой даты молодые люди вроде меня начали новую жизнь в рамках исламских ценностей и под руководством учреждения, именуемого местной мечетью. Я выбросил свой кастет и сорвал со стен комнаты портреты певцов и певиц шахской эпохи – тех самых, которые давно были предметом маминых огорчений. Моей отрадой стали теперь учёба и мечеть.

В 1979 году я сдал экзамены за первый класс средней школы – правда, с тремя пересдачами и получив лишь удовлетворительные оценки, однако всё же перешёл во второй класс. В следующем учебном году я больше интересовался занятиями по фотографии, чем обычными школьными предметами. Жизнь моя вращалась в треугольнике дом – школа – мечеть; как вдруг однажды после занятий по фотографии я нос к носу столкнулся с главным хулиганом района по прозвищу Реза Чёрный. С ним были трое его приспешников... Революция изменила всю основу, все принципы жизни молодого поколения, и всё-таки тут и там в городе ещё водились личности, подобные Резе Чёрному, сознание которого было сформировано эпохой шахской диктатуры. Он был старше меня, наверное, лет на пять или шесть и теперь стоял, преграждая путь. Насмешливым тоном, содержащим, по-видимому, намёк для тех «учеников силача», которые стояли справа и слева от него, он спросил: «Парни,

насколько я знаю, в этом квартале раньше не было сунков – или были?». Наверное, он рассчитывал и на мой ответ, но ответили только его дружки: «Нет, господин Реза, не было раньше».

В руке он покручивал кожаный ремень с металлической пряжкой. Я понял, что возможности для бегства нет и что физическое сопротивление неминуемо. И, не медля, я ударил кулаком ему в лицо. Он словно ослеп, наклонил голову и молниеносно получил второй и третий удары. Его помощники бросились ко мне, но я, как стрела из лука, уже летел прочь. Брань и проклятья Резы Чёрного оглашали округу, и все четверо гнались за мной, не отставая. Люди не понимали, в чём дело, но присоединялись к погоне, рассуждая так, что убегающий, вероятно, виноват. Мы добежали до мечети. Я чувствовал себя хорошо. Быть может, я надеялся, что ребята из мечети придут на помощь. Тут меня и догнал Реза и, как это делали герои из фильмов шахских времён, обеими руками отодвинул своих помощников: мол, я разберусь один на один. Народ наблюдал, а мы сцепились в вихре схватки. Я столько бил и столько получал ударов, что не заметил, когда повредил руку, но вскоре боль в ней стала невыносимой. От какого-то моего удара кулаком я получил небольшой перелом кисти. И совсем уже выдохся, но – благодарение Богу! – народ нас разнял.

Назавтра по районам Кямаль-абад и Шотор-Галу громом разнеслась весть: появился кто-то, сумевший кулаками и ногами до черноты избить главного хулигана района. Многие были счастливы. Особенно те, кто на себе испытал унижения и издевательства Резы Чёрного. А я отказался от врачей и лекарств и просто перевязал руку платком и какое-то время терпел эту боль.

Аббас Хейдари – один из молодых людей, связанных с мечетью, – научил меня так: приди в мечеть немедленно после азана к намазу. Если прочтёшь намаз как можно

раньше, то этим обведёшь черту вокруг драки или распри; именно так оно и случилось.

Однажды вечером мы ужинали в доме нашего родственника, господина Хезрийана, когда по радио услышали очень нехорошую новость. Сообщили об обезглавливании Стражей Исламской революции в городе Паве, совершённом контрреволюционными коммунистическими отрядами. Имам Хомейни призывал народ обратиться в этот город для помощи окружённому отряду исламских бойцов.

Приходили тревожные новости и из других пограничных районов, особенно из мест, населённых курдами. Мне очень хотелось попасть в число добровольцев, но по возрасту я не мог быть отправлен в Курдистан, тем более, что из провинции Хамадан туда в основном посылали тех, кто уже числился членом КСИР – Корпуса стражей Исламской революции.

Пришлось продолжать учёбу, да и напряжение в Курдистане и других районах уменьшилось. Наступил 1980 год, в который я продолжал увлекаться спортом. Возле школы и мечети обычными занятиями стали футбол, велосипед, бокс и кун-фу. Однажды мы с ребятами играли в футбол на земляном поле возле зернового склада, как вдруг весь город был потрясён грохотом взрывов. Игру мы бросили и побежали, кто куда. Вскоре вновь ударил по ушам грохот самолётов, преодолевающих звуковой барьер, – этот звук заставил всех растерянно смотреть в небо. Мне этот рёв самолётных двигателей напомнил об авиационных манёврах накануне революции, и я ещё не знал, что против Ирана началась полномасштабная война с применением сухопутных, воздушных и морских сил. Время было два часа пополудни, дата – 22 сентября 1980 года.

Глава вторая

СТАНЦИЯ НА ДОРОГЕ КРОВИ

С границ приходили тревожные вести. Приграничные города северо-запада, запада и юго-запада стали ареной противостояния безоружного народа и нашей небольшой армии, с одной стороны, и хорошо оснащённых войск баасистского Ирака – с другой.

Наиболее ожесточённые бои на юге шли за города Хоррамшахр и Абадан – это было понятно из повторяющихся новостей по радио. Те самые города, куда мы ездили всей семьёй в моём детстве и воспоминания о которых были столь сладостны. Приграничные города один за другим захватывались противником, и, когда пал Хоррамшахр, наши родственники из этого города бежали в Тегеран.

Не только они – многие, жившие рядом с границей, бросили обжитые дома и подались в более безопасные места. Когда члены семьи господина Назери – наши родственники из Хоррамшахра – рассказывали о зверствах иракцев на захваченных территориях, мне пришла в голову мысль пойти на фронт. Возраст мой был ещё мал, и всё же я пришёл в отделение ополчения – Басиджа. Когда ответственный за призыв увидел мой паспорт, он смерил меня взглядом и, улыбнувшись, сказал: «Сынок, война ещё не скоро кончится. Пока иди учишься и приходи снова не раньше, чем через два года».

В мыслях своих я был на войне. Оставаясь в одиночестве, рассматривал злосчастный паспорт и негодовал насчёт возраста. Прикидывал, как можно что-то исправить, и ничего не мог придумать. Ходил в школу и узнавал, что и вдалеке от фронта открылся другой фронт, во многих городах Ирана. Подвижный и переменчивый, он образовывался борьбой коалиций из десятков партий и противоборствующих групп, связанных то с Западом, то с Востоком: от коммунистов до самых разных других оппозиционеров. Эти партии росли как грибы и заявляли о себе листовками, плакатами и газетами, которые попадались в школе и распространялись в городе.

Каждый вечер я приходил на улицу Бу Али, где напротив обувного магазина «Мелли» было место политических сходов и споров. Толпы эти перекрывали движение по тротуару, а иногда и всю улицу. По предложению ребят из районной мечети я в этом месте раскладывал книги для продажи, в основном произведения Мотаххари и Шариати¹. А вокруг на тротуарах было множество других книг в привлекательных цветных обложках – их продавали парни и девушки школьного и студенческого возраста².

Какое-то время все соседствовали мирно, но постепенно разгорались споры. Опыта полемики я не имел, то есть не был тем, кого в терминах того времени называли «идеологическим бойцом». Но в сердце моём горела вера и хорошо освещала черноту их путей. От споров и оскорблений постепенно переходили к хватанию за

¹ Мортаза Мотаххари и Али Шариати – крупные иранские мыслители, общественные и политические деятели, сподвижники имама Хомейни (*прим. ред.*).

² Большинство этих книг издавалось организациями марксистского толка, такими как «Организация федаинов иранского народа», «Организация борьбы за освобождение рабочего класса», Иранская партия «Туде», а также марионеточная организация под названием «Моджахеддин-э хальк».

воротник и мордобою. Тут уж и я мог постоять за себя. Когда мои книги раскидывали и топтали ногами, я вступал в драку. Иногда я нападал, реже – оборонялся; порой драка превращалась в массовое побоище, тем более, что полиция почти не вмешивалась. И вот поздним вечером я возвращался домой, и мама видела моё лицо в синяках и кровоподтёках и, вне себя от горя, принималась причитать: «Есть люди намного старше, а всё равно безбожники эти бьют их и сокрушают. А ты что, самым главным себя считаешь – ввязываться в драки? Вчера с районными навоеваться не мог, а сегодня якобы ведёшь торговлю, а сам дерёшься с контрреволюционерами? А учиться когда будешь?!». Отругав меня, мама начинала плакать, а мне делалось совсем тяжело. Но ведь на границах шла война, а внутри страны орудовали заговорщики – к учёбе совсем не лежало сердце.

Я опять занялся паспортом и решил намочить его таким образом, чтобы дата рождения стала неразличимой. Капнул водой, но чернила так сильно расплылись, что покрыли всю страницу. Это была очень грубая работа, и всё же я решил попытаться счастья. Пришёл к ответственному за воинскую подготовку ополченцев по имени Хасан Морадиян¹. При виде моего паспорта он развеселился так же, как и уполномоченный во время предыдущего визита. Хорошо помню, как его улыбка показала отсутствие одного из передних зубов. Когда он засмеялся, мне и самому стало смешно. Подняв брови, он прокомментировал: «Дорогой мой, знай, что мы в этом хорошо разбираемся. Подделок мы видели много, и вот эта – из числа самых неумелых. В противном случае иракским мастерам фальшивок и делать было бы нечего».

¹ Генерал Хасан Морадиян зарекомендовал себя в качестве выдающегося преподавателя военного дела. Он погиб 2 сентября 1981 г. в бою под Саре-Поле-Захаб.

Эти слова ввергли меня в полную растерянность. Но, вероятно, он почувствовал моё горячее желание попасть на фронт и дал мне возможность проявить себя. «Проблем нет, – сказал он. – Я запишу тебя в список допущенных к военной подготовке, но о самой отправке на фронт речи пока не будет».

Я и обрадовался, и огорчился; но всё же это был шаг вперёд из той полной безнадежности, которая была ещё вчера. И началась моя учёба в лагере «Кодс» – это была тренировочная база в Хамаданском предгорье. Нас было пятьдесят человек, и я – самый младший. Но с первого же дня я решил, что ни в чём не отстану и, чтобы заслужить доверие господина Морадияна, добьюсь успехов в каждом виде занятий. Программа тренировок включала ночные бои, стрельбы и изучение оружия, индивидуальные боевые задания и поединки один на один.

По вечерам, когда занятия заканчивались, я падал на койку как мёртвый. Но ещё четверть ночи мы отдавали то несению караула, то ожиданию очередного ночного боя. Тут-то я и заметил, что по ночам некоторые ребята читают намаз до самого утреннего азана. И я понял, что для боя нужна и другая подготовка, выходящая за рамки физической или военной.

Однажды днём командиры построили личный состав на плаце перед казармой. Хасан Морадиян выступил вперёд и хладнокровно и искусно начал стрелять одиночными выстрелами справа и слева от ребят. Об остальных я сейчас не говорю, но я сам – для того, чтобы подтвердить мою готовность к отправке на фронт, – не сделал с места ни шага. Стоял как вкопанный. Морадиян выстрелил очередью рядом с моими ногами, и я улыбнулся – как и он сам. Возможно, мы оба вспомнили в этот момент, как смеялись вместе в день нашего знакомства, когда он увидел мой паспорт. И он закричал ребятам, которые рассыпались и спрятались кто за углом здания, кто за

деревьями: «Парни, давайте помолимся о здравии этого молодого смельчака!». И все в один голос вознесли молитвы.

Мы проходили 10-дневную программу обучения, когда явился штабной курьер и объявил господину Морاديану: «На фронт в Мариване требуется подкрепление». Возможно, это была лучшая новость из всех, которые я слышал. Я был вне себя от радости. После проявленного мною мужества и после получения таких новостей господин Морадиян уж точно должен был послать меня на фронт. Случай действительно помог, так как господин Морадиян произнёс: «Вы все отправляетесь на фронт под Мариваном». Потом он подошёл ко мне и сказал:

– Джамшид, вы также входите в отправляемый отряд, но при одном условии.

– При каком? – спросил я.

– Письменное согласие родителей.

– Мой отец шофёр. Его сейчас нет дома.

– Тогда пусть мать подпишет письмо.

– Слушаюсь, – ответил я.

Когда я вошёл в дом, мама читала Коран. Без предисловий, торопливо я попросил:

– Мама, дорогая, мне нужно письмо от тебя. Письменное согласие на фронтовую командировку.

Мама вопросительно подняла брови, однако вскоре согласилась: наверное, по причине своих религиозных и революционных убеждений. Может быть, она даже решила, что командировка на фронт лучше уличных драк. Она дала мне маленький Коран и сказала: «Во всех сложных случаях проси помощи у Корана. Береги себя. Слушай старших и избегай проказ и компанейства. Обязательно пиши нам». И она принесла бумагу и ручку, а я написал письмо согласия, которое она подписала. И я покрыл её лицо поцелуями. Попрощался с братьями и сёстрами и отправился на сборный пункт.

Среди тех, кого отправляли на фронт, я увидел Саида Салавати – моего двоюродного брата, и ещё одного знакомого парня из нашего квартала. Очень обрадовался, но вспомнил мамин наказ избегать компанейства. Перед посадкой в автобусы нас построили напротив оружейного склада, и я получил комплект новой камуфляжной формы, автомат Калашникова, две гранаты и пару новеньких, не знавших гуталина ботинок. Они были мне велики и неудобны, но я даже не пикнул. Ростом-то я был чуть выше длины автомата.

Мы сели в автобусы. Когда приехали в Керманшах, увидели дорожную машину «BMW», и вышедший из неё мужчина с бранью выдернул своего сына из наших рядов и вернул его в Хамадан. Так отряд уменьшился на единственного знакомого мне парня из нашего квартала.

Затем всех нас погрузили в разгороженные на отсеки грузовики. Отсеки были очень тесными и издавали отвратительный запах: они были предназначены для перевозки кур. Почему использовался именно такой транспорт, мы не знали, но нас, 25 человек, набили в этот душный, жаркий и вонючий грузовик, так что ребята сильно вспотели, и запах пота, смешанный с запахом куриного помёта, довёл некоторых до рвоты. Но нужно было терпеть.

Мы не отрывали глаз от прорезей в крыше, сквозь которые видели быстрое движение облаков и откуда проникало хоть немного воздуха. Я начал догадываться, что эти мучительные условия вызваны небезопасностью дороги, по которой мы ехали. Нужно было обмануть контрреволюционные группы, которые занимали позиции справа и слева от шоссе, в складках горной местности. Машины для перевозки кур были хорошей маскировкой.

Через два часа мы прибыли в Санандадж. Все мы насквозь пропахли куриным помётом и на свежий воздух вышли, словно в райский сад. Город Санандадж не был

в точном смысле фронтом, но имел фронтовой вид. Здесь тоже была опасность террористических нападений со стороны левых, марксистских групп, поддерживаемых из-за границы. Затем мы два дня ждали, пока откроется шоссе Санандадж – Мариван, и смогли как следует отдохнуть. Эту грунтовую дорогу перекрыли боевики марксистских партий, «Комала» и «Демократическая партия»¹. Мы ждали, пока дорогу зачистят от боевиков, – для этого потребовались боевые вертолёты.

На третий день командование лагеря в Санандадже объявило срочную погрузку на автобусы. Это означало, что шоссе на Мариван свободно. Без промедления, очень чётко мы заняли места и по дороге увидели следы боёв на шоссе. Слышали вдали и стрельбу очередями: ясно было, что контрреволюционные силы, оттеснённые от шоссе, отступили в горы.

Когда прибыли в Мариван, я почувствовал себя так, как и должен был чувствовать готовый к бою солдат, достигший цели. Для меня это стало началом очень долгого пути. Я сознавал, что полностью готов к тому, чтобы отдать жизнь за родину.

Наступила весна 1981 года, но продолжались морозы, и обилие снега не давало земле вздохнуть. В военный лагерь Маривана прибыли две грузовые машины с боеприпасами, и нас – пятьдесят человек – поставили на их разгрузку. За этой работой я почувствовал, что делаю благое дело. Так говорил Хасан Морадиан во время обучения: фронт – это место для стяжания благодати. И с чувством чистоты и простоты – сегодня мне так не хватает прозрачных ощущений тех дней! – я начал сгружать

¹ Эти две партии с первых же дней после свержения шаха активно действовали не только политическими, но и военными методами в провинциях Курдистан и Западный Азербайджан. Захватив военные базы и разграбив их, они создали благоприятные условия для вторжения баасистских войск.

с машины ящики с боеприпасами. Они были тяжёлые: каждый весил более 25 килограммов, и я из любопытства открыл один из них. Это были 120-миллиметровые миномётные снаряды. Разгружали мы их целый час, потом ждали следующего приказа и услышали такой: «Бойцы из Хамадана, доставленные в куриных грузовиках, – строиться в лагере!».

Услышав о «куриных грузовиках», я словно снова почувствовал тот отвратительный удушливый запах. С тех пор нас так и называли «отрядом куриных грузовиков». Кстати, того человека, который налепил на нас этот ярлык, звали Нахиди, – а во мне опять разыгралось озорство. Я усмехнулся и сказал моему соседу: «А Нахид – это женское имя».

Нахиди был парнем, красивым на лицо, худощавым, он произносил слова с интеллигентным тегеранским выговором: «Ребята, всех вас отправляют на фронт под Дезели¹, но каждому дадут задание в соответствии с его способностями и опытом».

И он окинул нас взглядом, а я удивился тому, что он словно бы собирается с помощью беглого осмотра произвести классификацию очень непохожих друг на друга людей, которые составляли наш отряд. Тут присутствовали самые разные возрасты и типажи. От парней домашнего, нежного воспитания, которые увидели войну по телевизору и захотели попасть на неё, от старшекласников, которые везли с собой в «куриной машине» учебники и тетради, до, например, мужчины средних лет с густыми усами и телом, покрытым татуировкой от самой шеи. Он напоминал связанных с бандитами хулиганов из нашего квартала, однако держался очень спокойно и почти не разговаривал.

¹ Дезели – название большого села неподалёку от Маривана, вблизи которого на возвышенностях пролегла линия фронта.

Была группа молодых людей, похожих на университетских студентов, – они держались особняком от нас, тех, кто был их моложе. К этому же типу людей, ставших студентами ещё до революции, относился и мой двоюродный брат, Саид. Было несколько человек крестьянского вида: их речь скорее напоминала тюркский язык, чем фарси, а кожа на руках была грубой и потрескавшейся. Была в нашем отряде и удивительная подгруппа людей пожилых; ясно было, что Нахиди определит их в тыловые службы. Когда мы ехали из Санандаджа, эти люди очень беспокоились об отсутствии курева, а один старик прямо в автобусе насыпал в бумагу чайной заварки, сделал самкрутку и закурил, таким образом разрешив проблему. Но всех удивительнее и неописуемее был один мужчина в белом отутюженном костюме¹. В лагере Маривана он со своим вещевым мешком, как правило, стоял в стороне. Казалось, он приехал на пикник. Вся его внешность кричала о том, что он – человек отнюдь не военный; однако позже выяснилось, что впечатление это ошибочно.

Вскоре Нахиди закончил осмотр отряда и краткие беседы с некоторыми из нас и разделил всех на несколько групп. Основная часть отряда должна была занять линию обороны на возвышенностях близ Дезели и войти в боевое соприкосновение с иракской армией. Старики направлялись в тыловые службы в этом же лагере в Мариване и во втором эшелоне фронта. Несколько человек были назначены шоферами. Дойдя до меня, Нахиди спросил:

– Ты в каком классе, парень?

– В третьем средней школы.

¹ Позже я узнал, что он – образованный человек, который специально приехал из Америки, чтобы попасть на фронт. Вскоре он погиб там же, под Мариваном – такова была плата за это странное путешествие.

– Наверняка хорошо знаешь математику? – Я кивнул, хотя мои успехи в математике были хуже некуда. – Я тебя беру с собой, – продолжал он, – для дальнейшего обучения в миномётном деле и для работы корректировщиком огня¹.

Когда наш отряд разделили, у меня защемило сердце. Саида, сына тётки, и ещё нескольких парней, с которыми я успел сдружиться, отправляли в другое место, а я остался с господином Нахиди, который сказал мне садиться в его военный джип «Тойота». Мы поехали к линии фронта. Шоссе уходило от Маривана в сторону иракской границы и шло по ущельям и горным перевалам. Иной раз приходилось задирать голову, чтобы увидеть вершину крутой горы; там, наверху, было ещё очень много снега. Вокруг воронок от артиллерийских снарядов и мин снег был зачернён. Когда взрывался очередной снаряд, со склонов гор на шоссе с грохотом катились камни, отчего на душе делалось ещё тоскливее. Нахиди аккуратно вёл машину и не разговаривал, а у меня на языке вертелась сотня вопросов. Наконец я спросил:

– Брат Нахиди, та местность, по которой мы едем, как она называется?

– Станция на Дороге крови, – ответил он с улыбкой.

Его улыбка и это непонятное название навели меня на мысль, что он надо мной смеётся, мстит за что-то. Чтобы показать ему, что я тоже не прост, я сказал:

– У нас в Хамадане есть станция переливания крови. Люди добровольно сдают кровь для медицинских целей. Может, эта станция на Дороге крови – филиал нашего донорского пункта?

– Может быть, – ответил он вполне серьёзно.

¹ Али-Резу Нахиди следует признать создателем подразделений материального обеспечения в Тегеранских военных частях. Он занимал должность командира полка Зу-ль-факар – полка материального обеспечения – в 27-й бригаде Пророка Мохаммада.

Моё подозрение, что он со мной шутит, только усилилось, и я напряжённо думал, что мне сказать дальше, чтобы не попасть впросак. И опять со значением я спросил:

– А что же, ответственные люди другого места не нашли? Почему для переливания крови выбрали именно эту дорогу?

Нахиди опять улыбнулся и ответил громче и серьёзнее, чем прежде:

– Всё правильно, брат мой. Здесь именно – станция сдачи крови, но не такая, как донорские пункты, о которых ты говоришь. Этот путь – шоссе, маршрут – называется Дорога крови, а такие названия зря не даются. Позже поймёшь, что этот путь через горы проложили не бульдозеры и экскаваторы, а те люди, которые здесь пролили свою кровь. За каждый поворот дороги и склон холма мы отдали несколько жизней – эта кровавая дорога ведёт к кровавому фронту, и ребята не зря назвали это место «Станцией на Дороге крови».

Мне стало стыдно, что я принял его слова за иронию. А от того, что он серьёзно всё объяснил, я почувствовал душевное тепло. Это было тепло, полное горечи, и к нему примешивался стыд. И ещё я почувствовал уважение к спокойному мужеству господина Нахиди.

По мере того, как мы приближались к передовой, снега становилось меньше, и радовали красные весенние тюльпаны, покрывающие луга, – не оторвать взгляд. Увидел я и высокую передающую антенну – иракцы много боеприпасов потратили, чтобы её свалить, но им это не удалось: стальная мачта гордо высилась на фоне неба.

Тут же мы встретили другую «Тойоту», вернувшуюся с передовой; в ней водитель привёз тело бойца без головы. Глядя на его фигуру, я подумал, что он, возможно, мой ровесник. Водитель, привёзший его, был его другом и, плача, говорил покойнику: «Дорогой Али, да будет смерть твоя благословенна!».

Не знаю почему, но я вдруг увидел себя на месте этого парня. Может быть, дело было в сходстве нашего внешнего облика, в одинаковом возрасте, в том, что он, как и я, был басиджем. Только его звали Али, а меня Джамшид.

«Тойота» поехала дальше в тыл, а я всё смотрел вслед убитому. Потом нашёл укромное место и написал первое в жизни завещание. Мой почерк не отличался изяществом, да и вообще я не знал, что нужно писать в таких бумагах. Но вид погибшего внушил мне, что завещание необходимо. У меня была с собой книга, в которой цитировалось одно завещание мученика, и я написал по этому образцу, ничего не убавляя.

Вечером мы все прочитали намаз перед отходом ко сну. Около передающей антенны имелся большой коллективный окоп, который служил фронтовой мечетью. После намаза молодой священник говорил нам о заслугах и добродетелях имама Али и о том, что значит сегодня быть шиитом. А я задумался. Убитого юношу звали Али; священник говорил о выдающихся качествах имама Али; всё это не могло не быть связано со мною самим, с моими обязанностями и моим предназначением. Имя Джамшид мне не нравилось с детства, и вот после намаза я сел в сторонке и сочинил ещё одно письмо¹, на сей раз семье, в нём я сказал так:

Шлю привет любимым отцу и матери – моим дорогим родителям.

У меня всё хорошо, опасности нет, но я испытываю сильную тревогу. С этой минуты имя моё не Джамшид,

¹ Это письмо я перечитал несколько раз перед тем, как отправить. Мама до сих пор его хранит. Это крик души, в котором отразились моя наивность и чистота, правдивость и даже мудрость; в нём нет ни злобы, ни притворства. Я со светлым чувством вспоминаю те дни.

отныне меня зовут Али, Али Хошлафз. Прошу оповестить об этом всех родственников и знакомых. Если кто-то назовёт меня Джамшидом, он меня очень рассердит.

Я надеюсь на победу воинов ислама над мировым неверием на всех фронтах.

Али Хошлафз

* * *

Чуть ниже нашей высоты имелась небольшая горная вершина, на которой разместился миномёт и его расчёт. К ним меня и отправили. Миномёт был корейского производства, и, быть может, часть тех самых мин, которые мы выгружали, предназначалась для него. Работа миномётчиков была непростой. Математический талант, который искал Нахиди, требовался именно здесь. Я хорошо знал, что этого таланта у меня нет, поэтому деятельно занялся другой работой: вскрывать ящики с минами, стирать смазку, присоединять зарядные патроны¹. Постепенно, несмотря на мой невысокий рост, меня допустили и к тому, чтобы опускать тяжёлые мины в ствол миномёта; при этом в момент выстрела я старался не затыкать уши, считая это особого рода упражнением, нацеленным на то, чтобы перестать бояться грохота взрывов.

¹ Миномётные мины подразделяются на калибры 60, 81, 120 мм; варьируется и вес снаряда, от 2 до 25 кг. Иракцы в разгар войны использовали также 160-миллиметровые миномёты. Каждая мина состоит из следующих частей: взрывная трубка (взрыватель), корпус, оперение, или стабилизаторы, детонатор (капсюль) и зарядный патрон. Мина, выбрасываемая из трубы миномёта, летит по кривой и поражает цели на расстоянии от 2 до 7 километров. Взрывные трубки подразделяются на два типа: дистанционные и трубки ударного действия. Второй тип взрывателя срабатывает после удара мины о землю, а дистанционная трубка срабатывает во время полёта мины. Осветительные мины являются подтипом мины с дистанционным взрывателем (*прим. иран. ред.*).

Однажды, сразу после выстрела, сильное пламя, вырвавшееся из ствола, опалило мне лицо и подожгло волосы, которые вспыхнули, как вспыхивает хлопок на огне. С громким криком я побежал куда-то в поисках воды, но миномётный расчёт знал, что ничего, кроме земли, под рукой нет, и мне засыпали голову и лицо землёй. Вечером того же дня на миномётную площадку заглянул Нахиди. Увидев мои опалённые брови и волосы, он сказал многозначительно: «Вижу, ты делаешь успехи. Но сейчас пришло время учиться на корректировщика. Завтра приходи на НП – наблюдательный пункт – на вершине».

Назавтра с рассветом я был на НП. Чувствовал я себя отлично. Отсюда были видны все иракские позиции, включая одиночные окопы, и все их перемещения на транспорте и пешком; и я мог управлять огнём того же миномёта для поражения всего этого. Наш НП смотрел в сторону города Тавила в иракской провинции Сулеймания.

Прибыв на НП, я ожидал, что обучение будет проводить Нахиди. Но, хотя он и был большим специалистом в артиллерии и вообще в технике, он сказал: «Обучение проводит кадровый армейский офицер. Из тех офицеров, у которых нет взаимопонимания с Банисадром¹ и которые якобы ушли в отпуск, а на деле присоединились к нам. Скорее всего, он не хочет, чтобы людям Банисадра стало известно о его службе в Корпусе стражей Исламской революции».

Эти слова Нахиди ввергли меня в полное недоумения, и я спросил:

¹ Сейед Абульхасан Банисадр родился в 1933 г., участвовал в антишахской борьбе и бежал во Францию, откуда во время революции вернулся в Иран вместе с аятоллой Хомейни. Был первым президентом и Верховным главнокомандующим Исламской Республики в 1980–1981 гг. Впоследствии эмигрировал на Запад (прим. перев.).

– Но разве он и подобные ему воюют не за отечество? Зачем же это скрывать?

– Всё так, но господин Верховный главнокомандующий не считает нужным усилить Корпус стражей в этой войне. Он доверяет только армии, причём той её части, которая воюет по классической иранской тактике. Поэтому помощь этого брата – кадрового военного – и других подобных ему офицеров должна оставаться в секрете.

Мне пришлось призадуматься: до чего же запутанная вещь война! Эта запутанность ещё усилилась, когда Нахиди продолжил разъяснять:

– Наша война – война покорных и смиренных. У нас многого не хватает и много трудностей, а кроме того, мы воюем не только с иракцами. Ты будешь корректировщиком и должен хорошо понимать, что вон там, напротив, где город Тавила, находятся иракцы, но справа и слева от нас, а также в тылу, – боевики «Демократической партии», «Комалы», а ещё партии «Ризгари»¹ – они все помогают Саддаму. Они иранцы, но служат иракской партии «Баас». Мы со всех сторон, как обручем, окружены врагами, и ты должен знать, что иногда из миномётов придётся стрелять в сторону тыла.

От этих слов Нахиди по спине моей прошла невольная дрожь. Работа корректировщика обещала быть непростой. Требовалось предельно сосредоточиться и целиком превратиться в зрение, чтобы суметь заметить и тех наёмников в тылу, и иракцев впереди.

¹ «Комала» («Объединённая партия Иранского Курдистана») – курдская левая политическая партия, основанная в 1967 г. в Тегеране группой курдских студентов во главе с Мустафой Солтани. «Демократическая партия Иранского Курдистана» – курдская политическая партия, основана Кази Мохаммадом в 1945 г. накануне провозглашения «Мехабадской республики». «Ризгари» – одна из курдских оппозиционных партий (*прим. перев.*).

Вскоре послышался звук мотора «Тойоты» – он постепенно нарастал по мере того, как машина приближалась. Иракцы встретили её несколькими миномётными выстрелами. За рулём сидел человек в форме басиджа, а рядом с ним – кадровый офицер в чине, кажется, подполковника; ещё удивило меня то, что в кузове «Тойоты» лежали половины бараньих туш, рассечённых вдоль, – они предназначались для распределения среди ребят на передовой.

Кадровый подполковник был мужчиной в годах, с приятной внешностью и характерным выговором: уже после обмена приветствиями я признал в нём исфаханца. С Нахиди он был знаком, но, увидев меня – юношу школьного возраста, которого ему предстояло обучать, – удивился. «Я должен быть к их услугам?» – «Ещё трое вот-вот придут, – ответил Нахиди. – Их основная работа – в миномётном расчёте; им очень нужен ваш ценный инструктаж».

Офицер первым делом совершил омовение у водяной цистерны и успел прочесть несколько аятов Корана, когда пришли те трое. И я, как заправский ученик, уже был наготове с тетрадью и авторучкой. Впервые в жизни я чувствовал настоящий аппетит к занятиям. А офицер вместо инструкция для корректировщиков начал урок такими словами: «Братья, Иран – это наша страна, наша родина. Мы выполним наш долг, а остальное – в руках небесного покровителя».

На меня его благочестие произвело огромное впечатление. Днём мы учились, а по вечерам корректировали огонь, причём иракцы разведали координаты нашего НП, и нам доставалось от их орудий. После четырнадцатидневного курса, проведённого с нами этим набожным добрым офицером, я остался на НП в качестве радиста, а трое других присоединились к расчёту корейского миномёта.

В тот день я начал работу по наведению огня на иракские позиции. Поначалу промахивался мимо цели,

но набирался опыта, и постепенно мины по моей наводке ложились точнее.

Мне то и дело приходило в голову: хорошо бы воевать только с теми, кто по ту сторону фронта! Но, увы, это было невозможно... Однажды вечером командир части потребовал бросить осветительную мину назад, на высоты прямо в нашем тылу. Там окопались боевики «Демократической партии». А на следующий день на НП торопливо пришёл безоружный человек с иракской стороны фронта. Это был иракский солдат, уроженец Наджафа, добровольно сдавшийся и сообщивший нашему командиру части много ценных сведений о противнике.

Через несколько дней из тыла приехал джип и остановился прямо за окопом НП. Из машины вышло несколько человек, и командир части побежал им навстречу и приветствовал с крайней вежливостью. Наверняка, большое начальство, сказал я сам себе.

Четверо из них были в форме КСИР (и знакомым из них был только Нахиди), а пятый был армейский полковник: на сей раз я его ранг разобрал точно. Они все вошли на НП и в бинокли рассматривали местность. Я ловил каждое их слово и понял, что ожидаются новости, быть может, серьёзное наступление на этом участке. Друг к другу они обращались очень вежливо: «брат Ахмад», «брат Сайяд»...

Имя Ахмада я слышал и раньше. Среди бойцов шли разговоры о начальнике КСИР Маривана, человеке мужественном и негнибаемом, по имени хадж Ахмад Мотеваселиан. Однако никто из этих четверых, с точки зрения телесной мощи, не соответствовал воображаемому мною хаджу Ахмаду.

Настало время полуденного намаза. Они вышли из окопа НП и направились к той большой выемке, которая у нас служила мечетью и местом для собраний. Я также совершил омовение и присоединился к немногим молящимся. Ещё до намаза тот худенький молодой человек,

которого называли Ахмадом, присел рядом со мной и дружелюбно сказал:

– Приветствую тебя, герой. Откуда ты?

– Из Хамадана.

– Слава Аллаху. Сколько ты уже здесь?

– Примерно два месяца. – Я не дал ему задать следующий вопрос и выпалил: – Я служу корректировщиком, знаю 120-миллиметровые миномёты и делаю любую работу, нужную на фронте. У меня есть только один вопрос.

– Спрашивай, дорогой мой.

– Здесь начнётся наступление?

В этот миг раздался голос муэдзина, и собеседник притронулся к моей голове, потом повернулся в сторону Киблы. Между двумя намазами он встал и, обращаясь к нам, сидящим, – а нас было человек семь-восемь, – начал говорить. Во-первых, он поприветствовал армейского полковника, которого звали Сайяд Ширази, затем заговорил о победе ислама над неверием.

...Да, это был он. Хадж Ахмад Мотеваселиан, которого моё воображение нарисовало человеком мощным и грозным, в какой-то особенной униформе. Но Ахмад Мотеваселиан так говорил о растерянности контрреволюционных сил, что всякий страх был вымыт из моей души, как пыль смывается ливнем.

Через час, когда он уехал в тыл, я спросил у Нахиди, кто они, и он назвал мне каждого из них:

– Полковник Сайяд Ширази, брат хадж Ахмад Мотеваселиан, брат Хосейн Гаджеи, брат Реза Чераги¹.

¹ Это были командиры – сослуживцы хадж Ахмада Мотеваселиана, которые помогли ему в 1981 году в лагере Докухе сформировать бригаду Пророка Мохаммада. Хосейн Гаджеи командовал батальоном имама Хусейна на первой стадии операции по освобождению Хоррамшахра и тогда же был убит. Реза Чераги в то время тоже командовал одним из батальонов, а впоследствии дорос до командира дивизии и был убит в районе Факе.

Теперь у меня не осталось сомнений в том, что в ближайшее время у нас начнётся крупное наступление. Не прошло и нескольких дней, как я увидел, что ребятам в передовых окопах раздают сладости. А один парень услышал по радио, что Банисадра сняли с должности Верховного главнокомандующего и что Исламский меджлис одобрил резолюцию о его несоответствии должности президента страны.

О Банисадре я не знал ничего, кроме того немногого, что с горечью говорил о нём благочестивый революционный офицер, который вёл с нами занятия. Чуть отступая от уроков, он говорил об ошибочности взглядов Банисадра на ведение войны. И вот теперь я с радостью схватился за рацию, вызвал миномётчиков и с восторгом сказал командиру расчёта: «У нас сегодня особо торжественный приём гостей. По возможностям, которые у тебя есть, отсыпь им побольше сладких орешков».

До этого дня наша норма расхода снарядов была не более трёх-четырёх штук в день, но миномётчики, похоже, восприняли новость об отстранении Банисадра как приказ об интенсификации боевых действий. И в этот день мы выпустили по иракским позициям примерно полсотни мин.

Вот уже два месяца с лишним я пробыл на передовой и больше всего тосковал по моему родственнику и по лимонаду. Моего двоюродного брата Саида отправили на высоту Шонам, и нам было никак не повидаться. Мечта же о лимонаде в наших условиях постоянных обстрелов стала для меня настоящим умопомешательством. Однако был человек, общение с которым мгновенно выбивало из моей головы все потайные мысли о ребяческих удовольствиях и проделках; это был Нахиди. Говоря с ним, я забывал и о матери с отцом, и о братьях, и о двоюродном брате, да и о лимонаде тоже. Моральные качества и целеустремлённость Нахиди завораживали меня, и уди-

вительно было, как точно он понимал все движения моей души.

– Сколько ты уже не был в отпуске, в тылу? – спросил он однажды.

– Я вообще не был там. Дальше в тыл, чем следующая миномётная позиция, я не углублялся.

– А где ты умываешься?

– У ручья, возле того холма.

– Там ещё холодно. Тебе нужно съездить в город и принять хороший горячий душ; и быстренько вернуться.

В тот же день меня заменил корректировщик из соседнего подразделения, и я после двух месяцев на передовой приехал в Мариван. Город выглядел вполне мирным, и я порадовался виду людей, идущих по улицам, и торговым лавкам, жалюзи большинства которых были открыты. Взгляд мой невольно искал на витринах жёлтые бутылочки лимонада, но я решил не дать себе расслабиться и пошёл в расположение КСИР Маривана, где в душевой как следует помылся в одной из кабинок. Тогда же я снова увидел хадж Ахмада, который, оказывается, хорошо меня запомнил. Ночь я провёл в казарме, а на следующее утро пошёл бродить по улицам Маривана и как раз обнаружил лимонад в бутылках. Денег у меня было немного; я купил три бутылочки и три бисквита и, сев на улице на бортик арыка, с большим аппетитом позавтракал. Продавец-курд, заметив мой волчий аппетит, спросил:

– Ты из парней брата Ахмада?

Рот мой был набит, потому я ответил кивком. Он засмеялся и продолжил:

– Здесь всё принадлежит брату Ахмаду. И ты – в гостях у него. Так что угощайся бесплатно.

Я был счастлив не столько оттого, что с меня не взяли денег, сколько оттого, что хадж Ахмад стал дорог сердцам этих людей.

Вернувшись на передовую, я встретил Нахиди и услышал от него:

– Ты как раз вовремя. Наступление перенесли на более раннюю дату.

И он ввёл меня в курс ситуации, подведя к карте. Основное остриё нашего наступления нацеливалось на высоту под названием Гуче-Солтан, а сама полоса наступления на левом фланге тянулась от нас до фронта Паве, где был другой командир, хадж Ибрахим Хеммат.

Вечером накануне начала наступления пятитонный грузовик привёз боеприпасы для нашего участка. Значительной частью их были 120-миллиметровые мины, причём местность не позволяла подвезти их прямо к миномётным позициям. Но ждать было нельзя, и мы – несколько человек – начали таскать на плечах эти ящики с минами на расстояние около пятисот метров к подошве холма, то есть к миномётам. Вес каждого ящика был более 25 килограммов, и крутой маршрут приходилось преодолевать в несколько рывков. Мы перенесли туда около четырёхсот ящиков и обливались потом, который насквозь пропитал нашу форму. Но мысль о том, что все эти мины полетят на голову врага, изгоняла усталость и наполняла нас радостью – тем более, что нам прибавили ещё два миномёта.

Перед вечерним намазом и отбоем на позицию прибыл Нахиди с тем офицером, который провёл у нас курс обучения. Ясно было, что важность завтрашнего наступления заставила их самих вступить в дело. Армейский полковник взял на себя обязанности корректировщика, я – радиста, а господин Нахиди занял позицию в одном из окопов для согласования огня. Согласование миномётного и артиллерийского огня нескольких батарей проводилось из специального места, оборудованного по образцу командного пункта.

* * *

Наступление началось в 4 утра. Пехота пошла в атаку на противлежащие позиции, а орудия навесного огня начали обстреливать тылы противника. Офицер-корректировщик до 10 утра постоянно требовал огня от наших миномётчиков, которые послали на головы иракцев примерно 300 снарядов. В 11 утра со стороны отвоёванных у иракцев окопов к нам пригнали нескольких мулов, к которым были привязаны тела погибших. С них ещё капала кровь, и это трагическое зрелище буквально воспламенило нас. Я по радиации попросил Нахиди: «Разреши мне пойти на передовую», – и он ответил: «Разрешение получи у господина полковника».

Полковник, видя моё рвение присоединиться к бойцам на передовой, отпустил меня и добавил: «Там впереди не хватает патронов и воды. Сколько сможешь, возьми с собой того и другого».

Я нагрузился патронами, словно мул, наполнил две большие фляги и двинулся вперёд. До новой передовой путь занял полтора часа. Когда я туда добрался, иракцы как раз начали контратаку, пытаюсь вернуть потерянные позиции. Я сгрузил патроны и воду нашим бойцам в один из окопов, где увидел очень красивый иракский китель с четырьмя карманами – кажется, его ещё не надевали. Только я взял его в руки, как возле окопа со свистом упала иракская мина, и взрывной волной меня бросило на дно окопа. Когда дым и пыль рассеялись, я увидел, что всё ещё держу в руках эту иракскую гимнастёрку, и отругал сам себя: «Хочешь умереть за рубашку?». Отбросил её и, шатаясь от контузии, кое-как вылез из окопа. Тут я увидел и командира, руководившего захватом этой высоты. Его лицо было мне знакомо, как и большой шрам на ухе: это был один из тех, кто приезжал к нам на НП вместе с хадж Ахмадом Мотеваселианом и Сайядом Ширази. Звали его Хосейн Гаджеи, и здесь все

выполняли его приказы. Он тоже узнал меня и увидел по моему лицу, что я контужен. Указав на лежащего на земле раненого, он распорядился: «Возьми его и с помощью этих троих доставь в тыл».

Те трое, на которых он указал, были невредимы на вид, но, может быть, состояние их было похожим на моё. Вчетвером мы понесли раненого в тыл на носилках по вьючной тропе. Наши ноги скользили по мелким камням и песку, но мы, все четверо, сейчас даже по ровному шоссе не могли бы идти, не качаясь. Носилки то и дело вырывались из наших рук, падали на землю, но раненый ничего нам не говорил. У него было несколько ран на теле, и он лишь молча смотрел на нас. Не отошли мы и ста метров от передовой, как на крутом склоне носилки поехали вниз, раненый выпал из них и, словно камень, покатился в ущелье, на дне которого застрял в ветвях дерева. Достать его оттуда было невозможно. Мы четверо вопросительно смотрели друг на друга, и горе моё от случившегося было велико, но я захотел показать трём солдатам мою решимость и сказал: «Здесь не было нашей вины. Дорога сложная. Теперь возвращаемся на передовую; может быть, сделаем что-то полезное».

Когда мы вновь предстали перед Хосейном Гаджеи и доложили о случившемся, он отнёсся к этому совершенно спокойно и отдал новый приказ: «Ты можешь отнести в тыл оружие. Возьми, сколько поднимешь, и отнеси».

Я навьючил на себя семь или восемь иракских «калашниковых» и безо всяких вопросов вернулся в тыл, а по дороге увидел, что тот раненый лежит без движения на дне ущелья. Он там и умер, но из-за горячки боя его смогли доставить в тыл и похоронить только через три дня.

В результате нашего наступления иракцы понесли большие потери, мы захватили несколько важных высот и много трофеев – лёгкого и полутяжёлого вооружения.

Мы создали две новые миномётные позиции для 60-миллиметровых и 81-миллиметровых миномётов, и господин Нахиди сказал: «Теперь ты назначаешься командиром миномётной позиции».

Он уже хорошо меня узнал и понял, что возраст не позволяет мне сидеть на месте, командирская же должность усилит моё чувство ответственности. 60-миллиметровый миномёт установили на передовой линии, а 81-миллиметровый присоединили к двум прежним 120-миллиметровым, находящимся на удалении от передовой.

Нахиди знал все тайные и явные уголки моей души; больше всего его беспокоил мой авантюризм. Он поучал меня так: «Брат Хошлафз, я понимаю, что ты ещё юн, но теперь ты командир и должен чувствовать ответственность. Ни при каких обстоятельствах не трать тяжёлую мину на одиночного иракского солдата. Веди стрельбу только по вражеским колоннам и групповым укрытиям. Второе: постоянно бывай на миномётных позициях и узнавай у командиров расчётов ситуацию, проводи с ними инструктаж. Не упускай из вида того, что им не хватает еды и боеприпасов. Как только произойдёт задержка в доставке питания, тут же вспоминайте, что соседние фруктовые сады в вашем распоряжении».

Не знаю почему, но последние его слова мне очень понравились. Наверное, они связались с воспоминаниями о садах района Шотор-Галу. В моём распоряжении был также и мул, на котором я ездил на позиции. Первое время я очень чётко соблюдал указания Нахиди об экономии снарядов. Но однажды возле иракского города Тавила мы засекали вражескую колонну и так удачно её обстреляли, что назавтра услышали новость об этом по радио.

Взаимодействие с командирами миномётных расчётов также входило в мои обязанности. Их просьбы

я передавал по рации в тыл или докладывал лично ответственному за снабжение, однако мысль о том, чтобы наведаться в сады и принести фруктов, не оставляла меня в покое. В конце концов я взял чересседельный мешок, сел верхом на мула и отправился за фруктами в сады на нейтральной полосе. Мула я привязал в некотором отдалении и с мешком наготове по склону спустился вниз, в самую гущу сада в глубине ущелья. Особенно меня притягивало большое дерево винного тутовника: мне на миг показалось, что я в саду бабушки Аджи. Оставив мешок на земле, я залез на дерево: был уверен, что другие деревья с их густой листвой надёжно закроют меня от иракских или контрреволюционных наблюдателей.

Я успел немного насытиться, как вдруг шуршание шагов заставило меня посмотреть вниз. Пока я был занят ягодами, дерево окружили несколько человек, и один из них крикнул на фарси:

– А ну слезай, наёмник, предатель родины!

Я был в полной растерянности: кто это такие? Может быть, боевики «Демократической партии» или «Комалы», окопавшиеся на нейтральной полосе? Я осторожно спустился с дерева и понял, что взят в плен. Но их униформа была похожа на нашу. Я слегка успокоился, хотя руки по-прежнему держал поднятыми.

– Ты что тут делаешь? – спросил один из них.

– Я миномётный корректировщик, – ответил я очень спокойно. – Пришёл поесть тутовой ягоды.

– Ах ты, предатель! – мой собеседник впал в ярость. – Ягоды – предлог, ты направляешь артиллерийский огонь на наши головы!

Я окончательно убедился в том, что это – свои, которые принимают меня за иракского агента. Я был вынужден подробнее рассказать им о моей работе, упомянул и господина Нахиди. Это были ребята из Тегерана, пехотинцы передовой линии, которые только что сменили на

этом участке предыдущих наших бойцов. Ни я их до этого не видел, ни они меня. Когда они удостоверились, что я не иракский агент, их командир, хмурясь, сказал мне:

– Здесь фронт, а не сады дяди с тётей.

Я расхохотался:

– А я как раз пришёл сюда в поисках тёткиного сада!

Кстати, позже моя дружба с этими ребятами окрепла. Они заходили на НП и на миномётные позиции, а я порой приходил по их приглашению пообедать или поужинать с ними на передовой.

После этого наступления наш участок фронта погрузился в полную неподвижность, что меня весьма озадачивало. Посещать миномётные позиции стало для меня делом однообразным и утомительным. Ведь я пробыл на этом участке фронта три месяца. Кстати, и наши запасы снарядов иссякли, и поставки продуктов уменьшались. Я начал думать, что бы изобрести нового, например, как использовать многочисленные неразорвавшиеся иракские мины, которых было много вокруг наших позиций.

Стрелять ими повторно было нельзя, так как капсуль сзади был сожжён, но... Киркой и лопатой я осторожно рыхлил грунт вокруг этих неразорвавшихся мин и бережно извлекал их из земли. Их трубка взрывателя в носовой части была цела, причём очень чувствительна и могла в любой миг взорваться¹.

Я брал эти мины на плечо и относил их туда, где, как говорили, появлялись иракцы. Там я зарывал мины в землю, а взрыватель оставлял торчащим, затем тонкой проволочкой привязывал его к дереву или камню, изготавливая самодельную растяжку. Постепенно я так натренировался, что брал для ловушек не только 60-мил-

¹ Сегодня я вспоминаю об этом, и меня сотрясает дрожь. Возиться с неразорвавшимися минами было грубой ошибкой. Эти действия объяснялись моими плохими техническими знаниями, а также безрассудной отвагой новичка с задатками авантюриста.

лиметровые и 81-миллиметровые мины, но и 120-миллиметровые. Эту мою работу я держал в секрете от собственных передовых войск и сообщил о ней только командиру части, чтобы не подорвались наши же разведчики, если пойдут этим маршрутом.

Меня по-прежнему тянуло на нейтральную полосу, но теперь не из-за тутовых ягод, а для того, чтобы установить мины там, где появлялась иракская разведка.

Нахиди узнал о моей тяге к линии иракских окопов и сказал: «Ты насажал смертельных цветков, но теперь на них могут напороться свои разведгруппы, и, чтобы этого не произошло, присоединяйся к нашим разведчикам».

Эти слова заставили мгновенно улетучиться усталость, которая накопилась во мне от трёх с лишним месяцев на фронте под Дезели. Меня как будто заново отправили на войну. Первый поиск с разведгруппой, в который я отправился, состоялся в местности напротив высоты Шонам. А когда мы вернулись, все мои мысли были только о следующей разведке. Все соображения насчёт корректировки огня и взаимодействия с миномётными расчётами вылетели из моей головы.

Уже за несколько первых дней общения парни из разведки произвели на меня очень глубокое впечатление. Коран был для них привычной книгой. Ни разу, ни в одну ночь, они не пропустили ночного намаза. Никого из своих они не игнорировали, и если у кого-то из них возникало недовольство чем-то, то оно расследовалось с полной откровенностью, по-дружески честно и без ругани. И в то же время шутки и бодрость не оставляли их. Общение с ними так на меня повлияло, что я вспомнил о необходимости попросить прощения у всех тех, кому я успел навредить в жизни. У тех, на чью собственность я наложил руку в период юношеских проказ: у Голама Заячьей Губы и у Голама-мороженщика, и у сторожа медресе имени Аттара, и ещё у десятков людей.

Это решение совпало с последними днями моего продлившегося несколько месяцев пребывания на этом фронте. Находи распорядился о денежном расчёте и о моём возвращении в Хамадан, но у меня появилось опасение: а вдруг я не доберусь до Хамадана живым, тогда все мои планы попросить прощения пропадут втуне. И я для подстраховки решил повиниться письменно и послать домой это письмо, а если доберусь до дома благополучно, то извинюсь перед всеми лично. И я в письме матери перечислил имена всех тех, кого я мучил и кому причинил ущерб: на улице, в районе, в их фруктовых садах и в школе. И попросил маму сохранить это письмо до моего приезда.

Был месяц тир 1360 года (июнь – июль 1981), когда я услышал от ребят, что на передовую приехал хадж Ахмад. Разговоры с ним никогда мне не надоедали. И он, как всегда с достоинством и смиренно, спросил меня:

– Милостью Аллаха, ты стал настоящим мужчиной и солдатом?

– Я лишь в начале пути, – ответил я. – До настоящего мужчины мне ещё далеко.

– Напомни твоё имя...

– Хошлафз, Али Хошлафз.

– Ты действительно красноречив¹. Я возвращаюсь в Мариван. Если хочешь, поедем вместе.

Я постеснялся сказать, что еду в Хамадан, да и в любом случае нельзя было упускать удачной возможности доехать вместе с ним до Маривана. И я запрыгнул в кузов «Тойоты», но хадж Ахмад предложил мне пересесть вперёд, и я сел рядом с ним. Хадж Ахмад начал разговор так:

– Ты не сказал мне, какую именно работу ты делал на фронте.

¹ «Хошлафз» означает «красноречивый, выразительный, хорошо говорящий» (прим. перев.).

– Сначала я был в миномётном расчёте, – ответил я, – потом прошёл курс корректировщика и выполнял эту работу. Во время наступления делал всё, до чего руки доходили. А в последнее время ходил в разведку в составе разведгруппы.

В начале моего перечисления хадж Ахмад казался рассеянным, но, услышав слово «разведка», резко повернулся ко мне. Может быть, моё лицо пятнадцатилетнего паренька не соответствовало званию разведчика, однако в его удивлении не было осуждения. Он захотел показать мне предел и горизонт работы разведчика; чтобы шагнуть к этому горизонту и достичь его, нужен был капитал нравственности, нужны были внимательность, дерзость и неприязнательность.

Хадж Ахмад положил руку мне на плечо и продолжал:

– Проводник должен познать, во-первых, себя самого, потом – своего Бога, а потом – маршрут достижения цели. Тогда он сможет взять других за руку и вывести из ямы на свет. В руках проводников, разведчиков – главный ключ к успеху наступлений. Они проводят пехотные батальоны по проходам в минных полях и обрушивают эти войска на голову врага, но прежде следует победить духовного врага и пройти сквозь минные поля чувств. Только тогда они смогут как следует вести батальоны, и я думаю, ты, друг, можешь стать хорошим проводником.

Я опустил голову.

Мы уже отъехали далеко от фронта, и по пути хадж Ахмад заезжал на ту или иную позицию. Командир одного из подразделений стоял на обочине шоссе. Бедняга, когда увидел хадж Ахмада, сделался как неживой, кровь полностью отлила от лица. Хаджи вышел из «Тойоты». Ответил на приветствие командира, а затем с размаха влепил ему по уху. И вернулся в машину, а тот пошёл на свою позицию.

– Хадаж-ага, он сильно провинился? – спросил я.

– А можно ли провиниться сильнее, чем оставить позицию и подчинённых и, никого не предупреждая, уйти в тыл?

Я невольно подтянулся. Слова эти в каком-то смысле я принял на свой счёт и, не в силах побороть угрызения совести, выпалил:

– Я согласовал с господином Нахиди мой отпуск в тыл. Моя командировка на фронт закончилась.

Хадж Ахмад казался расстроенным и мрачным, но тут улыбнулся:

– Все должны быть такими, как ты, дружище.

Мы поехали дальше и увидели на обочине дороги пару курдов – женщину и мужчину, которые хотели добраться от деревни до Маривана. Хаджи, увидев их, остановился и посадил их в кузов, а я удивился: а если бы они были вооружены, что тогда? Почему хаджи так им доверяет? А если бы эти двое были частью засады, которую устроили на дороге боевики?

Погружённый в эти размышления, я услышал, как мужчина-курд стучит сзади по стеклу кабины. Надо было понимать, что это место и было целью их поездки. Сойдя с машины, он сказал:

– Брат Ахмад, я молюсь за тебя.

Мы приехали в Мариван. Я вспомнил «куриную машину» и про себя помолился Богу, но тут увидел, что к отъезду в Хамадан почти готов грузовик «Ифа»¹. Мне очень не хотелось прощаться с хадж Ахмадом. Привязанность моя к нему и к ребятам КСИР Маривана, и к ребятам на передовой была поистине теснейшей. Горло моё сжало спазмом. Хадж Ахмад сказал:

– Брат Хошлафз, не забывай нас. Мы тебя ждём.

¹ Грузовик «Ифа» (IFA W50) – автомобиль производства ГДР, грузоподъёмностью 5 тонн, продавался во многие страны Ближнего Востока (прим. перев.).

Глава третья

ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНИЙ ПРОВОДНИК

Я не ожидал, что после не столь уж долгой разлуки с семьёй в честь моего возвращения воскурят руту и вознесут молитвы благодарения, – однако именно так и случилось; Всевышний счёл неопытного подростка достойным старинного обычая. Домашние не уставали расспрашивать меня о фронте, но я неизменно уваливал от ответов. В противоположность нынешнему времени, когда воспоминания о войне – мой долг, в те дни много говорить о боях было бы хвастовством. Поэтому всякий раз, когда меня спрашивали: «Как там на войне?» – я отвечал: «Тихо и спокойно. Всё, что мы делаем, – это едим компот и консервы».

Родственники мне верили, а вот мама видела мою душу насквозь. Она была счастлива, что её непослушный сын – источник бесконечных проблем – в результате пребывания на фронте сделался человеком уравновешенным и скромным. Спрашивала меня: «Дорогой Али, почему ты так исхудал?» – и я приходил в восторг от того, что она вместо «Джамшида» называла меня «Али». А вопрос её был резонный: я очень похудел. И ещё этот вопрос косвенно содержал её признание: дескать, я знаю, что фронт – это отнюдь не пиры и обжорство.

Из слов мамы я понял, что на местных религиозных собраниях женщин она не скрывает своей гордости

мною; и то, что она мною была довольна, прибавляло мне сил и энергии. И на собственной улице, и во всём районе я сделался знаменитым не только среди сверстников, но даже и среди людей взрослых, так как я был единственным фронтовиком такого юного возраста. Ко мне относились гораздо внимательнее и уважительнее, чем раньше.

Когда я слышал азан к намазу, во мне оживала память о фронтовом благочестии, однако в мечети, когда старики просили меня молиться за них, я краснел от стыда и в растерянности опускал голову. Фронт сделал меня человеком старше моих пятнадцати лет. И я решил, что ограничу мою жизнь только мечетью и службой в местном отделении Басиджа, однако потребовалась пересдача по трём предметам за третий класс средней школы, и это не позволяло мне ни служить в отделении Басиджа на постоянной основе, ни вновь вернуться на фронт. В математике я несколько преуспел благодаря тем урокам армейского полковника на фронте, но с другими двумя предметами еле-еле справился, и то благодаря доброте и дружескому отношению ко мне директора школы, который любил фронтовиков. Взяв барьер из этих трёх предметов, я перешёл к окончанию десятилетки; но школа-десятилетка была тем местом, где шли постоянные стычки между учениками, принадлежащими к левомарксистским и марионеточным группировкам, и теми, кто входил в Исламское объединение учащихся. Количество членов Исламского объединения было значительно меньше, чем у соперников, однако их убеждённость и пламенная вера компенсировали малочисленность и прочие проблемы. Руководителем Исламского объединения был Хамид Малеки – парень представительный и крепкий, терпеливый и проницательный; его притягательная сила была громадна. Вероятно, он узнал от моего одноклассника Бахрама Атайана (единственного парня

нашего квартала, которого я знал в десятилетней школе имени имама Хомейни), что я был фронтовиком, и в итоге Хамид Малеки встретил меня очень тепло. Остальные парни в Исламском объединении обращались ко мне, согласно данным моего паспорта, по имени Джамшид. Это имя как бы возвращало меня в дофронтовые времена, и как же мне хотелось не прибегать к ссылкам на фронтовые заслуги, а всё-таки объяснить этим ребятам, что я встал на путь имама Али, что имени Али я достиг, пройдя по Дороге крови.

Наступили времена террористических актов, слепого террора. Оппозиционеры¹ приезжали на мотоциклах и внезапно бросали внутрь школы гранату или «треугольную бомбу»², а иногда устанавливали взрывные устройства в классах. С точки зрения этих группировок, любой активный мусульманин уже был преступником, и для доказательства его вины не требовалось ни обвинения, ни суда. Очень часто решающим доводом для убийства человека становился внешний вид. Любой человек, имеющий внешность благочестивого мусульманина и поддерживающий Исламскую революцию и имама Хомейни, становился мишенью для этих убийц – будь он лавочник или продавец газет, стеклорез или парикмахер. И наш отпор им тоже вышел за рамки словесных

¹ В 1981 г. организация под названием «Моджахеддин-э халк» («Организация моджахедов иранского народа») сбросила маску, и её раскольническая сущность стала очевидной для всех. Раньше они выкрикивали лозунги о защите иранского народа и о самопожертвовании во имя него, а теперь объявили войну людям с улицы и базара и убили тысячи безвинных мужчин и женщин, единственная вина которых заключалась в поддержке Исламской революции.

² Это была разновидность самодельной гранаты тех лет, изготовленная из металлических трубок и имеющая большую взрывную силу. В последующие годы террористы установили прямые связи с оружейниками Саддама и Запада и уже не имели нужды в таких самоделках.

споров. Как следствие, мы должны были быть физически подготовленными. В самой школе и в помещении Исламского объединения мы проводили тренировки по кун-фу, и нашей постоянной работой стало выявление террористических групп и борьба с ними, а также проверка помещений на бомбовую безопасность.

По вечерам мы шли в отделение КСИР, выходили на ночное патрулирование и борьбу с террористами; день от ночи мы уже в этом смысле не отличали. Я был в родном городе и в родной семье, но за два-три месяца, быть может, всего два-три раза отведал материнского ужина и провёл ночь дома. Общение с ребятами из КСИР переносило меня в другой мир. Самой лучшей и сытной едой у них были картошка и куриные яйца, да и то в скудном количестве. Но по ночам их мечеть целиком заполнялась молодыми ребятами Корпуса, не старше 22–23 лет, которые не пропускали ночного намаза. Если я ночью приходил домой и видел скатерть с подрумяненной едой, просящейся на зубок, я всё равно не ел, просто ложился спать прямо на ковре, без матраса и одеяла. Я очень хотел стать членом КСИР, но меня не могли принять из-за возраста и незаконченного образования. Поэтому выхода не было, и я нёс в Корпусе службу на правах одного из вспомогательных работников. Однажды в школе я заметил, что мой друг Бахрам Атайан, парень из моего квартала, разговаривает с учащимся из Организации борьбы – «Пейкар»¹.

Я не мешкая подошёл к Бахраму и сказал ему:

¹ «Организация борьбы за освобождение рабочего класса» была очень радикальной марксистской партией, имевшей две ветви: политическую и военную – и действовавшей (особенно в Курдистане) с опорой на собственную газету. Газета имела такое же название, как и сама партия: «Пейкар» («Борьба»). Они пропагандировали утверждение в Иране атеистической, безбожной идеологии. Эту партию, как и многих других левых, поддерживал тогдашний Советский Союз.

– Не связывайся с этими людьми и с их еретическим учением.

– Тебя это не касается, – ответил он. – Я сам решаю.

Этот его ответ мне очень не понравился. Наш спор закончился разрывом отношений, чему «пейкаровцы» нашей школы сильно радовались. Но я не сдавался. Отдать им друга, который всегда меня сопровождал, было нелегко. Я обсудил ситуацию с Хамидом Малеки, руководителем Исламского объединения в нашей школе. Он сказал, что поговорит с Бахрамом. И хотя я перестал разговаривать с Бахрамом, я его отыскал и передал ему: «Зайди в Объединение, у господина Малеки есть к тебе дело».

Я понятия не имел, к каким средствам может прибегнуть господин Малеки, чтобы помешать дружбе Бахрама с «пейкаровцами». А он сказал Бахраму так: «Брат Атайан, могу я вас попросить, чтобы вы помогли брату Хошлафзу сделать на стене цветной портрет имама Хомейни?».

Бахрам с достоинством согласился, и вот мы вдвоём принялись за оформление стены. При этом мы оба не умели рисовать. Всё, что мы смогли, – это раскрасить стену и вместе посмеяться над собственным неумением. Однако этот психологически тонкий и морально взвешенный ход господина Малеки сделал Бахрама его верным последователем; Бахрама коснулась доброта Всевышнего, и в итоге он ещё раньше, чем я, стал членом КСИР.

В 1981 году иной день был похож на целый месяц. За боем – новый бой. Люди возвращались с фронта и сталкивались с замаскированным странным врагом под названием «Моджахеддин-э халк». Большинство этих боевиков были старшими школьниками или студентами. Их уклонистская идеология состояла из исламской оболочки, внутри которой находилась еретическая, атеис-

тическая сердцевина. Их руководство выдвигало приправленные революционной фразеологией претензии на передовой ислам, а рядовые члены легко прибегали к террору.

Во время одного из таких слепых налётов оппозиционер-террорист убил двоих человек и тяжело ранил себя самого, однако его отвезли в больницу. Ребята из КСИР пристегнули его наручниками к кровати и, вручив мне автомат «Узи», велели не спускать с него глаз.

Врачи и медсёстры прилагали все усилия к заживлению его ран, а я бдительно его стерёг, как вдруг через несколько дней в больницу примчались ребята из разведывательного подразделения КСИР и сказали, что его надо срочно перевезти в помещение Корпуса. Я удивился и вначале подумал, что плохо исполнял свои обязанности или что дело в докторам и сёстрах. Но дело было не в этом. Когда мы уже отъезжали в санитарной машине, я увидел целую вооружённую группу оппозиционеров, собравшихся возле больницы, чтобы освободить своего товарища. В любом случае на его руках была кровь двух невинных жертв, а перестрелка в больнице поставила бы под угрозу жизни и других людей. И я мог только порадоваться предвидению и скорости действий ребят из Корпуса.

Месяц шахривар¹ 1360 года (1981) выдался невыносимо жарким. Стало известно, что в Хамадан прибыл господин Фахраддин Хиджази² и что он обратится к народу

¹ Шахривар – 6-й месяц иранского календаря (23 августа – 22 сентября по григорианскому стилю) (*прим. перев.*).

² Фахраддин Хиджази входил в число борцов, проявивших себя ещё до Исламской революции, и был верным сторонником и учеником имама Хомейни. На выборах в Исламский меджлис первого созыва он баллотировался и прошёл от избирателей Тегерана. После долгого религиозного подвижничества и служения народу Фахраддин Хиджази поспешил на встречу со Всевышним в 2004 г. (*прим. иран. ред.*).

в главной городской мечети. 11 шахривара мечеть была забита людьми от края до края – иголке негде упасть. Господин Хиджази выступал блестяще, говорил голосом, увлекающим за собой, насквозь прожигая сердца слушателей. Речь его врезалась мне в память, особенно следующие слова: «Жители Хамадана, гордитесь вашими молодыми людьми! Гордитесь вашей молодёжью из Басиджа и из Корпуса стражей Исламской революции. Ваша молодёжь сегодня на фронте под Саре-Поле-Захаб созидает бессмертный эпос храбрости...».

Речь господина Хиджази подняла меня с пола мечети и перенесла на фронт. Я понял, что отстал от каравана героев и что любым способом должен попасть в Саре-Поле-Захаб. Я поспешил домой и надел свою военную форму. Поцеловал Коран и, даже не найдя времени попрощаться с братьями и сёстрами, выскочил на улицу. Случайно встретил маму, возвращавшуюся с женского мусульманского собрания, но и с ней обменялся лишь несколькими словами. Во всём её облике сквозила успокоенность, а в моей душе бушевало смятение.

Я поспешил к мини-автобусу, готовому к отъезду в Саре-Поле-Захаб, и к вечеру 12 шахривара приехал в этот город. Он был покинут жителями и полуразрушен артиллерийскими и миномётными обстрелами. Я-то думал, здесь будет так же, как в Мариване, где всё-таки шла обычная городская жизнь, но здесь даже птицы не летали. Фронт был в семи километрах дальше; именно там предыдущей ночью ребята из Хамадана бросили все свои силы на то, чтобы отбить у врага гору Каравиз, господствующую над городом и над шоссе на Касре-Ширин. Все, кто возвращался с фронта, были подавлены и тревожны. В тот же вечер мы с ребятами поехали дальше на пикапе тех времён «Симург»¹ из Саре-Поле-Захаб

¹ «Симург» – так в Иране называли джип «Чероки-чиф» (прим. ред.).

в городок под названием Аль-Махди, который считался примыкающим к передовой линии у горы Каравиз; там нас удивило количество раненых, перевезённых туда прошедшей ночью и днём, и по их числу мы поняли, каким тяжёлым был этот бой, к тому же состоявшийся в убийственную летнюю жару. Мы были удивлены, задавали вопросы. Нам ответили, что большинство ребят были убиты на склоне и на вершине горы и что их тела остаются там, наверху.

Основу наших войск составляли бойцы КСИР. Фронт под Саре-Поле-Захаб принципиально отличался от фронта под Мариваном. Здесь обстрелы сыпались словно град. Вся территория от города Саре-Поле-Захаб до городка Аль-Махди и дальше, до подножия горы Каравиз, напрямую просматривалась и обстреливалась иракцами. Местность представляла собой голые холмы без естественных укрытий, и всё, что двигалось, было хорошо видно. Какое отличие от фронта под Мариваном с его прохладным воздухом и густо-лесистыми горами и ущельями! И всё же здешний фронт – несмотря на сложность обстановки и на горестную подавленность после провала наступления – казался мне менее чужим и тягостным, чем тот, прежний. На фронте под Саре-Поле-Захаб везде, из конца в конец, руководителями были люди из моего города и провинции. Многие лица я узнавал по нашим встречам в КСИР Хамадана, и ухо моё ловило знакомые имена тех, кто отличился здесь. Это были Махмуд Шахбази, Али Шадмани, Хосейн Хамадани, Али-Реза Хаджибабаи, Хабиб Мозахери и другие...

На третью ночь, в полной темноте и без каких-либо признаков луны, нас – нескольких человек – отправили к подножию горы Каравиз, удерживаемой иракцами. Это дежурство на расстоянии менее ста метров от их окопов было делом любопытным и возбуждающим. Ребята, чтобы обезопасить себя от непрекращающегося иракского

огня, по всему склону прорыли траншеи и ходы сообщения. В них они спасались от жестоких артиллерийских и миномётных обстрелов. Были и землянки, построенные не очень прочно, и враг видел их даже невооружённым взглядом. Но выхода у нас не было: требовалось удерживать за собой более низкую, чем главная вершина горы, высоту 716 – в противном случае враги лавиной скатились бы вниз на асфальтовое шоссе на Касре-Ширин, да и сам город Саре-Поле-Захаб тоже захватили бы.

Уязвимость наших позиций у подножия горы Каравиз и в её ущелье, а также на высоте под названием «вершина Яйцевидная», да ещё провал наступления – всё это заставило наших командиров серьёзно задуматься об укреплении нашей линии обороны путём, например, рытья новых землянок, углубления ходов сообщения, а также укрепления уже имеющихся землянок и превращения их в блиндажи. Если кого-то на позициях ранили в течение дня, требовалось ждать до ночи, пока темнота позволит оттащить раненого в тыл. У ребят из КСИР Хамадана был один-единственный миномёт; правда, после 11 шахривара к нему добавили ещё один – но всё равно это была лишь одна сотая дьявольски мощных огневых возможностей иракцев. К тому же число выстрелов этим двум миномётам в течение дня ограничивали: что-то около пяти снарядов в день.

Когда мы вернулись с передовой, я увидел, что ребята вызвались добровольцами для того, чтобы доставлять на передовую из разрушенного городка железные столбы и плиты в качестве перекрытий для блиндажей. Я и сильный подвижный ксировец по имени Али Мазахери вызвались помогать этой группе. Городок Аль-Махди использовался в качестве места отдыха для возвращающихся с передовой, но знание о тяжких условиях на склоне горы изгнало из моей головы всякую мысль об отдыхе. Железные столбы, угловое железо, железные

листы – словом, всё, чем можно было укрепить блиндажи, мы вытаскивали из чрева развалин и грузили в кузов «Симурга», после наступления темноты отвозили к подножию горы, а уж оттуда несли железо на плечах, карабкаясь по склонам и обливаясь потом. Нам не важно было, засекут ли иракцы этот наш маршрут, – ведь они и так уже засекали окопы впереди. Они делали свою работу, мы – свою. Когда в небе вспыхивал осветительный снаряд, мы приседали, но, как только он потухал, продолжали подъём, не обращая внимания на летающие вокруг красные осколки от снарядов и мин.

Эту работу мы делали каждую ночь, пока неровные ямы не стали настоящими укрытиями, способными до определённой степени защитить бойцов своей крышей от тяжёлого взрыва. Я и ещё несколько ребят посвятили время нашего отдыха этой работе, и больше других радовались этому Али-Реза Хаджибабаи и Хабиболла Мозахери. Конечно, Хабиб не относился к числу людей разговорчивых, он, казалось, больше говорил с людьми своим выразительным взглядом. Это был человек с привлекательным, как бы светящимся, лицом и рыжеватобурой бородой.

Немного позже, когда наша группа уже обосновалась на передовой, то есть под вершиной высоты 716, Хабиб и Хаджибабаи после наступления темноты пришли нас проведать. А я уже несколько суток не мылся в бане. Хабиб взъерошил рукой мои забитые песком волосы и дружески спросил:

– Ну, как ты тут, богатырь?

От столь немногословного человека, каким был Хабиб, даже эту фразу услышать было подарком. Он словно вручил мне добрыми руками награду за труды. Я бодро ответил ему:

– Как только вернёмся в городок, я буду ещё набирать железа для доставки сюда.

– Нет. Видишь, ситуация успокоилась. Ты лучше вернись в Саре-Поле-Захаб и там искупайся.

Через два дня мы поехали на «Симурге» от подножия горы Каравиз в Саре-Поле-Захаб. Тамошняя река для ребят была как бы общественной баней. Бойцы ныряли в неё прямо в форме и ботинках. Потом, раздевшись, намывались мочалкой и мылом, сушились сами и сушили форму на горячих прибрежных камнях. Двери домов везде стояли настежь, и мест для отдыха хватало, но никто из ребят ни к чему не тянул руки в чужих домах. Только продолжал разрушать дома непрекращающийся вражеский обстрел – иногда мы гадали, из чего стреляет враг, и сконструировали в фантазии некую воображаемую пистольную установку под названием «хамсе-хамсе»¹.

Зрелые фрукты на деревьях тоже попадали под косящий град осколков и страдали от него. Нужно было подумать об этих плодах – но каково здесь было шариятское решение? Существовали две точки зрения. Первой придерживались те, кто фруктов не ел: они утверждали, что за съеденные плоды следует извиниться позже перед владельцами этих садов, большинство из которых бежало в Керманшах. Другие говорили, что командование фронта обращалось за разъяснением этого вопроса к хадж-аге Резе Фазелиану, и он ответил, что использование этих плодов не запрещено. Поскольку я с детства имел близкие отношения с фруктами и плодовыми деревьями, то мне, естественно, ближе была вторая фетва, которой я и следовал.

Из Саре-Поле-Захаб мы вновь вернулись в городок Аль-Махди. Там в полуразрушенном обстрелами медресе мы прочитали общий намаз, предстоятелем на котором

¹ «Хамсе-хамсе» по-арабски означает «пять-пять». На самом деле такого оружия, которое мы воображали, у иракцев не было, но была установка из пяти миномётных стволов, которые использовались одновременно.

был молодой студент духовного училища по фамилии Джавахери. После намаза он провёл урок исламской этики, на котором говорил о проблеме единобожия. Я впервые слышал его берущие за душу слова, а Али-Реза Хаджибабаи и Хабиб Мозахери, которые тоже были на этом уроке, слышали его не в первый раз. Когда этот студент-богослов видел Али-Резу Хаджибабаи, он с выражением крайней скромности отступал назад и предлагал Али-Резе быть предстоятелем намаза, но тот, в свою очередь, отказывался.

* * *

Мы уже примерно месяц пробыли на фронте под Саре-Поле-Захаб, неся боевое дежурство, помимо склона горы Каравиз, также на вершине Яйцевидной и вдоль асфальтового шоссе. Вершина Яйцевидная, по сравнению с горой Каравиз, находилась чуть дальше в наш тыл и была немного безопаснее. Однажды поздним вечером я увидел, как группа из пяти-шести человек, осторожно передвигаясь, отклонилась от грунтовой обочины дороги и направилась в сторону нейтральной полосы. Хабиб Мозахери предупреждал о том, что появится разведгруппа, которая пересекает нейтральную зону и углубляется в иракский тыл в целях изучения обстановки. И теперь, при виде их, сердце моё заныло. Мне захотелось присоединиться к ним или, по крайней мере, поговорить об этом с их командиром... Позже я узнал, что это был молодой ксировец по имени хадж Джафар Мозахери. Сказать бы ему о том, что я под Мариваном уже работал в разведгруппах...

Ночь прошла, а я до утра, на протяжении всего дежурства, только и думал о том, как бы мне присоединиться к здешним разведчикам. Ближе к утру они вернулись и ушли в тыл вдоль шоссе. А перед рассветом над моей головой, жужжа, пролетела красная пуля, через несколько

секунд мощный взрыв взметнул землю в нескольких метрах от меня, он буквально распорол склон холма и до пояса засыпал меня землёй. Я кое-как выбрался наружу – причём мне было уже не до снарядов и пуль. Я измерял взглядом ту траекторию, по которой пролетел трассер и за ним снаряд. И там, вдали, недалеко от асфальтового шоссе на Касре-Ширин, я увидел джип, съезжающий вниз по склону. Ясно было, что противник не осмеливается повторить свой выстрел, несмотря на то, что с нашей стороны никакого ответного огня не последовало.

Постепенно сидение в окопах начало действовать на меня угнетающе. Иракцы стреляли, а мы только смотрели на это. Однажды, когда я был в городке Аль-Махди, я увидел ловкого сильного парня, который, несмотря на жару, в одиночку копал колодец. И я спросил его:

– Что ты делаешь?

– Видишь сам: копаю колодец для воды.

– Ты колодезник, или у тебя есть и другая работа?

– На фронте нужно уметь делать любую работу, – ответил он, – даже колодезную.

Я понял, что он не хочет говорить о своей военной специальности, а такое поведение было похоже на ребят из разведки.

– По крайней мере, скажи, как тебя зовут?

– Мехди Байат, – ответил он.

– Теперь я тебя узнал, – сказал я. – Ты – брат Маджида Байата, который несколько месяцев назад здесь, на этом шоссе на Саре-Поле-Захаб, бросился под иракский танк.

Он помолчал и продолжал свою работу. А я мягко спросил его:

– Вы можете взять меня в вашу разведгруппу?

Я и не думал, что этот вопрос, заданный наугад, принесёт результаты. Но он внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Возраст ваш маловат. Но, если вас одобрит хадж Джафар, то возраст не будет помехой. Он запишет в разведчики.

И я понял, что попал в цель. Без промедления пошёл к Хабибу, у которого пользовался уважением, и попросил порекомендовать меня командиру разведгруппы, то есть хаджу Джафару. К моей огромной радости, Хабиб согласился, и вот так просто я стал самым молодым членом разведгруппы из двенадцати человек на среднем участке фронта под Саре-Поле-Захаб.

Первое разведывательное задание, в котором я участвовал, имело целью изучение иракских позиций позади деревни под названием Джагаре Мохаммад-Али. Я шёл на задание бок о бок со стариком, который годился мне в дедушки. В этой группе хадж Джафар держал под контролем буквально каждую деталь. Он тщательно записывал все результаты наблюдений на каждой стадии поиска. Когда он убеждался, что иракцы не знают о нашем присутствии, он включал рацию и запрашивал выстрел из миномёта, расположенного в городке. Когда я видел взрыв этой мины на горе Каравиз сбоку и сзади от нас, меня это приводило в восторг – особенно тогда, когда мины одна за другой точно ложились в иракские окопы. Когда мы пошли на следующее задание, гору Каравиз мы оставили позади себя и оказались в том месте, откуда были видны неубранные тела наших бойцов, погибших во время наступления 11 шахривара – они так и лежали там на солнце. Во время ещё одного задания наш наблюдатель, постоянно находящийся в окопах передовой линии, сообщил командиру нашей группы, что иракская разведгруппа движется прямо нам навстречу. Они возвращались с задания, но и мы должны были возвращаться; однако нам во что бы то ни стало нужно было избежать боестолкновения с ними, то есть требовалось куда-то свернуть. В конце концов, по указаниям

нашего наблюдателя, мы сошли с маршрута так, чтобы не столкнуться с ними лицом к лицу. Всё это закончилось в тот раз успешно, только старик из нашей группы вдруг нажал на курок «калашника» и выстрелил в воздух. Вернётся ли иракская разведгруппа? – спрашивали себя мы все.

Иракцы слышали этот близкий выстрел, однако похоже было, что они бегом устремились к своим позициям. А мы, в свою очередь, – к своим. Всё это видел наблюдатель с горы Каравиз, и он от души посмеялся над трусостью иракских разведчиков.

Притягательность разведывательной работы для меня была так велика, что я готов был хоть каждую ночь ходить на задания. Очень приятным и успокаивающим было сознание того, что я оставил позади нашу линию обороны и изучаю тот путь, которым в ночь наступления пойдут наши войска. Моральный дух этой разведгруппы был сходен с духом разведчиков под Мариваном. После возвращения с задания они поодиночке расходились по укромным помещениям в городке, чтобы наедине побеседовать со Всевышним. Здесь я научился тому, что у каждого дела должны быть угодные Богу обоснования и что всё нужно делать на основе шариатского долга, а не исходя из эмоциональных побуждений. В итоге все бойцы ценили разведчиков за их мужество и бесстрашие: ведь как раз на трусости человека обычно играет шайтан.

Проведя сорок пять суток под Саре-Поле-Захаб, я вернулся в Хамадан для продолжения учёбы и попрощался с этим фронтом и со всеми связанными с ним воспоминаниями. С ребятами из разведгруппы, с горой Каравиз и с телами погибших, оставшимися там лежать повсюду. С хадж Джафаром, Хаджибабаи и Хабибом, знакомство с которым изменило мою судьбу.

* * *

Обстановка в тылу была беспокойной, кризисной. Мы с двумя друзьями пришли в центральное отделение Басиджа Хамадана получать заработную плату, и здесь я услышал, что Банисадр накануне наступления 11 шахривара приехал в КСИР Хамадана, однако командир хамаданского КСИР не пустил его на территорию. Имя этого командира я не запомнил, но очень хотел его увидеть. Кстати, мне было стыдно говорить о зарплате в Корпусе, где всё дышало чувством долга. В тот же самый день с фронта привезли несколько гробов с телами погибших, и мы с ребятами помогли нести их впереди толпы скорбящих людей, направлявшихся на кладбище к «Цветнику героев» («Гользаре Шохада»), то есть к тому месту, где хоронили павших в этой войне. В это время разнёсся слух, что на улице Бу Али, то есть в главном центре действий оппозиции, начались стычки. Мы с ребятами опустили гробы на землю и поспешили туда, где разгорались эти столкновения.

Там мы увидели, что некоторые спорят с оппозиционерами, а кое-где уже идёт драка. Мы присоединились к нашим товарищам, и у нас тоже пререкания постепенно перешли в выяснение отношений кулаками и ногами.

Потом мы вернулись в Корпус, чтобы лучше узнать ситуацию во всём городе. На следующий день я вновь был в Корпусе ранним утром и там увидел молодого ксировца, который наводил чистоту в коридорах и подметал во дворе. Ошибки быть не могло: это был один из тех, кто вчера, в штатской одежде, спорил с оппозиционерами на улице Бу Али. Через час все ребята собрались в мечети КСИР, и этот самый молодой человек – относительно которого мы и предположить не могли бы, что он был командиром КСИР Хамадана¹, – разъяснял всем

¹ Генерал хадж Махмуд Шахбази, родом из Исфохана (1958–1982 гг.).

собранным текст книги «Нахдж аль-балага» – знаменитого труда имама Али. После мастерского разбора одного из писем имама Али он приступил к разоблачению ошибочных взглядов оппозиции. При виде этого человека я почувствовал, что моя мечта о вступлении в КСИР недостижима и что дистанция между мною и такими, как он, равна дистанции между землёй и небесами. С одной стороны, я знал, что моему вступлению в КСИР мешают простейшие вещи: мой юный возраст и отсутствие законченного среднего образования; с другой стороны, я считал себя, в отличие от парней из КСИР, недостойным стать героем. В итоге я мучительно размышлял: о Боже, в чём же мой недостаток? Наверное, следовало начинать с семьи: с отца и матери. Хотя они не запрещали мне идти на фронт, но я чувствовал, что в особенности мама не готова согласиться на мою жертвенную смерть. Тут у меня возникла идея: помочь маме поклониться гробу имама Резы, а самому возле той же гробницы принести клятву и добиться согласия мамы на то, чтобы я пожертвовал собой.

Я собрал небольшие средства и воспользовался предложением Ноуруза: «Дорогая мама, давай с тобой встретим миг наступления Нового года возле гробницы имама?». И она согласилась.

Из Хамадана мы поехали в Мешхед автобусом. Был вечер 1 фарвардина, когда в мемориальном комплексе имама я услышал марш. Это началось большое наступление под названием «Несомненная Победа». И я рыдался на глазах у матери. «Что случилось, дорогой Али?» – спросила она. Я не мог ответить: сдерживал рыдания.

Три или четыре дня мы вели жизнь паломников: посещение гробницы, молитвы, и всякий раз, как я собирался сказать ей: дай согласие на то, чтобы я стал мучеником, – мною овладевала скованность, и я способен

был только произнести: «Дорогая мама, молись за меня». Она настаивала, чтобы мы ещё задержались в Мешхеде, а я торопил с возвращением. Она поняла, что со мной не сладить, и мы вернулись. Но вернуться в Хамадан для меня означало – отправиться на южный фронт.

Случай мне помог: на южный фронт отправлялся мини-автобус, который должен был забрать тех, кто отстал от общего отряда. Среди тех, кто поехал этим рейсом, я вспоминаю Али-Резу Лотфи и Али Мозахери. А у меня всю дорогу в голове вертелась одна мысль: если меня спросят, кто меня может порекомендовать, отвечу: только Хабиб.

В Докухе мы приехали вечером, и я увидел поезд на Андимешк¹, это пробудило во мне воспоминания детства: вспомнилось, как я здесь вместе с нашей семьёй ходил в гости к одному из родственников.

В Андимешк группами приезжали поездом бойцы из Тегерана и вливались в батальоны только что созданной, ещё формируемой 27-й бригады Пророка Мухаммада. Когда я прибыл на место, на фронтовом участке Даште Аббас уже началась третья стадия операции по освобождению радара и других позиций. Я искал Хабиба. Говорили, что он назначен командиром батальона Муслима ибн Акиля и теперь как раз ведёт бой на участке Даште Аббас.

– А нам что делать? – спросил я.

– Сейчас нет более важной работы, – ответили мне, – чем эвакуация тел погибших, а также сбор и доставка в тыл лёгкого и тяжёлого захваченного оружия.

Именно этим мы и занимались в тылу фронтового участка Даште Аббас, пока не закончились бои. И тут я, наконец, нашёл того, кого искал: Хабиба с его мужественным, опалённым порохом лицом, который теперь

¹ Докухе, Андимешк – города на юго-западе Ирана, в провинции Хузестан (прим. перев.).

был командиром батальона в 350 человек; в большинстве своём это были ребята из тегеранского района Назибад. Увидев меня, он вскрикнул:

– Господин Хошлафз, и вы здесь!

– Я приехал для участия в наступлении, но вижу, что опоздал.

– На войну не опоздаешь. Ребята возвращаются в Хамадан на отдых. И вы тоже поезжайте, а через несколько дней вернётесь вместе с ними.

– Нет, – ответил я, испугавшись, что и следующее наступление пропущу. – Я останусь здесь. Ведь я только что из Хамадана.

– Это заметно, – ответил Хабиб и указал на мой зимний лыжный свитер. С самого отъезда из дома я его не снимал, словно был в Хамадане в разгар холодов. Но подспудно я вкладывал в это ещё один смысл: показать, что я способен переносить большие трудности; в противном случае на этой жаре лыжный свитер был бы признаком безумия.

И вот Хабиб со своими парнями вернулся в тыл – в Хамадан и Тегеран; а я остался в Докухе. Утром, обливаясь потом, всё в том же свитере бегал на зарядку вместе со всеми, потом слонялся по расположению батальона Муслима ибн Акиля; словом, ждал, когда вернётся Хабиб. И однажды утром увидел человека в зелёном и с начальственной выправкой, заглянувшего в расположение батальона. Я не стал медлить. Подбежал к нему и, задыхаясь от волнения, выпалил:

– Здравствуйте, хадж-ага!

Он поздоровался, и я, не помня себя от радости, спросил:

– Вы не узнаете меня, хадж-ага? А вспомните шоссе под названием Дорога крови. Я Хошлафз. Тот самый, о ком вы говорили, что из меня выйдет хороший проводник. Не забыли?

Он рассмеялся. Обнял меня и поцеловал в лоб. После этого я почувствовал, что хадж Ахмад Мотеваселиан стал мне ещё более родным человеком. Я спросил:

– Хадж-ага, в тот последний день в Мариване вы изволили приказать: иди, но поскорее возвращайся. И вот я вернулся для наступления.

– Иншалла, обязательно поучаствуете в следующих наступлениях! – ответил он. – Но скажите мне, почему вы в такую жару ходите в зимнем свитере?

Я смутился, потом ответил:

– Хочу, чтобы не забыли, что я из Хамадана.

На следующий день, когда из Хамадана в Докухе приехал Хабиб, я пошёл к нему и объявил:

– Брат Мозахери, я к вашим услугам. Готов на любое задание.

– Пока подожди, – ответил он. – Придёт время, я сообщу тебе о задании.

Город Докухе выглядел весьма необычно. Расположения воинских частей походили на мечети. Казалось, что везде идёт богослужение. Об этом говорили траурные надписи на полотнищах, висящих повсюду, и выражения лиц самих бойцов: все стали своеобразными распорядителями, следящими за тем, чтобы – случайно или умышленно – никто не нарушил обряд. По ночам везде горели фонари для молитвенных бдений, а днями непрерывно шло формирование военных подразделений и велась боевая учёба. Теперь Махмуд Шахбази исполнял обязанности командира бригады, но о групповых батальонных занятиях и собраниях ничего не было слышно. Все куда-то спешили, но с таким видом, будто сами не знали, куда; или, по крайней мере, я этого не знал.

Однажды, не поверив своим глазам, я встретил Нахиди. Мы оба очень обрадовались, повспоминали Мариван и Дорогу крови и те странные, незабываемые дни.

– Хошлафз, – сказал он, – возвращайся ко мне. Если бы ты знал, сколько мы захватили иракских миномётов и пушек! Можно сформировать бригаду технического обеспечения и артиллерийскую бригаду. А сколько противовоздушных орудий захватили – из них разве что по звёздам стрелять нельзя!

И он со значением указал на небо, однако все мои помыслы были сосредоточены на Хабибе и на батальоне Муслима, в котором я мог бы стать проводником разведчиков.

Однажды я на гарнизонном дворе сидел на мотоцикле и, не заводя его, нажимал на ручки сцепления и тормоза. Я и не подозревал, что от меня не отрываются глаза очень сильного и богобоязненного человека. И вот он подошёл ко мне. Он был вдвое старше меня, примерно лет тридцати. С хамаданским выговором, очень вежливо он спросил:

– Брат, для чего ты играешь с незаведённым мотоциклом?

– Просто так, – ответил я. – По привычке, автоматически. А что-то случилось?

– Не обязательно должно что-то случиться. Этот мотоцикл – общее воинское имущество. Казённое имущество. И когда вы задействуете тормоз и сцепление – пусть мотоцикл не заведён, – то тросы изнашиваются, приходят в негодность. Это как расценивать: случилось что-то или нет?

– Вы совершенно правильно сделали мне замечание, – сказал я.

Когда он ушёл, я спросил у ребят: кто этот господин? Ответили:

– Хадж Махмуд Никуманзар, начальник службы технического обеспечения Бригады Пророка Мухаммада.

Хадж Махмуд полностью обеспечивал технические потребности этой бригады, которая превосходила по

мощи и численности дивизию. В его ведении находилось всё: от патронов и винтовок, патронных сумок и портупей, гранат и рюкзаков до хлеба и компота, консервов и воды со льдом... Вся транспортная техника, лёгкая и тяжёлая, не говоря уж о больших трофеях, присоединившихся к нашему имуществу и включавших танки, пушки и «катюши». И при всём при том он не забывал о трюках на руле мотоцикла; это был один из тех мягких уроков, которые в армии однополчане преподают друг другу.

* * *

Начался месяц ордибехшт¹ 1982 года. На окраине Докухе выстроился ряд автобусов, предназначенных для посадки большого числа готовых к бою солдат. Хабиб посадил меня рядом с собой, в свою военную «Тойоту» командира батальона, которая двинулась в путь первой, сопровождаемая колонной автобусов. Куда? Кроме командиров подразделений и командиров разведки, никто этого не знал.

От Докухе мы ехали по дороге на Ахваз.

– Господин Хабиб, – спросил я, – где наш конечный пункт маршрута?

– Около Абадана, – ответил он. – В месте под названием Дархавин. Центр атомной энергии.

Я удивился такому выбору дислокации, но знал, что Хабиб не шутит.

– Почему атомный центр? – спросил я.

– Этот объект ещё до революции построили французы. Там, впрочем, нет ничего, кроме административного здания и большого количества пустых контейнеров. Он просто называется Центром атомной энергии, но ничего такого там нет.

¹ Ордибехшт – 2-й месяц иранского календаря (21 апреля – 21 мая) (прим. перев.).

После трёх часов езды по шоссе Ахваз – Абадан мы свернули на грунтовую дорогу и вскоре увидели те самые контейнеры, о которых говорил Хабиб. Ясно, что командиры не случайно выбрали это место для размещения бригадных тылов. Пальмовые рощи представляли собой отличную маскировку, а река Карун была той естественной преградой, которая, словно граница, разделяла нас с иракцами: мы на этой стороне реки, они на той.

Наш батальон и ещё два других были первыми, прибывшими в атомный центр. Все три батальона без задержки разместились в раскалённых солнцем контейнерах, а десять остальных батальонов, прибывшие позже, обосновались на большем удалении от реки, в пальмовых рощах, где загодя были разбиты палатки.

Прошло три или четыре дня, и все задавались вопросом: когда начнётся наступление? И вот подъехал Хабиб на мотоцикле и сказал мне:

– Брат Хошлафз, собирай вещи, поедем.

Сердце моё ёкнуло: неужели что-то случилось? Неужели я допустил какую-то ошибку и командир батальона хочет отправить меня в тыл? Несколько ребят из батальона издали наблюдали за нами, и я спросил у Хабиба:

– Что случилось?

– Садись, – ответил он. – Позже объясню.

Что бы это ни было, он не хотел, чтобы сослуживцы знали о его решении. Я сел на мотоцикл, терзаясь тревожными мыслями. Хабиб дал газу и подъехал к зданию, где разместились командование и штаб. По-прежнему ничего не объясняя, поднялся на второй этаж и ввёл меня в комнату, где находились Мотеваселиан и Шахбази, а с ними ещё один, незнакомый мне человек. Все трое склонились над картой. Хабиб поздоровался и сказал:

– Это брат Хошлафз, командир разведки батальона Муслима ибн Акиля¹.

Слова Хабиба показались мне прохладным успокаивающим ветерком, обдувшим моё горящее от жары тело. Хадж Ахмад Мотеваселиан, снова увидев меня, обрадовался. А двое других просто молча на меня смотрели, это были хадж Махмуд Шахбази и третий, незнакомый; позже я узнал, что это – командир разведки бригады. Хадж Ахмад сказал мне:

– Брат Самад ознакомит тебя с задачами, поставленными перед разведкой батальона Муслима ибн Акиля.

После того как совещание закончилось, первыми словами, сказанными мне Самадом Йекта, были такие:

– Каждую ночь ты должен с новыми людьми пройти несколько километров маршрута и вернуться. Ты считаешь себя способным на такую работу?

– Я ходил в разведку раньше, под Мариваном и Саре-Поле-Захаб, – ответил я. – Я знаком с работой разведки.

– Но здесь не Мариван и не Саре-Поле-Захаб. Каждый командир разведки в каждом батальоне должен провести 350 человек по заранее разведанным коридорам, а это непростая работа.

Я очень твёрдо и с уверенностью в себе ответил:

– Если вы сомневаетесь в моих способностях, что ж, испытайте меня.

Самаду Йекта понравились моё рвение и готовность к бою, и он ответил:

– Тогда давай! Послезавтра ночью пойдём на первые разведывательные задания.

На следующий день до полудня нас собралось 25 проводников: назначенные всеми командирами тринад-

¹ Во время штабных заседаний Мотеваселиан и Шахбази потребовали от командиров батальонов в течение одного дня предоставить им двух человек, которые будут отвечать в батальоне за разведку. Хабиб выбрал меня и ещё одного бойца.

цати батальонов, плюс к этому те, кто делал эту работу раньше: кадровые ребята из разведки бригады. И опять оказалось, что я среди них всех – самый молодой по возрасту: шестнадцатилетний проводник.

Вначале нас ознакомили с картами и синьками. Запылённой жемчужиной на каждой карте был город Хоррамшахр, к тому времени получивший прозвище «Окровавленного города». Этот город возвращал меня к вселенной детства, к безмятежным довоенным дням, когда мы всей семьёй ездили сюда в праздники и каникулы. Наверняка после 19 месяцев оккупации этот город полностью утратил свою прежнюю живость.

Командир разведки до начала первых разведывательных поисков привёл всех проводников к подножию сооружения под названием «Башня Абу-Зарр». Она возвышалась из пальмовых рощ в некотором отдалении от реки Карун и давала возможность полного обзора фронта и вражеской территории на глубину 15–20 километров. Сама башня имела высоту 60 метров и четыре площадки: внизу, на средней высоте, выше и на самом верху. На каждой площадке несколько человек с сильными биноклями исследовали маршруты для готовящегося наступления. Было ясно, что те, кто смотрел с башни вперёд, были в курсе планируемой операции по освобождению Хоррамшахра, при этом допуск их на более высокие площадки был разделён в зависимости от служебных обязанностей – например, командира батальона или командира гарнизона. Поэтому нас, новоназначенных проводников, подняли на первую площадку, находившуюся на высоте 15 метров.

Отсюда всё было хорошо видно. Чуть впереди среди пальмовых рощ текла река Карун, от Ахваза в сторону Хоррамшахра. На той стороне реки начиналась территория иракцев, пункты наблюдения и, возможно, засады, а в отдалении была видна насыпь, очерчивающая круг

площадью примерно в квадратный километр. По данным предварительной разведки, насыпь окружала позиции танкового батальона под названием «Батальон Зайн аль-Кавс». Эту кольцеобразную позицию мы и должны были разведать, так как она являлась главной целью батальона Муслима ибн Акиля. Позади этой круговой позиции до самой асфальтовой дороги Ахвас – Хоррамшахр не было никаких препятствий, кроме той высокой насыпи, которая была устроена иракцами вплотную к этому шоссе по всей его длине, чтобы под её прикрытием свободно передвигаться на протяжении 90 километров от Хоррамшахра до передовых позиций вблизи города Ахваза. Эта насыпь, в случае возможного нашего прорыва, послужила бы иракцам в качестве мощного военного укрепления, из которого они могли пулемётным и танковым огнём расстреливать появившиеся на открытом пространстве войска.

Дальше, при всех моих попытках и несмотря на сильный бинокль, я ничего разглядеть не смог, город Хоррамшахр был вне пределов видимости. Ясно было, что после разведки и тщательного, метр за метром, выбора маршрута на этой приречной равнине с её высохшей и растрескавшейся землёй нам предстояло ещё пройти десятки километров до предместий Хоррамшахра.

Мы спустились с башни и теперь смогли лучше оценить детальность наших карт, а со следующей ночи началась разведывательная работа. В половине третьего пополудни мы вместе с командирами разведгрупп погрузились в «Тойоту» и из атомного центра поехали на юг вдоль реки Карун. Проехав восемь километров, прибыли на базу разведчиков, представлявшую собой блиндаж со множеством карт и синек, на берегу реки Карун. Здесь опять я увидел хадж Махмуда Шахбази, исполняющего обязанности командира бригады, который лично руководил инструктажем, процессом засылки разведгрупп

за реку и сбором и обработкой полученной от них информации. Он и его заместитель Хосейн Хамадани далее передавали полученные сведения Хасану Багери, естественно, делая это не чисто механически. Основным источником получения информации были проводники, которые каждую ночь ходили в разведку и иногда для ориентации на местности брали с собой командиров батальонов. Руководители же разведки обобщали и порой исправляли нашу информацию, придавая ей окончательный вид.

Командиры разведки на закате, в том самом главном блиндаже разведчиков, читали намаз, затем вместо ужина ели только сухой хлеб и не мешкая формировали разведгруппы. Я попал в команду из четырёх человек, разведывавшую маршруты движения для наших батальонов, иными словами, ту дорогу, по которой войска пойдут в ночь наступления. Таких групп из четырёх человек было несколько; с наступлением темноты на лодке через реку нас перевозил Самад Йоноси, парень из Хамадана, и затем четвёрки расходились каждая в своём направлении. Компасы для уточнения маршрутов имелись не у всех проводников, и мы с самого начала договорились, что будем считать шаги от самого берега реки: один, два, три – и так далее. Досчитав до ста, клали в карман небольшой камешек, а по возвращении считали эти камешки и так определяли пройденное расстояние. Позже этот счёт мы стали вести с помощью зёрен на чётках. У всех счёт должен был совпасть; кроме того, все повороты и изгибы маршрутов мы отражали на бумаге.

В первые ночи мы не углублялись дальше шести километров от берега, однако дистанция выдвижения нашего батальона Муслима ибн Акиля к своей главной цели, т.е. к кольцевой насыпи «Зайн аль-Кавс», составляла 14 километров. Поэтому в каждую следующую ночь мы углублялись немного дальше и возвращались

тем же путём, в полной тишине, избегая столкновений с врагом.

Каждую ночь, чтобы не сбиться с пути, мы начинали движение вдоль сухого дренажного арыка, который вёл нас на большое расстояние, но когда он кончался, начинались наши блуждания. Приходилось забывать про карты и компас и дальше двигаться как бы ощупью. Из-за твёрдости почвы и дальности расстояний мы натирали мозоли на ногах. Иногда от времени начала пути до возвращения проходило 13 часов, ноги всё это время были в ботинках, и по возвращении сил расшнуровать их или снять носки с ног с прорвавшимися мозолями уже не было. Остальные члены разведгруппы должны были стаскивать с нас эти ботинки, отлеплять от ног носки и прикладывать лёд к ступням. Начиная с третьей ночи, это стало обычным делом во всех разведгруппах. В третью ночь, углубившись на 8 километров, мы во время возвращения сбились с пути. Вот тут впервые душой моей овладели сомнение и неуверенность. Я боялся не за себя лично, потому что был готов к плену и смерти, но за выполнение задания. Смогу ли я в ночь наступления довести 350 человек до земляной насыпи «Зайн аль-Кавс» – пусть даже с помощью командира батальона Хабиба, его первого зама Замани и второго зама Багера Силвари?

В эту ночь мы изрядно поплутали, и я невольно вспомнил тот случай из детства, когда заблудился на улицах Хоррамшахра. Потерял отца и мать, и только полиция нас воссоединила.

В эту ночь один из парней сориентировался по звёздам и указал нам путь; направление оказалось верным, и мы вернулись, хотя и с тревогой в душе, с волдырями на ногах и с измученными бессонницей глазами.

Вернувшись, мы решили со следующей ночи протянуть телефонный провод для ориентировки. Это бы нам сильно помогло, но в то же время провод мог быть обна-

ружен иракской разведкой, которая установила бы наш маршрут. Поэтому пришлось довольствоваться внимательным изучением карты и местности и стараться совмещать одно с другим.

Четвёртой ночью на обратном пути меня одолел сон. Ноги ступали по земле, но веки закрывались. Именно тогда из-под ног моих скользнула большая чёрная змея, после чего сон как рукой сняло. Итак, маршрут не имел ни минных заграждений, ни колючей проволоки. И до четвёртой ночи наших вылазок враг не предпринимал никаких попыток дополнительно укрепиться.

Однако на пятую ночь мы заметили в кольцевом укреплении, на 14-километровом удалении от реки Карун, торопливую работу иракцев: они строили новые насыпи¹. В ночной темноте перед прежней насыпью работали бульдозеры и погрузчики. Нам пришлось обходить их для того, чтобы посчитать примерное количество живой силы и техники внутри укрепления. Внутри кольцевого укрепления находилось около 45 танков и большое количество коллективных и индивидуальных блиндажей и окопов.

В шестую ночь мы как следует покрутились уже дальше кольцевого укрепления, в так называемой степи Тахери – нас вёл проводник батальона Аммара ибн Ясира². Эта местность отстояла на 14 километров от нашей начальной точки маршрута на берегу реки; отсюда оставалось ещё 2–3 километра до асфальтового шоссе Ахваз – Хоррамшахр. Всего в эту ночь мы прошли около 28 кило-

¹ Обнаруженные в иракских окопах документы впоследствии рассказали о том, что у них был план строительства сплошной насыпи вдоль берега реки, и они бы осуществили его, если бы наступление задержалось на 3–4 дня.

² Аммар ибн Ясир – один из сподвижников Пророка Мухаммада, он был одним из мухаджиров, переселившихся вместе с Пророком в Медину (*прим. перев.*).

метров, считая путь туда и обратно. Там же мы видели и иракские дозорные группы, однако боестолкновение с ними означало бы плен для нас и раскрытие иракцами планов наступления. Нам и так было, что доложить, и предвкушение этого нашего доклада Шахбази и Хамадани придавало сил нашим усталым и натёртым ногам. Часть пути мы проделали бегом. Мы вышли в поиск ещё до заката и возвращались перед рассветом, поэтому у нас не было выбора: утренний намаз мы читали на ходу и на бегу, не обращая внимания на то, в какой стороне Кааба.

В восьмую ночь разведки нам предстояло «закрыть проходы»¹, и мы выступили в путь с бóльшим, чем прежде, количеством проводников. В эти ночи большинство проводников были парнями из Тегерана. Из числа хамаданцев я помню Исмаила Шокри Моваххеда, Резу Ноурузи и Машаллу Башири.

Перед выходом на маршрут меня вызвал Махмуд Шахбази и объявил: «Батальон Муслима на взятие насыпи “Зайн аль-Кавс” поведёшь ты один».

До этой ночи я думал, что поведём мы вдвоём: я с помощью Хосейна Кешвари Делаваара, но Шахбази уже объявил Делавару: «Возникла проблема у батальона Аммара ибн Ясира, и ты должен помочь этому батальону».

Кешвари Делавар сначала хотел отказаться, но потом принял назначение, узнав, что маршрут батальона Аммара совпадает с нашим, а наша задача заключалась в охвате и обходе круговой насыпи.

Этот последний поход разведчиков совпал с засылкой в иракский тыл нескольких других групп, перед которыми Хасан Багери поставил задачу достичь асфальтового

¹ «Закрыть», или «утвердить», маршрут – термин, который применялся к действиям разведки после того, как она убедилась в практической пригодности этого маршрута. До момента начала наступления утверждённые проходы не должны были стать известны врагу.

шоссе Ахваз – Хоррамшахр; при этом мы не знали, что в эти ночи Махмуд Шахбази вместе с другими командирами разведки тоже проникал в тыл и доходил до шоссе.

Обстановка последней ночи не отличалась от предыдущих ночей, и мы смогли уверенно «закрыть маршрут» для наступления батальона в ночь начала операции. Мы знали, что глаза 35 миллионов иранцев прикованы к нам и к нашим усилиям, направленным на то, чтобы пройти весь путь до освобождения Хоррамшахра. Разведка степи Тахери и кольцевой насыпи стала возможна только благодаря преданности делу, терпению и страстному желанию освободить Хоррамшахр. Когда мы вернулись из последней разведки, мы получили награду: увидели Хасана Багери на той стороне реки Карун. А когда он увидел Махмуда Шахбази, в эту ночь со своей группой дошедшего до шоссе, он не смог скрыть своего восхищения, и мы слышали, как Шахбази сказал: с такой разведкой – иншалла – путь к освобождению Хоррамшахра открыт.

* * *

Наступил полдень 10 ордибехешта (30 апреля) 1982 года. Басиджи готовились к большому и судьбоносному наступлению, нацеленному на освобождение Хоррамшахра. Не позднее 15 часов они должны были сесть на «Тойоты», чтобы прибыть к берегу реки. Там их будут ждать лодки. И вот все напряжённо готовились к бою. Кто-то чистил оружие, кто-то набивал магазины патронами, многие пришивали белую материю на рукав. Эта белая повязка была отличительным знаком бригады Пророка Мухаммада. А многие скрылись в пальмовых рощах и там в молитвенном уединении писали завещания. Вовсю кипела ярмарка прощальных объятий и горячих слёз друзей, которые думали, что больше не увидятся. Я тоже положил в мои личные вещи завещание, написанное

в Мариване, и в который раз проходил по карте и синьке тот путь, которым поведу батальон Муслима ибн Акиля. Я старался успокоить сам себя, чтобы с упованием на Всевышнего довести батальон от берега реки до находящегося в 14 километрах от него кольцевого укрепления «Зайн аль-Кавс».

* * *

Ровно в 15-00 басиджи плотно набились в кузова «Тойот» и выехали из атомного центра в направлении реки. В четыре тридцать наш батальон был доставлен к лодкам «Джимини»¹, а «Тойоты», которых не хватало на всех, поехали обратно, чтобы забрать оставшиеся батальоны. За час до заката службы снабжения начали раздачу пищевых пайков на той стороне реки. Бойцы сидели в обширных густых тростниковых зарослях и были готовы, после ужина и чтения намаза, в ночной темноте двинуться к кольцевой насыпи. Однако в таком столпотворении бойцов не все имели полный комплект вооружения, и распределение оружия и патронов продолжалась вплоть до начала движения. Кое-где патроны черпали лопатками, насыпая в карманы. Те, кто знал о предстоящем пути в 14 километров, больше других беспокоились об отсутствии воды, потому что стандартная фляжка будет каплей в море, учитывая длинный путь по безводной пустыне и бои до утра. Тут-то мы поняли, насколько прекрасны многолитровые фляги и бидоны для воды: ребята с помощью начальника снабжения бригады хадж Махмуда Никуманзара прикрепляли их на спины на манер рюкзаков. Все бидоны обматывались окопными мешками для песка: как для маскировки, так и для того, чтобы вода не нагревалась. Тащить эти 20-литровые фляги было делом тяжёлым, но необходимым; однако

¹ Резиновые лодки большой вместимости для путешествий на короткие расстояния.

были в нём и свои особые трудности. Плеск воды в бидоне, когда человек встаёт или садится, хорошо был слышен в ночной тишине, а из доверху налитых сосудов вода выливалась и обливала несущего её.

Пока что ребята ужинали. На ужин дали курицу с фасолью, консервы, что было, как оказалось, не лучшим вариантом. Я сидел рядом с Хабибом и слышал, как ему сказали по рации: «Жди».

Тогда и Хабиб объявил бойцам: «Ребята, до прибытия двух других батальонов на эту сторону реки скорее прочитайте намаз».

Я держался рядом с начальством, и многие из моих бывших друзей только теперь начали задаваться вопросом: а куда я исчез и где был в последние недели? Даже моим близким друзьям было трудно принять тот факт, что я, такой юный, в качестве проводника поведу за собой весь батальон. Хабиб посадил меня рядом с собой и твёрдо приказал командирам рот, чтобы они следили за тем, чтобы никто не отставал и не выходил из колонн.

Два батальона с разницей в полчаса прибыли на назначенный рубеж. Когда полностью стемнело, мы пошли вперёд вдоль всё той же дренажной канавы, затем – согласно карте.

Три батальона двигались с одного рубежа практически параллельно. Расстояние между батальонными колоннами составляло 10 метров. Приказ о тишине в радиоэфире пока не поступил, и Хабиб с Шахбази всё время связывались друг с другом, а я нервничал: поймут ли иракцы по нашим разговорам, что началось наступление? Мы не прошли и половины пути, когда колонны стали проявлять признаки усталости и подавленности духа. Их вины в этом не было. В большинстве это были очень молодые ребята, старшего школьного возраста, ботинки были велики для их ног, стальные каски болтались на головах, да прибавьте к этому ещё и то, что

у многих разболелись животы – возможно, из-за тех самых консервов. Чуть ли не поголовно на середине пути ребят пробрал понос. А туалетов и умывальников не было¹.

Хабиб шёл во главе колонны. Господин Замани, его заместитель, шёл вторым, а я третьим. За мной шёл Хамид Хеджефоруш, который выполнял мою прежнюю работу, а именно – считал расстояние зёрнами чёток². Некоторые из командиров во время движения постоянно проверяли строй. Из-за отравления тела ребят быстро теряли воду, и, соответственно, слишком быстро уменьшалось количество воды во флягах. Чем дальше мы шли, тем сильнее овладевали бойцами слабость и растерянность. Хабиб сказал: «Хошлафз, я думаю, что до сих пор мы шли правильным маршрутом».

Я кивком головы подтвердил его слова, однако в душе засомневался. Вспышка из ствола дальнобойного иракского орудия на миг осветила всё вокруг, а затем небо прочертил красный след снаряда или ракеты «катюша». Объяснить это можно было только одним образом: иракцы уже после нашей последней разведки разместили новую батарею внутри кольцевой насыпи. Неожиданность за неожиданностью. Хабиб снова спросил:

– Хошлафз, мы правильно идём?

– Идём правильно, – ответил я, – подтверждение чему – вот те три грунтовые дороги, которые видны издали.

Мы подошли к первой из этих дорог. Вдоль неё тянулось множество электрических и телефонных проводов,

¹ После боя те, кто шёл следом за нами, в шутку говорили, что мы для них хорошо пометили маршрут.

² Каждые 125 шагов считались за 100 метров и соответствовали одной бусине чётка. Сегодня, когда я на религиозных церемониях беру в руки чётки, я иногда вспоминаю те дни и как бы начинаю считать шаги. Один, два, три... И вижу себя на пути от реки Карун к шоссе на Хоррамшахр.

и было заранее решено, что, достигнув этого места, мы перережем все эти провода. Один боец с инструментом наподобие ножниц для колючей проволоки набросился на электрические провода, а я штыком резал телефонные. Чувство было хорошее: я как будто схватил иракцев за душу. Хабиб наблюдал за тем, чтобы электрические провода не искрились. Шахбази настаивал на том, чтобы резать провода таким образом, чтобы не было искры. Мы оставили эту дорогу позади, и теперь Хабиб и другие командиры говорили с Шахбази и Хадж Ахмадом более спокойным тоном.

Сияла луна. Мы развернули синьку и убедились, что достигли «Высоты 340» и удалились от берега реки на 7 километров. В этой точке батальон Аммара должен был отделиться от нас и отклониться влево, поскольку несколько иракских дозорных окопов были вынесены намного вперёд от кольцевой насыпи и, если бы они вступили с нами в бой, то все спящие внутри насыпи «Зайн аль-Кавс» мгновенно бы проснулись. Двум батальонам, насчитывающим вместе 700 человек, пройти мимо этих дозорных окопов можно было лишь с помощью Всевышнего. Луна освещала степь подобно яркому прожектору, и всё вокруг казалось белым и сверкающим, а тени идущих ритмично сокращались и удлинялись. Мною овладел страх: вот сейчас нас заметят и начнётся бой. Тут Хабиб сказал: «Передай по цепи шёпотом: пусть ребята читают “Воздвигли Мы”¹ и идут вперёд».

Удастся ли нам задуманное благодаря молитве? Вера Хабиба и его решимость говорили «да», однако луна с неба, подмигивая, намекала, что она на стороне иракцев.

¹ Аят 9 суры «Йа син»: «Воздвигли Мы преграду перед ними, а также позади них, набросили покров, так что не видят они». Этот аят бойцы читают с глубоким знанием его особенностей и с верой в то, что он делает врагов слепыми (*прим. авт.*). Цитата из Корана приведена в переводе М.Н.-О. Османова (*прим. перев.*).

Только мы сделали первые шаги, как в небе сверкнула молния и прогремел гром; и небо, и земля осветились. Мы все присели. Я подумал, что иракские дозоры слышат стук наших семисот сердец. Повинуясь жесту Хабиба, все продолжали неподвижно сидеть и только смотрели на луну, к которой приближалось чёрное облако; вот оно закрыло луну, словно маска, и стало так темно, что каждый из нас не видел своего соседа. Я не верил своим глазам, но молитва «Воздвигли Мы» сделала своё дело.

Мы больше не медлили и бесшумно обошли справа и слева дозорные окопы, и иракцы ничего не заметили, а луна всё так же оставалась скрытой чёрным облаком. Вновь грянул гром, и небо расколола молния, и дождь – эта милость Божья в конце лета – хлынул на земли степи Тахери. Ритм шагов участился. Мы уже оставили далеко позади дозорные окопы и вместе с батальоном Аммара приближались к кольцевому укреплению. Дождь не утихал, и некоторые в строю плакали: те, кто считал эту помощь Божью предвестником нашей победы в сражении. Но мне было не до радостных слёз: меня всё больше мучили сомнения. Чрезмерная уверенность во мне Хабиба, кажется, подвела меня. Да, в предыдущие ночи я действовал хорошо, но ведь я был в группе среди четырёх – шести товарищей, а теперь я один вёл за собой 700 человек, да ещё и тысячи других людей наверняка шли сейчас по другим маршрутам в сторону иракцев. Я то и дело проклинал сам себя: а что, если нас обнаружат до того, как мы достигнем кольцевого укрепления, – все сочтут виновным в этом меня и мой неправильный расчёт маршрута. Меня, который должен был ещё сидеть за школьной партой, который должен был бы подрасти и созреть, прежде чем вести за собой всех этих бойцов.

Я мучился этими сомнениями, когда чёрная туча отползла, и луна снова заулыбалась нам. Хабиб с удивлением смотрел на меня. А я был почти не в себе. Голос мой

дрожал. Хабиб понял моё состояние по бледному лицу и прерывающемуся голосу. И спросил:

– Хошлафз, что-то случилось?

Я несколько раз проверил по компасу азимут и ответил:

– Мы неверно идём. Сбились с пути.

Я ждал, что в этой относительно спокойной обстановке он рассердится и накричит на меня, но он очень спокойно сказал мне:

– Дай мне компас. – Потом он проверил азимут и спросил: – Разве в предыдущие ночи разведки вы не видели эту местность?

– После дозорных окопов и грунтовой дороги мы подходили к возвышенности. Этой возвышенности нет здесь.

– Не нервничай. Я рядом с тобой. Мы шли правильно. Я эту местность видел с башни «Абу-Зарр».

В тот же миг его вызвал по радиации Шахбази:

– Салман 5, Салман.

Услышав голос Шахбази, Хабиб не захотел при мне говорить ему, что мы заблудились, чтобы я не растерялся ещё больше. Он отошёл от меня и начал говорить с Шахбази без кода и шифра. Он говорил так негромко, словно позвонил из собственной квартиры в дом своего брата. Я приблизился к нему и прислушался. Шахбази сказал ему:

– Всё правильно. Только подождите, пока сядут за стол Аммар и Микдад.

Тут слёзы сдавили мне горло. Я заплакал, почувствовав каждой частичкой тела помощь Всевышнего. Попятился назад и встал в сторонке ото всех. Хабиб вернулся к общей группе, увидел, что я плачу, и сказал:

– Мы правильно шли, дорогой мой. Хадж Махмуд это подтвердил.

Вдалеке едва-едва виднелась кольцевая насыпь. Мы сидели на земле на расстоянии четырёхсот метров от

неё. Семь или восемь бульдозеров рядом с этим кольцом делали новую насыпь со стороны реки Карун¹. Хабиб знал, что с падением главной кольцевой насыпи, то есть укрепления «Зайн аль-Кавс», эта новая насыпь станет бесполезной, поэтому мы сидели вдали и наблюдали, как бульдозеристы роют траншеи и кучами наваливают землю.

Я шёпотом спросил Хабиба:

– Когда мы должны начать бой?

– Пока иракцы нас не заметят и не начнут сами, мы не должны начинать.

Он опять связался с Шахбази и запросил указаний. Тот объяснил, что батальон Аммара уже на месте, но третий батальон, чей рубеж был дальше нас – в сторону шоссе, – ещё не достиг намеченной позиции.

Минуты проходили медленно. Руки сжимали приклады, а пальцы лежали на спусковых крючках. Гранатомётчики сняли своё оружие с предохранителей и не сводили глаз с командиров рот, ожидая их приказа, а командиры рот смотрели на Хабиба, ожидая знака от него, он же, в свою очередь, ждал приказа хадж Махмуда Шахбази.

Время было около полуночи. Хабиб приказал командирам рот построить бойцов в линию атаки.

Моя задача закончилась, когда я привёл бойцов к рубежу атаки, и теперь я должен был для боя присоединиться к какой-то роте. Я увидел Багера Силвари, который был и вторым заместителем командира батальона, и командиром одной из рот, и попросил разрешения у Хабиба присоединиться к роте Багера. И тут я услышал по рации голос Шахбази, он был твёрдым и обнадеживающим:

– О Али ибн Аби Талиб, о Али ибн Аби Талиб, о Али ибн Аби Талиб.

¹ Когда я увидел попытки иракцев усилить свои укрепления, я понял, почему командование так спешило начать наступление.

Хабиб взвился, как птица, выпущенная из клетки. Он приказал трём командирам рот начать атаку, а я подбежал к Багеру, и все вместе мы линейным строем побежали к насыпи и взобрались на неё. Ребята увидели внутри насыпи множество танков, неподвижно стоящих в своих ямах-капонирах, а танковые расчёты всё ещё оставались в полном неведении о нас – это было именно то, что нам требовалось.

При первом же взгляде с насыпи можно было увидеть внутри неё сорок – пятьдесят танков. Я всё ещё был в изумлении от той помощи, которую нам оказывал Всевышний, и, стоя на насыпи, слышал крики «О Али», «О Захра», которые наполнили всё пространство. Во мраке больше всего бросались в глаза как бы светящиеся зелёные дула вражеских танков. Каждую секунду мы были готовы к тому, что иракцы выскочат из окопов, из танков, но первые несколько мгновений никакой реакции не было. Затем вдруг всё изменилось. Было такое впечатление, что ты сунул палку в осиное гнездо: иракцы появились из-за насыпей, из окопов, из-за танков. Кто-то из них бежал в одну сторону, кто-то в другую, но спасения не было. Батальон Аммара также ворвался внутрь кольцевой насыпи, которая оказалась окружённой со всех сторон, и иракцы могли только внутри неё бегать вправо-влево. Мне кажется, что первый выстрел был сделан мною по какому-то бегущему иракцу, и остальные наши ребята тоже молниеносно обрушились на врага. Мы брали окоп за окопом, закидывая их гранатами и зачищая. Иногда мы кричали: «Выходите наружу!» – и снова кидали гранаты: так часто, что, когда я бросил в один блиндаж гранату, взрывной волной отбросило того, кто был рядом со мной. Кроме танков, тут были и большие грузовики, которые начали хаотично ездить туда-сюда, но, куда бы они ни поехали, их встречали либо бойцы батальона Аммара, либо нашего. Один грузовик газанул

и понёлся на нас, словно пьяный; но наш гранатомётчик выстрелил ему по колёсам, и грузовик остановился. Мы набросились на сидящих в нём: их было шестеро, и один из них очень громко кричал:

– Выпить, выпить!

– Ах, подлец! – меня это взбесило. – Ты у нас выпивку требуешь?

Я чуть было не прошил его очередью, но один из ба-сиджей, который на гражданке был учителем, остановил меня:

– Этот бедняга просит воды, а не той выпивки, о которой ты подумал.

Мы связали всех шестерых по рукам и ногам и продолжали зачистку. Три с половиной часа продолжался этот бой, в котором мы имели неоспоримый перевес; лишь в одной стороне кольцевой насыпи иракцы оказали серьёзное сопротивление батальону Аммара.

Теперь я уже не пытался разыскать ни Хабиба, ни Багера. Меня тревожило то, что мы пока не отправили в тыл пленных. Часть танков оставалась на месте, а если с восходом солнца третий батальон не займёт асфальтовое шоссе Ахваз – Хоррамшахр, то мы не сможем удержать захваченную позицию и иракцы в случае умелой атаки смогут погнать нас назад к самой реке Карун. Эта мысль сразу изгнала из моей отяжелевшей головы сон и усталость. Я опять начал искать Хабиба, чтобы получить от него приказ для дальнейших действий, как вдруг услышал крик: «Один парень ранен там, в кабине иракской машины. Кто-нибудь, помогите вытащить его!».

Я не стал медлить. Заглянул в кабину и увидел Хамида Хеджефоруша, за рулём и без сознания. Сначала я не понял, что случилось. Всмотрелся и увидел, что его руки свисают до пола кабины. Моё предположение оказалось верным. Он хотел завести эту машину, но она была зами-

нирована иракцами: попытка завести двигатель приводила в действие ловушку, и гремел взрыв. Хамид был тяжеловесен, возрастом – лет на шесть-семь старше меня. Кое-как я вытащил его из кабины и разорвал на нём брюки. Обе его ноги были во многих местах продырявлены мелкими осколками, но крови было не так много. Была надежда, что он выживет, выдержит путь до медпункта. Я бросился искать какой-нибудь транспорт в тыл, и еле-еле, суля всем золотые горы, нашёл одного бойца с машиной, сказав ему: «Возьми этого раненого в свою машину, отвези его в тыл».

Он долго хныкал и ворчал: мол, не знает местности, то да сё. Я закричал на него:

– Он умирает! Йалла, вези же его скорее!

Парень нехотя согласился, а я опять склонился над Хамидом. Взшло солнце. Хамид мучился от жажды. Очень хотел пить и не переставал умолять меня:

– Хошлафз, немного воды... чуть-чуть воды!

Я не реагировал. Я слышал, что при кровотечениях раненым пить не рекомендуется. Но он всё повторял:

– Заклинаю тебя имамом, заклинаю и умоляю, дай мне хоть каплю воды.

Быть может, если бы я знал, что это его последние мгновения жизни, я бы достал ему воды. С помощью всё того же водителя мы погрузили его в машину, и когда водитель готов был уезжать, я увидел, что глаза Хамида стали белыми, обратились к небу. Всё горе мира обрушилось на меня. Подошёл Али-Реза Торкаман, один из друзей Хамида Хеджефоруша. Он не проявил никаких чувств, а мне сказал:

– Здесь есть бронетранспортёр, в нём полно боеприпасов. Давай отгоним его в тыл.

Водитель увёз тело Хамида, а мы с Али-Резой пошли заводить бронетранспортёр. Но, как мы ни старались, завести его так и не смогли.

– Бесплезно, – сказал Торкаман. – Пойдём зачищать последнюю насыпь.

– А разве ещё кто-то остался? – спросил я.

– Мы должны убедиться, – ответил он.

И мы пошли туда, где маневрировали четыре танка. Было трудно определить, управляют ли ими враги или наши ребята, взявшие их в качестве трофеев. Но танки управлялись врагами, и я бы даже не поверил в это, если бы своими глазами не увидел на броне одного из них 10–15 иракцев. Они сидели на танке и не стреляли – только ошалело, растерянно смотрели по сторонам.

– Стреляйте в них! – закричал я.

Наш боец выстрелил по ним из гранатомёта. Но граната не попала в танк. Иракцы очень громко и быстро что-то говорили. Вторая граната попала сбоку в танковую башню, взорвалась, и все, кто был на броне, слетели с неё прочь – живые или мёртвые. Три других танка также остановились, и иракцы подняли руки, сдаваясь. Ребята погнали эти три целых танка в тыл, а Торкаман не оставлял своей промысловой деятельности.

– Эти танки повреждены, – сказал он, – но их ещё можно использовать.

Он открыл люк одного из них. Бедняга водитель был мёртв – то ли от попадания гранаты, то ли по какой-то другой причине. Торкаман принялся за дело и, привязав верёвку к телу водителя, вытащил его из танка. Потом кое-как, обливаясь потом, сел на водительское место и повёл танк вперёд. Я сидел наверху на броне и с высоты смотрел на поле боя, вспоминая подробности ночного штурма. Мы подъехали к окопу, который был, похоже, иракским складом провианта. Со вчерашнего вечера я ничего не ел – и, кстати, мне очень повезло, что я не поужинал тогда вместе с другими, иначе тоже страдал бы, как они, от болей в желудке и от поноса.

Теперь у меня имелась возможность плотного завтрака, состоящего из молока, куриных яиц, сыра и мелких слив. От голода в животе моём громко заурчало, а ребята уже ели, стоя рядом с окопом, я же только смотрел на них.

Один парень что-то спросил у меня на тегеранском диалекте: произнёс слова, похожие на «эс-эс» и на «понос». Я не понял, что он говорит, но ответил так:

– Они нечистые, и еда их тоже нечистая.

И я не стал завтракать, сел недалеко от этого окопа и тут увидел Хабиба. Он казался очень оживлённым, счастливым:

– Ага, Хошлафз, куда ты пропал?

– Я участвовал в зачистке и видел, как погиб Хамид Хеджефоруш.

И я рассказал обо всём: и как тот просил воды, и как я ему не дал, а теперь мучаюсь угрызениями совести, которые не позволяют мне ни есть, ни пить. Как всегда, Хабиб внёс ноту успокоения, сказав:

– Да упокоится дух его. Не грызи себя. Ты исполнил свой долг.

* * *

Я сел в «Тойоту» Хабиба, которая везла солдат вперёд. Ещё не было десяти утра. По предложению хадж Ахмада и хадж Махмуда, в месте, находящемся между кольцевой насыпью и асфальтовым шоссе, начали устраивать новую насыпь, параллельную шоссе. В случае стойкого сопротивления иракцев, если бы им удалось отстоять военное укрепление, эта насыпь стала бы нашей передовой линией. Поэтому живую силу, оружие и даже захваченные нами танки перемещали к этой насыпи.

Когда мы подъехали туда, я увидел господина Хамдани, который соединил воедино силы батальонов Муслима и Аммара. Тогда же начались первые иракские

бомбардировки. Иракцы поняли, что бои на большой площади и на разных направлениях означают наше крупномасштабное наступление, нацеленное на освобождение Хоррамшахра. Поэтому они начали бомбёжки и обстрелы всех наших позиций, включая тыловые, берега реки Карун и всю территорию захваченного нами кольцевого укрепления. Вместе с самолётами иракские «катюши» также обрушили свои первые удары на ту насыпь, за которой мы сосредоточились. А мы-то считали эту насыпь запасной позицией.

Тем временем я увидел, что двое наших указывают на меня водителю санитарной машины. Он подошёл ко мне.

– Брат, вы из парней разведки?

До сих пор к моим действиям ни у кого не было упрёка, и я, несмотря на то, что разведчики обычно не афишируют свою специализацию, решил её не скрывать. Мне было приятно, что ко мне обратились как к разведчику, и я ответил:

– К вашим услугам.

– Нам сказали, что там впереди много раненых, которых нужно эвакуировать в тыл, но мы не знаем дороги. Вы знаете, где находится наша передовая?

– Да, знаю, – ответил я, надуваясь от важности.

Я предполагал, что передовая очень далеко впереди, поскольку для батальона Муслима окончанием разведанного маршрута было укрепление «Зайн аль-Кавс», и всю эту местность я знал. Дальнейший маршрут мне был неизвестен, и всё-таки я не ответил «нет». Я сказал сам себе, что самую трудную часть пути мы уже прошли. Дальше, справа и слева, везде наши ребята, так поедem и посмотрим, что там впереди.

Мы сели в санитарную машину. Там были водитель, его помощник и ещё один человек, которого я вначале принял за иракца, но он сказал, что он из Ахваза и тоже

добирается до передовой. И вот все эти рабы Божьи понадеялись на меня, а я столько времени не спал и давно не ел, и своими усталыми глазами напряжённо смотрел вправо-влево и вперёд, надеясь на то, что мои личные догадки успешно приведут их к цели.

Не проехали мы и восьмисот метров, как увидели посреди пустыни горящий «Ниссан» жёлтого цвета. Мы поехали дальше, туда, где стояло несколько «Тойот» и вокруг них лежали трупы. Всё это казалось слегка подозрительным, и водитель спросил:

– Мы правильно едем, брат?

– Правильно, – ответил я. – Давай вперёд.

Дальше навстречу нам ехала «Тойота», торопливо, на большой скорости, и фары были включены. Из этой «Тойоты» кто-то высунул руку и подавал сигналы платком, явно пытаясь что-то сообщить нам. Всех этих признаков оказалось недостаточно, чтобы я понял, что везу этих рабов Божьих явно не туда; и вот наконец мы доехали до двухсотметрового военного укрепления, показавшегося мне похожим на высокое и длинное укрепление вдоль шоссе Ахваз – Хоррамшахр, которое я видел с той стороны реки, с высоты обзорной башни. Тут я, наконец, понял, что мы заехали не туда, но было уже поздно. Я закричал:

– Брат, поворачивай назад: это иракское укрепление!

Водитель, который до этого считал меня проводником, полностью заслуживающим доверия, аж взвился в раздражении:

– Вот тебе и брат, да чтоб ты подавился! Брат, чтоб тебя разорвало! Да ты нас под такое подвёл, что теперь не выкарабкаться!

Времени на дебаты не было, потому что водитель был совершенно прав: иракцы уже заметили неприятельскую санитарную машину. Первую очередь они дали

в тот самый момент, когда водитель резко развернул машину, чуть не поставив её на дыбы. Теперь мы стояли задом к иракцам, но машина въехала в какую-то яму и застряла там. Задние колёса бешено крутились на месте, и позади «Тойоты» поднялся столб песка и пыли, как будто «катюша» дала залп.

Водитель туда-сюда дёргал передачу, машину трясло от напряжения, и всё-таки он сумел выехать из этой ямы. Между тем иракцы уже стреляли по нам из пулемётов и гранатомётов. Водитель дал полный газ, а из облака пыли позади машины вылетали красные стрелы пуль и обгоняли нас, жужжа, а несколько пуль попало в машину. От страха перед этими очередями и от стыда я спрятал голову между колен. Тот, кто сидел рядом со мной, поступил так же: скрючился и сжался в комок. Но водитель мужественно, хотя и с раздражением, быстро уводил машину прочь от опасности, не переставая при этом ругать меня непотребными словами. Остановившись в расположении наших войск, он поставил машину на ручной тормоз и хотел наброситься на меня, но я схватил автомат, выпрыгнул и бегом пустился прочь.

Водитель гнался за мной, не переставая ругаться:

– А ну стой, кому говорят! Ты должен сказать: кто твой командир?

Упоминание командира многократно увеличило мой страх. Если он увидит Хабиба и донесёт ему на меня, расскажет, какую кашу я заварил, на этом доверие ко мне Хабиба закончится. Поэтому у меня не было выхода, кроме как бежать и прятаться, пока страсти не улягутся.

И я бежал. Забежал очень далеко и увидел какой-то пустой окоп. Сердце уже выскакивало из груди. В окопе никого не было. Я не понимал, куда я попал, но набросил на себя какой-то мешок, затаился и сам не заметил, как заснул. Причём заснул так крепко, что, если бы меня кто-то нашёл, он бы даже ударами кнута и палки не смог

бы меня разбудить. Этот сон излечил меня от нескольких ночей недосыпания, да и спас от гнева водителя.

Проснувшись на следующее утро, я обнаружил вокруг себя множество банок компота и консервов отечественного производства. Проблему недосыпа я решил, проспав 12 часов. Теперь оставалась проблема голода: ведь я пропустил четыре или пять приёмов пищи. Но здесь было столько компота и консервов, что хватило бы для насыщения и сотни голодных животов.

Глава четвёртая

ОПЕРАЦИЯ

ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ ХОРРАМШАХРА

Согласно плану операции, батальоны Хамзы, Билала аль-Хабаша и Ансаров Пророка (совместно с армейским 144-м батальоном) должны были перерезать асфальтовое шоссе и удерживать его, а наш батальон и батальон Аммара также должны были выйти на шоссе после зачистки гарнизона «Зайн аль-Кавс».

Если бы эти пять батальонов добились выполнения этого плана, то правая сторона шоссе была бы за нами; при этом левую сторону шоссе закрепили бы за собой шесть других батальонов, действующих в полосе атаки «Мохаррам»: батальоны Малика, Абу Зарра, Хабиба ибн Музахира, Мейсама и Салмана Фарси, при поддержке 2-й бригады 21-й армейской дивизии Хамзы. Однако и это было ещё не всё. На правом фланге этих одиннадцати батальонов действовала 7-я бригада «Вали Аср» из Дизфуля, а на левом фланге от нас – парни из КСИР Хоррамшахра; и мы все должны были соединиться на шоссе, однако в реальности этого не произошло. Полоса наступления «Мохаррам» была болотом, а иракцы, со своей стороны, яростно сопротивлялись и не собирались сдаваться, понимая, что в наступательной операции «Иерусалим» асфальтовое шоссе Ахвас – Хоррамшахр является

для них вопросом жизни и смерти. Значит, у них не было иного выхода, кроме как сопротивляться до последнего патрона.

К вечеру второго дня иракские танки зашли с двух сторон и замкнули окружение позади ребят. Шахбази отдал приказ батальонам нашему и Аммара: для помощи остальным батальонам выдвинуться в сторону шоссе. Мы тоже не должны были сдаваться. Если бы мы оставили шоссе под давлением иракцев, то на всей операции можно было бы поставить жирный крест. Они бы отбросили нас не только от шоссе, но и ещё на 20 километров дальше и сбросили бы в реку Карун.

Хабиб, при всём его обычном спокойствии, здесь изменил тон и говорил Шахбази по рации: «Хаджи, Ашура – наш пример».

Он слёзно просил Шахбази организовать наши собственные авиаудары и удары нашей артиллерии и «катюш» по иракским тылам – чтобы поразить те сотни танков, которые они выстроили в открытой степи. Шахбази сам был недалеко от нас и отвечал так: «Держаться. Сопротивляться».

Мы были под жестоким огнём, но не имели нормальных блиндажей и окопов. Мы заняли военное укрепление вдоль шоссе, но блиндажи там были со стороны иракцев, иными словами, в пределах досягаемости их огня, а следовательно, бесполезны для нас. Как только мы высовывали головы, сразу получали по укреплению несколько танковых выстрелов. Если кто-то пытался вести огонь из гранатомёта, то больше одного выстрела не давали сделать: убивали. В этом шквале огня и взрывов Хабиб получил ранение в ногу автоматной пулей. Общее чувство было: с его уходом в тыл весь батальон Муслима выйдет из строя. Один из басиджей закричал: «Кто-нибудь, возьмите командира и отнесите его в тыл!». Но Хабиб ответил ему: «Я до конца буду с вами».

Хабиб указал на сорок танков, которые с двух сторон обходили нас. Если бы эти танки соединились, то клещи окружения замкнулись бы позади нас. Иракцы в пешем строю атаковали шоссе в лоб, а танками обходили справа и слева, а теперь уже и сзади.

Один из тегеранцев в зелёной униформе КСИР выскочил на верх укрепления, хотя вокруг него рвались мины и снаряды. Он закричал: «Братья, заклинаю вас именем нашего дорогого имама: не давайте пощады этим неверным! Здесь граница между исламом и неверием!».

Его смелый призыв вдохнул новые силы в уже неподвижное тело нашего отряда. Двое наших засели за трофейным иракским пулемётом ДШК¹ и стреляли по наступающей иракской пехоте. Я заметил, что оба они привязали себя за ноги к пулемётному станку с помощью патронташей. Багер, командир их роты, спросил их:

– Зачем вы это сделали?

– Мы не хотим отступать, – ответили они.

Прошло полдня. Наши самолёты бомбили иракскую артиллерию, а иранские «катюши» в который раз обрушивали снаряды на иракские танки. К этому часу тела примерно восьмидесяти убитых из нашего батальона лежали повсюду вокруг нас, на них падали снаряды и мины, но убрать убитых мы никак не могли. Нужно было ждать темноты. И не верилось: сбудется ли когда-нибудь это ожидание ночи?

Не только часы – минуты и даже секунды тянулись медленно. Каждая минута сделалась как час. И солнце, кажется, не думало садиться. Земля горела и от солнечного жара, и от непрерывного иракского огня.

Судя по взрывам и неумолкающим очередям, на других участках бой был ещё ожесточённее, чем у нас. От сильных взрывов земля дрожала под нами, хотя мы

¹ ДШК – станковый крупнокалиберный пулемёт советского производства.

и не знали точно, в какой части шоссе происходило это землетрясение войны. Видимо, центр боя находился на нашем левом фланге, там, где натиску иракских танков противостоял батальон Салмана Фарси под командованием Хосейна Гаджеи – того самого героя, которого я узнал ещё под Мариваном. Он в бою на шоссе потерял всех до единого своих подчинённых. Танки выползли на асфальт и расплющили на шоссе его раненых и убитых, и он остался в живых последним и был убит пулей иракского снайпера, попавшей ему в лоб. Он пал на шоссе, но шоссе не пало. Танки были вымотаны сопротивлением ребят. Бой на шоссе прекратился после гибели командира участка «Мохаррам», Мохсена Вазваи, а также мужественного командира батальона Салмана Фарси, Хосейна Гаджеи, и после гибели сотен других.

Солнце скрылось за горизонтом. Подошёл раненный в ногу Хабиб Мозахери и сказал: «Те, кто цел, собирайте раненых и павших».

Когда к шоссе подъехал на мотоцикле Шахбази, я заметил несколько «Тойот», пробитых пулями и осколками, в кузовах которых грудями лежали разорванные на куски тела мучеников.

Шахбази обратился к Хабибу: «Нельзя эти тела в таком виде отвозить в тыл. Это деморализует бойцов».

Хабиб сам хромал, но, скрывая боль, ответил: «Слушаюсь».

Похожий на события Ашуры, бой на шоссе во второй день наступательной операции «Иерусалим» был лишь началом пути, который должен был закончиться в Хоррамшахре. Но как пройти этот путь? Слегка приоткрыл завесу над завтрашним днём тот приказ, который Шахбази отдал Хабибу: «Возвращайтесь в тыл и скорее получайте пополнение. Прибыли подкрепления из Тегерана. Ваш батальон должен продолжать наступление в направлении канала Гармдашт. Остальные части остаются на шоссе».

* * *

Мы вернулись в атомный центр, в те самые металлические вагончики или контейнеры, в которых прежде жили. Отдохнули ночь, на следующее утро Хабиб, преодолевая свою хромоту, с помощью Багера Силвари начал пополнять личный состав батальона Муслима ибн Акиля. Требовалось заполнить новыми людьми 120 пустых мест, образовавшихся в предыдущие два дня из-за смерти или ранений. Пополнение было из Тегерана, с ограниченным количеством оружия, в основном лёгкого – в точности, как войска на стадии начала наступления.

Хабиб не был мастером говорить речи, но, по настоянию Шахбази, был вынужден произнести такое напутствие выстроенным бойцам:

– Братья, вы знаете, что на первом этапе мы вышли на шоссе, а это значит – захватили важный плацдарм для дальнейшего наступления. Мы понесли меньше потерь убитыми и ранеными, чем остальные батальоны, но, по воле Аллаха, участок шоссе в районе остановки Хосейние теперь в наших руках. Хотя справа и слева от асфальтового шоссе находятся иракцы. Но мы, с помощью Божьей, идём вперёд через эту брешь в районе остановки Хосейние. Хадж Ахмад и другие командиры довольны нашими результатами. Наверняка Всевышний Аллах также доволен. Теперь идите и готовьтесь к бою. Командиры рот объявят вам о времени выступления.

Хабиб закончил свою речь, и я подошёл к нему:

– Господин Хабиб, а где мы будем вести разведку для продолжения наступления?

Хабиб усмехнулся и похлопал меня по плечу:

– На этом этапе разведка не предусмотрена. Хасан Багери говорил хадж Ахмаду и хадж Махмуду, что нужно с опорой на аэрофотосъемку оставить позади шоссе и двигаться в сторону длинного военного укрепления, которое иракцы построили на границе, перпендикулярной

асфальтовому шоссе; за этим укреплением – длинный канал. Он называется канал Гармдашт.

Мы сейчас находились в тылу, и я принадлежал к разведгруппе батальона. Голова моя была полна вопросов, которые иногда доходили до сомнения в целях всей операции. Я рассуждал так: для первой стадии наступления мы выполнили столько разведывательной работы и захватили иракцев врасплох; а теперь каким образом мы хотим пройти несколько километров через занятую ими территорию в сторону нового их укрепления, взять его и двинуться дальше? Вообще, мыслимое ли дело прорваться через такую массу танков – причём находящихся в готовности, а не так, как в гарнизоне «Зайн аль-Кавс», где экипажи спали до последней минуты? Аэрофотосъёмка – что это за штука¹? Все эти мысли и вопросы совсем меня запутали. И шайтан начал меня искушать: мол, ты устал, а они от тебя не требуют разведывательной работы. Так попроси у Хабиба дать тебе отпуск и на два-три дня съезди в Хамадан.

А Хабиб всё смотрел на моё озадаченное лицо. Он был воплощением спокойствия, а я сам себе показался крохотной песчинкой, которая должна укрыться у подножия этой большой горы и там спастись от искушений шайтана. Взгляд мой упал на его ногу в бандаже, и мне стало стыдно и моих спутанных мыслей, и моего желания попроситься в отпуск, и, в конце концов, того, что я усомнился в целях операции. Я обратил внимание на его красные глаза – и опять стыд и раскаяние окатили меня как дождём. И я сменил тему разговора:

– Господин Хабиб, почему у тебя глаза такие красные?

¹ Одним из способов получения информации о вражеских позициях была аэрофотосъёмка с самолётов F-5. Эти фотографии показывали всё вражеское расположение сил, затем специальная группа анализировала их и передавала сведения войскам (*прим. иран. ред.*).

– Спроси у тех комаров, которые по ночам спать не дают. – И больше он не стал со мной разговаривать, закончив так: – Иди пока. В пять вечера сегодня выступаем.

* * *

Был вечер 15 ордибехешта (5 мая). Колонна автомашин, полных солдат, двинулась в путь; большинство из этих машин были самосвалами. План второго этапа операции состоял в том, чтобы батальоны Микдада, Абу Зарра и Билала выступили на два часа раньше нас и, достигнув западной стороны шоссе, двинулись дальше в сторону границы. Два других батальона – наш и Аммара ибн Ясира – с правой стороны должны были нанести удар в направлении канала Гармдашт. На первом этапе глубина удара была 20 километров, теперь – 12 километров. Преодолев 12 километров в боях против танков, мы – согласно оптимистическому сценарию – вышли бы на государственную границу, однако город Хоррамшахр по-прежнему оставался в руках неприятеля. Выдвижение батальонов и бригад в сторону границы заперало тылы иракцев везде, кроме Шаламче и реки Тигр, что и было целью нашего командования.

Я сел в «Тойоту» снабженцев. Хабиб и Багер тоже ехали в «Тойоте» впереди колонны. Не отъехали мы и километра от атомного центра, как в одном из самосвалов впереди нас прогремел взрыв, и все взгляды обратились в ту сторону. Несколько ребят выбросило из кузова взрывной волной. Колонна остановилась. Ещё несколько ребят, у которых руки и ноги были целы, выпрыгнули из кузова, но это были далеко не все, кто в нём находился. Ясно, что произошло ЧП. Я вышел из машины. Хабиб и Багер раньше меня подбежали к самосвалу и говорили, что один из басиджей вынул предохранитель гранаты от гранатомёта, и, как назло, самосвал в это время сильно

тряхнуло на выбоине дороги, граната взорвалась при ударе о пол, а остальное мы видели.

Хабиб был опытен и понял, что такое происшествие в начале операции может деморализовать бойцов. Поэтому он крикнул: «Никому не останавливаться. Всем продолжать движение к мосту Свободы».

Остались я, Хабиб и ещё несколько человек. В кузове самосвала лежали семеро, разорванные на куски. Я сказал перепуганному водителю: «Чуть подними кузов самосвала. Но так, чтобы ребята не скользили вниз». И я с помощью лопаты слегка приоткрыл заднюю дверцу кузова. Зрелище было трагическое. Трое с оторванными руками и ногами были живы, но без сознания, а четверо убиты. Вся наша форма была в крови, и Хабиб сказал:

– Если ребята увидят нас в таком виде, хорошего будет мало.

Поэтому мы поскорее вернулись назад и переоделись в чистую форму, а потом, не мешкая, догнали остальных, которые ждали нас на той стороне реки Карун.

Доехав до асфальтового шоссе, мы спешили, и вражеские батареи поприветствовали нас огнём, но, в отличие от прошлых дней, танков было не видно. За исключением тех сожжённых и подорванных, которых вокруг стояло много.

Мы построились в колонну и двинулись по равнине. На два часа раньше нас своим маршрутом прошли четыре других батальона. Их маршрут в сторону границы был длиннее нашего, однако в этот раз, в отличие от первого этапа операции, мы больше, чем они, находились под огнём. Мы прошли четыре километра, и грянула гроза. Сверкали молнии, и гром так мощно гремел, что из-за него едва слышался артиллерийский огонь; а затем хлынул ливень. Да ещё какой! Чёрные тучи решили сразу вылить всё, что в них было. Почва только что была твёрдая, но теперь ноги в ней разъезжались. Равнина превра-

тилась в жидкую глину, и мы все были мокры насквозь. Вода выплёскивалась вверх из ботинок марширующих. Некоторые были в парусиновой обуви, и она сразу же прилипла к глине, так что дальше эти ребята шли босиком. Многие из тех, кто был в ботинках, тоже их сняли, чтобы избавиться от наполнившей обувь воды, а заодно подбодрить тех, кто и так шёл босиком. Они связали ботинки шнурками и закинули их на верх рюкзаков. Это зрелище в ночной тьме, под дождём, вблизи иракских позиций, наполнило меня странной радостью. Наверняка это было то же самое Божье благодеяние, которое проявилось и на первом этапе операции, тоже в виде ниспослания дождя. Хабиб связался по рации с Шахбази и доложил ему ситуацию. Он и ещё двое-трое прокладывали маршрут по карте, сверяясь с данными аэрофото съёмки. Так мы сидели под дождём, и я приблизился к Хабибу и спросил:

– Где мы сейчас?

– Мы правильно идём. До сих пор Господь помогал нам.

– Иракцев ведь не видно вокруг, – заметил я, а Хабиб ответил мне, улыбаясь, причём, несмотря на ночную тьму, я видел, как с его головы и лица течёт вода:

– Мы обошли их, и теперь у нас за спиной около сотни иракских танков. Мы замкнули круг.

Издали я увидел смутные силуэты десятков танков. Они были разбросаны по степи, и мы, хотя в это трудно было поверить, миновали их таким образом, что ни они нас не видели, ни мы их. Я полагал, что мы должны будем вернуться и ударить по ним с тыла, но ещё раньше Шахбази отдал Хабибу такой приказ: «Задача батальона Муслима – выйти к каналу Гармдашт».

Однако, когда мы собирались двигаться дальше, Хабиба опять вызвал по рации Шахбази:

– Салман 5, это Салман, Салман 5, это Салман.

- Слышу вас, хаджи, приказывайте.
- Возвращайся и возьми за раков.
- Но нам была поставлена задача – Гармдашт.

– Обстоятельства изменились. Абу Зарр и Микдад начали дело. Если не закончить до восхода солнца, то раки повернут назад к каналу. Тогда вы попадёте в ножницы.

Хабиб остался сидеть на том же месте. Он вызвал к себе командиров рот и объявил: «Возвращаемся к танкам, которые у нас за спиной».

В наличии было 95% личного состава батальона. Небольшое количество бойцов либо потерялось во время марша в степи, либо осталось на переправе. Всем личным составом мы подошли как можно ближе к танкам. Хабиб приказал сначала стрелять из гранатомётов, потом кидать ручные гранаты¹. Раздались первые выстрелы из гранатомётов, и вскоре 30 танков запылали. Пламя осветило всю равнину. Мы не дали им времени бежать, но, даже если бы это время у них было, они не смогли бы двинуться, так как по горло завязли в жидкой глине. Они были идеальными, неподвижными целями для наших басиджей, которые со всех сторон взбирались на броню и бросали гранаты в люки башен.

В два с четвертью пополуночи с танками было покончено. С нашей стороны было всего двое погибших и семь-восемь раненых. Мы продолжили путь в сторону канала Гармдашт, но тут возникло новое препятствие, а именно: две роты из нашего батальона во время боя с танками куда-то потерялись. Шахбази приказал по рации: «Хабиб, срочно выдвигайся к каналу».

– У меня не все пальцы собрались в кулак, – ответил Хабиб.

- Сколько пальцев есть, сожми и двигайся к каналу.

¹ Хабиб знал, что основной бой с танками произойдёт на другой стороне канала Гармдашт, поэтому мы вынуждены были экономить гранатомётные снаряды.

Делать было нечего. Мы положили раненых на носилки и поручили нескольким бойцам нести их позади общей колонны. Убитых оставили на месте, а пленных мы не брали. Нужно было торопиться, двигаться в южном направлении параллельно шоссе. Я был с ребятами, которые несли раненых, Хабиб спросил у нас:

– А куда вы их несёте?!

– Несём туда, где будет санитарная машина, – ответил я, – или какое-нибудь средство, чтобы отвезти их в тыл.

– Парень, мы ведь идём в бой, на врага, – заметил Хабиб, а один из раненых умоляюще попросил его:

– Брат Мозахери, у нас очень тяжёлое состояние. Возьмите нас с собой, не оставляйте здесь.

– Аллах свидетель, – ответил Хабиб, – мы либо вернёмся за вами, либо передадим информацию, чтобы за вами приехали сюда из тыла. Или оставим с вами двух-трёх человек, пока не рассветёт. Там, впереди, вы в бою не останетесь живыми, а значит, нести вас с собой бессмысленно.

Раненые согласились, и трое бойцов остались с ними, а мы продолжали путь. Следовало до восхода переправиться на ту сторону канала Гармдашт.

Уже рассветало, когда мы достигли канала. С правой стороны он упирался в государственную границу, а с левой – в шоссе Ахваз – Хоррамшахр. Мы пошли по каналу вверх, то есть в сторону границы, с целью соединиться с остальными батальонами; однако даже Хабиб точно не знал, где находятся возле канала иракские позиции. Ширина канала была 6 метров, глубина – 2 метра воды. С иракской стороны вдоль всего канала возвышалась большая насыпь. Семьсот метров мы шли вплотную вдоль канала. Дошли до грунтового моста-перемычки, по которому перешли на ту сторону: иракцы по какой-то причине, нам неизвестной, оставили эту территорию.

Там были землянки, полные боеприпасов, и мы не мешкая набрали столько боезапаса, сколько могли унести. Потом продолжали движение по этой, то есть по нашей, стороне канала.

Далее нам встретились второй и третий мостики – и опять никаких иракцев. Понемногу мы стали надеяться, что таким образом доберёмся до остальных батальонов, как вдруг, на четвёртом мостике, увидели несколько человек. Подошли ближе. Они тоже нас увидели, и интересно то, что они нас приняли за иракцев, а мы их за иранцев. Хабиб приказал:

– Хошлафз, иди вперёд, посмотри, кто они, из какого батальона.

С «калашниковым» наизготовку я двинулся вперёд. Подошёл ближе, и тут один из них закричал: «Ирани, ирани!». Он отпрыгнул в сторону и выпустил по мне очередь, я ответил ему тем же, и так длилась наша перестрелка, пока мы оба не присоединились к своим. Вначале мы подумали, что эти пять-шесть человек на мосту представляли собой нечто вроде дозора, чтобы наблюдать и сообщить новости своим в тылу, однако вдруг на насыпь вдоль канала поднялось громадное число иракцев, и мы поняли, что здесь – их главные силы. Они ударили по нам из всех видов оружия: от 60-миллиметровых миномётов до «калашниковых», ДШК и гранатомётов. Нами повезло, что в этом месте и с нашей стороны канала была насыпь, то есть канал имел насыпи с обеих сторон. Позднее я услышал, что эта двойная насыпь с двух сторон канала Гармдашт имеет длину 12 километров, то есть продолжается до ирано-иракской границы, и бой наш вспыхнул в начале этой двусторонней насыпи.

Нас отделяло от иракцев очень небольшое расстояние. Здесь я увидел троих ребят из КСИР Хамадана, которые только что прибыли и влились в батальон. Это были Джамшид Имани, Реза Шанеи и Реза Искандери. Хабиб

отступил немного назад, а я с гранатомётчиком пошёл вперёд. Ребята, которые остались сзади меня, считали, что им угрожают иракцы только с другой стороны канала; и я считал так же и думал о ведении боя через канал, как вдруг увидел, что иракский танк переехал по четвёртому мостику и зашёл к нам в тыл. Я крикнул тому, кто был рядом со мной: «Стреляй в него!».

Он выстрелил из гранатомёта, но промахнулся. Танк ответил нам пулемётной очередью, а гранатомётчик сделал мне жест, означающий, что у него больше нет гранат. Танки один за другим переезжали на нашу сторону, а наши боеприпасы почти иссякли. Уже вошло солнце, и иракские вертолёты и самолёты подвергали наши позиции ожесточённым бомбёжкам и ракетным обстрелам. На какой-то миг мне показалось, что мы окружены, мысль о плене была мучительной, но и сопротивляться было невозможно. Иракцы обошли нас и танками, и пехотой, то есть мы были в той же безвыходной ситуации, которую прошлой ночью устроили для их танков.

Они уже захватили контроль над нашей позицией, когда меня достала малокалиберная очередь одного из танков. Пули ударили мне в бок и вышли через плечо. Мне показалось, что я умираю: в глазах почернело. Всё вокруг заволкло мглой. Кто-то склонился надо мной, я подумал, что это иракский солдат хочет добить меня, но на самом деле это был ангел спасения. Как всегда, это был Хабиб. Он ко всем солдатам батальона относился как к родным детям, неусыпно заботясь о нас, несмотря на свою раненую ногу. Чтобы привести в чувство, он схватил меня за левое запястье и с силой увлёк на землю, оттащил и уложил в безопасном месте.

Вся середина моего тела, вся гимнастёрка были мокрыми и горячими. Хабиб передал меня санитару, и тот занялся открытой раной у меня в боку. Оттуда была

струя крови; санитар засовывал внутрь раны белую марлевую ткань, но сильное кровотечение выталкивало её назад.

Иракцы окружили нас с трёх сторон, а с той стороны канала кидали гранаты, словно горсти орехов. Но, кроме нескольких танков, зашедших нам в тыл, никто больше не отваживался перейти на эту сторону канала. Я мучился от боли, как вдруг увидел нечто, похожее на чёрный камень, что, вращаясь на фоне неба, прилетело и упало над моей головой, потом скатилось ниже. Я понял, что это граната; она чуть-чуть не докатилась до моей головы и взорвалась в складках насыпи, и осколки, свистя, пролетели совсем низко надо мной.

Хабиб уже не был так подвижен, как раньше. Он сидел рядом со мной и всё возился с рацией, пока, наконец, ему не удалось связаться с Шахбази. Тот закричал:

– Отступай, Хабиб! Уходи в тыл. Тебе не соединиться со своими. Уходи в тыл!

Хабиб ответил:

– Это невозможно. А что мне делать со всеми ранеными и убитыми?

Я сильно переживал за Хабиба. С ним случилось худшее, что может грозить командиру батальона. Большинство его солдат было ранено или убито. Он сказал мне:

– Хошлафз, если можешь, возвращайся в тыл.

Я встал на ноги. Очень хотел, чтобы и Хабиб вышел из боя, однако он сильно хромал. Я тогда думал, что это – рана в ногу, полученная на первом этапе операции, и не знал, что и в этом бою он снова был ранен в ногу. С тоской и болью я оставил его и вернулся в тыл, и издалека видел, как иракцы перелезли на эту сторону укрепления и как их танки едут по телам раненых и убитых.

Я возвращался в тыл. Догнал невредимого ополченца, который тащил на спине раненого с оторванной ногой. Очень хотелось пить. У солдата в заплечном рюкзаке

была банка компота, он пробил её штыком, и я с жадностью выпил всю жидкость.

Моё кровотечение меня не остановило. Когда я пил, я вспомнил Хамида Хеджефоруша, который тоже был ранен и страдал от жажды, просил пить, но я ему не позволил.

Я шёл часа три и на равнине видел множество раненых, которые брели кто куда. Я сам потерял направление и иногда видел миражи. Опять жажда одолела меня, и сил двигаться больше не было. И тут я увидел танк, а на броне его кулер для воды. Я не мог оторвать от него взгляда и сказал себе, что, даже если это иракский танк и я попаду в плен, не жалко будет, если напьюсь. Подошёл – никого вокруг не было. С трудом забрался на танк и открыл крышку кулера. Он была наполовину полон воды. Я вылил всю эту воду себе на голову и на лицо и немало сумел выпить, когда из башни появился танкист:

– Эй, брат, ты что делаешь?!

Я не помню, успел я ему ответить или нет, прежде чем потерял сознание.

Очнулся я в медпункте. Кто-то стоял надо мной с бумагой и ручкой и спрашивал: «Какой бригады и какого батальона?».

– 27-я бригада Пророка Мухаммада, батальон Муслима ибн Акиля.

Наверняка он спрашивал ещё что-то, и я отвечал, но сейчас следующее, что я помню, – это то, как меня разбудил гром вертолётных лопастей. Это был транспортный вертолёт «Чинук», прилетевший, чтобы забрать раненых. Те, у кого руки и ноги были целы, сидели вдоль бортов вертолёта, а совсем тяжёлые лежали на носилках.

Вертолёт оторвался от земли и полетел, но куда? Я этого не знал. Но он совершил взлёт таким образом, что из пятидесяти раненых, находящихся внутри, нескольких вырвало. Лётчик держал машину низко над землёй.

Он не поднимался ввысь, но и не садился, вертолёт ходил вверх-вниз; мы не знали, что там, наверху, за ним охотятся иракские истребители. Через несколько минут такого полёта послышались возносимые молитвы; вертолёт взмыл выше и меньше чем через час полёта где-то приземлился. Я спросил:

– Где мы?

– Бандар-Махшахр.

* * *

В помещении было много коек, капельниц и множество раненых, многие из которых здесь и умирали от тяжёлых ран. К моей койке подошёл человек со знакомым лицом. Я узнал его: это был Ахмад Бабаи, командир батальона Малика Аштара. Он был ранен пулей в руку, возможно, раньше нас, в бою возле того же канала Гармдашт. Рука его всё ещё была в гипсе. Он тоже узнал меня. Мы оба были одеты в больничные халаты и проходили здесь лечение. Бабаи негромко предложил мне:

– Давай сбежим отсюда.

– Куда?

– На фронт.

Слово «фронт» напомнило мне о Хабибе. Он тоже был ранен, к тому же дважды, на протяжении двух дней, и я не знал, выжил он или погиб. Решительное волевое лицо Бабаи заставляло меня вспоминать о Хабибе. И я очень серьёзно ответил ему:

– Согласен. Но как?

Он пошёл впереди, я за ним. Мы вошли внутрь одного из тех вертолётов «Чинук», которые привозили раненых, и сели в уголке. Неожиданно появился лётчик и, увидев нас в больничной одежде, рассердился:

– Что вы здесь делаете?

– Я командир батальона, – ответил ему Бабаи. – Должен вернуться на фронт, в мою часть.

– Будьте вы кем угодно, но мы не имеем права кого-либо туда отвозить.

Спор Бабаи с лётчиком накалился, но не принёс результата. Мы вышли из вертолётки, однако направились не в похожие на ангары здания госпиталя, а на проходную, где вынуждены были рассказать часовому о наших планах, а он передал их врачам, медсёстрам и всем остальным. Так что нам пришлось остаться в госпитале.

Но после следующего утреннего намаза Бабаи сказал мне:

– Идём.

На этот раз мы вели себя как беглецы из тюрьмы: направились к задней стене госпиталя. Руки мои были здоровы, и я сцепил их, сделав ступеньку, опираясь на которую, Бабаи залез на стену. Потом он, хоть и одной рукой, но втащил наверх меня, с моей открытой раной. Спрыгнув со стены, мы пошли куда-то, где увидели за рулём микроавтобуса «Тойота» араба в дишдаше и куфии. С ним было его семейство. Мы настояли, чтобы он подвёз и нас, и он, хотя и с возмущением, но согласился. Довёз нас до Шадгана, а там мы сели на рейсовый микроавтобус в сторону Дархавина. В дороге я заметил необычную молчаливость Ахмада Бабаи и спросил его:

– Брат Бабаи, ты что-то обдумываешь?

– Именно так, – ответил он. – Мне позвонили из Тегерана и сказали, что Господь дал мне дочь.

– Значит, ты хочешь из Дархавина поехать в Тегеран?

– Нет. Я еду на фронт.

– Но в таком состоянии, будучи раненым, и все эти обстоятельства, рождение ребёнка...

– Мой долг здесь, – прервал он меня. – Освобождение Хоррамшахра важнее, чем мой ребёнок.

Он говорил так же, как Хабиб, и так же, как тот, был убедителен. Диалектный выговор был другой, но идеи, убеждения были точной копией.

Микроавтобус доехал до Дархавина, но не до нужной нам точки. Однако здесь было много «Тойот», и одна из них подвезла нас к атомному центру.

Первым знакомым, которого я там увидел, был Багер Силвари.

– Хошлафз, это ты? – воскликнул он. – Значит, ты не погиб! А твоё имя внесено в списки пропавших без вести.

– Как видишь, я жив. А что с Хабибом?

– Хабиб тоже жив, но ранен. Его сумели вынести оттуда.

– Но где он сейчас? Я хочу его увидеть.

– Он хотел снова вернуться на фронт, для продолжения боя.

– Господин Багер, а какова судьба канала Гармдашт?

– Мы понесли очень большие потери. Такие, что пришлось вывозить убитых самосвалом. Но чудесным образом эта территория вновь оказалась в наших руках. И Хабиб теперь занят разведкой для дальнейшего наступления в том же районе, с помощью батальона Малика.

Теперь я понял, почему Бабаи, командир батальона Малика, так добивался того, чтобы поскорее вернуться на фронт. Но я дальше не поехал. Проклятый жар и воспаление раны отняли у меня все силы. И я не мог дожидаться, пока чуть оживу, встану на ноги и тогда уже вернусь на фронт, чтобы помогать Хабибу.

Хабиб Мозахери и Ахмад Бабаи оба вернулись на фронт, и Бабаи сразу был убит попаданием из гранатомёта, а Хабиб был ранен осколком, на этот раз в голову. Некоторое время о нём ничего не было известно, и все думали, что он убит. Его имя, как и моё, внесли в список пропавших без вести, однако через неделю ребята увидели его с забинтованной головой. Так узнали о его третьем ранении, полученном в течение недели боёв за освобождение Хоррамшахра.

* * *

Атомный центр не имел теперь того бодрого вида, который был у него на первых двух стадиях операции. Большинство вагончиков и палаток стояли пустыми, а те бойцы, кто здесь находился, были либо отозваны с фронта, либо раненые, либо усталые.

Наступательные бои продолжались непрерывно 10–12 суток, днём и ночью, и бойцы вымотались настолько, что едва могли ходить, что уж говорить о каком-то новом этапе наступления. Мне показалось, что многие, как и я, застряли на развилке сомнений. Если они покинут фронт и вернуться домой, то итог двух этапов наступления будет равен нулю. При этом на нашей совести оставались тысячи убитых, раненых и искалеченных, но важнее всего было то, что город Хоррамшахр оставался за неприятелем. Но если бы мы захотели прорвать фронт в районе Гармдашт, пробиться к границе, оттуда – к военным укреплениям Шаламче, потом продолжить атаку в направлении Хоррамшахра – всё это было бы задачей крайне трудной и мучительной для выполнения даже бойцами свежими, подготовленными и настроенными на победу. Не под силу нашим усталым и израненным воинам.

На этом фоне состояние нашего батальона было хуже, чем остальных. Из 350 человек в ходе двух этапов операции было потеряно ранеными и убитыми 250 человек, а оставшиеся сто были усталы и подавлены и искали повода вернуться в родные города. Эта тяга к возвращению домой была очень заразительной. Как только сходились для разговора двое или трое, все речи их сводились к тому же самому, они друг друга убеждали в том же самом; в итоге все остающиеся силы, то есть все эти сто человек, решили потребовать расчёта и вернуться в родные города – в Хамадан и Тегеран.

Кроме того, у батальона не было командира. Все считали, что Хабиб погиб, и было неясно, кто и как теперь

будет командовать. А у меня в дополнение к мыслям этих ребят было и ещё два повода вернуться, и мысль о моём праве на возвращение очень меня соблазнила. И я постоянно спорил сам с собой, а может быть, это вновь было искушение шайтана. Ты ведь ранен, – говорил я сам себе. И рана не заживает. У тебя нет сил даже поднять автомат, даже маршировать. И вторая причина: у тебя нет больше командира. Если для всех парней батальона Хабиб был командиром, то для тебя – и командиром, и духовным вождём. Кто ещё захочет стать таким командиром, каким был Хабиб, кто возьмёт тебя, шестнадцатилетнего, за руку и окажет тебе такое доверие, сделает тебя лидером и проводником?

Такого рода спутанные мысли не давали мне покоя. С другой стороны, я мучился угрызениями совести. Я видел своими глазами самопожертвование многих и многих. Поэтому не мог оставить фронт. И тут сообщили новость: приехал хадж Ахмад Мотеваселиан и будет держать речь перед нами и отставшими от других батальонов.

Хадж Ахмад был хорошим психологом. До него дошли слухи о ропоте и об оголении фронта, и его самолюбие взвырало, он не мог не приехать и не попытаться воззвать к совести усталых и требующих отпуска бойцов.

На закате всех собрали на плацу перед вагончиками. Собралась сотня бойцов нашего батальона – тех, которые жаждали уехать, – и из других батальонов около двух сотен. Громкоговоритель объявлял: «Братья, всем построиться на плацу».

Я как раз возвращался из медчасти, в синей больничной одежде и со свежезабинтованной раной, которая никак не закрывалась. Шёл, скорчившись, и представлял собой, конечно, знатную картину для всех остальных. На пути я увидел криво припаркованную санитарную машину с открытой задней дверцей. Передние её колёса

были выше задних, внутри раненых не было, но стекала оттуда струйка крови и лилась, капала на землю. Я, помню, долго не мог отвести глаз от этого зрелища.

По громкоговорителю опять повторили: «Братья, стройтесь как можно скорее».

Я встал в строй. Хадж Ахмад поднялся на трибуну и начал свою речь распевным чтением айата из Корана. Потом сказал:

– Братья, я знаю, что вы устали, но Хоррамшахр всё ещё в руках иракцев. Они держат нашу честь в своих руках. И я молю Господа: дай мне умереть, но увидеть Хоррамшахр не в их руках. Какой ответ мы можем дать народу?

Он повторил это несколько раз и разрыдался. У многих ребят слёзы появились на глазах. Все плакали.

Когда чтение закончилось, наш батальон, то есть эта сотня усталых бойцов, высказали причину своего возвращения: экзамены месяца хордад¹. Их отпустили, и остались только я, Багер Силвари и ещё трое. Иными словами, от батальона Муслима ибн Акиля осталось всего пять человек. Багер присоединился к бригадной разведке, а я остался держаться рукой за свой раненый бок и тарашить глаза на тех трёх солдат, которые в ответ столь же пристально глядели на меня, словно спрашивая: какой смысл нам оставаться здесь, четверым из всего батальона?

Отъезд моих земляков в Хамадан подкосил мою решимость. Я собрал рюкзак и решил, не попадаясь на глаза хадж Ахмаду, сесть на автобус и уехать в Хамадан. И говорил себе: даже если хадж Ахмад встретит меня, он ведь увидит моё нездоровое состояние и мой забинтованный раненый бок и не будет меня бранить, скажет: поезжай.

¹ Хордад – 3-й месяц иранского календаря (22 мая – 21 июня) (прим. перев.).

И тут я вспомнил, что и сам он ранен в ногу, однако же остаётся здесь с этой раной. И меня до мозга костей прожигал его смиренный голос: «Братья, какой ответ вы дадите погибшим?».

Я пошёл к берегу реки Карун и там возле воды прислонился к пальме и вновь погрузился в мои спутанные мысли. Теперь, в дополнение к хадж Ахмаду, перед глазами моими явился Хабиб. Словно он сидел возле самой воды напротив меня и говорил: «Вот так просто ты хочешь вернуться в тыл?». И я в воображении говорил ему: «А если бы ты был на моём месте, с такой раной ты бы продолжал воевать?». И Хабиб отвечал: «А разве я не воевал, раненый, на втором этапе?».

Этот мысленный разговор с Хабибом закончил мой внутренний спор. Я вдруг успокоился. Решил остаться и, раз не могу воевать, то хотя бы приносить воду раненым.

Через день из Кума пришло несколько автобусов. В них приехало более двухсот человек. Нам дали также определённое количество бойцов из других батальонов, и произошло второе рождение батальона Муслима ибн Акиля, уже с новым командиром, имени которого я не помню. Кажется, его звали Данешджу, но я не уверен.

Новым бойцам батальона я ничего не говорил о прошлом, в частности, о моей работе в разведке. Я решил положиться на волю Аллаха. Моя форма басиджа внешне не отличалась от их формы, и только иногда в боку так сильно стреляла боль, что я вынужден был приседать, да ещё выступала сукровица через гимнастёрку. При всём том я сумел скрыть своё состояние от нового командира. И он зачислил меня простым стрелком во вторую роту.

Начиная с 22 ордибехешта наша работа в течение восьми дней состояла только в оргвопросах, дневных и ночных занятиях, инструктаже и боевом слаживании. Рана моя постепенно заживала, хотя прежней подвижности у меня не было. Я, не поднимая головы, сидел и

слушал нового командира батальона. Даже когда приходили парни из разведки, чтобы вводить в курс дела командиров батальона и рот, я старался затеряться в толпе бойцов подальше от их глаз. Не хотел, чтобы моя специализация разведчика стала известна новому командиру: я считал это для себя неким внутренним экзаменом, я хотел на этот раз в полной неизвестности, без отличий и привилегий, сразиться за свободу Хоррамшахра. Я понимал план действий нашего батальона и даже всей бригады. Знал, что наступление начнётся с того самого канала Гармдашт. Другие батальоны должны были пройти от канала дальше на семь километров в сторону границы и там сделать поворот на 90 градусов влево и продолжать бой. Иными словами, идти параллельно линии границы в сторону асфальтового шоссе Шаламче – Басра. От этого шоссе начиналась работа батальона Муслима ибн Акиля. Мы должны были взять укрепление на этом шоссе и двигаться напрямую в сторону реки Хайин, пока не упрёмся в реку Тигр. Таким образом иракские позиции пересекались, и сухопутная дорога из Хоррамшахра в Басру оказывалась для них перекрытой. Все они оказывались в окружении в Хоррамшахре и не имели иного выхода, кроме как сражаться или сдаться в плен, или же воспользоваться единственным путём для бегства, а именно – плыть по высоким волнам реки Тигр.

Если этот план окажется выполнен, итогом будет взятие Хоррамшахра, но если мы заплнёмся на любом из двух или трёх этапов, ситуация развернётся в пользу иракцев. Начиная с этой операции, по причине нехватки сил, наш батальон должен был действовать совместно с батальонами 21-й армейской бригады Хамзы; и вся структура от командира операции и ниже составлялась из командира от КСИР и заместителя от армии или наоборот.

* * *

Наступило 30-е число месяца ордибехешт (20 мая), то есть примерно десятый день нашей работы по планированию предстоящей операции и подготовки к ней. Иракцы полностью понимали наши намерения, потому эти же десять дней использовали для укрепления своих позиций. Для борьбы с нами они задействовали все средства без исключения, даже считали вероятным выброс нами воздушного десанта в районе шоссе Ахваз – Хоррамшахр. Поэтому по обеим сторонам шоссе были их позиции, насколько хватало взгляда. Позиции эти сами по себе представляли интерес. Иракцы свозили сюда железные балки из разрушенных жилых домов Хоррамшахра и вкапывали их в землю вертикально; они укрепляли холмы притащенными сюда сожжёнными машинами городской таможни. Всё это – для борьбы с возможными нашими десантами, использовать которые мы на самом деле не планировали.

Вечером 30 ордибехешта мы в атомном центре сели на грузовики и выехали в сторону Гармдашта. То есть повторился маршрут первых двух этапов наступления. Но в районе самого канала Гармдашт ситуация изменилась. Обе насыпи вдоль канала, то есть то самое место, где я был ранен, теперь было целиком в наших руках, и ребята продвинулись дальше, вплоть до государственной границы.

Равнина вокруг Гармдашта была полна сожжённых иракских танков. Здесь нескольким бойцам, в том числе и мне, вручили противотанковые ракетные системы «Дрэгон», и мы в качестве тренировки стреляли по этим сгоревшим танкам. Это было хорошее чувство; всё вокруг было спокойно и безмолвно. Трупы этих танков давали понять, какое мужество проявили остальные батальоны в своём порыве, устремлённом к границе. Я выбрал один из танков и направил в его башню управля-

емый ракетный снаряд, который полетел, как молния, но танк почему-то не загорелся.

После окончания тренировок мы съели лёгкий ужин и все вместе читали повествование об Ашуре. Ночью степь наполнилась гулом. Это другие батальоны начали наступление в сторону шоссе Шаламче, а наш батальон должен был ждать, пока ребята пробьют брешь в обороне иракцев и в этот прорыв введут нас. Прошла половина ночи, а грохот дальних взрывов не утихал. Некоторые, несмотря на темноту, торопливо писали завещания, а иракцы также не изменили своему правилу бомбить по ночам наши тылы.

* * *

Вечером 31 ордибехешта мы сели в бронетранспортёры. Стало ясно, что далее вражеский огонь будет таким сильным, что не позволит использовать ни грузовики, ни какой-либо ещё иной транспорт. Мы набились тесно, с оружием, боеприпасами и с надеждой в сердцах на то, что прорвём вражескую оборону и освободим Хоррамшахр. Поскольку ракет «Дрэгон» не хватало, я взял себе гранатомёт РПГ; а теснота в бронетранспортёре была такая, что рана моя разболелась. Но делать было нечего, следовало терпеть. Мы доехали до высокой насыпи перед асфальтовым шоссе Шаламче – Басра. Здесь были следы подвигов, более красочных, чем в районе Гармдашт. Несколько батальонов очистили коридор, достаточный для прохода двух-трёх других батальонов. Иракцы сопротивлялись с правой стороны от Хоррамшахра – то есть со стороны Басры. И впереди, в районе реки Хайин и одноимённой деревни, они тоже укрылись в пальмовых рощах. И я ещё не знал, что несколько тысяч иракцев ожидают в городе, чтобы открылся путь в сторону Басры и чтобы они могли бежать из кольца окружения. По моему мнению, весь результат боёв, начиная от 10-го и до 22-го

ордибехешта, проявился именно здесь. Мы поспешно выгрузились из транспортёров и, повинуясь указаниями проводников, поспешили в центр боя, в местность перед шоссе и в районе пальмовых рощ. Возможности точного подсчёта у меня не было, но навскидку я насчитал не меньше 280 иракских танков, рассыпанных справа и слева от шоссе, и до пальмовых рощ, и до реки Хайин. Водные преграды стали для танков погибелью. Перед ними была вода, позади них – Арвандруд¹. Их единственным путём было – построить мост и увести по нему танки, но наши яростные атаки, непрерывный обстрел из РПГ и 106-миллиметровых пушек не давали им возможность навести переправу. В 10 утра бой достиг наивысшего накала. Много наших бойцов погибало от пулёмётных очередей и от танковых залпов. Как я это видел уже в двух прежних столкновениях с танками, мы прибегли к тактике пехотной атаки.

Мы обошли пальмовые заросли и напали на танки сзади, внезапно появившись из-за пальм. Иракцы от этого пришли в замешательство, чем мы и воспользовались: забросали танки ручными гранатами. Этот бой длился два часа, и наши потери убитыми и ранеными были велики. Повсюду лежали тела наших, и повсюду горели иракские танки.

Позже в Дархавине подсчитали число убитых, которых потеряли батальоны Муслима и Аммара в этом бою с танками. Из общего числа 700 человек убито было 160 и ранено 200. Иными словами, за каждый иракский танк мы отдали примерно одного убитого или раненого.

Армейские части дрались отважно. Командир нашей роты также был армейским. Вместе с ним мы пробились к насыпи, которую возводил погрузчик перед селом Хайин.

¹ Арвандруд (арабское название «Шатт-эль-Араб») – река в Ираке и Иране, образующаяся при слиянии Тигра и Евфрата (прим. перев.).

Мы построились рядом с этим погрузчиком, позади насыпи, и несколько человек отправились на зачистку села. В нём имелось здание начальной школы из кирпича-сырца, которое уже несло на себе иракский дух. Это проявлялось и в иракских лозунгах над входной дверью («Умма арабийя вахда» – «Арабский народ един»), и в тех географических картах, которые были развешаны на стенах классных комнат. На этих картах иранская провинция Хузестан уже была включена в иракскую провинцию Басра, а города были переименованы: Хоррамшахр стал Мухаммарой, Сусенгерд – Хафаджией, Абадан именовался Уббаданом, Ахваз – аль-Ахвазом... Я настолько увлёкся изучением карты, что командир роты прикрикнул на меня: «Ты что, учиться сюда пришёл?».

Я никак не отреагировал на его слова, но вышел из класса. Просвистела мина и ударила в кирпичную стену школы. Я стоял прямо, не пригибаясь, и командир роты вновь рассердился:

– Почему не ложишься?

Я не хотел говорить ему, что мне не позволяет рана. С другой стороны, взрывы, далёкие и близкие, стали для меня делом привычным.

– Не хочешь лечь, – ответил я с вызовом.

Он встал и дал мне пощёчину. Быть может, он считал, что должен так поступить, но меня это очень обидело. Он был офицером средних лет, а я – юным басиджем. Да, он был моим командиром, но щека моя так горела, что я схватил его за воротник:

– А тебе какое дело вообще?

Об иракском огне мы позабыли. Иракцы непрерывно обстреливали школу, а мы с ним выясняли отношения. Наконец вмешался заместитель командира роты и разнял нас. Но командир был всё так же разгневан:

– Если у тебя столько амбиций – иди вперёд!

– Для этого я сюда и прибыл, – ответил я.

Я пошёл вперёд, однако не успели мы выйти со двора школы, как в неё попала следующая мина, и стена школы разлетелась на куски. Мина разорвалась где-то между нами тремя, и взрывной волной выбило стекло классной комнаты, которое, как топором, ударило по руке командира роты. Его и его зама отбросило взрывом в одну сторону, меня в другую. Больше мы друг друга не видели, и я присоединился к ребятам, укрывавшимся за насыпью перед селом.

* * *

Наступило 3 хордада (24 мая). Прилетела новость о том, что ребята-исфаханцы силами двух бригад: Имама Хусейна и Наджафской – ворвались в Хоррамшахр со стороны Нового моста, но здесь, на реке Хайин, иракцы по-прежнему сопротивлялись. Я взял «калашников» и продолжил зачистку, однако даже с этим лёгким оружием мне управляться было не по силам. Рана у меня на боку открылась, и нагноение её и вызванная этим лихорадка обессиливали меня. Но я не хотел по этой причине уходить в тыл. Сердце подсказывало мне, что я войду в освобождённый Хоррамшахр. Это страстное желание поддерживало меня – единственного хамаданца, всё ещё сражавшегося в составе батальона Муслима ибн Акиля. Кругом было множество тел убитых и раненых, и наши поредевшие ряды совсем уже утратили энергию и, казалось, желание войти в Хоррамшахр.

Наступил полдень. Через час я увидел командира батальона. Он был, как все, очень усталый, но в то же время казался весёлым и довольным. Улыбаясь, он объявил: «Ребята вошли в город, но мы должны оставаться здесь, чтобы не дать иракцам возможности бежать в сторону Басры».

Сердце моё взлетело от радости и полетело, словно голубь, и там, впереди, уселось на один из полуразру-

шенных минаретов главной мечети города. Я и думать забыл о боли моей раны и о её нагноении, но заметил, что командир батальона словно бы хочет что-то добавить.

– Ты ведь из Хамадана? – спросил он.

Этот вопрос показался мне не связанным с ситуацией, и я ответил так:

– Тегеранцы, хамаданцы, исфаханцы – различия нет никакой. Все мы сейчас – хоррамшахрцы.

Он хотел мне что-то сказать, однако заколебался. Но в конце концов спросил:

– Хадж Махмуд Шахбази был вашим командиром КСИР?

Оттого что он использовал глагол прошедшего времени, «был», сердце моё упало.

– Что случилось? – резко спросил я.

– Полчаса назад он погиб.

Эта новость, впрочем, не могла омрачить той сладкой радости, которую я испытывал в связи с освобождением Хоррамшахра. Ведь для хадж Махмуда, для Хабиба, для Вазваи, для Гаджеи, для того армейского командира роты и для десятков тысяч убитых и раненных в этом наступлении – для всех них взятие Хоррамшахра было равноценно достижению заветной цели, и тот же хадж Махмуд на занятиях по толкованию Корана и книги «Нахдж аль-балага» постоянно говорил, что мы выполняем наш долг. И что если наше отношение к долгу – искреннее и честное, то это и есть победа.

Я всё ещё видел перед собой лицо хадж Махмуда, когда командир батальона притронулся ко мне и указал на кровь и гной, проступившие сквозь мою одежду:

– Брат Хошлафз, твое состояние опасное. Тебе надо в санчасть.

– Но повсюду ещё иракцы, – ответил я. – Пока думаю остаться здесь.

И я ещё два дня оставался в пальмовых рощах у реки Хайин. Хоррамшахр был уже в руках наших войск. Приходили известия о том, что перекрытие пути на Шаламче закончилось тем, что все иракцы в городе были либо убиты, либо взяты в плен. Разрозненное сопротивление в Шаламче продолжалось все эти два дня. Но когда задача на этом участке была окончательно решена, я распрощался с командиром батальона и направился в Хоррамшахр.

В городе пахло горелым мясом. На шоссе и на улицах валялось иракское лёгкое оружие и их стальные каски. От Нового моста до таможни приходилось идти пешком, так как машинам было не проехать из-за множества брошенных иракских машин и оружия. Трупы почернели и раздулись, и эта раздутость и разорванность на куски многих из них ясно говорили о том, что произошло в городе. Иракцы понесли расплату за свои злодеяния, которые они творили здесь на протяжении 19 месяцев оккупации. А ведь сюда прибыли солдаты из Египта, Судана, Иордании и других стран, и целью их было – остаться в Хоррамшахре навсегда. Тут и там на стенах города виднелся арабский лозунг: «Мы пришли, чтобы остаться».

* * *

Я направился прямым ходом в главную городскую мечеть. В то самое место, где как будто бы бился пульс земли. Полуразрушенная мечеть была видна издали, как бы в некоей колеблющейся раме; колебания эти были вызваны выступившими на моих полусонных глазах слезами. Вспоминая о погибших, я вошёл во двор мечети. Совершил омовение и увидел, что во дворе очень много арбузов и воды со льдом. Напившись этой воды и съев несколько ломтей арбуза, я почувствовал приятный холодок; молился. И мне показалось, что я стою на облаках. В этой мечети я увидел, что меня отделяет от наших

погибших бойцов расстояние всего лишь в один шаг. Но это был такой шаг, который мною не был сделан.

Выйдя из мечети, я направился в санчасть, туда, где совершали первичную обработку ран. Сестра не поверила, что с такой старой раной я прожил двенадцать дней. Рану мою перебинтовали, и я двинулся в атомный центр.

Первые, кого я увидел в штабе бригады, были хаджи Никуманзар и хадж Ала-ад-Дин Хабиби. Они очень обрадовались мне. Дали мне новый комплект иракской формы. Я целый месяц не мылся в бане, и всё моё тело воняло. Пошёл к реке Карун, но смог вымыть только голову. Вечером того же дня я вышел на плац лагеря в новой иракской форме, но хаджи Никуманзар подошёл ко мне и объявил:

– Эта форма подлежит сдаче, лучше надень вот эту.

– А что плохого в том, что я в иракской форме? – не понял я.

– Хадж Ахмад сказал: захваченные у иракцев трофеи принадлежат государственной казне. Их все требуется сдать.

Я сорвал с себя эту одежду. Хаджи дал мне «Тойоту». Я тогда страстно любил вождение, хотя и не имел прав. Он предупредил меня:

– Будь осторожен. Езди помедленнее. Вместе с этими солдатами-снабженцами собери из вагончиков батальона Муслима оружие, каски, патронташи – словом, всё, что найдёшь, собери и сдай. Всё это мы должны отвезти в Тегеран.

Я сразу удивился: почему в Тегеран? – но ничего не спросил. Целую неделю я занимался сбором вещей из вагончиков и сдачей их снабженцам бригады. Всё это, впрочем, было лёгкое вооружение. А на территории атомного центра собралось полным-полно трофейного тяжёлого вооружения. Различные зенитные установки, пушки, «катюши», миномёты, бронетранспортёры, танки,

а также легкие и тяжёлые автомобили, инженерная и дорожная техника. Всё это куда-то перемещалось, но неясно было, куда именно. Что-то снова готовилось, но непонятно, что. Хоррамшахр был освобождён, а формировать войска для нового наступления было ещё рано. Остающиеся здесь батальоны были заняты статистической работой: подсчётом убитых, пропавших без вести и раненых; а все штабы занимались именно подготовкой этих вооружений и техники для переброски куда-то. Наконец я не выдержал и пошёл к хадж Ала-ад-Дину, с которым чувствовал себя проще, чем с другими командирами.

– Что готовится? Куда везут всё это оружие?

– Мы должны доставить всё это в Тегеран, на базу КСИР «Вали Аср».

– Хаджи, моя рана зажила. Рассчитывай на меня. И передай, пожалуйста, хаджи Никуманзару о моём желании участвовать в этом походе.

Назавтра перед центром выстроилась длинная колонна грузовиков, нагруженных тяжёлым и лёгким оружием. Все были готовы к началу движения на Тегеран. Хаджи Никуманзар усадил меня в кабину рядом с водителем самосвала и сказал:

– Брат Хошлафз, ты – во главе колонны, следом за тобой едут 110 машин с оружием и боеприпасами. Водитель знает адрес базы «Вали Аср». Поезжайте по маршруту Ахваз – Андимешк – Хоррамабад – Тегеран. Ни в коем случае не допускайте, чтобы кто-то отделился или отстал от колонны. Поезжайте компактно. По прибытии сдайте имущество согласно вот этому списку. Хадж Ала здесь же, едет замыкающим колонны.

Лучше и быть не могло. Я снова был во главе колонны и вёл остальных, только теперь я был не проводником батальона Муслима. Я вёз всё это оружие и боеприпасы в Тегеран.

Мы двинулись в путь. От страстного желания попасть в Тегеран я не мог найти себе места. И опять, что называется, закусил удила и забыл, что должен быть направляющим и что остальные едут позади меня не очень быстро. И я всё время тормозил водителя: мол, уважаемый, нельзя ли газку поддать, мы должны приехать раньше других. А этот раб Божий слушался меня. Он думал, что и остальные едут в таком же темпе.

В двенадцать ночи мы приехали в Боруджерд, не зная о том, что остальные грузовики всё ещё в Андимешке. Остальная часть колонны заночевала в Андимешке, а мы продолжали путь и в 10 утра прибыли в Тегеран. И здесь, с угрожающими приёмами фронтовиков, на грузовике, полном боеприпасов, начали ездить по городу в поисках адреса. Измазанная глиной кабина грузовика ясно заявляла, что он приехал с фронта; о том же говорили и стволы зенитных установок, торчащие из кузова, и груз «калашниковых» и пулемётов в этом кузове. По причине нехватки места в кузове я даже взял с собой в кабину целый мешок с «калашниковыми» и положил его рядом с водителем. Теперь это стало дополнительной проблемой, так как я должен был не спускать глаз с этого мешка, а никто из спрошенных не указывал нам ясного направления. Наконец на одном из перекрёстков я вышел из кабины, а мешок с «калашниковыми» тащил на плече. Может быть, я думал, что этот мой вид вызовет доверие у кого-то из прохожих, побывавших на фронте, и он даст мне адрес, а кроме того, я действительно опасался нападения оппозиционеров. Наконец я увидел какого-то паренька и шагнул ему навстречу:

– Брат, мы с фронта приехали. Привезли груз, который должны сдать на базу «Вали Аспр». Не знаем пути – не можешь нам?

Он запрыгнул в кабину, и мы с ним быстро доехали до ворот базы. Наш приезд всех немало озадачил. Они

планировали принять колонну грузовиков только к вечеру, и командир базы, который знал об исчезновении головного грузовика, и обрадовался, увидев нас, и рассердился. И начал буквально допрашивать меня, то и дело риторически возмущаясь:

– Кто вам позволил оторваться от головы колонны? Вы всполошили всю страну. Все решили, что вы попали в засаду оппозиционеров.

Вечером прибыла вся колонна. Вначале я спрятался. Потом отправился на поиски хадж Ала-ад-Дина и рассказал ему всё. Он без церемоний заявил мне:

– Если будешь своевольничать, забудь про фронт!

– Слушаюсь! – ответил я. – Всё, что вы скажете.

Доставленные грузы были сданы под расписку.

Назавтра рано утром хаджи Никуманзар сообщил плохую новость: «Пришёл приказ начальства часть личного состава оставить здесь. Брат Хошлафз, ты сейчас поезжай в Хамадан. Мы тебя отправим на фронт со следующей группой».

Я был ошеломлён. Сразу подумал, что виновато вчерашнее происшествие. Я допускал, что хаджи Никуманзар очень рассердился на меня, и начал доказывать, что мне обязательно нужно попасть на фронт. Воевать было моим горячим желанием. Это я и высказал со слезами.

Хаджи сжалился надо мной и сказал:

– Уверяю тебя, что я сказал чистую правду. Если будет на то Божья воля, поедешь со следующей группой. Вообще – с Хабибом поедешь. Доволен?

Я опешил: не шутит ли он?

– Хабиб ведь в Царствии Небесном. Это было сказано не в прямом смысле?

– Нет, Хабиб ранен, – ответил Никуманзар. – Мы все думали, что он убит, и занесли его в список убитых, но он был ранен в голову. Теперь он в госпитале на лечении.

Услышав имя Хабиба, я воспрянул духом. Был мёртв – и ожил. Ведь Хабиб был моим кумиром. И то, что я увижу его и поеду на фронт рядом с его стременем, успокоило меня. «Есть», – сказал я.

Попрощавшись, я отправился в Хамадан. И вот я на нашей улице. Я хотел скрыть свою рану от матери, но ей уже сказали. Когда я постучал в дверь, она открыла сама – словно ждала меня за дверью. Я поздоровался, и она спросила: «Твоя рана зажила, сынок?».

Я обнял маму и расцеловал. Отец был в рейсе на своей машине. Остальным членам семьи я целый час рассказывал о себе, потом пошёл на базу басиджей и там поужинал с ребятами. В отличие от прежнего моего возвращения из Маривана, теперь я не хотел рассказывать ни о себе, ни о ране, ни о фронте. Спросил у командира отряда:

– Какие новости?

– Каждую ночь, до утра, ходим в патрулях.

В эту ночь и я пошёл с ними в патруль. Не спать ночью было для меня привычным делом. После утреннего намаза я помчался повидать бабушку Аджи и её сад. Она тоже знала и о моём приезде, и даже о ране. Она приветствовала меня молитвой, усадила на садовой террасе и в этот раз не дала мне собирать фрукты. Она уже сама нарвала их и приготовила полную корзину. И я наелся этих фруктов. До позднего времени мы разговаривали, потом веки мои отяжелели, и сон одолел меня до утреннего азана к намазу.

Днём позже я отправился в школу: нужно было определиться по нескольким предметам. У школьных учителей и учеников фронтовики пользовались уважением. Прежде, чем я успел предъявить официальный документ, директор школы дал мне в руки несколько учебников и сказал: «Прочти их и через две недели приходи сдавать экзамен». Все мои мысли были устремлены к фронту,

и даже неделя ожидания казалась невыносимой. И я ответил:

– За несколько дней прочту и приду на экзамен.

– Из этих слов ясно, – ответил директор с улыбкой, – что уровень твой хороший. Возражений не имею.

И вот я запирался дома, а иногда уединялся в бабушкином саду и занимался. Прошло меньше недели, а я уже сдал экзамены по четырём предметам. А вестей не было ни от хаджи Никуманзара, ни от хадж Ала-ад-Дина. Оставалось ехать на базу «Вали Аспр» в Тегеране, но до этого я зашёл в КСИР Хамадана. Стены всё ещё были убраны чёрным в знак траура по гибели хадж Махмуда Шахбази. Он был родом из Исфохана, и тело его отвезли туда, но у нас все разговоры были о нём, а также о хадж Ахмаде Мотева-селиане, о котором говорили, что он попал в плен. Горестная весть о его пленении глубоко уязвила меня.

* * *

Весь об отступлении Ирака после нашей победы под Хоррамшахром распространилась в тылу, и ребята из КСИР Хамадана собирались возвращаться под Саре-Поле-Захаб. И вот, не прошло и четырёх-пяти дней моей жизни в городе, как я подумал: рана моя зажила, соберу-ка я рюкзак да поеду в Саре-Поле-Захаб.

– Неужели ты хочешь в таком состоянии на фронт? – спросила мама смиренным тоном. – Останься немного, передохни и как следует поправься.

– Это была лёгкая царапина, – ответил я, – и она уже зажила.

– Если это царапина, то почему лицо твоё потеряло цвет?

– По ребятам на фронте сердце болит. Я должен вернуться туда.

Мама, увидев мою решимость, как и в прежние разы, покорилась. В последний раз я сходил в госпиталь

Имама, чтобы сделать перевязку. Медсестрой была молодая женщина. Сняв повязку, она вздрогнула и отшатнулась. Наверняка она не видела, чтобы пуля таким образом разорвала плоть и вышла с другой стороны. То, что увидела сестра собственными глазами, мама поняла материнским чувством. Сестра не поверила, что я с такой раной прожил двадцать дней. Как бы там ни было, вот опять рецепт и целый пакет антибиотиков. Раз мама согласилась на мой отъезд, ждать было нечего. Я направился из госпиталя на базу КСИР, а оттуда в Саре-Поле-Захаб, на поиски Хабиба.

Глава пятая

РАМАДАН ВОЙНЫ НА ИСТОЩЕНИЕ

Саре-Поле-Захаб оказался вне зоны действия иракской артиллерии. Это я понял, увидев в городе не только обилие военных, но и некоторое количество гражданских жителей, вернувшихся взглянуть на свои дома. Тут же я услышал, что иракцы сровняли с землёй город Касре-Ширин и отступили оттуда до границы, проходящей по возвышенностям. Итак, Саре-Поле-Захаб больше не считался фронтом. Оттуда я поехал в городок Аль-Махди. Все мои упования и мысли были о Хабибе, и я рассчитывал, что, увидев его, смогу добиться его помощи в отправке на фронт.

Городок был полон бойцов, которые до этого почти целый год сражались здесь с иракцами. Они все были бодры и веселы – в основном по той причине, что смогли очистить от вражеских сил три высоты, за которые всё это время ожесточённо сражались: Каравиз, Бази Дераз и Танге Курак. Они группами прибывали сюда и тут вливались в другие группы, создаваемые для поиска погибших на этих трёх высотах. Некоторых хадж-ага Хамадани включал в другой отряд, направляемый на гору Каравиз с двумя целями: и опознавать погибших, и вести разведку новых иракских позиций, занятых врагом после отступления. Среди этих бойцов я вдруг увидел Хабиба, с бритой головой, на которой был виден шрам от раны.

В сердце моём вспыхнула радость: увидеть его было наслаждением, сравнимым с целым миром. Он тоже узнал меня и без всяких слов раскрыл мне объятия. Я хотел сказать: говорили, что ты погиб, – но он опередил меня:

– Брат Хошлафз, я не верю, что ты здесь!

– Но что я должен делать?

– Сейчас мы едем вместе с остальными, чтобы изучить позиции иракцев на той стороне горы Каравиз. Ты тоже можешь поехать на гору Танге Курак для поиска погибших.

Мы все сели в «Тойоту». Там были ещё четверо, которых я позже хорошо узнал: Мосайеб Маджиди, Али-Реза Торкаман, Джалаль Искандери и Забихолла Абади.

Все эти четверо хорошо знали местность Танге Курак. Машина остановилась на грунтовой дороге, ведущей от села Танге Курак на Касре-Ширин, возле крутой, похожей на стену возвышенности, и они сказали: «Это Танге Курак».

Я удивился тому, как ребята сумели взять эту кажущуюся неприступной высоту. За восемь лет этой войны я не видел другой такой же сложной для штурма горы. Мы полезли вверх на поиски тел наших погибших – подъём этот был для меня нелёгко, с моей всё ещё не зажившей раной. Сразу бросились в глаза пустые иракские окопы...

Ребята друг за другом лезли вверх по скалам, столь крутым, что для них иракцы использовали длинные деревянные лестницы. Без этих лестниц трудно было карабкаться по столь острым скалам. Но я не подавал виду и, обливаясь потом, не отставал от остальных. Вскоре мы добрались до первого тела нашего убитого, висевшего на крутом склоне. Иракцы привязали его, раненого, за ногу и таким образом казнили. Джалаль Искандери залез наверх и ножом обрезал верёвку, на которой висело тело, а мы с Мосайебом Маджиди приняли это тело снизу

и положили на землю. Оно было высохшим, повисев на верёвке под солнцем не один месяц. Плоть и кожа лица раскрошились, а на личном жетоне было написано его имя: Саид Сейфи, из Хамадана. Я понял, что знал этого человека, и испытал настоящий шок. Принёс полиэтилен и завернул его. Забрать эти тела должна была следующая группа, а в нашу задачу входило найти убитых, идентифицировать их и сложить в одном месте. Продолжив поиск, мы нашли убитого бойца, который словно бы облокотился на скалу или прислонился к ней. Если бы я не видел его вблизи, я не поверил бы, что он из мучеников былых боёв: настолько живым было положение его тела. Впрочем, его засыпало землёй по колени, и я рукой стряхнул пыль с его гимнастёрки. На голове его была каска, а на личном жетоне мы прочли имя: Раджаби, из Нахаванда.

Каска была пробита: видимо, он, раненый, прислонился к скале, а иракцы в этот момент произвели сверху контрольный выстрел в голову. Мы высвободили из земли его застывшее в сидячем положении тело и двинулись к следующему убитому, по имени Самават, которого, очевидно, сожгли. За два часа мы нашли в скалах 14 тел убитых. Некоторых из них иракцы сбросили с вершины горы в ложбину, в которой было минное поле. Джалаль Искандери распорядился оставить до следующего этапа те тела, которые лежали на минах.

Вернувшись в городок Аль-Махди, мы встретили разведгруппу, которая только что вернулась с горы Каравиз. У них дело обстояло совсем не так, как у нас. После опознания тел погибших на вершине горы они двинулись дальше, чтобы разведать иракские позиции, и там, у подножия горы под названием Танге Хамам, попали в засаду. Группа из десяти человек под командованием Хосейна Хамадани была вынуждена принять бой. И иракцы двоих из этой группы взяли в плен. Один иракский

солдат был убит, остальные с большим трудом прорвались к подножию горы Каравиз.

На следующем этапе мы занимались работой по вывозу тел убитых со склонов гор Каравиз и Танге Курак. Найдены были почти все убитые в этих боях, и мы думали, что наша работа на фронте Саре-Поле-Захаб закончена, но Хабиб сказал: «Брат Хошлафз, ты теперь уже опытный боец разведки. Присоединяйся к разведгруппе и действуй вместе с ними».

– А что, здесь опять будет наступление? – спросил я.

– Мы передаём этот участок армии, но требуется определить, где находятся иракские позиции по всему фронту.

Следующая неделя была занята разведывательной работой в составе группы из восьми человек; остальные же наши войска отвели чуть дальше в тыл от Саре-Поле-Захаб, в место под названием Патак. Прибытие новых частей могло означать новое наступление. Основными командирами фронта Саре-Поле-Захаб были Хабиб Мозахери, Джафар Мозахери и Али-Реза Хаджибабаи; они постоянно навещали войска, размещённые в Патаке. Войска проходили программу обучения и тренировки, но с какой целью, было неизвестно – по крайней мере, мне.

Наша разведгруппа каждый день исследовала какой-нибудь маршрут под руководством Джафара Мозахери. Один день был посвящён походу от склона горы Каравиз в сторону равнины Захаб, в другой день мы проследовали от вершины Каравиз до горы Танге Хамам, а в конце концов, через неделю, было объявлено, что все наши войска возвращаются в Хамадан. Это была странная новость. В Патаке было закончено формирование трёх батальонов, и после этого возвращение в Хамадан выглядело бессмысленным. Я опять пошёл к Хабибу:

– Что происходит? Почему Хамадан?

– Хамадан не является конечной целью, – ответил он. – Мы пробудем там один день и передислоцируемся на юг.

Больше он ничего не пояснил; а другим, думаю, даже этого не сказал. На следующее утро мы выдвинулись на автобусах и после полудня прибыли в Хамадан. Домой не пошёл никто; все мы прибыли в место под названием «Учебный лагерь “Кодс”». Это был один из учебных лагерей басиджей в Хамадане, который работал с начала до конца войны и пропустил через себя тысячи бойцов. Там больше других бросался в глаза один очень расторопный и быстрый молодой человек. Тело его было обмотано патронташем, и он непрерывно крутился среди бойцов наших трёх вновь сформированных батальонов и повторял хриплым голосом: «Садитесь! Встать! Садитесь! Встать!».

Не могу сказать, что мне очень понравился его облик или действия; но я не знал, что этот острый и резкий молодой человек в последующие годы займёт в моей душе то место, которое до своей смерти занимал Хабиб. А в тот день я спросил у Хабиба:

– Кто этот парень?

– Али Читсазийан, – ответил Хабиб. – Преподаватель тактики у басиджей.

– Когда мы выдвигаемся? – спросил я, меняя тему.

– Завтра рано утром. Ты, если хочешь, загляни домой.

Когда я пришёл домой, мама удивилась и обрадовалась тому, как быстро я вернулся. Но, услышав, что я проведу дома лишь одну ночь, нахмурилась.

Был месяц Рамадан. Для разговения вся наша семья встала утром до рассвета; после утреннего азана я взял свой рюкзак и вышел из дома. Семьи бойцов узнали, что ребята прибыли из Саре-Поле-Захаб, однако не у всех была возможность попрощаться с семьями, поэтому

многие домашние пришли утром к лагерю. Я сел в тот автобус, где были ещё двое из нашего квартала: Мохсен Багбан и Саид Хушхазе. В дороге было включено радио и играл военный марш, который передавали во время наступлений. Я понял, что мы будем участвовать именно в этом наступлении.

Пока доехали до юга, намучились в тесноте и рано утром прибыли в Ахваз, в лагерь, расположенный на шоссе, ведущем на Хоррамшахр, и закреплённый за керманской бригадой «Сар Аллах» («Мечь Аллаха»). Наступательная операция «Рамадан» началась двумя днями раньше, и нас перебросили на этот участок, чтобы мы помогли удержать укрепление в местечке Кушк. Это укрепление было взято мужественной атакой ребят из бригады «Сар Аллах», но иракцы настойчиво пытались его отобрать.

Ночь была ночью бдения и молитв; ребята писали завещания. Всё это напоминало наступательную операцию «Бейт оль-Могадас». Никто не знал, где точно проходит фронт, и некоторые даже не знали, что такое земляная насыпь. У них был опыт боев в горной местности на западе, но на плоскую потрескавшуюся равнину юга они прибыли впервые.

– Брат Хошлафз, – спросил меня один боец, – ты здесь бывал раньше, объясни, что из себя представляет эта самая насыпь? Насколько она выше холма?

Вопрос меня рассмешил, и я ответил на него так:

– Насыпь нужно увидеть, рассказать о ней невозможно.

На следующий день мы отделились от общей массы бойцов наших батальонов. Здесь были командиры батальонов и рот и ещё несколько человек, и я присоединился к их числу, повинувшись указанию Хабиба. Мы поехали в то место, которое было хорошо знакомо и мне, и Хабибу. Именно в районе канала Гармдашт теперь

находилась тыловая база бригады «Сар Аллах» и её штаб. И я вновь увидел то множество сожжённых танков, которые целый месяц оставались здесь, и вспомнил те бои операции «Бейт оль-Могаддас», во время которых я и Хабиб были ранены, а десятки других пали убитыми при освобождении нами канала Гармдашт. Теперь это были тылы, а линия фронта проходила гораздо дальше впереди, в месте под названием Кушк.

Рядом с блиндажом, в котором находился штаб бригады, группа людей собралась кольцом вокруг молодого человека – его звали хадж Касем. Наши командиры также присоединились к этому кольцу. Хадж Касем Солеймани, командир керманской бригады «Сар Аллах», сообщил последние данные о ситуации в Кушке:

– Братья, в боях двух прошедших ночей в пограничном военном укреплении Кушк мы сумели пробить брешь шириной семьсот метров. Эту территорию сейчас удерживают наши ребята, но давление на них очень сильное. Они отражают атаки иракцев с трёх сторон: слева, справа и спереди. А позади них минное поле. Если ситуацию не изменить, то враг может отбить эту территорию. Наши ребята вцепились в землю насмерть, но мы должны расширить плацдарм справа и слева, чтобы протяжённость его достигла трёх километров. Братья из Хамадана прибыли для помощи нам силами трёх батальонов. Согласно предварительному плану операции, два их батальона наносят удар справа и слева, а третий батальон остаётся в резерве для усиления первых двух. Я приветствую прибывших дорогих братьев и выражаю надежду, что мы, с помощью Всевышнего, сможем удерживать укрепление Кушк.

Выступление хадж Касема было коротким и ёмким. Лицо его заставило меня вспомнить хадж Ахмада Мотева-селиана. Тот тоже говорил решительно, строго и спокойно. В ту же ночь три батальона начали передислокацию

из тыла на передовую. Все взоры бойцов были прикованы к командиру сводного отряда Али-Резе Хаджибабаи и к трём командирам батальонов, которые его сопровождали. Возможно, ребята из Кермана кому-то рассказали о ситуации больше, чем нам. Два батальона – батальон «Фатх» под командованием Мохаммада Делавари и батальон «Наср» под командованием Хабиба Мозахери – были передвинуты в передовое укрепление для его удержания. Я был с Хабибом, не отставал от него ни на шаг. Наш батальон, после часа движения в полной темноте, достиг того рубежа, от которого прежде ребята из Кермана начали свою атаку, пройдя по проходам в минных полях и взяв штурмом укрепление. От самого укрепления мы находились примерно в пятидесяти метрах, когда поступила команда выйти из «Тойот», – однако было ли тут место, куда можно выйти? Мы находились посреди минного поля, ширина прохода в котором составляла лишь два-три метра, а по сторонам везде была колючая проволока. Требовалось не только высадить пехоту: машины должны были развернуться и уехать назад – всё по тому же узкому проходу. Видимо, милость Божья хранила нас этой ночью, так как ни один человек и ни одна машина не подорвались на минном поле. Только одна «Тойота», высадив пехоту, дала задний ход и наехала на группу бойцов, переехала ногу одного из них, и он громко застонал. Мы подумали, что стон этот будет услышан иракцами на той стороне укрепления. Как бы там ни было, мы продвигались в сторону укрепрайона. Посреди этого укрепления проходила глубокая траншея – глубина её была в рост человека, а справа и слева – множество окопов и блиндажей. Ребята передовой линии, увидев нас, воспрянули духом. Батальон «Фатх» затем двинулся дальше вправо, и мы до конца боя их больше не видели.

Как только мы достигли укрепрайона, в воздух взлетели иракские осветительные ракеты, а следом, как

горох, посыпались снаряды и мины. Верхние перекрытия этого укрепрайона были прочными, ровными; траншея была устроена по всем правилам инженерного искусства. Всё это ободрило ребят, которые почувствовали, что здесь можно хорошо укрыться и быть в безопасности от пуль и осколков. После того как ребята обосновались на новом месте, Хаджибабаи вновь собрал командиров рот возле ската укрепления и шомполом от «калашникова» начертил на земле план расположения этого укрепления и позиций противника. С командиром был его радист Мохаммад Аракчиан, который постоянно вёл переговоры со штабом бригады и с батальоном «Фатх», недавно отделившимся от нас. И тут, в самом начале операции, в собравшуюся группу угодила мина! Мы глазам своим не поверили: бой ещё не начался, а командир всего сводного отряда Али-Реза Хаджибабаи был убит на месте! Осколок попал ему в шею, и он, бездыханный, упал на скат укрепления. И выглядел так, словно давным-давно упокоился. Все командиры были в шоке, а больше всех Хабиб, который был с убитым как бы одной душой в двух телах. В тусклом мерцании осветительной ракеты я посмотрел на лицо Хабиба и увидел, что он после этого несчастья за две минуты постарел лет на двадцать. Хабиб приказал накрыть одеялом лицо Хаджибабаи, чтобы басиджи не узнали о его гибели, и дальше принял на себя командование всем отрядом, в дополнение к командованию нашим батальоном. По его приказу первая группа из 12 человек вышла из капонира и направилась вправо для атаки на иракцев. Было десять вечера, но иракцы узнали о нашем появлении, и их танки, несмотря на ночную тьму, начали окружать нас с трёх сторон. Как только первая группа двинулась в атаку, её встретил огонь ДШК и танков. Примерно 12 передовых бойцов были убиты в первые же минуты, и мы поняли, что здесь атаку можно вести, только прячась в траншею. И батальон двинулся

вперёд по траншее колонной по одному. Один-два человека шли впереди, остальные позади них: иного не позволяла ширина траншеи. Передовые бросали гранаты и таким образом зачищали окоп за окопом и блиндаж за блиндажом; или же падали убитыми или ранеными. После часа такого боя около 80 наших бойцов были убиты или ранены, но путь для расширения плацдарма вправо был открыт. Когда кого-то ранили или убивали, он оставался тут же, на дне траншеи, а остальные перешагивали через его тело и продолжали с боем двигаться вперёд. Чем дальше мы продвигались по траншее, тем больше в ней было трупов иракцев. Я был занят тем, что находил на трупах гранаты и кидал их в окопы. За полночи я бросил, наверное, пятьдесят гранат, а израсходовал меньше одного магазина из 30 патронов. Пленных брать мы не имели возможности. От постоянных взрывов гранат у меня гудело в ушах и голова раскалывалась от боли. Помощью Всевышнего я объясняю то, что ещё до рассвета иракцы поддались нам, и наша храбрая атака позволила расширить плацдарм вправо от 700 метров до двух километров. Однако с батальоном «Фатх» мы так и не соединились, а это означало, что нам нужно было готовиться выдержать яростные контратаки врага в течение дня.

Ни один из нас не высывался наверху из укрепления. Мы все сидели или стояли в затылок друг другу в траншее и ждали, что батальон «Фатх» также прорвётся к нам справа по траншее и соединится с нами.

Взошло солнце, но того, что мы ожидали, не случилось. Мы поскорее прочли намаз и приготовились отражать иракские контратаки. Иракцы не заставили себя ждать, и прямо в лоб на нас пошли их танки, целыми колоннами; в таком количестве, что через час равнина перед нами напоминала большую стоянку бронетехники, где танки двигались плечом к плечу, на расстоянии лишь нескольких метров один от другого. Такой сцены

я не видел даже во время противотанкового боя во время взятия Хоррамшахра, а до конца войны нечто подобное я видел только во время операции «Кербела-5», к западу от Рыбного канала. Несомненно, количество танков превосходило количество бойцов в наших рядах. При этом враг знал, что иного оружия противотанкового боя, кроме РПГ, у нас нет. И они стреляли издали, не приближаясь к нам. Мы были вынуждены сражаться с их пехотой, которая насаждала справа вдоль траншеи для отвоевания территории. Хабиб постоянно ходил туда и обратно вдоль траншеи, доходя до места самого боя. К восьми утра атаки справа стали столь яростными, что мы вынуждены были отступить, оставив траншею на длину примерно километр. К полудню танки также набрались смелости и справа пошли вперёд с целью обойти нас. На передней линии огня сражался Парвиз Исламийан, посылая из канала ракету за ракетой в сторону вражеских танков. Его мускулистое тренированное тело возвышалось как гора, и когда он вставал, бойцы позади него чувствовали прилив мужества и выстраивались в цепь, передавая друг другу для него гранаты РПГ. Это было удивительное зрелище. Человек в одиночку сражался с танками, которые собрались против него целой толпой. Он так много стрелял из РПГ, что из ушей его капала кровь. Почти час он так бился, и, наконец, очередь из танкового ДШК поразила его в живот, и он упал на дно траншеи. С его гибелью бой разгорелся с новой силой, иракцы сжимали кольцо окружения. Их танки приближались, и я столько стрелял из «калашников», что ствол его раскалился и треснул. Но этот маленький участок фронта остался за нами.

На следующий день на помощь пришёл Джафар Мозахери с батальоном «Хандаг». Его приход вдохнул новый дух в наши полумёртвые тела, и начался дневной бой за расширение плацдарма. Хабиб пошёл вперёд и начал зачистку. Мины и снаряды сыпались без остановки,

а я не отрывал глаз от Хабиба. Он сражался, невзирая на удушающую, изматывающую жару; на голову, всё ещё повязанную белым бинтом, он надел зелёную каску. И он не уходил с передовой, а через час оттуда вернулись несколько человек и сказали: «Хабибу пуля попала в голову, и он погиб, тело его осталось там, впереди».

Я не поверил этому. Уже не первый раз говорили, что Хабиб ранен и погиб, и его неоднократные ранения на протяжении последних двух месяцев приучили меня не верить в его гибель и быть чересчур оптимистичным. И я подумал, что, может быть, он ранен пулей или осколком, упал на поле боя, но его, наверное, отнесли в тыл и он снова появится недели через две.

К утру все, кто возвращался с передовой, были ранены. Если руки и ноги слушались их, то они сами подходили к траншее, если нет, то оставались там, на передовой. А о батальоне «Фатх» по-прежнему ничего не было слышно. Между тем хадж Джафар предпринял меры для укрепления нашей позиции, а именно: распорядился построить насыпь, перпендикулярную главному укреплению. Там был погрузчик с ковшом, и он уговорил водителя насыпать этот вал, несмотря на вражеский огонь. Получилась насыпь длиной 20–30 метров, упирающаяся, так сказать, прямо «в живот» главному укреплению. Теперь, прячась за этой насыпью, мы оставались защищены хотя бы от огня танков справа. Место пересечения новой насыпи с имевшимся сооружением укрепили мешками с песком и листами железа и устроили там окоп, получивший название «окопа погибших». Этот окоп возле траншеи и был на передовой линии боя с иракцами. И если бы пал этот окоп, иракцы прорвались бы до конца всего укрепрайона Кушк. И вызваться добровольцем, и встать в этом окопе хотя бы на мгновение, и выстрелить из РПГ – всё это было равносильно верной смерти. Почти не было тех, кто бы высунулся из этого окопа и

не получил бы сразу пулю. И весь окоп был полон тел наших убитых. С тех пор для бойцов из провинции Хамадан «окоп погибших» стал незабываемым эпизодом в наступательной операции «Рамадан». Здесь требовалась вера, не уступающая высоте убеждений Хабиба, и мужество и воля такой же непреклонности, как у хадж Джафара Мозахери. А он в горячке битвы ещё ухитрился раздобыть большой мегафон красного цвета и призывал ребят сражаться и сопротивляться. И, как только иракцы подходили близко, кричал: «Раз, два, три!» – и в это время из «окопа погибших» поднимались двое или трое и били из гранатомётов, и происходило одно из двух: либо они падали убитыми, либо падали на землю иракцы. Однажды танки подошли так близко, что из-за их грохота не слышно стало громкоговорителя. Танки стояли в десяти метрах, а ребята с беспримерным мужеством перелезли через «окоп погибших» и бросались на них лоб в лоб.

Согласно данным центра «Кербела», иракцы бросили на захват укрепрайона Кушк восемь частей и подразделений – пехотных и танковых. Это были их свежие силы, которые шли часть за частью и обескровливались в бою, а мы оборонялись силами всё тех же двух батальонов «Наср» и «Хандаг».

К вечеру от беспрерывных боёв и недосыпа я почувствовал, что веки мои совершенно отяжелели; и я нашёл место прямо рядом с сотнями трупов иракцев и наших погибших, отвезти которых в тыл не было возможности, и там меня одолел сон. Трупы были везде, и пройти через траншею можно было, только наступая на них. И здесь я нашёл испачканное землёй и кровью одеяло, а вместо подушки использовал каску, которую надел на голову, и натянул на себя одеяло, и захрапел. И не слышал, как наступали иракцы и забрасывали траншею гранатами. Проснулся я следующим утром – намаз пропустил. И рядом со мной кто-то вздрогнул и испуганно спросил:

– Ты что, жив?

Это был мой двоюродный брат, Хамид Салавати.

– А что, я должен был умереть? – ответил я.

Он смотрел на меня в изумлении. Я бодро стоял перед ним, а на моей голове была стальная каска с дырой. Та самая каска, которую я использовал вместо подушки, была продырявлена иракским осколком, наверное, тогда, когда я спал. А одеяло на мне было столь окровавленным и грязным, что Салавати и ещё один-два человека, которые меня видели, решили, что я погиб. Я сунул пальцы в пробоину в каске и начал гадать, каким образом осколок мог её пробить, но не поразить моей головы. И подумал было, что я, как Хабиб, стал заговорённым от смертельных ран в голову... Тогда ещё сведения о смерти Хабиба не подтвердились. Его тело осталось там, впереди «окопа погибших», на территории, захваченной теперь иракцами.

Уже три или четыре дня мы ничего не ели. Если что-то плескалось на дне фляжек, то лишь для того, чтобы смочить пересохшее горло. А иракцы всё не прерывали своих контратак. Они убивали наших и гибли сами, но не сбавляли напора. Единственное, что у нас имелось в достатке, – это вооружение. В укрепрайоне было полно патронов, автоматов и гранат, в основном иракского образца.

Я, а вместе со мной один парень-басидж, а также Хамид Салавати и Реза Мохаррами, нашли хлебную лепёшку и начали есть её, как вдруг, свистя, прилетела мина и взорвалась прямо над головой этого басиджа. Его голова раскололась так, как колется арбуз, упавший на землю, и кровь брызнула и на хлеб, и на наши лица. Мохаррами с полным хладнокровием сказал: «Боже Всемогущий, выходит, после четырёх дней и этот хлеб нам запрещен?».

Я разозлился и отбросил лепёшку. Вытер окровавленные руки о штаны, взял пулемёт и, высунувшись из

«окопа погибших», стрелял, пока не кончились патроны. Рядом со мной оказался пулемётчик, у которого было несколько пулемётных лент, и он подавал мне их одну за другой. Здесь же из уст в уста передали новость, идущую от хадж Джафара: о том, что ребята из Хамадана должны готовиться возвращаться в тыл. Тот же второй пулемётчик воскликнул: «А куда я пойду? Они всю мою жизнь разбомбили: и дом, и мать, и сестру».

– Где это? – спросил я, не понимая, что он имеет в виду.

– У меня отец и мать погибли при бомбёжке Хамадана, – ответил он. – Я сейчас узнал: два-три дня назад бомбили участников общегородского намаза. – И он, рыдая, воскликнул: – Чем верующие-то люди провинились перед ними, негодяями?

Утром на замену нам прибыли свежие войска. А недалеко от укрепрайона нас ожидали три «Тойоты». В первую из них влезло 38 человек; вторую забило до отказа примерно такое же количество бойцов, а для третьей осталось только восемь человек. Это было печальное зрелище. Я вспомнил, как было пять-шесть дней назад: на этом самом месте, около минного поля, сошло с машин около тысячи человек. А сейчас живыми возвращалось лишь 80. Из трёх батальонов было убито или ранено около 650 человек и около 50 попало в плен – в основном из батальона «Фатх». Из тысячи человек нас осталось только 80!

От вида всего этого сердце моё буквально горело. Сколько моих друзей погибло! Мохсен Багбан, Маджид Байат, Хамид Байат, хадж-ага Джавахери, Мустафа Джавади Шеар, а также... Хабиб.

Я не хотел возвращаться без Хабиба и отказался садиться в машину. Нас было двое или трое – тех, кто заявил хадж Джафару: «Куда мы поедем? Мы не едем; мы остаёмся искать Хабиба». Но хадж Джафар решительно

и резко ответил: «Возвращаемся в тыл. Мы выполнили наш долг».

Пришлось сесть в кузов машины. Среди возвращающихся было немало раненых. Когда мы приехали в Ахваз, нас посадили на поезд. Некоторые, как и я, ехали в поезде впервые в жизни. И несколько человек предложили: поедем в Кум, прямо в этой военной форме. Мы приехали поздно, в темноте. Встали в очередь в баню, и банщик сначала удивился, но когда узнал, что мы фронтовики, да ещё из Хамадана, очень тепло к нам отнёсся и сказал: «Вы воюете на фронте с иракцами, а они в тылу воюют с вашими отцами и матерями». Он имел в виду тот самый бомбовый налёт на участников намаза в Хамадане.

Нам стали известны детали произошедшего. Целью бомбёжки стал хамаданский стадион, где собрался постыющийся народ, чтобы отметить последнюю пятницу священного месяца Рамадан.

Глава шестая

ХОРОШО РАНЕННЫЕ БРАТЯ

Послышался голос муэдзина. Я пришёл в мечеть нашего района, а после намаза меня окружили ребята из лагеря басиджей. Я расспрашивал их о бомбовом налёте на стадион во время пятничного намаза, а они меня – об операции «Рамадан». Мечеть была местом встреч этих ребят, которых набиралось около полусотни, при этом не более четырёх-пяти из них были на фронте. Я пообещал им этим же вечером рассказать об операции «Рамадан». От ребят я узнал, что, поскольку наш дом находится недалеко от стадиона, в нём выбиты все стёкла. И я поспешил домой, где, как всегда, дверь открыла мама. Она немного удивилась, что я вернулся после отсутствия, длившегося всего неделю, и подумала, что вернулся я из-за бомбового удара по городу. Об операции «Рамадан» она ничего не знала. Мама тут же принесла мне чистую одежду и поджарила сочный омлет, который я съел с большим удовольствием. Покормив меня, она положила на пол матрас и подушку, чтобы я прилёг. Но я отказался, а вместо этого вытянулся прямо на ковре, объяснив ей, что ребята на фронте спят на земле.

– Но ведь тут не фронт, – заметила мама.

– Почему же? Фронт. Разве не бомбили вас совсем недавно? И разве не развязали оппозиционеры улич-

ную войну, в которой зверски убивают благочестивых и фронтовиков? Они из тыла сделали фронт.

– Но ведь из этого не следует, что ты должен спать на жёстком полу?

– Я должен чувствовать то же, что ребята на фронте. Иначе привычка к удобствам быстро меня от них отдалит.

Мама ничего не сказала. Я заснул, а вечером пошёл на базу басиджей. После намаза я подробно рассказал ребятам об операции «Рамадан», а закончил так:

– Если бы после взятия Хоррамшахра мы получили подкрепления, то смогли бы дойти до Басры. А перерыв между этими двумя операциями позволил иракцам перегруппироваться, вооружиться и укрепить свои позиции. И вы должны занимать места погибших в строю.

После этого я решил поехать в дозор на мотоцикле, который ребята из квартала купили по моей просьбе. Я сдавал деньги малыми взносами, и мои друзья – Саид Хушхазе и Казем Бадпа – купили мне этот мотоцикл, который был моей единственной ценностью и который я потом продал, чтобы получить деньги для женитьбы. Один из парней квартала вызвался сопровождать меня в этом патрулировании; я подумал, что мой рассказ произвёл на него впечатление, и решил его испытать. Правда, к этому испытанию примешалась и доля шайтанова озорства. Мы поехали в сторону стадиона Саидие, при этом я захватил с собой из мечети автомат Калашникова. И по дороге я настойчиво говорил ему об оппозиции и о том, какую услугу она оказывает Саддаму.

– Куда мы едем? – спросил он, и я ответил:

– Получена информация, что две группы оппозиционеров назначили встречу своим членам вон за теми садами. Мы должны прибыть туда раньше полиции.

Бедолага поверил этому. И вот я затормозил возле зрительских скамеек стадиона. Я вручил ему «калашников» и увидел, что он от страха весь дрожит.

– А ты сам? – спросил он.

– Я владею приёмами кун-фу, – ответил я. – Если я там сейчас наверху увижу кого-то, я на него нападу. А если меня не будет более трёх минут, то ты потихоньку иди следом за мной, наверх.

И я тихо пошёл вверх по полуразобранной лестнице стадиона и спрятался наверху. Проходит две, три минуты, он не поднимается. Напуганным голосом крикнул мне несколько раз: «Брат Хошлафз, брат Хошлафз!». Цель моя была в том, чтобы научить его преодолевать страх и тем самым подготовить к фронту. С тех прошло тридцать лет, и я сам удивляюсь, как такая нелепость могла прийти мне в голову. Видимо, в этом необычном способе «обучения» виноваты наши с ним юные годы и необычные условия жизни тех лет. Мне казалось, я всё предусмотрел, но я забыл о страхе, от которого его сердце высккивало из груди. И вот я изменил голос, чтобы он меня не узнал, и закричал из своей засады:

– Ребята, нас раскрыли! Здесь басиджи!

Мой бедный друг, услышав этот крик, дал очередь куда-то вверх. А я опять закричал грубым голосом:

– Вперёд, хватайте вон того!

И очень тихо, невидимый для него в густой темноте, я пошёл вниз. И его я тоже из-за темноты не видел, но, когда он двигался, я слышал его движения. И я крикнул ему в спину: «Хватайте его!».

Резко повернувшись, он дал очередь, и пули просвистели над моей головой, а резко пахнувший пороховой дым наполнил мои ноздри. Мой друг казался одержимым демонами, но когда всё понял, принялся на чём свет ругать меня, а потом бросил автомат на землю и ушёл, не оборачиваясь, и больше в наше отделение не заходил.

На следующий вечер я рассказал ребятам мечети об устроенной мною «фальшивой засаде», и мы опять до утра были в дозоре, а утром вернулись на базу одновременно.

менно и устроили «кучу-малу». Их было пятнадцать человек, и они все решили отомстить мне за того паренька. Навалились на меня, и все пятнадцать давали мне подзатыльники и молотили меня кулаками и ногами вроде бы в шутку, но так сильно, что сами утомились. Я еле-еле удрал от них. А потом это повторялось каждую ночь. Намаз, молитва, затем полухулиганские силовые единоборства до утра на базе басиджей. Мысли об учёбе я теперь оставил совсем. Неделю провёл в Хамадане, посещая базу басиджей и иногда заглядывая в КСИР, а потом услышал, что на западной границе пахнет наступлением. После того, как иракцы бежали из города Касре-Ширин, там в новом месте возникла линия фронта, почти на бывшей шахской границе. И этот фронт получил имя мученика Хабиба Мозахери.

Имя Хабиба я никогда не мог слышать спокойно. Он в моей памяти был как живой. Как только я слышал о нём, он тут же словно бы возникал передо мной и говорил: «Брат Хошлафз, сделай шаг. Я жив. Я с тобой везде, куда бы ты ни пошёл. А ты просто сделай свой шаг».

Однажды я вернулся домой, ещё не зная, что мой младший брат на сей раз меня опередил, собрался и уехал на фронт. Я тоже собрал рюкзак, и мама спросила меня:

– Куда ты опять? Только приехал и хочешь уезжать?

– Ты же видела, что в предыдущий раз я вернулся очень быстро.

Она ничего мне не возразила, да и об отъезде брата ничего не сказала¹.

¹ Брату Джафару было тогда всего 13 лет, и вся его военная подготовка ограничилась тремя днями. Но он очень хотел присоединиться к фронтовикам, для чего подделал свой паспорт. Подделку, однако, обнаружили, тогда он предпринял вторую попытку и попал на фронт по чужому паспорту, который взял у одного из своих друзей, достигших совершеннолетия.

Я отправился в наше отделение КСИР и там получил направление в Саре-Поле-Захаб вместе с Каземом Бадпа и Саидом Хушхазе. Саре-Поле-Захаб был уже тыловым городом, а на фронт в сторону Касре-Ширин ходили машины КСИР и армейские. Мы добрались на попутке до Касре-Ширин, а оттуда своим ходом – до линии фронта, которая теперь носила имя Хабиба и проходила слева от асфальтового шоссе по одиннадцати близко расположенным друг к другу холмам, примерно в семи километрах от шахской границы. Добравшись сюда, мы узнали, что у ребят из Хамадана, помимо этого фронтового участка, есть ещё одна база рядом с Касре-Ширин. Но фронт-то проходил здесь. В итоге мы были в замешательстве: оставаться ли нам здесь или возвращаться в Касре-Ширин. Была вероятность, что именно на той базе ребята организуются для наступательной операции, но я сказал:

– Для меня все эти окопы полны памяти о Хабибе Мозахери. Я остаюсь здесь.

– Но здесь не пахнет наступлением, – возразил мне Бадпа.

Там же я встретил одного парня из басиджей нашего квартала, по имени Мохаммад-Али Мохаммади. Он был ранен осколком в голову и после этого продолжал спокойно и хладнокровно сидеть в окопе. Командир участка настаивал, чтобы он пошёл в тыл, но он решил остаться в строю. И мы остались там же; весь бой сводился к артиллерийской и миномётной дуэли, а нам поручили быть разводящими караулов. И вот по ночам мы обходили окопы и меняли дозорных, а днём, усталые, отсыпались почти до полудня. Дня через три-четыре у нас состоялся разговор с этим командиром. Бадпа и Хушхазе, Бог им в помощь, заявили командиру, что мы возвращаемся в тыл, в лагерь хамаданцев около Касре-Ширин. Я тоже согласился отправиться с ними, а Мохаммади, со своей раной в голову, остался на том же участке.

* * *

До Касре-Ширин мы добрались пешком и, найдя лагерь хамаданцев возле города, обнаружили, что в нём всё готово для наступления. Всё бурлило и кипело, и все уже были готовы к походу. Сколько я ни вглядывался в лица, никого знакомых не нашёл. Командиры и кадровые из КСИР уже выступили вперёд раньше прочих. Какой-то энергичный мужчина спросил нас: «Откуда вы взялись?».

Мы сказали, что мы басиджи из Хамадана, что прибыли для участия в наступлении, и всё ему объяснили.

Но он ответил, что принять нас не имеет права, и ушёл, а между тем бойцы уже рассаживались по «Тойотам» и были готовы к походу, только мы трое оставались в растерянности и не имели никакого оружия, даже палки. Я заглянул в пустую с виду палатку и увидел там три штуки «калашниковых», магазины к ним и гранаты. И вместо отчаяния в моей душе вспыхнула радость, я схватил оружие и сказал ребятам: «Если Господь захочет, Он всё устроит. Эти автоматы были оставлены специально для нас». Мы развеселились и, стараясь не попасться на глаза тому типу, который отказался нас принять, подошли к «Тойотам». Машины были до отказа забиты басиджами и их вооружением, но Хушхазе и Бадпа кое-как втиснулись в их ряды, а я, в соответствии с уже выработанной начальственной привычкой, подошел к кабине и сел там рядом с человеком, чьё лицо показалось мне смутно знакомым. Был уже вечер, темно, и я всё ломал голову: где же я видел этого господина? Он не спросил меня, из какой я роты или взвода, и смотрел на меня так, будто мы были знакомы... Наконец я спросил: «Брат, я ведь у тебя был на поклонении, но где?».

– Иншалла, на поклонение пойдёшь к имаму Резе, – ответил он со смехом. – А я тебя видел раньше на горе Танге Курак, где мы опознавали погибших.

– Меня зовут Али Хошлафз, – сказал я. – А вас?

– Мосайеб Маджиди.

Я напряг память. Вспомнилось его запылённое лицо и то, как мы собирали тела погибших на горе Танге Курак. Больше, чем его лицо, заинтересовал меня его выговор, напомнив мне акцент, с которым говорят люди у нас в деревне Морадбег, где находится сад бабушки Аджи. И я сказал ему, что у нас в ущелье Морадбег есть такой-то вот сад, и рассказал ему об этом саде. Нашему разговору очень удивился водитель: «Ну вы и даёте оба! Накануне наступления ведёте разговоры о вишне с черешней?».

Машина остановилась возле высокого холма. Бойцы без лишнего шума высадились, и дальше началось движение в пешем строю. Впервые я шёл в наступление и не знал дороги. В каком направлении мы вообще идём? Я не знал. Когда начнётся бой? Не знал. Каковы ориентиры? Мне это было неизвестно. С какими силами мы должны вступить в бой? В общем, десятки вопросов то и дело всплывали в голове.

В небо взлетели иракские осветительные ракеты, и хорошо стали видны окрестные холмы. Колонна остановилась; ракеты погасли, и движение возобновилось. По привычке, выработанной в предыдущих наступлениях, я несколько раз прошёл до головы колонны, потом отстал до её хвоста и опять прошёл вперёд. Нашёл Хушхазе и Бадпа и сказал Саиду Хушхазе: «Ну, парень, мы с вами попали в переплёт. В наступлении так себя не ведут. Это больше похоже на учения, чем на боевую операцию».

И вновь я нагнал голову колонны. Передо мной было всего двое или трое бойцов, и один сказал: «Стоим на месте». Я не только остановился, но и лёг, и от усталости сразу уснул. Не знаю, проспал ли я час или меньше, но разбудил меня Хушхазе: «Вставай, мы выступаем».

Опять мы беззвучно шли вперёд и опять сели на землю. И всё более сомнительными казались мне наши действия. Я спросил у того, кто был впереди меня:

– Есть ясность, что происходит?

– Тише! – он поднёс палец к губам. – Один взвод вышел вперёд на минное поле и сейчас его разминует.

Впереди ничего не было видно, кроме большого холма и какого-то массивного человека, совершавшего странные прыжки. И вдруг закричавшего по-арабски: «Джейш аль-ирани! – Иранские войска, иранские войска!». По нам заработал пулемёт, и все бросились кто куда: вправо, влево, вперёд, а может быть, и назад. Я решил, что впереди минное поле, поэтому побежал вправо, и несколько человек – за мной. Снизу вверх я выстрелил по этому пулемётчику на холме и попал в цель: он свалился вниз. А мы взбежали на холм. Пули летели со всех сторон, даже сзади. Добежали до траншеи, столь глубокой, что из неё нужно было вылезать по лестнице. И вот в этой траншее я вдруг увидел своего брата Джафара. Был так удивлён, что подумал: может, я ещё сплю? Я знал, что, по моему примеру, он хотел пойти на фронт, но знал и то, что он не проходил настоящей военной подготовки. И встретить его здесь, в начале боя, в этой иракской траншее, было для меня подобно шоку. Мгновение мы смотрели друг на друга, вытаращив глаза, потом, ничего не сказав друг другу, разбежались. Он – в одну сторону, я – в противоположную. С большим трудом я вылез-таки из этой траншеи, взбежал на гребень холма и начал кидать гранаты. Ребята по нескольким направлениям начали зачистку этого холма, и меньше чем через полчаса он был нами взят.

Я попытался найти Джафара и других, но веки мои снова отяжелели. С других холмов доносились звуки выстрелов, но у меня не было сил двигаться. Я привалился к стенке иракского окопа и заснул. А проснулся от лучей солнца, бьющих мне в лицо. Меня потрясло то, что уже утро, а ещё больше – то, что я один. Кругом никого не было, лишь несколько иракских групп.

Я пошёл искать ребят, и тут лязг танковых гусениц объяснил мне ситуацию. С рассветом танки двинулись на взятый нами холм, стреляли прямой наводкой и подползали всё ближе. Не успел я решить, что мне делать, как возле меня взорвался танковый снаряд, и взрывной волной меня подбросило в воздух, перевернуло и сильно ударило о землю. По всему телу прошла волна онемения. Я с трудом дополз до вчерашней траншеи, чтобы укрыться в ней от танковых выстрелов. Но не успел спрыгнуть в траншею, как новый снаряд взорвался внутри неё, и земля и небо хуже прежнего закружились вокруг моей головы. Взрыв танкового снаряда образовал на расстоянии двух-трёх метров под моими ногами некую пещеру, в которую я и упал, а на тело моё сверху свалилось столько земли, сколько, наверное, её возит в кузове самосвал. Только мои глаза и рот были снаружи. Я был похоронен в земле заживо. Глаза мои поворачивались вправо и влево, но всё тело от ног до лица было под землёй. Я с трудом пошевелил головой и услышал чей-то голос. Это был, скорее, предсмертный хрип кого-то, кто умирал рядом со мной. То ли осколком этого танкового снаряда, то ли взрывной волной он был ранен в область головы и шеи, и его руки и ноги конвульсивно дёргались. А я не имел сил даже руку выпростать из-под давящей меня массы земли. Примерно через полчаса к траншее подошли трое и увидели меня. И опять я не верил глазам. Мне было даже век не поднять от давящей на них земли, но человек, присевший надо мной, показался мне всё тем же моим братом Джафаром. Потом он выпрямился и закричал:

– Мой старший брат погиб! Мой старший брат погиб!

Я смотрел на него столь же неподвижным взглядом, каким смотрят мертвецы с открытыми глазами, потому он и решил, что я убит. И звук его рыданий потряс мою душу даже под навалившейся на неё землёй. Я изо всех

сил шевелил веками, чтобы он понял, что я жив, хотя и зарыл в землю, как в могилу.

И он понял! Закричал и побежал звать Хушхазе и Казема Бадпа, и все трое разгребли землю и вытащили из неё моё бессильное тело. Потом Хушхазе и Бадпа взяли автоматы и отправились в ту сторону, где, как они думали, находятся иракцы. Джафар был очень обрадован: он всё ещё не мог поверить, что я жив. Ощупывал моё лицо и грудь, а я смотрел на тело того незнакомца, который умер здесь на моих глазах.

На холм поднимались иракцы. Джафар схватил автомат и бросился на них, а вскоре вернулся и возбуждённо сообщил мне:

– Я убил троих, больше они сюда не сунутся.

Однако наш боец подбежал из тыла и крикнул:

– Все ребята отступают. Вы остались последние. Давайте тоже, оттягивайтесь назад.

Прокричав это, он ушёл в тыл.

– Я не уйду, – заявил Джафар. – Ведь ты не можешь идти в тыл, братец, или можешь?

– Если ты пойдёшь, то смогу, – ответил я.

Он замолчал. Иракцы бросили гранату в нашу сторону, и ещё, ещё... Мы двинулись назад, но теперь невольно оказались на том самом минном поле, перед которым остановились прошлой ночью. Отступая, мы встретили шестерых наших, которые залегли в страхе, но теперь воспрянули духом и побежали в тыл за нами.

Я знал, как найти проход в минном поле, и сказал Джафору: держись мне в затылок. Танки вели по нам огонь, но в этом крошечном аду к взрывам теперь прибавилась ещё одна беда. Мне срочно нужно было в туалет, и боль от сдерживания этой потребности буквально разрывала меня.

Но справа и слева были мины, и надо было думать о чём угодно, но не об отпращивании естественной надобности.

Если бы я шёл последним в цепочке, то я мог бы легко справиться нужду, но за мной шли люди, и это было невозможно. Только я хотел сказать Джафару: постой, – а тех попросить отвернуться, как воздух прошила иракская очередь. Выбора не было: нужно было бежать как можно быстрее и найти какую-нибудь яму. И вот мне повезло: впереди оказалась довольно широкая траншея. Я прыгнул туда, а за мной Джафар и остальные. В траншее было довольно много раненых, не имеющих сил выбраться из неё. Проблем прибавилось: что делать, тащить их с собой? Я был контужен взрывом, и собственное тело едва меня слушалось, мне из траншеи-то было не вылезти. И я так пока и не справил нужду. Я увидел бойца, раненого в живот и сильно мучавшегося. Он стоял в такой позе, будто молился: упираясь в землю лбом. Видя, что мы способны передвигаться, сказал мне: «Иракцы на подходе. Опирайтесь на мою спину и вылезайте наверх».

Мозг мой уже практически не работал из-за многих как духовных, так и телесных потрясений. И я быстро сказал ему: «Прости, брат». Встал на его спину и вылез наверх. За мной – Джафар и те несколько бойцов. Может, они хотели помочь раненым, но времени уже не было.

Мы с Джафаром бежали туда, где, по нашему предположению, находились наши войска, как вдруг со свистом упала 120-миллиметровая мина, и взрыв отшвырнул нас друг от друга. Его отбросило в одну сторону, меня – в другую, и в ушах сильно зазвенело. Я увидел, что лежащий на земле Джафар с ног до головы окровавлен. Хотел броситься к нему, но не мог двигаться. Из меня самого – из головы, с лица и из ног – сильно текла кровь. Всё моё тело было изранено крупными и мелкими осколками, которых в результате этого взрыва я получил девять штук. На долю Джафара досталось пять штук, то есть он был ранен легче.

Я кое-как добрался до Джафара и потерял сознание. Однако мы уже были достаточно далеко в тылу, и наши смогли нас подобрать и на носилках отнести в тыл.

Когда я очнулся, то на соседней койке увидел Джафара; над нами обоими склонились медсёстры.

– Брат, ты в порядке? – спросил Джафар.

– А вы что, братья?! – сёстры удивились.

– Мы все здесь братья, – ответил я с улыбкой.

Джафара развеселила моя шутка, но я был очень рассержен его поведением, а именно – тем, что он, ничего мне не сказав, сбежал на фронт после всего двух-трёх дней тренировок, научивших его не более чем разбирать и собирать автомат.

Одна из сестёр очень по-доброму спросила нас:

– Как ваша фамилия?

– Хошлафз, – ответили мы с ним в один голос.

Сестра рассмеялась, да так весело, что окружающие начали спрашивать, в чём дело.

– По-моему, эти два брата, – сказала она, – вместо фамилии Хошлафз, означающей «Хорошо говорящий», должны носить фамилию «Хорошо раненный». Эти два человека на двоих получили четырнадцать осколков, а им всё нипочём.

И она фломастером написала на белой табличке над нашими головами: «Братья Хорошо Раненные».

* * *

Три дня мы проходили лечение на базе Абу-Зарр в Саре-Поле-Захаб, после чего нас перевели в больницу им. Талегани в Керманшахе, там лечили несколько дней, затем в санитарный машине нас положили плечом к плечу и отвезли в 557-й армейский госпиталь Хамадана. Там к нам пришёл Реза Рамадани из взаимопомощи КСИР, взял наши данные и выдал нам два комплекта новой униформы.

Я не хотел, чтобы мама видела нас с братом вместе, раненых и опирающихся на палочки. Внешне Джафар выглядел здоровее меня, поэтому я первым отправил домой его, а сам пошёл на базу басиджей. Джафар подготовил домашних к тому, что я приду с палочкой, о своей же ране не сказал ничего, поскольку выглядел как здоровый. Вечером и я объявился. Мама, сестра и старший брат были дома, а отец, как всегда, в рейсе.

Вечером мама уже знала, что, если постелит мне нормальную постель, я начну возражать, поэтому она уже и не пыталась стелить постель мне и даже Джафору.

Я был очень рад, что мама, наконец, поняла состояние моё, Джафара и всех ребят на фронте. Я вообще стал думать, что с этого дня мама сделалась моим однополчанином и боевым товарищем.

Две недели я только и был занят посещением больницы и перевязками. Я делал это открыто, Джафар тайно. Отвозил нас Бахрам Атайан – спасибо ему. Лишь через месяц или два я вылечился настолько, чтобы отказаться от палки. И Джафору я решительно сказал: «Маму не оставляй одну. Будь дома». Он покорился, хотя и с неудовольствием. А я в тот самый день встретил Резу Ноурузи, и он сказа мне: «Мы почти сформировали два батальона из наших ребят и отправляемся в район Сумара. Там мы поступаем в распоряжение командира 27-й бригады Пророка Мухаммада. Если ты готов, присоединяйся».

Я знал Резу Ноурузи по операциям «Фатх» и «Бейт оль-Могаддас». К тому времени он уже четырежды был ранен, но даже бровью не вёл. Голос его был спокоен и приятен. Мне иногда казалось, что со мной говорит Хабиб. Во всех своих действиях и чувствах он был полным повторением Хабиба. Я ответил ему согласием, а он до прибытия на базу «Аллах акбар» в Западном Исламабаде не сказал мне, что является командиром одного из батальонов.

Передаваемые по радио марши говорили о начале наступления под названием «Муслим ибн Акиль», а сводки с фронта Сумар вот уже три дня фигурировали в новостных передачах и заголовках газет. Присоединиться к 27-й было для меня очень приятным делом. Я предполагал, что встречу кого-то из ребят, с кем мы вместе воевали в операциях «Фатх» и «Бейт оль-Могаддас», и что снова попаду в разведку. Реза Ноурузи знал о моём опыте в этом роде войск. Когда мы прибыли на базу, нам сказали, что вот-вот прибудет хадж Хеммат, чтобы представить бойцам командира батальона. Когда я увидел Хеммата, прошлое мгновенно ожило во мне. Я хотел сразу подойти к нему и напомнить о себе, но потом решил сделать это после окончания церемонии, а пока сидеть в общем строю. Хадж Хеммат взял слово и представил нам Резу Ноурузи в качестве командира батальона «Комейл» и Резу Заргари в качестве командира батальона «Фатх». Теперь у меня было два покровителя: хадж Хеммат и Реза Ноурузи. С одной стороны, мне хотелось оставаться рядом с Резой Ноурузи, но с другой – меня тянуло в разведку бригады. Я вышел вперёд. Хадж Хеммат сразу узнал меня и горячо обнял, и дал Резе распоряжение обо мне; так я стал начальником разведки батальона «Комейл».

Несколько дней мы были заняты боевым слаживанием и тренировались в технике ночного боя; кроме этого, были ночные молитвы и чувствовалось нарастание религиозного настроения. Наконец хадж Хеммат объявил о том, что мы выступаем под Сумар с целью укрепления линии фронта и отражения ожидаемых контратак противника. В полдень мы прибыли в расположение бригады: местность, находящуюся чуть дальше в тыл по отношению к Сумару, на базу имени мученика Бехешти. Там мы увидели встревоженных бойцов; они спешно эвакуировали раненых. Другие были заняты перегрузкой снабженческих запасов. Сказали: «Полчаса назад

была большая бомбёжка». Опасаясь новой бомбёжки, многие бойцы попрятались по оврагам. Медлить было нельзя. Батальон «Фатх» был срочно отправлен вправо, а наш батальон – «Комейл» – сел на самосвалы и грузовики «Ифа» и выдвинулся влево. Перед выдвиганием бригадная разведка полностью разъяснила нам всю обстановку на участке. Но я никого из этих разведчиков не знал. Это было уже новое поколение бойцов разведки, пришедшее в бригаду Пророка. Согласно их указаниям, мы должны были выдвинуться на правую сторону высот Гиске и Миантанг и там в месте под названием «Пост Сефид» создать район обороны. Согласно карте, район ответственности батальона должен был охватить высокий холм слегка позади передовой линии, причём предполагалось, что три роты займут оборону на холмах чуть впереди центра района ответственности. Наши силы ещё не полностью разместились на этих холмах, а иракцы уже засекли наши перемещения. Было одиннадцать вечера, и я лежал и отдыхал в командирском блиндаже батальона, когда Реза Ноурузи торопливо сказал мне:

– Йалла, соберись и отправляйся на передовую. Иракцы атакуют.

– Я один должен идти?

– Нет; они передали по рации, что кончились боеприпасы, а иракцы ворвались на их передовую линию. Нужно помочь роте Али Читсазийана. Возьми «Тойоту» с боеприпасами и поезжай.

Я нашёл «Тойоту», водитель которой был в сомнении: ехать ему или нет. Он указывал на темноту ночи и на то, что не знает маршрута, и я ответил ему: «Я знаю маршрут и сяду за руль, а ты садись рядом». И мы поехали. Маршрут я видел только на карте на базе имени Бехешти, но выхода не было. Сначала мы съехали с нашей высоты в сторону передовых холмов, которые были ниже её, и уже тут оказались в поле зрения и обстрела ирак-

цев. Поэтому я ехал, не включая фар, позволяя машине свободно катиться вниз, причём иногда она попадала в ямы или натыкалась на бугры, так что водитель в конце концов запротестовал:

– Брат, а ты точно знаешь дорогу?

– Сам же видишь, что мы приближаемся к цели.

Мы потихоньку приближались к левому холму и видели линии красных трассирующих пуль в районе боя; это показывало нам, что мы едем правильно и должны остановиться вплотную к этому холму. Я остановил машину под обрывом и побежал вверх по склону холма, оставив водителя в машине. На холме наши сошлись с врагами лицом к лицу. Я поверить не мог, что иракцы так быстро достигнут линии наших окопов. Али Читсаз, тот самый юноша, который при первой встрече в городе очень не понравился мне, сейчас сражался самозабвенно. Он ни секунды не сидел спокойно. Вёл огонь из пулемёта Горюнова, а в промежутках между очередями пел боевые песни, чтобы взбодрить своих ребят. Я доложил ему:

– Я привёз боеприпасы, они внизу, у холма.

– Бери несколько человек, – сказал он, заправляя ленту в пулемёт, – и тащи сюда боеприпасы.

Он был моим ровесником и, кажется, на фронте был впервые, а теперь вот командовал ротой. Я должен был подчиняться ему, хотя он не был мне симпатичен.

– Кто мне поможет сгрузить столько боеприпасов? – спросил я.

– Любого бери, кто не стреляет, – ответил он, не повернув головы, – и скажи, что Али приказал тащить сюда боеприпасы.

Я отполз и под холмом увидел двух залёгших бойцов, по виду не раненых. Неясно было, почему они удалились с передовой.

– Командир вашей роты Али-ага, – сказал я им, – приказал вам двоим идти со мной на разгрузку патронов.

Как только я произнёс имя их командира, они встали, словно ждали именно этого приказа. Вместе с водителем нас было четверо, и мы за несколько приёмов перетаскали наверх весь боекомплект. Каждый раз, как я поднимался на холм, мне хотелось остаться там, взять «калашников» и вступить в бой, но я понимал, что тогда и эти трое прекратят работу. Мне было нелегко помнить о моём участии в боях на нескольких фронтах, к тому же в роли разведчика, а теперь выполнять роль подносчика патронов, да ещё юноше, который вёл себя очень сухо и сердито. И вот они сражались с иракцами, а я с самим собой. И всё-таки я подавил гордость и победил внутреннего шайтана; вновь подошёл к Али Читсазу и доложил:

– Боезапас доставлен. Готов выполнить ваш приказ.

– Что ты можешь делать? – спросил он.

– Всё, что прикажете, – ответил я, решив не говорить ему, что я начальник разведки батальона.

– Возвращайся в тыл на той же «Тойоте», – распорядился он всё так же решительно, а потом указал на двух убитых, у одного из которых не было головы, и добавил: – Вот их возьми в тыл и передай брату Ноурузи, что я жду его для разведки местности.

От слов «разведка местности» мне сделалось горячо, и под кожей пробежала приятная дрожь. Я обрадовался тому, что спросил его приказов. Утро ещё не наступило, и я должен был вернуться затемно. Водитель ждал возле «Тойоты», мы погрузили двоих убитых в кузов, и он, узнав о возвращении, забыл о робости и предложил мне:

– Я сяду за руль.

– Я вёл сюда, – ответил я, – поведу и обратно.

Он ничего не сказал и сел в машину. Мы отъехали от обрыва и от холмов и приближались к штабу батальона; здесь на высоте под названием «Развилка мучеников» нас накрыл залп артиллерии и миномётов. Я случайно, не желая этого, ткнул пальцем в кнопку аварийного

света, и дальше машина шла, помигивая огнями аварийки.

– Ты с ума сошёл? – водитель расвирепел и, выпрыгнув из машины, отбежал во тьму. Теперь иракские мины имели перед собой ясную и чёткую цель. При взрыве очередной мины осколок пробил дверцу с пассажирской стороны и влетел в кабину. Я совершенно растерялся: то хватался за руль, то пытался нащупать какие-то кнопки, но красные аварийные огни всё так же вспыхивали и гасли. Какой-то боец, оказавшийся поблизости, вскочил в кабину, нажал на нужную кнопку и бранил меня под огнём:

– И такого, как ты, называют водителем?!

– А я как раз не водитель, – ответил я, рассмеявшись. – Водитель сбежал.

Назавтра мы вместе с Резой Ноурузи и Хасаном Торком пошли на позицию Али Читсаза. Реза представил меня командиру роты:

– Это брат Хошлафз, начальник разведки батальона.

– Так точно, – ответил Али с полным хладнокровием. – Вчера я уже выполнял его команды.

Я думал, что, когда Реза представит меня ему в качестве батальонного разведчика, он изменит своё отношение ко мне, но не тут-то было.

Мы вчетвером двинулись дальше, на так называемый пост Сефид. Это было военное укрепление, оставленное иракцами, но полное разного добра: здесь были одеяла, униформа и даже ковёр и холодильник. Пункт находился под обстрелом иракцев, и мы в результате первого обследования пришли к выводу, что днём здесь нашим бойцам находиться невозможно, однако ночью их можно перебрасывать сюда. И, начиная со следующей ночи, я приводил сюда бойцов, и сам был вместе с ними, и стрелял по иракцам из РПГ. Цель наша была – дать понять иракцам, что позиция нами контролируется. Через

два или три дня я вернулся оттуда в тыл. Был полдень, и я увидел, что Реза Ноурузи сидит рядом с командирским блиндажом на своём командном пункте на высоте Миантанг. Наступило время полуденного намаза. Он встал и пропел призыв к намазу, а потом встал на молитву. Он молился один.

После намаза он повернул голову и, увидев, что я позади него стою на коленях, сказал:

– Иди прочти пропущенный тобой намаз.

Не поднимая головы, я ответил:

– Этот намаз был лучшим намазом моей жизни. Почему вы говорите о пропущенном?

Он встал и отошёл метров на семь-восемь. Вновь повернулся и посмотрел на меня – взглядом, полным значения. Я тоже глядел на него во все глаза и на миг увидел в нём Хабиба, как вдруг лёгкий свист 60-миллиметровой мины прервал мои мысли. Мина взорвалась рядом с Резой, и он упал лицом вниз. Я подбежал к нему и перевернул его на спину. Он был весь в крови. Я положил его голову себе на колени, и все мои руки и колени обагрились его кровью. И слёзы мои прорвались, как ливень из туч: «Реза! Реза дорогой, Реза!».

Он был безмолвен. Его убило сразу. На мои крики из своих землянок выскочили Маджид Бахрамджи, Мохаммад Торкаман и Хасан Торк. А я всё держал истекающее кровью тело Резы в объятиях.

Заместителем Резы был Хасан Торк, и мы думали, что командование батальоном примет он, но командиром батальона был назначен Саид Исламийан, который до этого командовал всем участком фронта. Исламийан был похож на надёжную непоколебимую гору. С его приходом батальон «Комейл» как бы обрёл второе дыхание. Хасан Торк, проявив полнейшую скромность, остался в батальоне на должности его заместителя и помощника. Исламийан спросил меня:

– На какую глубину вы произвели разведку?

– От наших позиций до поста Сефид, дальше не ходили.

Он дал мне мотоцикл; я удивительно любил мотоциклы. И сказал:

– Поезжай согласуй этот вопрос с разведкой бригады: с сегодняшней ночи начнём разведку от холма, занимаемого первой ротой.

И в эту же ночь мы вместе с ним, а также с Хасаном Торком начали разведку от позиций, занятых ротой Али Читсаза. Мы пересекли минное поле, служившее нейтральной полосой между нами и иракцами, и упёрлись в холм, наверху которого было восемь иракских окопов и блиндажей, а ниже них из холма торчала очень необычная острая скала, под которой было нечто вроде пещеры. Эта скала находилась фактически под ногами иракцев, но вне зоны их обзора и обстрела. Саид Исламийан сказал: «Брат Хошлафз, запомни расположение этого места, у меня есть в связи с ним один план».

На вторую, третью и четвёртую ночь мы каждый раз удлиняли наш маршрут, так что дошли до равнины, где начинались пальмовые рощи, находящиеся перед иракским городом Мандали. После того как мы возвращались из каждой разведки, мы вставали кольцом вокруг карты, и Саид Исламийан наносил на неё возможные маршруты для будущего наступления. При этом Читсаз утверждал, что не видит необходимости обходить вокруг противоположного холма, что он может атаковать фронтально и прорвать иракскую линию обороны, что минное поле его не остановит. Такие разговоры звучали на каждом совещании, но решения о наступлении всё не было. Однажды Саид Исламийан сказал мне:

– Хошлафз, помнишь ту скалу, о которой я тебе говорил?

– Хорошо помню, – ответил я.

– Возьми снайперскую винтовку с оптическим прицелом, – сказал он, – и с сегодняшнего дня занимай позицию под этой скалой и веди огонь по иракскому маршруту снабжения. Бей по их машинам, но запомни, что из-под скалы ты не должен выходить и они не должны засечь твоё местоположение.

Со следующего дня я начал эту работу. Выходил за пределы нашей линии обороны, которой командовал Читсаз, и занимал позицию под скалой. Грунтовую дорогу, по которой подходили иракские машины снабжения, я осмотрел ещё раньше. Она была в зоне моего обстрела, а я под скалой был недосыгаем для иракцев. Хотя они и слышали звуки выстрелов, но ничего поделать не могли: ни спуститься вниз, ни выстрелить в меня, и даже брошенные ими гранаты скатывались вниз, в речку. В начале этого задания у меня мелькнула мысль, что я могу взять с собой какое-то количество взрывчатки и подвести снизу заряд под иракские окопы, так что, если меня отсюда выкурят, то и восемь иракских боевых точек будут уничтожены. Однако практически это оказалось невозможным, и я выбросил эту мысль из головы, тем более, что Исламийан настаивал, что я должен только стрелять по машинам и сделать эту дорогу опасной для иракцев.

Три дня я именно этим и занимался и поразил девять машин. Попадал или в саму машину, или в водителя, или в сопровождающих; в основном эти машины подвозили боеприпасы или бойцов подкрепления.

На третий день иракцы начали бросать сверху гранаты, но те скатывались вниз к берегу реки. Я слышал и голоса иракцев, которые поднимали крик всякий раз, как я стрелял по машине. Однако местоположение моё было уникальным, и достать меня они никак не могли.

На четвёртый день несколько иракцев обогнули свой холм и вышли на нейтральную полосу. Я укрывался под скалой и из-за камня поразил двоих из них, но понял, что

моя позиция ими раскрыта и что они любой ценой хотят выкурить меня из укрытия. Иногда они сверху так приближались ко мне, что из-под их ног сыпались земля и камни, которые скатывались к реке.

Утром пятого дня в меня словно вселился шайтан. Я вышел из моего укрытия под скалой на нейтральную полосу, так что иракцы меня видели и я видел их. Чтобы привести меня в чувство, они дали по мне пулемётную очередь, я скатился к реке и замочил форму. Но и они все повылезали из окопов до такой степени, что ребята из роты Читсазийана открыли по ним огонь и поразили несколько иракских бойцов, а я, весь мокрый, вернулся в своё укрытие под скалой. Но оставаться там я уже больше не мог и должен был вернуться в тыл. Ребята с передовой линии видели меня и знали, что у меня есть причины оставить эту позицию. Под прикрытием их огня я добежал до подножия наших холмов. Кстати, я и оттуда, с новой позиции, видел иракские окопы и разглядывал там одного иракца, который стоял неподвижно. Я положил на камень снайперскую винтовку и нашёл его в перекрестье прицела. Палец мой уже был на курке, когда я увидел, что этот иракский боец держит руки перед лицом молитвенным образом, и понял, что он читает намаз. Тогда я выстрелил в землю рядом с его ногами, и он прервал намаз и прыгнул в окоп.

Когда я вернулся к своим, один из командиров передовых взводов сказал мне не без иронии: «Ты стрелял из снайперской винтовки, а ответ из миномётов получили мы».

Когда я вернулся в штаб батальона, я увидел, что все чем-то расстроены. «Что случилось?» – спросил я и получил ответ: «Убили Маджида Бахрамджи». Он был убит, когда сидел на заднем сиденье мотоцикла Али Читсазийана и они возвращались с передовой в тыл. Рюкзак с его личными вещами хранился у меня, и, разбирая их,

я нашёл его дневник, на первой странице которого было написано: «Забота и проверка».

Он писал в этом дневнике о своих делах и разговорах каждого дня, и подчёркнутыми были записи о его собственных ошибках и плохих поступках.

Однажды я сидел рядом с блиндажом командира батальона – это укрепление теперь получило имя убитого здесь Резы Ноурузи – и писал для Саида Исламийана рапорт о событиях дней, которые я провёл под скалой, – как вдруг кто-то сзади закрыл мне глаза руками и сказал: – Ах ты неотёсанный из нашего квартала!

Голос казался знакомым, но я его не узнавал и спросил, кто это. Он показал мне своё лицо и от души меня расцеловал. Это был Казем Сейфи, брат мученика Саида Сейфи. Того самого, которого иракцы на горе Танге Курак, раненого, повесили за ноги и чьё тело мы снимали с верёвки вместе с Мосайебом Маджиди. Казема я знал по нашему районному отделению басиджей, и он всегда был очень непоседлив. Вот и сейчас он пришёл, чтобы повидать меня, а сам служил у наших соседей справа, в батальоне «Фатх». Мы с ним немного поговорили, и вдруг нашу мирную беседу нарушил вражеский миномётный обстрел. Одна мина упала как раз рядом и взорвалась среди ящиков с боеприпасами, примерно в 20 метрах от нас. Один ящик загорелся, и Казем воскликнул: «Али, йалла, вперёд!».

Я чувствовал себя встревоженным, усталым и ответил ему:

– Ничего страшного. Это ведь деревяшка. Сгорит – и всё.

– Нет, это казённое имущество, – ответил он. – А если перекинется на другие ящики...

Так мы с ним спорили, и тут случилось то, о чём он говорил: огонь перекинулся на другие ящики. Никого, кроме нас, поблизости не было. Казем бесстрашно

бросился вытаскивать горящие ящики из груды других, тушить их и отбрасывать в сторону. Расчёт его оказался совершенно правильным: если бы мы не затушили несколько загоревшихся ящиков, то загорелся бы весь штабель с боеприпасами. Мы закидывали горящие ящики землёй, все перепачкались и обливались потом. И уже вздохнули с облегчением, но в одном ящике прогремел взрыв и опалил мне лицо и волосы. А Казем упал на ящики. Осколок поразил его прямо в сердце.

В один из других дней я пошёл в отдел пропаганды батальона провести моего друга по имени Асадйар. Когда я пришёл, он сортировал полученные из тыла письма. Был полдень. Он вылез из землянки, чтобы включить бензогенератор для трансляции азана, – и тут на землянку упала мина. Взрыватель мины сработал с замедлением. Мина пробила крышу землянки и взорвалась внутри неё; и замкнутое пространство землянки усилило взрыв, волна от которого ударила нас обоих о мешки с песком. Всё наполнилось земляной пылью и пороховым дымом, и я почувствовал, что кто-то как будто бьёт меня ногами в живот. Когда дым рассеялся, я увидел, что мой друг умирает, и это его ноги в агонии били меня в грудь и живот. Осколок попал ему прямо в голову, но он был ещё жив. Я вытащил его из окопа, но очень скоро руки и ноги его обмякли.

Было время полуденного намаза; на протяжении одной недели это был уже второй погибший, умирающий у меня на руках.

Дни проходили однообразно. Сидение в обороне начинало действовать мне на нервы. Решения о наступлении не было, а ведь мы могли бы, опираясь на плацдармы, захваченные нами во время операции «Муслим ибн Акиль», двинуться дальше. Проходило время, а мы только наблюдали гибель лучших друзей. Потом я услышал, что Саид Исламиян отводит отряд Читсаза в тыл, на

отдых. Это могло означать одно из двух: либо передачу захваченной высоты свежнему отряду, либо перегруппировку для наступления.

В тот же вечер в укрепление имени мученика Резы Ноурузи прибыл хадж Хеммат. С ним были Саид Исламийан, Реза Заргари и командир ещё одного батальона. Значит, догадка моя была верна: готовился прорыв иракского фронта на нашем участке. Один батальон из 27-й бригады Пророка Мухаммада должен был выдвинуться вперёд из Гиске, а наш батальон «Комейл» силами трёх рот должен был нанести фронтальный удар с трёх занятых нами холмов. Батальон «Фатх» на правом фланге должен был соединиться с нашим батальоном. Это наступление получило название «Зейн аль-Абидин», или «Завершающий этап операции “Муслим ибн Акиль”». Когда рота Али Читсаза вернулась из тыла на передовую, я и Хасан Торк затеяли спор насчёт того, чтобы присоединиться к ним. Саид Исламийан принял окончательное решение, сказав мне: «Хасан идёт вперёд, а ты остаёшься со мной».

В десять вечера Читсаз, Самават и Фатхи – командиры рот – собрались в блиндаже Саида Исламийана, чтобы нанести на свои карты последние изменения. Читсаз снова настаивал на своём, утверждая, что он в одной точке находится всего в десяти метрах от иракцев и может нанести удар по ним в лоб, но Исламийан считал риск этого плана слишком высоким и продолжал настаивать на обходном маршруте по прорезающему холм оврагу. Читсаз подчинился. Теперь требовалось, чтобы рота Фатхи справа от него обошла холм; рота же Самавата оставалась в резерве.

Вечером перед началом наступления прибыли бригадные сапёры и в полной темноте проделали узкий проход. Мы с Исламийаном на передовой линии сидели бок о бок, рядом с большим камнем. Роты двинулись вперёд и, успешно пройдя через проход, заняли исходный рубеж

атаки – причём противник ничего не подозревал. Приказ об атаке ещё не был отдан, когда батальон слева от нас, на высоте Гиске, начал бой; тогда роты Читсаза и Фатхи также вынуждены были атаковать позиции противника. В первые же минуты боя рота Али Читсаза захватила тот холм, который был ему назначен в качестве цели, но рота Фатхи справа и тот батальон, который вёл бой на высоте Гиске, не смогли аналогично продвинуться вперёд. Читсаз, не обращая внимания на то, что соседи справа и слева не оказывают ему поддержки, углубился во вражескую территорию и вышел на плоскую равнину, туда, где начинались пальмовые рощи, примыкающие к городу Мандали. Саид Исламийан кричал по рации: «Али, погоди! Правые и левые отстают. Тебя возьмут в клещи».

Этот приказ он отдал в зашифрованном виде, но командира роты было не остановить. Он углубился в пальмовые рощи и занялся зачисткой. Наши наблюдатели в тылу видели, что пальмы горят и что Али и его рота сражаются в глубине вражеских позиций. Позже некоторые бойцы Али Читсазийана говорили, что они вышли к покинутым жителями домам иракского города Мандали.

Исламийан был раздражён действиями Али и приказал мне: «Хошлафз, иди бери резервную роту, и вместе с Самаватом придите на помощь роте Фатхи на правом фланге».

Вместе с Махмудом Самаватом мы повели его роту через проход в минном поле. При этом мы были под обстрелом, и в первые же минуты 12–13 человек подорвались на минах, у остальных упал боевой дух. По рации я описал ситуацию Исламийану и начал совещаться с Самаватом. Иного выхода, кроме отступления, не было. Исламийан подтвердил вывод в тыл оставшихся бойцов. Когда мы отступили в тыл, получили плохую новость из района Гиске. Из всех наступающих колонн только Читсаз сумел прорваться вперёд, причём ушёл так далеко,

что возвращение его и его бойцов казалось невозможным. Уже рассветало, когда около двадцати человек из роты Али вернулись в тыл – и невредимые, и раненые, однако что с ним самим, они не знали, и связь с ним по радиации оборвалась.

На передовой мы все были в состоянии безнадежности и тревоги за исход этого боя – и тут появился Читсазийан. Мы не поверили своим глазам. Сам он был ранен, однако гнал перед собой 11 иракских пленных – некоторые из них были вдвое выше его ростом. Из роты Фатхи также вернулись немногие. Фатхи с частью своих бойцов был окружен, и все они погибли, а тела их остались на месте их смерти. Одновременно штаб бригады прислал свежий батальон на замену нам, а оставшиеся в живых наши бойцы вернулись в Хамадан. На передовой остались только я, Али Мозахери и Хади Фазли, так как мы знали проходы в минных полях. В течение следующей недели мы занимались тем, что вытаскивали в наш тыл тела убитых, находящиеся в пределах досягаемости. Мы нашли всего около тридцати тел погибших. В связи с высокими потерями состояние духа ребят было подавленным, и тут пришла новость о том, что из оставшихся в живых бойцов Хамадана будет сформирована отдельная часть. А ведь до этого нас всегда вливали в чужие бригады, например, Керманскую и Тегеранскую, поэтому новость для нас была весьма согревающей и обнадеживающей. Наконец мы покинули фронт под Сумаром и поехали в Хамадан – переполненные горькими и сладкими воспоминаниями. Ехали на машине, полной одеял, униформы и легкого иракского вооружения. Рядом со мной сидели Хасан Торк, раненный в ногу, и Саид Исламийан. Я опирался на одеяла, глаза мои закрывались от усталости, но уши слышали слова Саида Исламийана, который говорил Хасану Торку: «Этот юноша – хороший кандидат для бригадной разведки. Скажи об этом Али Читсазу».

Глава седьмая

КЛЯНУСЬ КОНЯМИ СКАЧУЩИМИ...

Хамадан принимал погибших в наступлении. Их уже проводили в последний путь и погребли, но все разговоры в городе были – об их мужестве во время «Завершающего этапа операции “Муслим ибн Акиль”».

Несколько дней я был занят тем, что ходил по домам погибших. Я начал с семьи своего друга Асадйара. У меня был его рюкзак – как бы наполненный добротой, чистотой и скромностью его погибшего хозяина. Смерть его была жива в моей памяти, как и вкус тех плодов граната. У него не было отца и матери, и о гибели его я рассказал его брату, с которым мы вместе оплакали Асадйара.

На второй день я пошёл к родителям Казема Сейфи. Это был парень из нашего квартала. Я знал его отца и мать, и раньше мы ходили друг к другу в гости. Ещё раньше я рассказал его отцу о том, в каком положении мы нашли на горе Танге Курак тело Саида Сейфи, и вот, не прошло и пяти месяцев после того, как нашли тело Саида, и я должен был рассказывать им о гибели Казема. Этого доброго парня, который прошёл пешком километры, чтобы повидаться со мной, а потом, как молодой лев, бросился в огонь, чтобы спасти казённое имущество, пытался вытащить из огня взрывоопасные ящики – и гибель его воспламенила мою душу. Я говорил о его мужестве, и его мама вытирала слёзы уголком платка.

И я буквально сгорал от стыда. Не мог продолжать рассказ, но отец его настоял, чтобы я договорил всё до конца. И я рассказал ему о гибели Казема, и он рыдал.

На следующий день я пошёл в дом моего командира и наставника Резы Ноурузи, где рассказал о его последнем в жизни намазе и о его вознесении на небо. Со мной были также Саид Исламийан и Хасан Торк – последний пришёл, несмотря на то, что был ранен в ногу. После этого визита я спросил у Исламийана:

– Когда мы вернёмся на фронт?

– Как только настанет время, я тебе сообщу, – ответил он.

Среди бойцов нашей провинции ходили слухи о формировании горнострелкового батальона Сторонников Хусейна и о преобразовании его в бригаду Сторонников Хусейна (Ансар аль-Хусейн). Я знал, что переформирование происходит в Касре-Ширин, но не разрешал себе поехать туда без распоряжения Саида Исламийана. Но и оставаться в городе без связи с ребятами на фронте казалось мне неправильным. Я ходил в КСИР и на базу басиджей нашего района, но это меня уже не удовлетворяло. Хотя теперь к работе в КСИР, в организации басиджей и в мечети прибавилось ещё одно: дом Хамида Малеки. Этот парень занял удивительно важное место в душах ребят нашего квартала и школы. Он и Али Мохаммади были первыми парнями нашего квартала, которые избрали для себя путь изучения богословия. И вот мы все собирались по пятницам. Когда из Кума в Хамадан приезжал хадж Хамид Малеки, то мы все без приглашения являлись в его дом. Его отец и мать, а также братья Саид и Арслан уже привыкли к нашим проказам. Саид и Арслан Малеки оба погибли под Фао в 1985 году, а хадж Хамид Малеки в качестве богослова участвовал во многих сражениях и остался жив и до сих пор является светочем религиозных собраний для ветеранов войны.

Вот-вот должен был наступить календарный 1983 год. Я увидел в помещении КСИР Саида Исламийана, и он сказал мне:

– Время пришло, ты готов?

– Куда меня направят?

– Куда – пока не скажу. Поймёшь позже, но скажу, что ты будешь в подчинении у Али Читсаза. Командир бригады назначил Али начальником разведки бригады.

Слухи о мужестве Али, этого 17-летнего юноши, ходили не только среди бойцов, но и среди всех жителей Хамадана. Под Сумаром было его первое появление на фронте и первое участие в бою, но то, с каким достоинством он держался, его мужество и проницательность заставили командиров назначить именно его первым начальником разведки бригады.

Утром я был в помещении КСИР. Али-ага стоял перед микроавтобусом. Группа его подчинённых была сформирована с учётом советов Исламийана и Хасана Торка. Осколочное ранение Али в ногу ещё не зажило, что было видно по его движениям, но в то же время он давал всем понять, что на это не надо обращать внимания. Приветствуя меня, он сказал «Добро пожаловать» – и я увидел себя его глазами. Оба мы носили имя Али, были практически ровесники, и оба любили разведку. Но опять шайтан начал толкать меня под локоть и нашёптывать мне, что я уже был на нескольких фронтах, что я в нескольких наступательных операциях был разведчиком, а он – новичок.

Его группа грузилась для поездки. Али взглянул на меня: «Брат Хошлафз, что же ты медлишь?».

От его мужественного звучного голоса я вздрогнул.

Али, улыбаясь, стоял у двери микроавтобуса. Он круговым движением руки взъерошил мои волосы – словно мы много лет были знакомы – и сказал: «Йалла, вперёд».

Я думал, что мы едем на Касре-Ширин, но после Исламабада мы взяли курс на Илам, а к закату дня прибыли в Мехран. Город Мехран был оставлен жителями, в точности как и город Саре-Поле-Захаб, но менее разрушен. Мой взгляд сразу же притянула к себе большая городская мечеть: я вспомнил главную мечеть Хоррамшахра. Спросил: «Мы останемся здесь?». Али-ага ответил: «Нет, мы поставим палатки на равнине около Мехрана, напротив реки Конджанчам».

Мы поставили палатки. Постепенно к нам присоединялись новые люди, и наше число выросло до 45 человек. Али в первый же вечер ввёл нас в курс положения дел в районе Мехрана: «Район обороны здесь, до отступления иракцев, был зоной ответственности КСИР нескольких провинций, в том числе Хамадана. Сейчас линия обороны Ирака проходит по той стороне реки Конджанчам, и мы должны по всему фронту Мехрана выполнить разведывательные работы в составе трёх команд по 15 человек». Он подчеркнул: «Весь этот район должен быть исследован насквозь: с севера к западу и с запада к югу. Здесь иракский фронт не представляет из себя отдельных оторванных друг от друга опорных точек. Наученные опытом предыдущих поражений, они теперь везде создали сплошной фронт. Может быть, какие-то небольшие разрывы есть, в виде оврагов и прочих особенностей рельефа, мы и должны выбрать эти овраги в качестве возможных проходов. Командование ждёт от нас нахождения надёжных проходов через линию укреплений. При этом всем нашим передвижениям обеспечивается полная секретность, и наши собственные бойцы в тылу ни в коем случае не должны знать не только о том, что мы делаем, но и вообще о нашем присутствии».

После этого вступления Али перешёл к географическим подробностям района: «Как можно видеть на карте, граница между Ираном и Ираком в районе Мехрана

имеет форму треугольника и частично тянется с севера на юг параллельно реке Конджанчам, а частично с запада на восток, начинаясь на высоте Калеканди и продолжаясь до высот 325, 340, 343 и до ущелья 330. Гора Калеканди является как бы остриём этого треугольника, и в этом месте граница проходит очень близко к реке. На нашем левом фланге иракцы укрепились позади реки Конджанчам. Поэтому первым нашим шагом будет пересечение этой реки для разведки на левом фланге».

В конце совещания Али представил командиров трёх разведгрупп, на которые делилась вся наша разведка. «Командир первой группы на левом фланге Иса Амини. Вторая группа, на среднем участке, брат Мохаммад-Хосейн Йоноси. И третья группа, на правом фланге, брат Саид Читсаз. Передовая линия – зона ответственности сил жандармерии и КСИР Илама. Ваш проход через передний край с целью разведки с ними согласован».

Первое совещание было начато этими общими сообщениями Али. Он выглядел моложе многих из своих подчинённых, и это вызывало неловкость у самых опытных из них. Он сам почувствовал это и вдруг спросил: «Кто из вас имеет опыт работы в разведке или боёв в качестве разведчиков?».

Я и многие другие промолчали, и он начал процесс обучения, продолжавшийся несколько дней, – сам он, вероятно, эту тактическую учёбу прошёл в городских условиях. Говорил о чтении карты, о работе с компасом в дневное и ночное время, о маскировке и способах остаться незамеченными во время разведки, о способах прохода через минные поля туда и обратно и об обезвреживании разных видов мин, о том, как члены группы должны разговаривать друг с другом во время задания с помощью знаков, жестов и подражания голосам животных, о том, как отмечать проходы и как убирать следы произведённой разведки, о фотографировании и приборах

дальнего видения, о засадах и противозасадных действиях, о способах взятия вражеских «языков» и о написании разведдонесений начальству, о том, как в случае необходимости питаться съедобными растениями, и о многом другом.

Обо всём этом Али рассказал нам на нескольких совещаниях. Для меня было удивительно: каким образом он так много знает, хотя опыт его сводился всего лишь к разведке в Сумаре и к проведению в тыл врага собственной роты. А он отвечал мне и похожим на меня другим сомневающимся такими словами: «Ключ к успеху разведчика – мужество и разум. Но и мужество, не основанное на вере, бесполезно».

Речи Али были простыми и без претензий. Они шли из души и ложились на душу. Он говорил с хамаданским акцентом, иногда употребляя грамматически неправильные слова, но его напор и одушевление зачаровывали всех. Занятие сменяло занятие. Иногда для разнообразия он вёл ребят на реку для рыбалки. Через некоторое время три наших группы разделились, и примерно два месяца мы не видели друг друга. Я попал в левофланговую группу Исы Амини. Мы базировались позади жандармских сил, а также в палатке, и зона нашей разведки тянулась от поста Залуаб до конца в левую сторону, то есть до поста Дарраджи. Начались походы на ту сторону фронта. Наша группа разделилась ещё на три группы по пять человек. В первую ночь я пошёл в разведку с Исой Амини, Надером Фатхи и Джамшидом Аслийаном. Мы спустились с холма, являющегося зоной ответственности КСИР Илама, и вышли на берег реки. Параллельно берегу тянулась длинная траншея, глубокая и с множеством землянок и окопов, примыкающих к ней. Судя по всему, эта траншея была передовой линией обороны иракцев до их отступления отсюда; сейчас все окопы были пусты. Моё внимание в ту ночь привлекла детская

кукла, которую я нашёл в землянке: она свидетельствовала о том, что иракцы, разграбив имущество жителей Мехрана, часть этих вещей притащили для развлечения в свои окопы. Эта находка так возмутила меня, что мне захотелось выпрыгнуть наверх из траншеи и, переправившись на ту сторону реки, где проходила новая линия обороны иракцев, вступить с ними в бой. Однако Амини распорядился: «На первую ночь хватит. Возвращаемся».

На следующий вечер мы отправились в путь сразу после заката, другим маршрутом. Прошли под мостом и увидели пустой мешок того типа, в который насыпают землю для укрепления окопов; он был совсем новым, и это казалось необычным. Я подошёл к нему, осторожно приподнял с земли и под мешком увидел итальянскую противопехотную мину¹. Нам повезло, что, пролезая под мостом, мы не задели одну из них рукой или ногой. Я предположил, что здесь наверняка побывала иракская разведка и оставила для нас эту мину. Мы продолжили путь до склона глубокого оврага, выходящего к реке.

Мохаммад-Реза Махмуд, слева от меня, слегка боком, криво, лежал на земле. Грудью он не касался земли, и в лунном свете я увидел кремового цвета корпус мины прямо под его телом. «У тебя под боком мина, – сказал я ему, – осторожно поднимись на ноги».

Эти две находки были достаточным свидетельством того, что везде вокруг нас – мины. Следовало внимательно смотреть, куда наступаешь, и уходить с этого места, где мины могли быть разбросаны как булыжники. Словом, этот маршрут нам тоже не подходил, и мы вернулись в тыл.

На третью ночь я сказал Аслийану: «Мы топчемся на одном месте, причём на нашей стороне реки; как же мы

¹ Вскоре после начала войны правительство Саддама Хусейна в большом количестве закупило итальянские противопехотные мины ТС-50 и другие (прим. перев.).

собираемся наметить проходы в глубь иракских позиций?». И вдруг я заметил большую яму. Она напоминала колодец с обвалившимся входом. Немного дальше я увидел похожую яму; она была примерно на таком же расстоянии от реки, как и первая. Почему-то меня это заинтересовало, и я вернулся к первой яме и спустился в неё. Это был колодец, и я, подражая колодезным работникам, упирался в его стенки и спустился вниз метров на семь-восемь. Там было сыро и темно, ничего не видно. Земля прилипала к моей вспотевшей коже. Я выбрался наружу и увидел, что Джамшид похожим образом обследовал второй колодец. Он обнаружил там внизу то же, что и я, и сказал мне: «Скорее всего, здесь система высохших колодцев, которые могут иметь связующий тоннель в глубине; тут не один-два колодца, а больше».

Я слышал, что во время наступления «Несомненная победа» под Сузами один из маршрутов наступления был проложен с помощью рытья подземных ходов, которые привели наши войска прямо под ноги иракцев. О реке я в тот момент не подумал, а Джамшид и Иса Амини согласились со мной в том, что колодцы надо продолжать обследовать, для чего завтра принести фонарики и лопаты. К нам присоединились также Надер и Мохаммад-Реза Махмуд, но вот ручных фонариков в лагере не нашлось. Вместо этого взяли два фонаря из палатки.

Как и в предыдущий вечер, я полез в первый колодец, держа в руке фонарь; Джамшид – во второй колодец. Следом за нами спускались ребята с лопатами. На дне колодца я хотел уже зажечь фонарь, как почувствовал под ногой шевеление. Чиркнул спичкой и в свете её увидел чёрную змею, свернувшуюся кольцом в углу тоннеля. Я зажгё фонарь; змея чуть отползла, но осталась на дне колодца. Пришлось копать рядом с ней. И так мы по очереди углубляли этот тоннель, направляя его от траншеи в сторону реки.

Целую неделю мы каждую ночь копали здесь тоннели. Запах сгоревшего газа от фонаря и влажность там, на глубине восьми метров, заставляли наши головы кружиться, но азарт был таков, что мы не обращали внимания ни на что, даже на скорпионов и тарантулов, которые попадались в ямах. Мы просто натягивали брюки на ботинки, застёгивали манжеты и надевали перчатки, несмотря на жару, – всё это, чтобы предохраниться от возможных укусов змей и от попадания внутрь одежды скорпионов и прочих тварей.

В течение недели мы вырыли на глубине семи-восьми метров боковые тоннели вправо и влево, и об этом узнали Читсаз и Исламийан. Читсаз прибыл для инспекции нашей группы и ночью пошёл с нами. Исламийан, увидев колодцы, расхохотался: «Неужели через эти ямы можно провести войска?».

Али высказался так, чтобы и нас не обидеть, но и согласиться с Исламийаном. Он сказал: «Для начала работы углубить канаву и колодцы – неплохо, однако мы должны туда перейти через реку, а не под рекой».

И мы впятером двинулись вперёд и дошли до речной воды. На той стороне реки был виден иракский окоп, но наблюдателя не было. Али повернулся к Надеру Фатхи:

– Надер, видишь вон тот пулемётный окоп с ДШК?

– Да, вижу.

– Перейди через реку, дотронься до мешков с песком на окопе и вернись назад.

Мы были удивлены и ничего не понимали. Ещё больше нас был ошарашен Исламийан, который вроде бы обо всех разведывательных делах не раз говорил с Али. Я и Джамшид Аслийан начали читать молитву, а Али выглядел совершенно спокойным, Исламийан – немного встревоженным. Надер, ничего не спросив и не сказав, спокойно вошёл в воду. Ширина реки была метров 30, глубина – то до пояса Надера, то до груди. Его голова и

руки поднимались из воды, и он медленно в лунном свете шёл через реку. Когда он добрался до бруствера пулемётного окопа, показался силуэт иракского солдата. Тот встал рядом с окопом, а Надер затаился. Иракский солдат стоя справил малую нужду и скрылся, а Надер повернул к нам голову и коснулся рукой мешка на бруствере, так, чтобы Али видел это. Потом Надер вернулся к нам. Этой ночью Али-ага доказал Исламийану свою компетентность; он был очень обрадован и говорил нам, что мы вот так же должны перейти через реку, пройти между окопами и углубиться во вторую линию иракской обороны.

До этого нам казалось невозможным таким образом перейти через реку, однако Надер разбил в нас лёд неуверенности. Я воспрянул духом, и с завтрашнего дня мы каждую ночь начали переходить через реку, проскальзывать между передовыми окопами иракцев и достигать поста Залуаб, находящегося на расстоянии двухсот метров от реки. На пространстве между передовыми окопами и этим постом было много проволочных заграждений и минных полей.

На вторую неделю, когда мы сдавали Али наши разведдонесения, он заметил: «Это пустяки. Вот соседняя с вами группа дошла до шоссе Зорбатия. И вы должны разведать всё до третьей линии их обороны».

Сам Али ходил в разведку с первыми двумя группами; в основном с той группой, которая исследовала высоту Калеканди. Вместе с тем он иногда заглядывал и к нам, забирал наши отчёты; таким образом он поддерживал дух соревнования между группами. Джемшид Аслийан сказал: «На мой взгляд, нам не следует этим маршрутом ходить в глубину, лучше отклоняться влево, в сторону поста Дарраджи». А я ответил: «Я уже две или три недели не был в бане. Хочу съездить в тыл». Я попросился в увольнение у господина Амини; чтобы помыться

в бане, нужно было ехать в Салехабад, что в провинции Илам. В тот день к нам как раз прибыл Мохаммад Торкаман, он был человеком очень душевным. Я получал удовольствие, общаясь с ним, а ведь он был официальным членом КСИР, старше и опытнее меня, однако без всякой гордости участвовал в планировании и в работе. Я сказал ему: «Хочу поехать в Салехабад, но нет транспортного средства». Он мне дал свой мотоцикл-внедорожник и сказал: «Пожалуйста. Вот тебе средство».

Я был в восторге – не столько от предвкушения бани, сколько от возможности поноситься по пустыне на мотоцикле. Торкаман смотрел на меня как мудрец на недоучку; а я был в полной уверенности, что он точно знает обо всех моих тайных желаниях. Я сказал ему: «Господин Торкаман, наверное, ты хочешь дать мне какое-то наставление, напутствие, скажи хоть что-нибудь!». И он ответил: «Брат Али, всегда проси у Всевышнего о двух вещах. Первое: чтобы Он показал тебе, в чём твой долг. И второе: помог его исполнить».

И я сел в седло мотоцикла и дал газу, но в ушах моих ещё долго звучали эти слова Мохаммада Торкамана.

В отличие от Мехрана, Салехабад не был оставлен жителями. И я был счастлив, что после перерыва вижу людей, не занятых постоянно войной и мыслями о ней. Я оставил мотоцикл в бакалейной лавке и пошёл в баню. А когда вернулся, решил, что вместо того, чтобы наслаждаться бесцельной ездой на мотоцикле, поскорее поеду в штаб нашей разведки. Возможно, такое влияние на меня оказали слова Мохаммада Торкамана. Я решил сократить путь и ехать напрямик. Миновал железный мост Мехрана, а также территорию, занимаемую бойцами жандармерии, как вдруг меня накрыла очередь иракского ДШК, повалив на землю. Я так неудачно слетел с мотоцикла, что шлёпнулся напрямиком в жидкую глину. О мытье в бане и чистоте одежды можно было забыть; и мото-

цикл отлетел далеко от меня. А иракцы вели себя так, будто охотятся за самолётом: вспахивали очередями всю землю вокруг меня. С трудом я вытащил из глины мотоцикл и бежал от их очередей. А когда приехал в штаб, то мой чумазый вид вызвал всеобщий смех:

– Будь здоров! Кажется, принял глиняно-болотную ванну?

Я рассказал, что произошло. Отдал мотоцикл Торкману, а сам – обычным образом – вымылся горячей водой в 20-литровом жестяном баке. В тот же день штаб разведки переехал в сам город Мехран с точки, находящейся на равнине возле города Мехран напротив иракской базы Залуаб. Этот переезд означал наше желание быть ближе к иракскому посту Дарраджи, поскольку все прежние проходы были неприемлемы для того, чтобы в ночь наступления провести через них войска. В Мехране мы обосновались в прочном двухэтажном доме – но сразу же попаданием иракского снаряда был взорван его туалет. Туалет мы восстановили, и я отправился в городскую мечеть. Она не осталась нетронутой иракскими обстрелами. Везде были разбросаны Кораны; причём Джамшид ещё до меня пришёл в мечеть и как раз был занят собиранием священных книг. Джамшид сказал: «У меня появилась новая мысль. Мы должны полностью положиться на волю Божию».

Всё существо Джамшида было – религиозная вера и напряжённая работа; в нём не было ни крупинки подозрительного или лицемерного. И у меня не было сомнений, что его чистое сердце откроет закрытые пути. Мы решили идти в разведывательный поиск и взяли с собой ещё одного бойца, по имени Сафари. Готовясь пересечь фронт, Джамшид сказал бойцам на передовой: «Мы вернёмся завтра в полдень. Не примите нас за иракцев по ошибке». Те удивились: разве можно в полдень переходить фронт? «Не делайте этого, – отговаривали они. –

Вас в плен возьмут». Честно говоря, и у меня в душе были такие же сомнения, но, раз я решился положиться на волю Божью, то не имел права проявлять своеволие.

Я не знаю, какова была логика Джамшида. Мы договорились о полном отдании себя воле Божьей, и только это было в моих мыслях. Он шёл первым. В этом месте река Конджанчам разделялась на три рукава, отделённые друг от друга небольшими сухими перемычками. По сравнению с местностью против Залуаб, здесь ширина реки была меньше, но глубина больше и течение стремительнее.

Джамшид первый вошёл в воду, я за ним – и вскоре погрузился по грудь. Я помнил о Надере, который без единого слова исполнил приказ Али-аги и перешёл тогда реку и вернулся. Но сейчас шла ли речь о возвращении?

Джамшид хотел, чтобы мы ночью немного поспали позади иракской передовой линии, а днём обследовали бы их тылы и в полдень вернулись. Всё это противоречило законам разведки.

Вот и второй рукав реки. Сила течения здесь была меньше, ширина больше. Затем вошли в третий рукав. Ширина его также была небольшой, а глубина выше груди, и вода била нас и крутила. Всё же, хоть и с трудом, мы перебрались через третий рукав. На той стороне не было никаких иракских окопов, и я вспомнил пересечение реки Карун при взятии Хоррамшахра. Там тоже иракцы не считали возможным переход реки и не сделали оборонительную линию впритык к берегу. С наших тел и одежды лилась вода, но весенний ветер месяца фарвардин успокаивающе нас поглаживал. Мы ожидали минных полей, но, в отличие от предыдущих маршрутов, мин здесь не было. Так мы приблизились к посту Дарраджи. Наверняка внутри этого укрепления были иракцы, но наш план заключался в том, чтобы миновать это укрепление. Справа и слева от него сплошь были окопы, но тёмные и

пустые. Джамшид сказал шёпотом: «Это первая линия их обороны. Нужно её пересечь и до восхода солнца найти место позади неё».

Сознательно или невольно он отклонялся в правую сторону – туда, где расстояние между окопами было больше и больше возможностей для нас пересечь эту линию. И вот мы проползли между двух окопов. Иракцы в большинстве своём спали, хотя, глядя на окопы и блиндажи сзади, мы видели свет фонарей. Мы отделились от передовой линии и залегли на поле с высокой травой.

До утра оставалось три-четыре часа. Сон из наших голов как ветром выдуло. Даже если мы начинали задрёмывать, комары не давали нам заснуть. А когда поднялось солнце, изумлению нашему не было предела. Поверить невозможно было! Все те окопы, которые ночью были пусты и безмолвны, сейчас кипели деятельностью целых толп иракских солдат. В какую бы сторону я ни взглянул – видел нескольких иракцев. С этого места были видны и вершины Калеканди в районе Залуаб; а иракцы вдали от чужих глаз беззаботно играли тут в волейбол. Мы были возбуждены всем увиденным, но и озадачены: что делать дальше?

Джамшид сказал: «Вы лежите в траве неподвижно, а я отползу и вернусь».

И он отполз по траве на несколько метров, потом вернулся. Опять сказал нам: «Оставайтесь здесь», – и пополз в другую сторону. На сей раз полностью скрылся из глаз.

Мы уже стали беспокоиться, когда шуршание травы возвестило о его возвращении. И он приказал: «Двигайтесь за мной ползком». Я не спросил его, куда, а сделал то, что он приказал: мы поползли по траве куда-то вправо. Руки, колени и локти сильно саднило. Никто из нас не говорил ни слова: шуршание травы было тем языком, с помощью которого мы переговаривались. Джамшид

полз энергично и вдруг упал головой вниз. Исчез, словно в колодец провалился. Я быстро подполз туда и увидел, что он сидит там, внизу, на дне высохшей реки. В ней не было ни капли воды, и мы с Сафари тоже спрыгнули на её дно. Место было очень удобным: ни из одного иракского окопа оно не просматривалось. Я выпрямился и, наконец, избавился от боли в руках и от сведённости ножных мышц. И мы двинулись следом за Джамшидом.

Чем дальше мы шли, тем смелее становились. На дне реки увидели скелет дикого кабана и на нём множество ос и moskitов, что свидетельствовало о том, что люди сюда не заглядывают. Но дальше мы увидели следы пребывания иракцев. Тут была спиральная колючая проволока и мины; это придавало оврагу военный вид. А дальше овраг был перегорожен бруствером иракского окопа, на котором виднелся готовый к бою пулемёт Горюнова, но никакого охранения не было. Ясно, что иракцы построили этот окоп в качестве засады, подстерегающей нашу возможную вылазку. Но, поскольку днём они не допускали появления здесь иранской боевой группы, то и охрану не выставляли. Следовательно, нам нужно было ещё до вечера успеть вернуться этим же путём. Мы прошли примерно километр в глубину иракских позиций по руслу реки, когда слышали звук автомобильных моторов. Осторожно мы выглянули из оврага и увидели мосты, дороги и большое количество машин. Эти машины спокойно доезжали до поста Дарраджи на передовой линии. Сидя на склоне оврага, я там же перенёс на бумагу эту местность, включая сам овраг и повороты дороги. Джамшид теперь успокоился. Он уверился в том, что обнаружил наилучший маршрут, по которому можно будет провести в ночь наступления несколько батальонов. Он посмотрел на солнце в небе: было около полудня. И сказал: «Возвращаемся». Но я ответил: «Нет».

Роли теперь переменялись. Я настаивал на том, чтобы продолжить разведывательный поиск до третьего эшелона иракской обороны, а Джамшид утверждал, что хватит. Я убеждал: «Дорогой Джамшид, такой маршрут, такую разведку нельзя повторить дважды. Али поставил нам задачу разведать до третьей линии, и если мы сегодня этого не сделаем, мы будем очень жалеть».

Джамшид снова пошёл вперёд, а мы с Сафари за ним. Мы дошли до того района, где уровень русла практически сравнялся с уровнем почвы справа и слева. Здесь повсюду были минные поля и сети проволочных заграждений. И вдруг мы увидели несущийся издалека в нашу сторону иракский джип; он ехал с такой скоростью, что сердце моё упало. «Джамшид, нас берут в плен!» – воскликнул я.

Я хотел вскочить, как вдруг Джамшид прыгнул на меня. Тело его было сильным и натренированным. Я лежал под ним, не сопротивляясь. Мне показалось, что джип свернул в сторону поста Дарраджи, и я вздохнул с облегчением, однако Джамшид по прежнему прижимал меня к земле. Прежде, чем я смог пошевелиться, он указал мне рукой на проволоку-растяжку мины «Валмара»¹, которая была совсем рядом со мной. Тут-то я и понял, почему он так бросился на меня. Я потихоньку отполз от проволочной растяжки и сказал: «Теперь возвращаемся».

Мы вернулись в сухое русло реки и побежали в сторону линии фронта. Жара, жажда и бессонная ночь измотали нас. Все наши мысли были о том, как бы добраться до воды, чтобы напиться, а потом – чтобы рассказать Али-аге о проделанной нами работе. Вторая линия иракской обороны, как и русло реки закончил сь, и мы вновь

¹ «Валмара» – итальянская противопехотная выпрыгивающая осколочная мина кругового поражения. Взрыватель срабатывает от нажима или растяжки – металлической проволоки, соединённой с центральным штырём на крышке мины (*прим. перев.*).

были у того крутого обрыва, над которым находился луг с высокой травой, выбранный Джамшидом для прошлой ночёвки. Мы выбрались наверх и, как и на пути сюда, двести или триста метров ползли по траве. Прodelать такой путь в дневное время, с такой усталостью и жаждой, через расположение иракских войск, поистине, было безумием. Нам нужно было бы подождать наступления темноты, но Джамшид вдруг встал и пошёл по направлению к иракской передовой линии. Он шёл прямо и не скрываясь, и я сказал Сафари: «Наверное, он хочет, чтобы его взяли в плен». Не успели мы прийти в себя, как он перешёл на бег и пробежал через промежуток между двумя иракскими окопами. Мы тоже решились на перебежку, и счастье оказалось на нашей стороне: в этот миг иракцев не было возле окопов. Либо они спали, либо считали, что посреди дня нет необходимости нести дозор и обозревать собственные позиции и собственный тыл.

Мы бежали бегом, всё дальше оставляя позади иракские передовые окопы, и вот уже достигли реки Конджанчам. Тех самых трёх её рукавов. Войдя в воду, мы погрузились с головами и глотали эту воду, несколько секунд не желая выныривать. Пересекли третий, второй и первый рукава реки. Опять промокли с ног до головы. Я был в отличном настроении и спросил Джамшида: «Что такое ты сделал? Если бы хоть один иракец случайно выглянул из окопа, нам был бы конец».

Джамшид рассмеялся: «От невыносимой жажды и от жары я умом тронулся. Сил не было ждать». Мы двинулись в путь, и я сказал: «Всё ещё не верю, что мы были там и вернулись».

В тот же вечер Али-ага получил сведения о произведённой нами разведке в районе поста Дарраджи на глубину третьей линии иракской обороны. На другой день рано утром он прибыл в Мехран для того, чтобы услышать обо всех деталях этого разведывательного поиска;

с ним были Саид Исламийан, Мехди Бадами и Мохаммад Торкаман. Я считал, что успехом мы обязаны моральной стойкости, мужеству и религиозной вере Джамшида. Следовательно, он и должен докладывать. Однако он попытался уйти в сторону и настоять, чтобы докладывал я. Когда прибыли командиры, я потихоньку выскользнул из штаба.

Докладывал начальству Джамшид Аслиян. Али и Исламийан сделали вывод, который сообщили ему и начальнику группы – Исе Амини: они считают этот проход подготовленным и больше не видят необходимости вести там разведку. И приказали нам продолжать разведку дальше влево от поста Дарраджи, то есть в районе поста Фаррохабад.

Следующим этапом разведки стали переходы через реку в направлении поста Фаррохабад. Вначале мы пересекали реку, потом шли через пальмовые рощи и выходили перед иракскими окопами. Поскольку иракцы имели полный обзор сверху вниз из своих окопов и хорошо видели нас, то наши два-три разведывательных похода если и можно было назвать успешными, то лишь весьма условно. Никаких хороших проходов, в отличие от района Дарраджи, здесь мы не нашли. Через какое-то время 5-я дивизия «Наср» из Хорасана заменила в этом районе предыдущие войска. Несколько дней и ночей я занимался введением в курс дела новой разведки. Разведывательная работа, проделанная бригадой «Ансар аль-Хусейн», стала основой для планирования наступления под названием «Фаджр-3» («Заря-3»), которая была начата в этом районе в месяце хордад (май-июнь) 1983 года.

* * *

Дни в тылу были тяжёлыми днями. Я сам себе напоминал руту, которую сжигают на огне для воскурения. Я всем потерял покой. Мама уже привыкла к тому, что, про-

ведя на фронте месяца три, я дома не выдерживал дольше двух-трёх недель. Иногда она в тоске говорила мне:

– Хотя бы один-два вечера проводи дома, в семье. Ты что, прислужником в мечети стал – почему там ночуешь?

Я был ещё совсем юным и упрямым. Не понимал глубины материнской любви и в запальчивости отвечал ей:

– А разве прислуживать в мечети стыдно?

Но мама была права: я стал своеобразным работником при мечети. По вечерам я давал ребятам уроки кунфу и боёв без правил, кроме того, я теперь был занят ещё и посещением домов погибших, а также участвовал в патрулях: например, мы стояли на перекрёстках, проверяя документы. И я был начеку, дабы не пропустить новость о начале наступления и попасть на фронт. В те же дни я стал встречаться с Саидом Дурузи, который профессионально делал фотографии погибших с художественным оформлением. Среди тех фотографий, которые были у него, имелись и фото Хабиба и хадж Бабы. Я позаимствовал их у него и целую неделю занимался искусством изготовления фото; украсил фотографиями этих двух погибших многие помещения.

Шёл май 1983 года; ребят из нашего квартала, чтобы ехать на фронт, набралось достаточно для одного микроавтобуса. Они очень хотели, чтобы я поехал с ними, а больше всего об этом мечтал Бахрам Атайан. Он к месту и не к месту говорил об этом: «Али, возьми меня обязательно, я за тобой везде пойду».

Но я уже устал от поездок на фронт в качестве басиджа, от этих листков с направлением от молодёжной организации. Мне очень хотелось присоединиться к членам КСИР и воевать на фронте на постоянной основе. Надеть форму Корпуса стражей было моей заветной мечтой. И я искал встречи с Саидом Исламийаном, который мог бы дать мне рекомендацию для вступления в КСИР. И однажды увидел его в приёмной Корпуса.

– Какие новости? – спросил он.

Я замялся, не зная, поднимать ли вопрос о моём официальном членстве в КСИР. Эти люди значительно превосходили меня по своим нравственным качествам, по своему мужеству, скромности, готовности к служению и самоотдаче. В итоге я вообще забыл, зачем я искал Саида.

– Новости все у вас, – ответил я.

– Ах ты хитрец! Опять пронюхал о наступлении?

– Я готов на всё, что вы сочтёте исполнением долга.

Он рассмеялся. Смысл его ответа заключался в том, что долг для нас определил Аллах. Он всегда это говорил с улыбкой, а теперь добавил:

– Если хочешь знать моё мнение, то лучшим исполнением долга для тебя было бы поехать на фронт в Касре-Ширин. Там сейчас нехватка опытных бойцов. Ребята заняты формированием бригады. Поезжай туда и возьми под командование район обороны – холм.

Слова Саида я воспринял как шариатский приказ. Собрался без промедления. Ребята из квартала присоединились ко мне, и мы целым микроавтобусом, получив направление, выехали на высоты под Касре-Ширин, на тот самый фронт, где я уже имел опыт боёв раньше, во время операции «Мечь Аллаха». Как я и обещал Бахраму Атайану, я добился, чтобы его назначили на службу вместе со мной, а остальных ребят распределили по другим укрепрайонам. Меня, на основе рекомендации Саида Исламийана, официально назначили командиром отдельного укрепрайона на холме. Постепенно ощущение того, что я командир, как бы вросло мне под кожу. Быть может, это чувство стимулировалось ещё и ответственностью, которую я чувствовал, когда приходил к ребятам в окопах, узнавал об их нуждах и передавал эти нужды в тыл; я также не позволял воцариться на фронте сонной тишине и неподвижности. Ребята не оставляли

меня без поддержки: от 16–17-летних юношей до 70-летних стариков, они готовы были обстреливать иракские позиции из пулемётов и РПГ. Однажды я услышал, что в одном из окопов наш боец курит. Это мне сказали в соседнем окопе: сообщили, что по соседству несут боевое дежурство двое, и один – заядлый курильщик, а второй в часы дозора заворачивается в одеяло покрепче и спит. Для выговоров и напоминаний у меня имелась собственная метода. Я был убеждён, что боец должен чувствовать себя под непрерывным наблюдением противника, потому я вечером сказал ребятам в том соседнем окопе: «Я сейчас схожу на ту сторону фронта и вернусь: смотрите, не примите меня за иракца».

И вот я с нашего холма ночью спустился на нейтральную полосу, а оттуда дополз до окопа двоих нарушителей. От них – никакой реакции: они и не подозревали, что кто-то к ним подползает. С десяти метров я бросил в их окоп три-четыре камешка – не проснулись. Я подполз ещё ближе, спрыгнул в окоп и двумя руками схватил их обоих за горло. И во весь голос закричал по-арабски:

– Ах, иранские маджусы, антум асир! («Сдавайтесь, вы в плену!»)¹.

У бедняг от страха руки-ноги отнялись, ведь полная темнота не позволила им меня узнать. Они дрожали от страха, а один из них захныкал: «Ана муслим – я мусульманин».

Я ослабил хватку и засмеялся:

– Я Хошлафз. Не бойтесь.

Тот, который любил покурить, начал доставать спички, чтобы засветить огонь и удостовериться в том, кто я на самом деле.

– А что это ты ищешь? – спросил я его.

– Спички ищу, чтобы фонарь зажечь.

¹ «Маджус» по-арабски и по-персидски означает «зороастриец», «огнепоклонник» (прим. перев.).

– Нет, ты мне должен дать слово, что распрощаешься со спичками и куревом. Народ в тылу надеется на вас и спокойно спит, зная, что вы стоите на страже. А на кого надеетесь вы, когда дрыхнете тут под одеялами? Дайте слово, что это не повторится.

Мы с ними были ровесниками, однако проделанное мною сработало, и слух об этом, через их соседей, прошёл по всем окопам. А через несколько дней случилось ещё одно происшествие, которое я, опять же, урегулировал своеобразно. Из одной землянки послышался громкий взрыв, похожий на взрыв гранаты. Выяснилось, что один из басиджей, неумело возясь со снарядом РПГ, взорвал пороховой заряд, обеспечивающий вылет гранаты из трубы гранатомёта. Ему повезло, что головная часть не была присоединена, иначе вся землянка взлетела бы на воздух. Я отчитал его: «Тебе оружие и боеприпасы выдали, чтобы ими воевать, а не делать из них игрушки!».

Он не стал спорить со мной, но я решил сделать ему показательный выговор. И повёл его вниз с холма: там, за холмом, было безопасное пространство, не поражаемое вражескими минами. И я приказал ему: «Снимай ботинки, бери этот иранский флаг и установи его на вершине холма».

Ребята высыпали наружу из общего укрытия. Они наблюдали за происходящим, а я и рассчитывал на то, что это наказание станет уроком для всех. И продолжал командовать: «Носки тоже снимай и босиком – бегом марш на холм!».

Он побежал босиком по камням и колючим растениям, и никто не сводил с него глаз. Укрепил флаг на вершине холма – и как раз иракцы в это время начали сильный миномётный обстрел. Он кубарем скатился с холма и встал напротив меня. С ног его текла кровь, и я уже хотел попросить у него прощения, но он меня опередил: «Брат Хошлафз, теперь ты доволен мною?».

Я хлопнул его по плечу и сказал: «Ты тоже будь мною доволен».

Мы держали этот участок два месяца, а потом передали его свежим войскам и присоединились к только что организованной бригаде «Ансар аль-Хусейн». Бахрам Атайан был ко мне словно приколот булавкой. Следовал за мной шаг в шаг. Когда мы прибыли в разведгруппу бригады, дислоцированную в деревне Милих-Дизиге, я рекомендовал Бахрама Али-аге. Ребята уже прошли боевое слаживание и вели разведку высот под названием Бишган с целью организации здесь наступательной операции. Было решено, что вновь сформированные батальоны бригады поведут наступление на каменистых высотах Бишгана: высотах 1065 и 1045; в то же время бригада Пророка Мухаммада будет действовать на правом фланге, а 10-я бригада Господина Мучеников – на левом. Чтобы достичь подножия горы, нужно было проехать из деревни 15 километров до пустынной равнины, с которой видна была эта гора, подобно орлу озирающая окрестности.

В деревне Милих-Дизиге работники «Созидательно-го джихада» построили три больших ангара, которые использовались в качестве мечети, мест для отдыха и уютного уединения. Иногда наша бригада принимала здесь разведчиков из бригады Пророка Мухаммада, чтобы обменяться разведанными. Подбор кадров, произведённый Али, был очень удачен. Ребята собрались такие, которые могли бы послужить примером остальным в смысле перенесённых тяжёлых испытаний. Тут все уже знали, что такое опасность, и в то же время не кичились заслугами и должностями. А в лагере «Аллах акбар» Исламабада готовились к бою пять пехотных батальонов, и боевой дух был аналогичен нашему. Все ждали начала наступления и знали, что для успеха мало обладать военными знаниями и умениями, нужно также оружие идейной убежденности и духовной подготовленности.

Началась работа разведки. Вначале нам нужно было преодолеть пешком 15 километров от лагеря до подножия горы, а затем уже вести разведку вражеских позиций. Эти пешие марши брали свою долю наших сил. Затем в распоряжение разведки предоставили несколько «Тойот», и машины довозили нас почти до передовой линии, до деревни Бишган.

Разведгруппы научились затемно подниматься по крутым склонам горы, и иногда они прятались в пещерах, чтобы продолжить разведку следующей ночью. Использовались некоторые интересные приёмы. Например, в определённом месте прятали флягу с водой или компот, консервы, которые могли выручить в случае невыносимой жары и жажды. Лето ещё не наступило, но безжалостная жара уже начала терзать эту местность. В одном из совместных разведывательных поисков, в которых участвовали мы и 27-я бригада, один боец из Тегерана по имени Кальхор, опытный и высокопрофессиональный, пережил тепловой удар. Он перегрелся до галлюцинации, которая потянула его в сторону иракцев. Послышались выстрелы, и с тех пор до сегодняшнего дня мы ничего не знаем о Кальхоре. Возможность его гибели или пленения заставила начальство приостановить ведение разведки. Если он попал в плен и иракцам стало всё известно, тогда мы своими руками приведём три воинские части в ловушку. И вот вместо разведки мы теперь вынуждены были искать пропавшего бойца или какие-либо его следы. Пять дней мы этим занимались, но так ничего и не нашли. Затем начальство пришло к выводу, что следует продолжить разведку. Захват иракского пленного и получение информации от него также вселили во всех надежду на успех. Пленного иракца доставили к Али. Он спрашивал, а переводчик переводил на арабский. Али умел отличить ложь от правды. Он ставил вопросы весьма искусно. Когда иракский пленный

нарисовал расположение своих войск на листке бумаги, Али на том же листке дорисовал это расположение войск более детально. Пленный был ошарашен: откуда мог иранский офицер получить эти сведения? Как бы там ни было, допрос иракца позволил убедиться в том, что врагу ничего неизвестно о прибытии на равнину Захаб трёх боеготовых бригад. Хотя исчезновение Кальхора продолжало оставаться для нас фактором неизвестности.

Разведывательная работа на этой высоте продолжалась долго; я участвовал в шести заданиях. Однажды из ущелья Хаван мы зашли во вражеский тыл и укрылись в одной из деревень. Всё, что я видел через щель в разрушенной стене, я наносил на бумагу. Для меня работа в глубоком тылу противника была уже обычным делом – особенно после того запоминающегося похода в тыл вместе с Джамшидом Аслийаном, который мы с тех пор прозвали «разведкой суры “Скачущие”». Иракцы ходили и ездили туда-сюда, а мы четверо видели маршруты их передвижений, расположение их войск и возможности ударов по их тылам. Видели и фиксировали. Когда я сдал отчёт об этой шестой разведке Али, он был в восторге и сказал мне: «Приходят хорошие новости».

Я подумал, что дату наступления сдвинули вперёд и что разведка заканчивается. В тот же вечер на нашу базу в деревне Милих-дизиге прибыл хадж Хеммат с несколькими своими разведчиками. Они совещались с Али, а после двух вечерних намазов хадж Хеммат выступил перед собранием бойцов. Он говорил о важности выхода на границу на фронте Саре-Поле-Захаб и о необходимости захвата высот, господствующих над равниной Захаб. Конечно, как всегда, соль его выступления была в том, чтобы сказать о самоотдаче в работе и о страстной любви к выполнению долга. Я знал, что, если я выйду вперёд, то он горячо меня поприветствует и вспомнит о развед-

работе в операции по освобождению Хоррамшахра, однако я снова предпочёл не светиться, а сидеть в гуще бойцов. Я считал, что так я тренирую свои моральные качества. Я даже поглубже натянул на голову ту шапочку студента-богослова, которая осталась у меня от занятий в Куме, чтобы он меня не узнал. В этот вечер Али-ага был чрезвычайно обрадован и возбуждён какой-то новостью, и я думал, что эта новость и есть приезд хадж Хеммата и ускорение подготовки к наступлению; однако, когда хадж Хеммат уехал, Али-ага собрал всех парней разведки и объявил: «Принято решение, что два человека из нас смогут лично встретиться с Имамом. Давайте решим: кто будут эти два счастливица?».

Все заявили о своём желании поехать в Тегеран. Вообще-то, первым кандидатом должен был быть сам Али, но он с полнейшей скромностью заявил: «Я заранее рад за тех двух людей, чьи имена определит жребий».

Стало ясно, что, хотя он мог запросто предложить командованию своё имя и имя своего зама, но он ни в коем случае не хотел злоупотреблять правами командира. Поэтому решили бросить жребий после ужина. Некоторые говорили в шутку: «Тот, кто первый погибнет, тому и выпадет этот жребий». Другие решили посостязаться в борцовских поединках: мол, кто окажется сильнее, тому и жребий должен принадлежать. Между тем ко мне подошёл Мохаммад Рахими и сказал: «Али, можешь не сомневаться, первым из этих двоих буду я».

Я знал, что он не говорит необдуманных слов. Он находился на высокой ступени ирфана – познания Бога. Я позавидовал душевному состоянию Мохаммада Рахими и сразу поверил, что именно его имя выпадет из тридцати или сорока нас – претендентов.

Когда я вошёл в помещение для собраний, все замолчали. А Мохаммад Рахими подошёл ко мне и объявил: «Первым выпало моё имя, вторым – твоё». И прежде всех

остальных ко мне подошёл Али-ага и попросил: «Передай дорогому имаму привет от всех нас и попроси его молиться за то, чтобы мы до конца были стойкими в нашей борьбе».

Мы с Рахими собрались и присоединились к двум другим, которые были выбраны из числа командиров батальонов.

Автобус с бойцами с западных фронтов направился в Джамаран – резиденцию имама. От разведки бригады были мы с Мохаммадом Рахими, а от батальонов – сейед Хосейн Самават (командир 154-го батальона Хазрата Али Акбара), а также командир другого батальона, с которым я не был знаком. Из других бригад также были выбраны четверо. После часа ожидания в Джамаране к нам вышел имам.

Он сел перед нами. Мы не отводили от него глаз даже на тот ничтожный миг, который требуется, чтобы моргнуть. Он заговорил об особом достоинстве и высоком положении исламских воинов; о том, что наш путь – это путь Имама Хусейна.

Когда имам сказал о том, что он склоняет голову перед воинами, и о том, что он завидует нашему положению, все присутствующие опустили головы. Когда речь имама закончилась, я вспомнил о том, что Али просил меня передать имаму наш наказ. Но возможности такой не было: имам уже уходил.

На обратном пути сейед Хосейн Самават сказал: «До этой встречи сердце моё не было уверено в исходе этого наступления. Ответственность за жизни целого батальона, за то, чтобы повести их на высоту Бишган, – вещь нелёгкая, но сейчас я спокоен. Так спокоен, словно заново родился».

Я очень любил сейеда. Его лицо притягивало всех, как магнитом. В возрасте 21 года он стал первым командиром батальона Хазрата Али Акбара, и слухом о его

храбрости и мужестве, проявленных в операциях «Рамадан» и «Танге Курак», наполнилось всё сообщество бойцов из Хамадана. Я знал его со времён операции «Муслим ибн Акиль», когда он командовал ротой. Он был закадычным другом Резы Ноурузи и теперь, став командиром батальона, по-прежнему вёл себя с предельной скромностью и смирением. Разговор с ним был для меня честью, и я совсем уже было решился просить его сделать меня проводником его батальона в предстоящем штурме горы Бишган, как вдруг он сказал: «Брат Хошлафз, меня сон одолевает. Можно я немного посплю?».

Я охотно согласился. Он быстро заснул – тяжёлым сном. И выглядел, будто убитый. Но когда из автобусного радиодинамика послышался звук азана, он проснулся. На сей раз я его опередил, сказав: «В ночь наступления я сам поведу твой батальон».

Вернувшись в лагерь, мы с Мохаммадом Рахими рассказали ребятам о нашей встрече с имамом. И ребята не выглядели особо обрадованными – в отличие от нас двоих, которые через край были полны энергии и оптимизма. Я поинтересовался, что случилось, и мне ответили, что один из парней во время разведки попал в засаду врага и, скорее всего, был взят в плен. Звали его Яхья Тораби; он постоянно носил камуфляжную одежду и имел спортивно тренированное тело. Опять мне стало не по себе. Как и после то ли смерти, то ли пленения Кальхора, по разведке был нанесён чувствительный удар; однако начальство и здесь, проанализировав ситуацию, пришло к выводу, что информация о готовящемся наступлении к врагу не просочилась. Соответственно, батальоны выполняли в тыловых районах последние стадии манёвров перед наступлением... Но пришла и ещё одна горькая весть. 154-й батальон Хазрата Али Акбара выступил из лагеря Абу-Зарр в Саре-Поле-Захаб в направлении местности под названием Бозмирабад, и там сейед Хосейн

Самават, тот самый, с которым мы вместе так хорошо ехали после встречи с имамом, был убит в результате несчастного случая – непроизвольного запуска ракеты РПГ. Эта новость невыносимой тяжестью обрушилась на мою голову. И голос его ещё звучал в моих ушах, запомнилась его фраза после встречи с имамом: «Брат Хош-лафз, я ожил. Я как заново родился».

Я был так подавлен, что не хотел больше оставаться в этом районе. Умолял Али-агу отпустить меня в Хамадан для участия в церемонии погребения сейеда Хосейна Самавата, но он не дал разрешения. Прошло два или три дня. Два-три дня растерянности и горя; затем снова приехал хадж Хеммат и выступил перед собранием наших бойцов. Я слегка приободрился. Несмотря на гибель сейеда Хосейна Самавата, я всё-таки с нетерпением ждал своего перевода в его батальон, как вдруг по радио зазвучал военный марш, и мы узнали о начале очень крупного наступления на северо-западе страны. Операция называлась «Фаджр-2» и проходила в полосе от иранского города Пираншахра до иракской базы Хадж Омран. В тот же день Али поехал на совещание на базу Абу-Зарр, а по возвращении сообщил нам: «Вероятность начала наступления в районе Бишган практически равна нулю. Нам следует выдвигаться на северо-запад для участия в наступлении “Фаджр-2”».

На следующее утро произошла одна из крупных передислокаций войск в этой войне. Все батальоны и штабные подразделения бригады на десятках автобусов и легковых автомобилей выдвинулись в сторону провинции Западный Азербайджан. Бригада Господина Мучеников ещё до нас начала передислокацию в тот регион, а 27-я бригада Пророка Мухаммада – в район Мехрана, в тот самый район, где мы раньше вели разведку. Автомобильная колонна выехала на Керманшах, оттуда свернула в Курдистан. Машин было столько, что у жителей тех

городов, через которые мы проезжали, всё это не могло не вызвать вопросов. Из Санандаджа мы двинулись на Дивандере, затем на Секкез и Миандоаб. Я уже повидал Курдистан в 1981 году, и у меня не было благостных чувств по поводу нашего маршрута. Я знал, что в Курдистане любят устраивать засады, и с этой точки зрения для меня было удивительным планирование такого передвижения большой массы войск. Разве это не то самое, чего ждали контрреволюционеры? Такого рода опасения заставили меня спросить Саида Исламийана, с которым мы сидели рядом: «Господин Саид, разве мы сейчас не рискуем? А ну как засада или...».

Он рассмеялся: «Впереди и сзади колонны нас сопровождают силы дорожной полиции. А с воздуха прикрывают вертолёты. Иншалла, происшествий не будет».

Проехав Миандоаб, мы прибыли в Нагаде. Смешанное население этого города состояло из курдов и тюркоязычных жителей, из суннитов и шиитов. Все вышли встречать нас. Было лето, и нас угощали водой со льдом. Местом размещения всех бойцов бригады стал спортивный стадион. Там я встретил Мохаммада Торкамана, а также Джафара Монтагами. Торкаман был на том же самом мотоцикле, который я у него в Мехране брал взаймы. Сейчас моё внимание привлёк не мотоцикл, а перстень с крупным красным агатом. И я сказал: «Брат Торкаман, ты здесь погибнешь, а твой перстень попадет ко мне и станет памятью о тебе». Между некоторыми бойцами был распространён обычай отдавать друг другу на память разные личные вещи, такие как перстень, чётки, Коран, ключи и даже личный дневник. Торкаман рассмеялся и ничего мне не ответил. Джафар Монтагами тоже лишь молча посмотрел на меня, и они оба отошли туда, где собралась группа военнослужащих под руководством господина Хамадани, командира дивизии. Там они погрузились в вертолёт и раньше остальных выле-

тели в район Хадж Омран. Я тоже подошёл к господину Хамадани и попытался настоять на том, чтобы меня послали вертолётом. Но он ответил: «Полетишь, когда придёт время».

Я расстроился. Сел на стадионе в большой толпе бойцов, готовившихся к общей молитве. Я заново написал завещание, и вместе со всеми остальными бойцами разведки пешим маршем мы выступили в район боевых действий. Деревня Райат в глубине иракской территории уже считалась нашим тылом. Здесь я познакомился с сейедом Махмудом Мусави, молодым студентом-богословом, только что присоединившимся к разведке. Он, как и многие другие, отказывался есть тот мёд, который здесь попадался нам в ульях; все говорили, что этот мёд для нас запрещен и что он будет проклятием иракского Курдистана.

Был получен приказ, что этой же ночью батальоны должны нанести удар по противнику. Батальон Хазрата Али Акбара – 154-й – должен был атаковать ущелье Дарбанд и взять его; а другие батальоны должны были захватить высоты на левом фланге от ущелья. Справа от ущелья Дарбанд также находились высоты под названием Садр, на них должна была действовать бригада имама Хусейна из Исфахана. Никакой разведки, похожей на ту, что производилась раньше в других районах, нами сделано не было, и подразумевалось, что мы получим представление о местности только из инструктажа со стороны войск, которые находись здесь раньше, из их разведдонесений и из данных наших собственных наблюдателей.

Я пошёл к Али и впервые вынужден был настаивать на чём-то в разговоре с ним: «Али, я давал слово сейеду Хосейну Самавату, что в ночь наступления именно я поведу 154-й батальон».

Он ответил с улыбкой: «Каждый раз тебе жребий не будет выпадать. На сей раз жребий выпал Али-Резе

Дехкану и Бахраму Наини. Этих двух людей я назначил в 154-й батальон».

Этой ночью началось наше наступление. Батальон Хазрата Али Акбара, за несколько дней перед тем потерявший командира, попал во вражеское окружение в ущелье Дарбанд; два другие батальона – 153-й и 156-й – справились со своими задачами хорошо.

На следующее утро стало известно, что несколько человек, отправившиеся на выручку попавшего в окружение батальона, погибли. Среди них был Мохаммад Торкаман, и его перстень Джафар Монтагами принёс мне в качестве памяти о погибшем и отдал с такими словами: «Хадж Мохаммад погиб. А вот память, которую ты хотел».

Больше сил терпеть у меня не было. Я попробовал разыскать Али-агу, чтобы с его разрешения пойти на передний край, однако мне сказали, что он тоже получил тяжёлое ранение в ногу. Напряжение битвы «Фаджр-2» немного стихло, однако предметом внимания командования оставалась высота под названием Каду («Тыква»). Наши ребята заняли эту труднодоступную высоту, но иракцы не прекращали попыток отбить её, причём не с помощью пехоты и танков, но высаживая вертолётные десанты.

Мы выдвинулись на эту высоту с Мохаммадом Рахими, Бахрамом Атайаном и Мохаммадом Месбахи. Высота Каду находилась на большом расстоянии от ущелья Дарбанд, и иракцы, потерпев поражение справа и слева от ущелья, возлагали большие надежды на отвоевание высоты. Захватив её, они легко могли громить наши тылы. Самая вершина горы была в наших руках, но иракцы удерживали склоны и подножие. И несколько ночей мы были заняты тем, что спускались с этой высоты и, обходя иракские дозоры, разведывали контролируемую ими территорию.

Четыре ночи подряд мы ходили на эти задания. В последнюю ночь я вдруг наступил на что-то большое и мягкое. Это была не мина. Оно дёрнулось под моей ногой и завозилось там – я ощупал рукой этот предмет. Оказалось, это большая жирная куропатка, зарывшаяся в землю так, что торчала только её спина. Я поднял её и затолкал в свой рюкзак. Но по дороге она начала там возиться и подавать голос, тогда я сказал сам себе: «О Всевышний, столько моих друзей погибло, а я остаюсь на этой земле. Я выпущу на свободу эту птицу, надеясь на то, что Ты, Господь, также освободишь меня». И я вытащил куропатку из рюкзака и выпустил.

Когда мы вернулись, я подал начальству разведдонесение со следующими словами: «Здесь ни иракцы не могут штурмом взять гору, ни мы не можем спуститься вниз».

Мой вывод оказался верным. Иракцы лишь с помощью вертолётов могли перебрасывать сюда своих бойцов, высаживая их в пустынной местности, но, приближаясь к нам, вертолёты эти становились нашей добычей. Мы подпускали их и открывали сильный огонь. Первый вертолёт был сбит бойцом по имени Насер Замани. Этот вертолёт кувыркнулся и врезался в стену горного склона, а потом упал позади этого склона. А всего за две недели только в районе высоты Каду было сбито три иракских вертолёта. Постепенно иракцы разочаровались в вертолётных перебросках десанта и ограничились ракетными обстрелами с далёкой дистанции. Однажды недалеко от нас в груды камней врезалась ракета и не взорвалась. Вместе с Бахрамом Атайаном и Месбахи мы решили посмотреть, в чём дело, почему ракета не взрывается. Подошли ближе, и вдруг сзади послышался голос:

– Да ведь завтракать пора. Идите скорее! Мы вас ждём!

Мы повернули назад. И едва отошли немного от ракеты, как она взорвалась и весь склон горы превратился в столб камней и дыма, словно началось извержение вулкана. Только тут мы поняли, что взрыватель ракеты был поставлен на замедление.

Пробыв примерно два месяца в районе Хадж Омран, мы с Бахрамом Атайаном вернулись в Хамадан. Там навестили в больнице Али-агу, раненного вторично. Он дал нам задание: помочь в деле привлечения в разведку новых достойных бойцов.

Я вспомнил, что мой друг по имени Хосейн Бахтияри как-то сказал мне: «Когда соберёшься на фронт, позови меня».

Он был в школе на занятиях, а я прямо в своей фронтовой форме зашёл за ним и постучал в дверь классной комнаты. Вышел учитель: «Слушаю вас?».

Безо всяких предисловий я сказал: «У меня дело к господину Бахтияри. Хосейну Бахтияри».

Учитель из уважения к моей военной форме не стал говорить мне, что я веду себя неправильно, хотя иначе, чем ошибочным, моё поведение нельзя было назвать. Хосейн вышел ко мне и спросил:

– Что случилось?

– Я давал тебе слово прийти и пришёл. Собираюсь ехать на фронт с хадж Ала-ад-Дином Хабиби. Если ты готов, собирайся.

Хосейн скрылся в классе, а потом вышел со своими книгами и тетрадями, в хорошем настроении. Учитель пристально смотрел нам вслед, но хранил величественное молчание.

Был месяц мохаррам¹, и путь наш лежал на фронт в Хадж Омране. Хадж Ала хотел, чтобы для бойцов на фронте были заготовлены знамёна и чёрная материя,

¹ Мохаррам – первый месяц мусульманского лунного года, время траура по Иمامу Хусейну (прим. перев.).

этим мы и занялись. Поехали по Тебризской дороге и вскоре нагрузили полный кузов «Тойоты» дровками знамён и материей – чистой и с надписями и лозунгами. Часть месяца мохаррам мы оставались на фронте, потом вернулись в Хамадан.

Подошёл к концу календарный 1983 год. Али-ага, чья рана в ногу уже зажила, сказал мне: «В районе Хадж Омран нас сменили; теперь мы вновь возвращаемся в Саре-Поле-Захаб и там будем продолжать работу разведки, в районе высоты Бишган».

База разведки была перенесена в здание уездной канцелярии в городе Саре-Поле-Захаб. В этом здании каждая комната и каждый уголок были полны исторической памяти. Место это считалось тылом, и ребята отсюда по очереди направлялись для выполнения заданий в район Бишган; однако этот тыл был полон напряжённой работы и идейного накала и напоминал обстановку в Мехране в прошлом году. Али никого не оставлял ни минуты без дела. Участие в нескольких фронтовых операциях превратило его в творчески мыслящего, проницательного, способного к опережающему планированию командира, и все от мала до велика охотно выполняли его приказы. А он ни к кому не проявлял снисхождения. Так, он своего собственного двоюродного брата Саида заставил, для тренировки, быстро передвигаться по стене уездной канцелярии, а для ускорения бил снизу по стене очередями из «калашникова»; все остальные должны были делать выводы. Он хотел, чтобы и в тылу мы не забывали о фронте.

Однажды он разделил нас на две группы. Одна группа – «условный противник» – должна была штурмовать здание канцелярии, другая, «иранцы», должна была защищаться. Я попал в группу защищающих здание, а Бахрам Атайан – в группу нападающих. Конечно, никто из нас не использовал боевых патронов, но те раны, которые

мы наносили друг другу во время рукопашной, были порой не менее тяжелы, чем огнестрельные. Бахрам тайком проскользнул в здание, но тут-то я и караулил его. И мы так отделали друг друга с помощью приёмов кун-фу и просто кулаками и ногами, что оба упали без чувств. О дружбе в тот момент мы совсем позабыли.

В другой раз Али вывел обе группы во двор позади здания. Там было устроено тренировочное минное поле, и часть из нас должна была проделывать в нём проходы. В реальных ночных наступательных операциях эта работа входит в обязанности сапёров, но Али говорил, что разведчик должен владеть всеми военными специальностями. Даже уметь управлять бульдозером и погрузчиком. И вот, когда мы находились на этом учебном минном поле, он сел впереди и изображал из себя иракскую засаду, иногда давая очереди из автомата справа и слева от нас, буквально в сантиметрах дистанции. Но парни не обращали внимания и продолжали разминирование. Эта жёсткость Али, однако, не создавала общего тяжёлого настроения, и у нас бывали свои развлечения: шутки, игры, борьба; столь же весело мы стригли друг другу волосы или готовили пищу.

Однажды пришла тяжёлая новость: во время выполнения разведзадания на высотах Башгана один из элитных, мужественных бойцов, по имени Хани Такаллу, подорвался на минном поле. И там и остался лежать; эту новость принёс Мохаммад Араб, который был на задании вместе с Хани Такаллу. Они оба застряли на этом вражеском минном поле, и, когда товарищ его подорвался, Мохаммад Араб в одиночку не смог вытащить его. Теперь он пришёл к нам за подмогой и рассказал, что в этот холодный зимний день Хани просил у него воды, но тот, памятуя о жестоком кровотечении товарища, отказал ему в питье. Когда Мохаммад Араб, не скрывая тяжести произошедшего, рассказал обо всём, трое ребят

вызвались добровольцами. Иракцы пока не знали, что на их минном поле находится наш боец, поэтому был ещё шанс вытащить его живым. Когда эти четверо в ночной тьме добрались до Хани, тот как раз повторял молитву. Мохаммад подполз к нему и прошептал: «Хани, я принёс тебе воды».

Тот печальным голосом ответил: «Я уже не хочу воды. Жажды нет».

Мохаммад Араб поднял его с земли, но так получилось, что тот здоровой ногой наступил на мину, и взрывом ему оторвало теперь уже обе ноги. Иракцы, услышав взрыв на минном поле, запустили несколько осветительных ракет, однако эти четыре человека сумели положить Хани на одеяло и вытащить его. Они успели отнести его на четыре километра от минного поля, и всё-таки Хани Такаллу умер.

Когда Али получил сведения о его смерти – о первом нашем разведчике, погибшем на минах, он сказал: «Первой кровью, пролитой во время преодоления минного поля, стала кровь Хани».

Глава восьмая

УЛЫБКА ЗАСТУПНИЧЕСТВА

В январе 1984 года Али вернулся с совещания у начальства, вызвал к себе двух водителей мини-автобусов, прикреплённых к бригадной разведке, и сказал им:

– Вас обоих отзывают в тыл, и вы должны временно передать обе машины двум ребятам из разведчиков.

Сделал он это неслучайно. Нас перебрасывали в новый район, который никто не имел права покидать до начала наступления, а следовательно, обязанности водителей ложились на самих разведчиков. После отъезда водителей он объявил нам, что мы перебрасываемся в новое место, однако даже ближайшим к нему людям не раскрыл эту дислокацию. Смеялся и отвечал:

– Сказали молчать. Отнюдь не сказали говорить.

Эта фраза, произнесённая вначале Али, потом на все годы войны стала поговоркой среди наших разведчиков. Все мы уже привыкли к Бишгану и к многоступенчатой разведывательной работе в этом районе. Камни, провалы и кручи двух высот, 1065-й и 1041-й, мы уже знали как свои пять пальцев. Теперь следовало прощаться с этими местами. Прощаться с Бишганом и с маршрутом имени Хани Такаллу.

Вначале мы двинулись в сторону Илама, потом свернули на Мехран. Когда доехали до железного моста и реки Конджанчам, я сказал сам себе: кажется, наша судьба

привязана к этим фронтам, на которых и раньше велось наступление. Однажды нас бросали сюда для помощи бригаде ««Сар Аллах»»; в другой раз – на Сумар для помощи бригаде Пророка Мухаммада и для продолжения наступления «Муслима ибн Акиля». Потом был район Хадж Омран, где мы участвовали в продолжении операции «Фаджр-2». Теперь мы вернулись на уже знакомое шоссе Мехрана для продолжения операции «Фаджр-3».

Однако нынешний Мехран отличался от того, каким он был несколько месяцев назад. Теперь не было необходимости, спасаясь от вражеского огня, пробираться боковыми грунтовыми дорогами. Асфальтовое шоссе Илам – Мехран уже было вне досягаемости вражеских обстрелов. Высоты от Калеканди до Калавизан были завоеваны нашими войсками. Эти места в моём сознании ассоциировались с Джамшидом Аслийаном, так же как Бишган ассоциировался с Хани Такаллу. Хани закончил свою жизнь героической гибелью, но героизм того невероятного разведывательного похода, казалось, оглашал всю равнину Мехрана именем Джамшида Аслийана.

Когда микроавтобус проезжал мимо шоссе на Дарраджи, мне отчётливо вспомнилась та разведка. Мы въехали в Мехран. Вот и городская мечеть. Я почувствовал радость. Мечеть была полна воспоминаниями, а также излучала боевой дух. Но мы тут не остановились, и Али сказал водителю: «Поезжай по шоссе на Дехлоран».

Проехав 10 километров по трассе Мехран – Дехлоран, мы свернули вправо и остановились на огороженном участке, где стояло несколько сельского вида домов из сырцового кирпича. Али сказал: «Добро пожаловать в Чангуле. Здесь будет наша база, и наша задача – разведка на данном участке».

Командование и штабные работники приехали сюда ещё раньше нас. Это была не тронутая боями территория, по которой, в отличие от предыдущих районов

боевых действий, ещё не прошла ни одна наша бригада или дивизия. Был январь 1984 года, однако уже дул приятный весенний ветерок, а показавшаяся в степи новая зелень радовала глаз и сердце. Рядом с деревней протекала полноводная река. Она называлась Чангуле. Здесь мы прочли коллективный намаз, а после полудня искупались в реке. Во время купания я заметил, что Надер Фатхи не снимает нижнее бельё, и со смехом крикнул ему: «Дорогой Надер, здесь ведь все свои!». Но он сделал вид, что не слышит, и нырнул. Хотя мы с ним были близкими друзьями, я не знал, что во время наступления «Рамадан» он был серьёзно ранен в живот и не хотел, чтобы кто-то, даже я, знал об этой ране.

Вновь началось боевое слаживание и изучение местности. Интересующий нас район представлял собой цепь горных вершин, невысоких, но связанных в одну цепь и представляющих собой нечто вроде стены на границе Ирана и Ирака. Река Чангуле разделяла эту горную цепь на две части. Правая цепь начиналась имеющей стратегическое значение высотой под названием «холм Песчаный», затем тянулась до вытянутой горы, называвшейся «гора Тоннель». Гора Тоннель имела длину около восьми километров и высоту одна тысяча метров, далее примыкала к другой высоте под названием «гора Чага-Асгар». Все эти высоты находились справа от реки, а слева цепь начиналась группой возвышенностей Пейзули и далее тянулась до высоты Таки-Морде. Вся ширина фронта составляла 15 километров, и здесь должны были действовать бригады под общим командованием Центра Наджаф западной части страны, а именно – четыре бригады: бригада Повелителя правоверных Илама; бригада Муслима ибн Акиля Западного Гиляна; бригада Великого Пророка Керманшаха; бригада «Ансар аль-Хусейн» Хамадана. Самая протяжённая часть этого фронта была отдана нашей бригаде, а именно: участок, начинающийся

справа от горы Тоннель и доходящий до холма Песчаного; затем на левом берегу реки наш участок доходил до горы Пейзули. По предварительной оценке, для прорыва вражеского фронта на ограниченном участке бригады требовалось четыре батальона. Мы разделились на две разведывательные команды: одна для правого берега реки, другая для левого. Каждая команда подразделялась на три группы по четыре человека; задачей было – разведать несколько маршрутов для скрытной проводки в тыл врага 1200 человек. Как и раньше, я попал в группу под командованием Таги Хосрови. Надеру Фатхи досталась разведка на самом сложном из участков, а именно – на холме Песчаный.

Следующим вечером мы вышли на первое разведздание, взяв с собой проводника из провинции Илам. Он знал местность, так как до войны был пастухом в районе горы Тоннель. Как обычно, из тыла мы доехали на машине до максимально возможной близости к передовой, затем узнали у передового охранения пароль для того, чтобы нас пропустили обратно, и следом за проводником-чабаном двинулись на нейтральную полосу. Передовая линия здесь проходила в точке под названием «холм Западный». От неё до вражеских позиций на высотах было большое расстояние, которое мы должны были успеть преодолеть за ночь и достичь подножия гор. Там уже начинались минные поля. Мы были в самом начале пути, когда пастух вдруг заявил: «Я знаю дорогу только до сих пор. Дальше я не ходил». И, как мы ни убеждали его, что ещё не дошли до передовых иракских позиций и что следует двигаться дальше, он не соглашался, и нам тоже пришлось вернуться.

На следующую ночь мы пошли на задание без проводника из Илама. Все три группы – то есть наша и группы правой стороны под командованием Фатхи и Мохсена Джамебозорга – выдвинулись вперёд от холма

Западный. Потом группа Джамебозорга свернула вправо, группа Фатхи – влево, а наша группа пошла прямо в то же самое место, где накануне мы упёрлись в минное поле. Фиксация маршрута возможна была двумя способами: счётом шагов или ориентацией по компасу; однако здесь из-за минного поля мы столько сворачивали вправо-влево, что ни один из этих двух способов не работал, и на обратном пути мы заблудились. Теперь мы поняли, почему местный проводник не пошёл с нами: мы все измучились и часа два-три кружили в одних и тех же холмах, пока не вышли обратно к передовой. Все места тут были похожи одно на другое: над равниной возвышались невысокие зеленеющие холмы, не имеющие никаких отличий один от другого. И хотя мы всё-таки нашли путь, но сильно задержались. Настолько задержались, что бойцы передовой линии хотели стрелять по нам. Сколько мы им ни кричали издали и ни повторяли пароль, они нам не верили. Словом, ночь была беспокойной и нервной. Когда мы доложили обо всём Али, он сделал такой вывод: «Хоть сто раз пройдем маршрут, всё равно не поможет ни Полярная звезда, ни компас, ни счёт шагов. Есть только один выход, а именно: на поворотных частях маршрута незаметно натянуть проволоку».

Мы взяли автомобильные покрышки и расплавили их на огне, вытащив из них чёрные нити, которыми можно было разметить маршрут. И когда мы на третью ночь двинулись в путь от холма Западный, то все вводящие в заблуждение места отмечали этими нитями. Действовали так: когда натыкались на место, где было несколько похожих маршрутов, выбирали один из них и отмечали его нитями, которые привязывали к кустам или камням; затем продолжали путь. В эту ночь мы дошли до начала минного поля, то есть до той самой точки, которой достигли в первую ночь с местным чабаном. Иракцы, кстати,

имели на этом участке разведывательный радар¹ – об этом докладывали наши наблюдатели.

На минном поле вначале находилась спиральная колючая проволока. Затем итальянские мины, затем – осветительные. Чтобы пройти через минное поле, каждому надо было ставить ногу точно в след предыдущего человека, а последний в цепочке должен был присесть и замести все следы. Хотя большинство разведчиков имели понятие об основах обезвреживания мин, всё-таки на некоторые разведздания нам приходилось брать с собой минёра. В идеале нужно было бы вообще не трогать ни одной мины и оставить минное поле в неприкосновенности до ночи наступления, так как любой след ноги или обезвреженная мина могли бы выдать иракцам наше присутствие, и они устроили бы засаду. Дальше мы попадали в область мин с растяжками, а ещё дальше находилось множество прыгающих мин «Валмара»; в конце всего – четыре ряда спиралевидной проволоки, которая, вдобавок, ещё была выложена сдвоенным образом. Эта колючая проволока полностью перекрывала выход с минного поля, и у нас не было иного выбора, кроме как осторожно её кое-где раздвинуть. Два человека штыками отодвигали её вправо и влево, а двое других проходили, потом вновь возвращали проволоку в прежнее положение. Проход через это минное поле занял у нас два часа, после чего мы, наконец, достигли подножия горы Тоннель. Времени прошло много, а мы изучили только подход к высоте, но не саму высоту. Тем же путём, каким пришли, мы вернулись обратно через минное поле и в своём отчёте полностью описали все его особенности: длину и ширину, типы применённых мин и предлагаемые пути прохода в ночь наступления. Сознание было

¹ Радар такого типа действовал в радиусе 20 километров и позволял отслеживать движение войск и транспорта. Иракцы называли этот радар «Ауйн зиб», то есть «Волчьи глаза».

так поглощено минным полем, что я даже во сне видел, как провожу бойцов через него к иракской линии обороны. Иногда в царстве сна я с ужасом замечал, что кто-то из бойцов выходит из колонны и наступают на мину; тогда меня прошибал пот, и я мгновенно просыпался.

На следующий вечер мы вышли в путь вместе с Таги Хосрови и ещё двумя бойцами. Как и в предыдущую ночь, пересекли минное поле, но на этот раз гораздо быстрее. Я внимательно осматривал местность через инфракрасный бинокль и вдруг увидел ущелье, уходящее в самую сердцевину горы Тоннель. Военная логика говорила, что иракцы обязательно либо заминировали этот единственный проход, либо устроили там засаду, но, когда мы осторожно приблизились, не обнаружили ни мин, ни засады. Единственной трудностью было обилие крупных и мелких камней, которые принесли с собой похожие на сель дождевые потоки; этими камнями было усыпано дно ущелья, и они при ходьбе сильно гремели под ногами. Быть может, именно по этой причине враг считал наш проход здесь невозможным. Однако я, спросив разрешения у Таги Хосрови, пошёл вперёд. Ботинки я снял и повесил на шею; Хосрови и двое остальных сделали то же самое. Теперь камни уже не так гремели. Мы прошли 30–40 метров вверх по этому ущелью, разделяющему гору Тоннель на две части; таким образом, мы оказались на другой стороне горы. Справа и слева от нас было полно иракских окопов, но мы не обратили на них внимания и достигли склона позади иракской линии; отсюда мы могли видеть всю гору Тоннель и иракский тыл. Для меня глядеть на вражескую линию с тыла не было делом новым, но тот факт, что я нашёл маршрут – проход – через их линию, настолько вдохновил меня, что ноги мои казались крыльями, и я при желании мог бы добежать до того асфальтового шоссе, которое соединяло два иракских города: Зорбатия и Амара.

Мы вернулись тем же путём. Около четырёх утра вышли на нашу передовую линию. До рассвета оставался час. Я разлёгся в кузове «Тойоты», вместо подушки приспособил железную каску и заснул, несмотря на все ухабы, на которых встряхивало машину. Али, как это у него водилось, ждал нас и беспокоился. Приехав, Хосрови сказал мне: «Доклад о найденном проходе сделай сам».

Али, услышав доклад, похлопал меня по плечу. Ещё не взошло солнце, когда он прыгнул в седло мотоцикла и уехал в штаб. Около полудня приехали представители штаба: Саид Исламийан и Хасан Торк – и захотели услышать от меня больше подробностей об обнаруженном проходе. Саид Исламийан спросил: «По этому маршруту может пройти целый батальон?». Я ответил: «Если ничего радикально не изменится до ночи наступления, то сможет».

Он подумал и сказал Хасану Торку: «Поедем поговорим с командиром бригады».

Я не знал, что они задумали. Но вечером этого же дня Али вызвал меня и Хосрови и сказал: «Господин Хосрови, этот маршрут такого рода, что брат Хошлафз должен в одиночку продолжить его исследование до асфальтового шоссе». Далее он объяснил, что после обнаружения этого прохода план операции изменился и теперь пехотные батальоны должны будут захватить гору Тоннель до второго эшелона иракской обороны, то есть до асфальтового шоссе, и на нём закрепиться. Хосрови, услышав о решении командира, слегка растерялся и расстроился и сказал: «Али, брат Хошлафз был моей правой рукой. Вы своим решением отрубаете мне правую руку, хотя я подчинюсь всему, что вы скажете».

Али очень обрадовался такому ответу Таги. Он шутливо ткнул меня кулаком и сказал: «Это то, к чему ты стремился: дойти до шоссе. У тебя уже есть опыт выхода на шоссе». Он имел в виду тот бой за Хоррамшахр,

в котором я вывел бойцов на шоссе Хоррамшахр – Ахваз. Уж не знаю, кто ему рассказал об этом моём опыте. В любом случае, тот факт, что нахождение маршрута сняло головную боль начальства насчёт планирования операции, вызвал во мне чувство гордости. И я спросил:

– Какой батальон я должен вывести на шоссе?

– Батальон Гасема ибн аль-Хасана – 153-й.

Я знал командира этого батальона. Его звали хадж Мохсен Эйнали, человек львиной отваги, непритязательный и немногословный. Точно такой же, как Хабиб Мозахери, как жители Туисеркана – города в нашей провинции Хамадан. Али вызвал его вместе со всеми его командирами рот и взводов и сказал мне:

– Этой ночью выведешь этих четырнадцать человек на шоссе.

Но я твёрдо и решительно ответил:

– Отказываюсь.

Все были поражены, а больше всех Али. Он сердито повторил:

– Я приказал: выведешь.

– Пусть даже вы приказали, но я не поведу. Четырнадцать человек вывести на шоссе означает раскрыть наш план. Я отведу только командира батальона.

Али задумался. Он не хотел пререкаться со мной в присутствии подчинённых Эйнали. Нахмурился и сказал:

– Нет проблем. Я тоже пойду в разведку. Пойдём втроём.

На закате мы были готовы к переходу линии фронта, как вдруг появились остальные командиры разведгрупп: Джамебозорг, Надер Фатхи, Таги Хосрови и Карим Мотаххари.

Али, видя моё запальчивое настроение, постарался объяснить мне причину участия других разведгрупп:

– До реки Чангуле у нас есть всего один, вот этот, маршрут. Я ходил туда в разведку с Надером Фатхи и Каримом Мотаххари. Там в районе холма Песчаный нет никакого прохода, поэтому мы вынуждены будем три батальона провести по этому проходу, справа от реки.

Я опять вспыхнул:

– Да разве можно по одному оврагу провести 1200 человек? Тут и мёртвый враг проснётся. Этот проход только для 153-го батальона.

На этот раз вместо Али вспыхнул Надер Фатхи:

– А проход что, твоя частная собственность?

Хотя мы с Надером были старыми друзьями, Али попытался нас примирить:

– Господин Хошлафз, слева от реки они тоже заходили глубоко. Они провели разведку вплоть до гражданских иракских посёлков – однако столь самоуверенно себя не ведут.

Мне стало стыдно, но я ответил:

– Али, я ведь не за себя ратую. Если по этому ущелью пустить три батальона, иракцы устроят мясорубку.

– Я смотрю на весь план операции. По этому проходу должны пройти три батальона. Батальон 156 пойдёт налево и обойдёт гору Тоннель с тыла. Батальон 152 свернёт вправо. А вы должны с батальоном 153 двигаться прямо к шоссе; это шоссе является смертельно важной для Ирака связью их запада с югом.

Я опустил голову, принимая приказ. Мы двинулись в путь. Прошли те самые зелёные распадки, похожие один на другой, которые мы до этого частично разметили проволоками, и в полной темноте вышли на минное поле. С осторожностью переходили его, как вдруг Али зацепил ногой за проволоку растяжки – однако вовремя заметил это, отвёл ногу, и ничего не произошло. Миновали этот проход, после чего Хосрови и Джамебозорг свернули вправо, а Надер Фатхи, Карим Мотаххари и Али –

влево. А мы с Мохсеном Эйнали пошли вперёд в сторону асфальтового шоссе. Одновременная отправка на задание трёх разведгрупп повышала степень опасности, но когда на задание шёл сам Али, было такое ощущение, что ничего плохого не случится и всё пройдёт по плану. Этому верили наши сердца.

* * *

Я шёл впереди, Эйнали – мне в затылок. Я засёк курс на 11-пролётный мост, по которому проходило асфальтовое шоссе. И, оставляя за спиной гору, двигался наискосок к этому мосту. Расстояние от иракских окопов на склоне горы Тоннель, то есть от их передовой линии, до асфальтового шоссе и до насыпи перед этим шоссе было три с половиной километра. Склон превратился в плоскую равнину, и чем ближе к шоссе, тем местность делалась менее пересечённой. Когда мы были на расстоянии километра от шоссе, с него свернул в нашу сторону грузовик «Ифа». Тут была грунтовая дорога, к которой он правил с зажжёнными фарами, и если бы мы не убрались с его пути, попали бы под колёса. Эйнали прыгнул за куст, я тоже. Грузовик миновал нас, направляясь к возвышенностям. Он вёз пехотинцев, в подкрепление передовым силам. Мы двинулись дальше и достигли точки, где насыпь вдоль шоссе обрывалась по причине близости к 11-пролётному мосту. Насыпь была очень длинной, но за ней было совершенно безлюдно. Я вновь пережил то же чувство, которое охватило меня когда-то на асфальтовом шоссе Ахваз – Хоррамшахр. Я перелез через насыпь, сел на асфальтовом шоссе, а потом распростёрся на нём и вознёс молитву благодарения. Эйнали сделал то же, как вдруг сильный свет, похожий на прожекторный, упал на нас. Это были фары джипа. Вероятно, это был командирский джип, который на расстоянии километра от нас ехал в направлении 11-пролётного моста, причём

его сильные фары хорошо осветили всю местность. Машина подъезжала, и вот уже была так близко, что мы слышали звук магнитофона с песней на арабском. Мы успели укрыться за насыпью. Джип миновал нас, и я сказал Эйнали: «Наверняка это командирская машина, которая едет для проверки постов на горе Тоннель».

Мы встали. Ночь перевалила на вторую половину, и нам нужно было срочно возвращаться прежним путём. Надер Фатхи, Карим Мотаххари и Али шли маршрутом, находящимся от нас в сторону холма Песчаный. Поэтому во время возвращения я иногда посматривал вправо с надеждой увидеть их. Возвращался я по азимуту – противоположному тому, которым шёл прежде; Эйнали считал шаги. Мы дошли до горы Тоннель и уже направлялись вниз к тому уникальному проходу в ущелье, как вдруг из окопа вылез иракский солдат и заметил нас. Он что-то крикнул нам по-арабски, а мы застыли на месте. Что он кричал, мы не поняли. У нас обоих ноги словно цепями оказались прикованы к земле. Опять он что-то закричал нам; тон его голоса и жесты показывали, что он принимает нас за своих. Я сказал сам себе: если нас возьмут в плен, план наступления будет провален. И если он заподозрит, что мы не иракские, а иранские солдаты, то лучше бы он нас расстрелял очередями. Наш плен будет означать раскрытие намерений наших войск. Я был погружён в эти мысли, когда он снова закричал нам: те же слова, но уже более раздражённым тоном и громче. Эйнали вдруг покатился в сторону ущелья. Я сделал то же самое. Иракский солдат был удивлён: зачем мы, которые, по его мнению, были из его же войск, так поступаем? Мы немного спустились по склону и пропали из его поля зрения; и то, что он не открыл стрельбу и не всполюшил своих, уверило нас, что он ошибочно принял нас за иракцев. Вскоре мы достигли минного поля, и Эйнали вдруг сзади стукнул меня по плечу: «Не поднимай ногу

и не двигайся!». И показал мне рукой: моя правая нога касалась растяжки мины «Валмара». Если бы я пошевелил растяжку, мина выпрыгнула бы вверх и взрывом уничтожила бы всё под собой. Уже второй раз товарищ спасал меня от мины «Валмара».

Ещё в темноте, за час до рассвета, мы миновали последнюю часть минного поля. Поскольку мы считали, что возвращаемся последними, то я убирал наши следы. После минного поля мы преодолели расстояние до нашей передовой бегом. Издали холм, на котором находилась наша передовая линия, был так хорошо виден, что, если бы в ночь наступления взгляд хотя бы одной пары иракских глаз упал на эту местность, врагу стали бы видны все наши передвижения. Значит, нужно было что-то решать насчёт ночи наступления. Уже забрело утро; намаз мы прочли на бегу. Али и другие разведгруппы возвратились раньше нас и думали, что нас на шоссе взяли в плен. Увидев нас, Али распахнул объятия. Рядом с ним стоял Хасан Торк. Я, запыхавшись, доложил:

– Мой маршрут готов и закрыт. Возникла только одна трудность¹.

Али подумал, что я опять говорю о трудностях проводки трёх батальонов одним маршрутом, и ответил:

– Разведка – дело твоё, решение – наше.

– Моё предложение не относится к маршруту, – сказал я. – Оно связано с состоянием нашей передовой позиции. С иракской стороны этот холм полностью просматривается. И в ночь наступления бойцов нужно будет вести по траншее, чтобы иракцы их не засекли.

¹ До ночи, предшествующей наступлению, больше никакие разведгруппы по этому маршруту не ходили, а в ночь накануне атаки только я сам проверил маршрут до ущелья и убедился, что иракцы так ничего и не пронюхали насчёт наших предыдущих вылазок.

Знаменательно, что Али во время возвращения пришёл к тому же выводу. Поэтому инженерные войска сразу же получили задание: на этом холме – рубеже нашей атаки – вырыть траншею для укрытия в ней бойцов.

* * *

Итак, всё было готово, и из лагеря Абу-Зарр в Саре-Поле-Захаб свежие батальоны были переброшены под деревню Чангуле. Наш опорный пункт разведки мы перенесли из деревни немного вперёд, туда, где ребята разбили палатки возле реки. Однажды на берегу реки я увидел Надера. Он выглядел озабоченным и несчастным. Я спросил его о холме Песчаный и о его разведке в том районе. Он ответил:

– После ущелья, то есть после нашего совместного маршрута, мы пошли в сторону подножия холма Песчаный, но там не нашли никакого прохода. Я только знаю, что на этом холме расположено восемь зенитных орудий и один тяжёлый пулемёт.

Я спросил:

– И в таких условиях ты хочешь вести бойцов на холм Песчаный?

– С помощью Всевышнего, поведу, – ответил он твёрдо.

Я почувствовал горечь и раскаяние из-за того, что так резко оспаривал его желание повести по единственному маршруту три батальона.

Следующей ночью я увидел сон. Мне приснилось, что я умер и предстал перед Пророком. Пророк сидел за столом. Я встал и подошёл к нему. На столе лежал длинный лист бумаги, похожий на протокольные записи. Я протянул руку к этому листу, и тут вошёл Надер и приблизился к Пророку. Пророк взял протокол и вложил его в правую руку Надера. Я изумился, а Надер улыбнулся. И с этой улыбкой он пристально смотрел мне прямо в глаза.

Во сне я чувствовал, что моё тело – соломинка, колеблющаяся под ветром. Я заплакал. Я возопил, умоляя Аллаха: «О Всевышний, оживи меня. Дай мне шанс и верни меня на землю, чтобы я послужил Тебе и поработал во имя Твоё».

Я проснулся около полуночи. Всё моё тело от пережитого во сне сильнейшего возбуждения обливалось потом. Я отправился искать Надера. Подумал, что он, наверное, пошёл к реке. Именно там я его и нашёл, сел рядом и сказал, что видел сон, который должен ему раскрыть. И рассказал весь сон в деталях. Надер ответил: «Дорогой Али, никому не говори об этом сне, могут неверно истолковать».

Утром он своей камерой снял моё фото на память. На фото я с опущенной головой. Я был уверен, что в этом наступлении он погибнет, поэтому мне было стыдно перед ним.

* * *

Утром следующего дня я присоединился к батальону Гасема ибн аль-Хасана (153-му), чтобы с помощью карты лучше ознакомиться с маршрутом командиров рот и взводов.

Вечером 22 бахмана 1362 года (11 февраля 1984 г.) бойцы сели в грузовики, которые доставили их на передовую. Там они по вырытой траншее, скрывающей их от глаз врага, подошли к горе Тоннель. Батальоны 153, 152 и 156 находились недалеко от горы Тоннель, но они должны были ждать развёртывания двух батальонов на левой стороне реки, так как наступление должно было начаться одновременно. У нас был час ожидания в полной темноте, и в это время каждый занимался чем-то своим. Кто-то ел – торопливый ужин на ногах. Я тоже открыл банку рыбных консервов, и мы перекусили вместе с Надером Фатхи и Мохсеном Джамебозоргом.

Вскоре появились сапёры. Они вернулись с нейтральной полосы и доложили командирам батальонов, что в минном поле проделаны проходы и что батальоны могут следовать за ними. Я шёл во главе колонны 153-го батальона и провёл бойцов в полной тишине через минное поле до найденного мной прохода. Замыкал батальонную колонну Мохаммад Шахбази. Он тоже входил в число разведчиков и сумел уговорить Али, чтобы тот назначил его проводником вместе со мной. Когда мы подошли к началу того ущелья, через которое предстояло пройти трём батальонам, я начал молиться такими словами: «О Всевышний, я всего лишь жалкая пылинка, но Ты окажи Свою помощь, чтобы мне не опозориться перед ребятами».

На сердце моём лежали тяжесть и тревога, которые, однако, не имели оттенка страха. Проход тысячи двухсот человек по неширокому ущелью был возможен только с упованием на помощь Божью. Стук камней под многими ногами только увеличивал моё внутреннее смятение, и всё же наш батальон прошёл по маршруту и враг его не заметил. Все наблюдали за моими действиями, а я устремился от конца ущелья к асфальтовому шоссе. После нашего батальона в ущелье вошли два следующих – 156-й и 152-й, после чего каждый из них свернул к своей цели, то есть к горе Тоннель и холму Песчаному.

Три с половиной километра до шоссе мы проделали, ориентируясь таким же образом, как и в прошлые ночи. Я сам не верил происходящему: иракцы были за нашими спинами уже на расстоянии нескольких километров, но так и не догадались о нашем присутствии. И вот перед нами лежало асфальтовое шоссе и сплошная насыпь вдоль него, за которой не было ни одного вражеского бойца. А сзади, на расстоянии трёх с половиной километров, остались высоты Песчаная и Тоннель, насыщенные иракскими бойцами; через несколько минут они должны

были пасть под натиском 156-го и 152-го батальонов. Их задача была намного сложнее нашей, ведь нам ни с кем не нужно было вступить в бой. Здесь, впереди, нашей задачей было создать новую линию обороны после того, как те два батальона разгромят иракцев на их позициях. Хасан Торк, командир нашего участка фронта, дал нам строгий приказ: если увидим на шоссе машины или пеших врагов, не вступать с ними в перестрелку до того, как высоты позади нас полностью перейдут под контроль наших парней. Только после этого мы могли перекрывать шоссе.

Пока вражеских машин видно не было. Пользуясь случаем, я получил разрешение Эйнали и перевёл взвод гранатомётчиков на ту сторону 11-пролётного моста. Мы перешли по пояс в воде на тот берег реки. Гранатомётчики несли ракеты и пусковые установки над головами. Разместив ребят на том берегу, я поскорее вернулся назад, так как из нашего тыла послышалась стрельба очередями. Это начали свою атаку на иракцев два батальона – 156-й и 152-й. После начала боя в районе горы Тоннель вдали появился грузовик «Ифа» с зажжёнными фарами, приближающийся к нам. Я сказал Эйнали: «Я его подобью». Ещё раньше у нас была договорённость о том, что первый выстрел сделаю я. И вот я припал на колено на обочине дороги, лицом к приближающейся машине. Грузовик подъезжал ближе и ближе, и все парни 153-го батальона, неподвижно затаившись за насыпью, наблюдали эту сцену. Я выпустил очередь по ветровому стеклу грузовика. Пули попали в стекло, и оно со звуком лопнуло. Грузовик съехал на песчаную обочину шоссе немного ближе 11-пролётного моста и перевернулся. В нём было четверо, по которым ударили гранатомётчики с той стороны. Через 10 минут показался джип. Он был очень похож на тот командирский джип, который мы с Эйнали видели в ночь разведки. Ребята с нескольких

сторон открыли по нему огонь. Один из басиджей кинул в сторону джипа шумовую гранату, которая покатила и подскочила прямо к моим ногам, и мне повезло, что граната была всего лишь шумовая. Судьба джипа была похожа на судьбу грузовика «Ифа». Стёкла его разлетелись на куски, но он не перевернулся. Я осторожно приблизился к джипу, обходя вокруг него. В нём находились четверо, из которых трое были убиты, но один из врагов, высокий, стоял сбоку от джипа и вёл огонь по земляной насыпи. Я зашёл сбоку, и он меня не видел. Очередь моя была точна, и он упал на капот. Бак джипа был пробит, и пахло бензином. В результате стрельбы джип вдруг вспыхнул. В свете пламени стало видно, что к машине «Ифа» тоже бегут ребята, чтобы поджечь её. Между тем в районе горы Тоннель очереди стихали, говоря о том, что враг был захвачен врасплох.

Мы оставались возле шоссе, ожидая, что ещё до рассвета, после полного захвата оставшихся в нашем тылу высот, к нам на помощь придут наши силы и мы создадим здесь линию обороны. Однако зацепка на одном из участков замедлила дело. Эйнали позвал меня к рации и сообщил:

– Брат Хасан Торк имеет, что сказать тебе.

Хасан Торк спросил меня по рации:

– О Надере понятно?

– Что с ним? – сердце моё упало.

– Ты должен прийти ему на помощь. Возьми у Эйнали один взвод и выдвигайся в сторону холма Песчаный. Джамебозорг, тоже с одним взводом, выступит со стороны горы Тоннель и соединится с тобой.

Я взял с собой пехотный взвод в составе 22 человек, и мы начали движение в сторону холма Песчаный – причём замыкающим опять был Мохаммад Шахбази. Мы отошли от шоссе всего метров на двести-триста, когда увидели группу каких-то солдат. Они двигались в направ-

лении, противоположном нашему: от горы Тоннель вниз под уклон. Была полная темнота, и невозможно было понять, свои это или чужие. Это точно не была группа Джамебозорга, потому что число их достигало роты, а не взвода. Они всё приближались, и я дал приказ ребятам стоять на месте. Когда расстояние между нами сократилось метров до пятнадцати, обе колонны остановились одна против другой. Направляющий их колонны что-то сказал по-арабски, и тогда я закричал своему пулемётчику, который шёл следом за мной: «Стреляй в него!». Но пулемётчик сел на землю и как-то странно завозился. Возможно, он не поверил, что тут перед нами может оказаться такое количество иракцев! Он впал в оцепенение и ничего не делал. Тогда я взял у него из рук пулемёт Горюнова и на бегу открыл огонь. Поднялась общая беспорядочная стрельба. В первые же секунды четверо из наших были ранены, а иракцы отступили. Раненые стонали; они знали, что мы – в иракском тылу. Ко мне подбежал Шахбази и прокричал: «Они отступили! Будем преследовать?».

– В русле реки много укромных мест, – ответил я. – Они туда подались. Если сунутся к шоссе, попадут под наш огонь. Гора Тоннель в наших руках. У них нет иного выхода, кроме как снова прорываться к шоссе, поэтому вы оставайтесь здесь. А я должен дойти до холма Песчаный, до соединения с Надером Фатхи. Ты руководи нашими и, если понадобится, преследуй иракцев в русле реки.

И мы продолжили путь в сторону Песчаного холма. На полпути я встретил Джамебозорга с бойцами – они шли на помощь Надеру. Чем ближе мы продвигались к холму Песчаный, тем громче слышались страшные очереди зенитных и тяжёлых пулемётов. Мы добрались до оврага позади холма. Справа и слева лежали тела убитых и раненых. Но я не стал останавливаться, желая ворваться

на вершину холма. И всё же словно бы некая сила потянула меня сзади. Внутренний голос сказал мне: «Погляди вот на этого раненого». Я всмотрелся: среди раненых лежал Надер. Я склонился над ним:

– Что случилось, дорогой Надер?

– Ранен в живот.

– У тебя уже есть опыт ранения в живот, – успокоил я его. – Это пустяки, ты привычный. Когда захватим их позиции, я сам отвезу тебя в медпункт.

Тут возле нас присел и Джамебозорг. Надер сказал:

– Али, возьми моё оружие.

Я не понял, что он имеет в виду. У меня было собственное оружие. Я всмотрелся в лицо Надера. Он не дёргался и не дрожал. Только глаза его были возведены к небу. И он улыбался; точно такой же улыбкой, которой прошлой ночью улыбался в присутствии Пророка. Улыбнулся и закрыл глаза. Джамебозорг понял, что Надер погиб. Но он знал глубину нашей с Надером дружбы и сказал:

– Думаю, Надер потерял сознание. Может быть, заснул от холода.

Я заметался в поисках одеяла и, найдя, укрыл Надера. Я действительно поверил, что он сомлел от холода. Через несколько минут мы с Джамебозоргом и ещё несколькими бойцами пошли на штурм холма. Я хотел с гранатой в руке пойти против зенитных пулемётов, но Джамебозорг не дал мне этого сделать. Он убедил меня, что мы – всего несколько человек – бессильны перед столь мощным укреплением и вооружением. И, вопреки моей воле, мы вернулись туда, где лежал Надер. Джамебозорг сказал:

– Надер погиб. Но остаются раненые. Мы должны доставить в тыл столько раненых, сколько сможем.

Как только он упомянул Надера, я подбежал к тому и отбросил одеяло. Его лицо было холодным как лёд. Джамебозорг взвалил себе на спину раненого и сказал: «Ты тоже кого-нибудь отнеси в тыл».

Но я не мог оставить Надера. А вокруг меня не было никого не раненного. Я увидел только одного бегущего солдата. Это был наш боец. Бросившись за ним, я догнал его и пригрозил, что, если он мне не поможет, я его убью. Возле одного из иракских окопов мы нашли носилки, положили на них Надера и вдвоём понесли его в сторону горы Тоннель, вверх по склону; там, впереди уже были наши войска. Я вцепился в поручни носилок, и мне казалось, что это холодные пальцы Надера сжимают мои руки. Мы прошли больше километра. Солнце ещё не взошло, но уже стало светлее, и мои мокрые от слёз глаза всё яснее различали лицо Надера. Дойдя до наших позиций, мы поставили носилки на землю. Мне казалось, что его душа жива, а моя мертва. Я разрыдался.

* * *

На следующий день иракцы ушли с последней оставшейся в их руках высоты – с холма Песчаного. Таким образом, наш фронт образовал единую линию по высотам от горы Тоннель до Пейзули, и в ту же ночь 153-й батальон отступил от асфальтового шоссе. Я вновь пошёл на холм Песчаный. Я увидел семь зенитных установок, попавших в наши руки в рабочем состоянии, потом пошёл в тот овраг, где был ранен Надер. Нашёл его студенческую шапочку и вещевой мешок. Али видел, что мне нехорошо. Сказал:

– Тебя вызывает командир бригады.

Я прибыл к хадж-аге Хамадани, и тот мне объявил:

– Так как мы вынуждены были оставить асфальтовое шоссе, то ты ещё раз сходи в разведку и выясни, есть ли у иракцев войска на 11-пролётном мосту или нет?

Я спросил:

– Хадж-ага, какой смысл в этой разведке после окончания наступления?

– Мост должен быть взорван, таким образом мы перекроем важную артерию связи иракцев с их югом.

В ту же ночь к 11-пролётному мосту выдвинулась разведгруппа в следующем составе: хадж Хосейн Хамадани, Али Читсаз, Мохсен Джамебозорг, Джамшид Аслийан и я.

Поскольку враг был очень нервным, я не хотел, чтобы командир бригады шёл с нами до конца. Когда мы приблизились к цели, Али и хадж-ага Хамадани остались в засаде, а Мохсен Джамебозорг, я и Аслийан дошли до самого моста. Здесь всё изменилось со времени последнего боя, и иракцы под мостом нарыли много окопов для дозорных и для пулемётчиков. Мы вернулись и доложили командиру бригады: «Иракцы разместили под мостом значительные силы, и продолжение работы здесь невозможно».

На второй день начались контратаки иракцев с целью отбить у нас гору Тоннель, холм Песчаный и высоту Пейзули. Их пехотинцы наступали из-за шоссе на эти высоты. Наши силы засели в траншеях, идущих по всей линии высот. Целую неделю иракцы предпринимали попытки контратак по разным направлениям, но успехов не добились. Танки в атаках участия не принимали, и серьёзных обстрелов не было. Главное усилие врага сосредоточивалось на переброске подкреплений по шоссе от города Зорбатия в район боёв на островах Маджнун. Поэтому нам противостояла только их пехота. Каждый день от шоссе шла вперёд какая-то их группа, но залегала под нашим огнём, потом отступала.

Вскоре другая боевая часть заменила нас на высотах, имеющих командное расположение по отношению к асфальтовому шоссе.

Глава девятая

Я, ЛУНА И МИНЫ

Из Чангуле меня отпустили в Хамадан, после того как знакомый из штаба сообщил мне: «Твой брат Джафар получил тяжёлое ранение во время обезвреживания мины, и его отвезли в госпиталь в Керманшахе; семью о ранении ещё не оповестили».

Прибыв в Хамадан, я первым делом посетил дом Надера Фатхи и рассказал его отцу и брату о гибели Надера. После этого я пошёл к себе домой. Действительно, как меня и предупредили, наши ещё не знали о ранении Джафара. Я тоже промолчал, так как раскрыть им это означало бы, что я буду вынужден минимум несколько недель провести с семьёй. Мама спросила:

– Какие новости о Джафаре? Когда он вернётся?

– Мы с ним не виделись, – ответил я, – но он в порядке. Как только позволит обстановка, он тоже приедет.

Я слышал, что у матерей настолько развита чувствительность по отношению к их детям, что они узнают об их ранении и смерти ещё до получения точных вестей, однако я столь хладнокровно и буднично говорил о том, что Джафар в порядке, что почти сам себе поверил. И добавил: «Я ждать Джафара не могу и возвращаюсь на фронт». И вышел, не дожидаясь ответа мамы.

Али ещё раньше говорил, что мне следует приглашать на службу в разведку людей с определёнными качествами.

«Во-первых, они должны быть благочестивы и богобоязненны. Во-вторых, готовность к опасности должна быть высоко развита, и, в то же время, требуется непретенциозность и молчаливость». И я уже в Чангуле сказал Али, что знаю одного молодого студента-богослова, скромного и нешумного, имеющего в своём послужном списке две командировки на фронт и одно ранение. Я имел в виду Мохаммада-Али Мохаммади, парня из нашего квартала, который был единственным ребёнком в семье и подходил Али.

Я сказал ему:

– Али, начальник разведки бригады, приглашает тебя на службу в свою часть.

Он тут же совершил земной поклон и произнёс:

– Слава Аллаху.

– Завтра утром выезжаем, – добавил я.

На улице я вдруг увидел человека, похожего на господин Джамебозорга, но с забинтованной головой. Он сидел на заднем сиденье такси, и я не был полностью уверен, он это или нет. И я поехал следом за такси на мотоцикле. Когда он сошёл, я понял, что не ошибся, и спросил: «Хадж Мохсен, что случилось?». Я вообще-то уже слышал, что он и ещё несколько человек попали в аварию на шоссе. Он не хотел много говорить, только заметил: «Мы проезжали ущелье Хаджиян и попали в аварию, так что ты видишь результат».

Хадж Мохсен знал о моей дружбе с Бахрамом Атайаном и теперь сообщил мне, что и тот ранен в голову.

– А как другие? – спросил я.

– Абдолла Торкаман, Мохаммад Джарийан и Саид Пурмах Солтанйян погибли, – ответил он, – а Саид Читсаз и Хашем Искандери ранены.

Назавтра у нас была договорённость с Али Мохаммади ехать в Сумар; он пришёл вовремя, но я, вместо того, чтобы ехать с ним в Сумар, поехал на автобусе в Тегеран,

чтобы навестить Саида Читсаза. Саид находился в отделении интенсивной терапии. Его голова была раскрыта страшным образом. Медсестра спросила меня:

– Кто сопровождает этого господина?

– Я сопровождаю, – ответил я.

– Возьми этот рецепт и поскорее достань лекарства и привези.

Когда я привёз лекарства, Саида уже положили на операционный стол. И я его больше не видел. Отдал лекарства и вернулся в Хамадан. А Али Мохаммади всё ждал меня. Спросил:

– На чём мы поедem в Сумар?

– На частном микроавтобусе. С пересадками.

Мы выехали рано утром и после нескольких пересадок добрались, наконец, до Сумара. Как обычно, следовало сначала явиться на тыловую базу разведки, в штаб. Эта база находилась вне самого города Сумар и вне зоны иракского обстрела. Рядом протекала река с камышовыми зарослями, и это очень напоминало реку и камыши в Чангуле. Как только мы прибыли, Али, который хорошо разбирался в людях, с интересом всмотрелся в лицо Али Мохаммади и с добротой в голосе сказал: «Добро пожаловать, брат. Начиная с завтрашней ночи, будешь ходить в разведку с командой Мохаммада Бахтияри».

В ближайшую ночь после первоначального инструктажа мы влились в разведгруппу. Старшим группы был Мохаммад Бахтияри. Я стал его заместителем, Хасан Зареи выполнял обязанности сапёра, а Мохаммад Вафаи и Али Мохаммади стали членами группы.

Разведка на высотах Гиске отличалась от всех разведывательных заданий, которые довелось выполнять за прошедшие два-три года. Если перед штурмом Хоррамшахра мы проходили по тылам противника километры и приводили наши батальоны почти к самой цели; если под Мехраном и Чангуле мы находили проходы в самую серд-

цевину вражеских позиций, и нам удавалось в ночь наступления обойти врага, – то здесь, на фронте под Сумаром и особенно на горе Гиске, даже просочиться сквозь передовую линию врага считалось делом нереальным. Здесь уже прошли два наступления: «Муслим ибн Акиль» и «Зейн аль-Абидин» – и иракцы были очень нервными и рассматривали весь фронт буквально под микроскопом. Путь от Сумара на Багдад считался кратчайшим возможным путём нашего наступления. После взятия горы Гиске мы оказались бы на плоской равнине, и перед нами был бы удобный путь в глубину их территории. Поэтому иракцы не ограничились здесь созданием неупорядоченных дозорных постов, но вырыли взаимосвязанную цепь окопов, расположенных встык друг с другом и надёжно перекрывающих нам путь. Такую информацию мы получили и от разведгрупп, и от наблюдателей на передовой; и мы сами несколько раз осматривали возможные маршруты с наблюдательного пункта, причём сильные бинокли позволяли нам даже рассмотреть минные поля у подошвы высот и перед линией вражеских окопов. Работа предстояла крайне трудная, ведь Али настаивал: «Здесь хорошая разведка откроет возможность для успешных боевых действий. А если вы не найдёте хороших маршрутов, будете повинны в провале наступления». Однако сразу скажу, что мечта найти проход в плотной сети иракских окопов на высоте Гиске так и осталась неосуществлённой.

Прошло две-три ночи, а наша команда всё ждала, когда же Али отдаст приказ идти в разведку. Это ожидание раздражало меня. Мне очень хотелось снять заклятие горы Гиске. И я спросил Али: «Когда же начнём работу на горе?».

«Сейчас нам надо работать над собой», – отвечал он. Зная остроту его ума, я понимал это так: трудная работа требует высокой сознательности и духовности.

В этих ночных молитвах кто-то добивался высшей степени благочестия, а кто-то вёл себя и двусмысленно. Ведь

были среди нас и набожные благочестивцы, и весёлые шутники. То, бывало, измажут спящему лицо углем или сажей, то выльют кому-то на постель графин воды, или, как я, возьмут ножницы и на чьей-то голове оставят дыры в волосах. И всё это происходило по ночам.

К нашему отряду присоединился красивый паренёк по имени Амир-Хосейн Фазлуллахи. Я очень быстро с ним сдружился, и эта дружба подвигла меня на дерзкий поступок: взять ножницы и ночью, пока он спал, выстричь проход посреди его головы. Когда он проснулся, то кинулся за мной в погоню. Я – бежать прочь; Али и ещё несколько человек видели всё это. Али кинул в меня тапком и сказал: «Если я тебя поймаю, я знаю, что с тобой сделаю».

После утреннего намаза я опустил повинную голову и вручил ножницы Амир-Хосейну Фазлуллахи. Али с гневом сказал: «Хошлафз, негодяй, ты теперь проходишь проделываешь в людских причёсках?».

Амир приглаживал свои волосы и смеялся. Али продолжал: «Давай-ка выровняй ему волосы, а то не пушу тебя на задание». Я ответил: «Слушаюсь», – и ножницы мои обкорнали его так, как делают с баранами во время стрижки. Стало ещё хуже, и тогда несколько парней по знаку Али набросились на меня. Завязалась потеха обмена кулачными и ножными ударами, но семь-восемь нападавших не оставили мне шанса. А Али восседал перед нами с видом спортивного арбитра, и я иногда слышал его хриплый голос: «Он ещё дышит – бейте его. Пока трепыхается – продолжайте бить».

Честно говоря, и я тоже выдал кое-кому сильные удары, пока Али не скомандовал: «Думаю, он пришёл в себя. Теперь хватит».

Это озорство, то есть обкорнание головы Фазлуллахи, сделало нашу с ним дружбу ещё крепче.

Однажды ночью мы с Фазлуллахи и Бахрамом Атайаном отправились на реку ловить рыбу. Полная темнота

способствовала успеху рыбалки. Каждый из нас держал в зубах зажжённый фонарик, и стояли мы по колено в воде. В эту ночь мы поймали девяносто рыбин, так что на следующий день весь отряд обедал за наш счёт. А вечером Али распорядился: «Группа Мохаммада Бахтияри сегодня ночью идёт в разведку». Я был просто счастлив.

Мы выдвинулись на передовую, которую занимали армейские части. Нам предстояло начать разведывательный поход в сторону врага из окопа командира роты. Мы узнали пароль для возвращения. Поскольку я говорил с хамаданским акцентом, один из армейских бойцов воскликнул, выговаривая тоже по-хамадански: «Ты один из наших!». Особенности произношения иногда приводили к тому, что свои же бойцы понимали, какая именно дивизия из какой провинции прибыла на фронт; это само по себе могло создать проблемы.

Поэтому один из наших парней специально заговорил с исфаханским произношением, чтобы не дать им понять, что мы все из Хамадана. Как бы там ни было, мы выбрались из их окопа на нейтральную территорию. Бахтияри шёл впереди, но вдруг распорядился: «Хошлафз, иди вперёд».

Я удивился: ведь это было не по правилам¹. А он дал мне инфракрасный бинокль и повторил: «Иди направляющим».

Я не испугался, но душа моя не лежала к тому, чтобы идти первым, так как я не мог прекратить обдумывать

¹ Порядок движения разведгруппы был следующим. Первым шёл командир группы с инфракрасным биноклем, затем на расстоянии 10–15 метров – сапёр группы; и дальше остальные каждый на такой же дистанции. Заместитель командира шёл замыкающим и имел обязанность, наряду с управлением бойцами, также наблюдать за тылом, чтобы группа не была атакована сзади. Соблюдение дистанции было тонкостью работы разведчиков, ведь в полной темноте нельзя было потерять друг друга из вида, и в то же время один от другого должен был идти достаточно далеко, чтобы нападение врага на одного разведчика не привело бы к паданию в засаду всей группы.

вопрос: по какой причине¹ командир группы посылает меня вперёд? Я с раздражением взял прибор ночного видения, но включать его не стал. Вместо этого я снял «калашников» с предохранителя и поставил на стрельбу очередями. Командир группы, Мохаммад Бахтияри, тоже ничего не сказал и отошёл на позицию замыкающего. Чем ближе мы подходили к горе Гиске, тем глубже я погружался в раздумье. Не о том думал, какие трудности придётся преодолеть, чтобы взойти на гору, а о смысле приказа командира; и мысли мои всё более запутывались. Неужели он решил проверить, мужественный я человек или трус, и о результатах доложить Али?

Не прошли мы и двух-трёх километров по сильно пересечённой местности, как ко мне приблизился шейх Хасан (так мы прозвали Хасана Зареи за его длинную бороду) и сказал: «Господин Бахтияри спрашивает: почему ты не останавливаешься? Почему не используешь бинокль ночного видения?»².

Меня охватила то ли злоба, то ли заносчивость, и я ответил: «Необходимости в инфра-обзоре нет».

Когда ребята заметили, что я не присаживаюсь и не пользуюсь биноклем, они из чистой осторожности увеличили дистанцию между собой и мною. Меж тем я подошёл к развилке тропинок и заметил чёрное пятно, показавшееся мне большим камнем. Я направился к этому чёрному пятну. Если бы я включил бинокль ночного видения, я бы понял, что направляюсь в смертельную ловушку, однако злое упрямство не оставляло меня. И я всё приближался к чёрному пятну, пока расстояние между нами не сократи-

¹ Позже Мохаммад Бахтияри объяснил мне причину: это Али приказал ему послать меня вперёд.

² Это был законный вопрос. Идущий впереди группы должен периодически садиться на землю и осматривать окрестности с помощью этого инфракрасного прибора, затем продолжать движение. Эту работу называют «инфра-обзором».

лось до десятка метров. Тут я остановился. Я увидел мощного иракского бойца, который опустился на одно колено и нацеливал на меня своё оружие. На миг я застыл в неподвижности, как во время дуэли. Ираец скомандовал по-арабски: «Киф!» (Стой!).

Он и те, кто был с ним, поняли, что я – боец разведгруппы, а взять такого в плен и допросить для них было ценнее, чем убить. В мгновение ока я отбросил бинокль и нажал на спусковой крючок автомата – а он уже стоял на стрельбе очередями. Гром моей очереди расколол холодную загадочную тишину у подножия горы Гиске, и убитый мною иракский солдат упал на землю. Я подумал, что наткнулся на пост охраны, но дело обстояло иначе. Я посмотрел назад. Семь-восемь иракцев бежали по небольшой возвышенности, находящейся за моей спиной. Мои товарищи: шейх Хасан, Али Мохаммади, Мохаммад Вафай и Мохаммад Бахтияри – также начали отступление. Я повернулся в другую сторону и увидел такое, чему невозможно было поверить! С холма справа сбегало вниз несколько десятков иракцев – возможно, человек 80; таким образом, я оказался между двух групп врага: первая группа в семь человек и вторая в восемьдесят человек. И, пока я приходил в себя, эти семь человек открыли по мне огонь очередями. Они стреляли по мне со стороны наших позиций; таким образом, для меня путь к своим был отрезан. Постепенно звуки их очередей приближались ко мне. Я спрятался в расселине скалы и отстреливался до тех пор, пока не закончились патроны в магазине. Пока я менял магазин, эти семеро успели спуститься с той скалы, на которой они находились, и засели на ровном участке местности прямо передо мной. Труп их убитого товарища лежал здесь же рядом со мной. Страх и жажда деятельности встретились и парализовали друг друга. Я был в полном умственном и телесном оцепенении. Увидел себя схваченным в плен. Ребята, находящиеся за спинами иракцев,

стреляли по ним, но те не обращали внимания на их стрельбу, думая лишь о том, чтобы захватить меня и, возможно, подвергнуть пыткам. Увидев, что я не стреляю, они придвинулись ближе. Мои руки и ноги болезненно затекли от неподвижности, и холодный пот покрыл всё моё тело. Я словно бы превратился в бездушный и неподвижный кусок мяса и был не способен даже взять в руки гранату или заменить магазин. Теперь я практически был обречён на смерть тем фактом, что гранаты и магазинная сумка были замотаны резиновым шнуром. Но, даже если бы не было резинки, у меня всё равно не хватило бы сил взяться за гранату или за магазин. Жжение расплавленного свинца или контрольный выстрел в голову – вот что я ощущал. А язык был так скован, что я не мог бы вымолвить ни единого слова. И я не мог понять: почему они не стреляют? Быть может, мщение за убитого товарища они хотели начать с того, чтобы взять меня в плен; затем последовал бы допрос, пытки, а в итоге – смертная казнь и контрольный выстрел. Все эти мысли навалились на меня кошмаром, сделав мои руки бессильными; и я уже готов был сдаться, как вдруг мои пальцы наткнулись на штык. К счастью для меня, когда я сел на землю, штык выпал из ножен и теперь рука невольно его нащупала. Я воспрянул духом. Мне показалось, что этот штык подала мне рука Провидения. Живо схватив его, я разрезал им резиновый шнур, которым была примотана граната. Взял гранату. Быть может, полная темнота не позволила им ничего предпринять. А я зубами выдернул предохранитель гранаты и катнул её в сторону тех семи человек. Взрыв гранаты подарил мне единственный шанс на спасение из этой страшной западни. Трое иракцев были убиты или ранены взрывом, а я прыгнул за другую скалу и укрылся за ней, в то время как четверо оставшихся невредимыми оттаскивали тела остальных. И опять я не понимал, почему они не нападают на меня. Повсюду воцарилась тишина. В наводящей ужас тьме каждая клеточка

моего тела была во власти безумия, страха и ярости одновременно. И из-за своей скалы я громко закричал: «Батальон, а атаку! Рота, в атаку! Парни, бейте их сзади! Не давайте им пощады!». В реальности не было ни батальона, ни роты, ни взвода; в сущности, я не обращался вообще ни к кому. Этим криком я хотел подбодрить самого себя, а также тешился надеждой, что смогу напугать иракцев. И вот я кричал, а коленки мои тряслись от страха. Шейх Хасан слышал мой голос. Он был ближе других ко мне и потому первым дал очередь по разведгруппе иракцев. И другие ребята придвинулись ближе и открыли огонь в сторону врага; завязалась обоюдная перестрелка. В ходе этой огневой схватки я сумел убежать назад и встретиться с членами группы. Тут я увидел, что к разведчикам присоединилось ещё трое наших бойцов. Один из них был тот самый армейский боец из Хамадана, который сказал мне: «Ты один из наших». Быть может, он был движим ревностью и даже завистью ко мне. Он на чём свет ругал иракцев и без разрешения своего командования прихватил РПГ и пулемёт, а теперь вёл огонь.

В этой стычке иракская штурмовая группа, несравнимая с нами по численности, всё-таки отступила, и мы тоже, абсолютно не веря в реальность происходящего, ретировались. Когда мы вернулись на нашу базу, Хадж Хамид Малеки – парень из нашего квартала и мой старый друг – после молений был готов идти в разведку. Была очередь их разведгруппы, идти по другому маршруту – с левой стороны высот Гиске. Я рассказал им о произошедшем бое и добавил: «Сегодня иракцы похожи на раненую змею. В разведку идти никому не следует».

Али, получив доклад о нашей разведке и выяснив все детали у Мохаммада Бахтияри и шейха Хасана, также согласился с тем, что разведку продолжать пока не нужно.

В течение следующих дней я выполнял все распоряжения Али без малейших вопросов и сомнений. Он порой

очень серьёзно воспринимал мои жесты, пристально следил за мной и иногда пародировал мои слова: «Батальон, в атаку! Рота, в атаку! Парни, не давайте им пощады!».

В последующие ночи мы трижды подряд ходили в разведку по тому же маршруту, и всякий раз, проходя мимо той скалы, я явственно вспоминал все мгновения той засады. Каждый миг я ждал, что передо мной вновь возникнет этот чёрный силуэт, потому снова и снова пользовался прибором ночного видения. Ребята шли позади меня, и мы, не натываясь на иракские засады, успешно проходили через минное поле и, двигаясь снизу вверх, достигали их окопов на горе Гиске.

Однажды вечером к разведчикам пришёл Хасан Торк, заместитель начальника штаба бригады и командир нашего участка фронта, и сказал: «Я должен сам перед наступлением увидеть вблизи маршрут движения батальона и обозначить линии разграничения для батальонов».

Не обсуждая его решение и не споря с ним, я пошёл в разведку. Хасан Торк в эту ночь присоединился к нашей группе. Мы вышли на нейтральную полосу, достигли минного поля. Прошли через поле, не обезвреживая мины и не устанавливая проходов, и успешно достигли окончания минного поля и подножия высоты. Были ясно различимы несколько пулемётных окопов врага. Оттуда даже доносились шум и голоса иракцев. Хасан хотел что-то сказать мне на ухо, как вдруг в воздух взлетела мина «Валмара» и взорвалась. Я стоял позади Хасана и вдруг почувствовал, что он падает на меня. Я аккуратно положил его на землю. В тот же миг иракцы, услышавшие взрыв мины, выпустили в небо осветительную ракету. В её свете отлично было видно тело Хасана, залитое кровью. Всё лицо его было в крови; ему пробило горло, и он хрипел. У него все лёгкие были полны крови. Кровь бурлила и выходила наверх, и лилась из разорванного горла. Я думал о том, каким образом я смогу вытащить его тело назад через минное поле,

и вдруг он сильно ударил меня в грудь тыльной стороной руки; с такой силой, что все мои мысли смешались. И я почувствовал, что он без слов говорит мне: «Я ещё жив».

Осветительный снаряд погас. Кто-то сразу пришёл на помощь, и мы вместе вытащили Хасана назад через минное поле. Но донести его дальше до нашей линии, до которой оставались километры, было делом нелёгким без носилок. Мы несли его по очереди: двое, потом двое других. Когда наступала очередь Али Мохаммади нести раненого, то скорость замедлялась. Мы не знали, что и он тоже был ранен взрывом той же мины в область поясницы. Он ничего не говорил, но не мог как следует подхватывать Хасана ни за руки, ни за ноги. Я подтолкнул его и сказал: «Йалла, взбодрись!» – и он упал на землю и не смог встать. Только тут я заметил, что он тоже ранен. Бахтияри сказал: «Хош-лафз, давай бегом в тыл. Возможно, иракцы нам вдогонку послали боевую группу. Беги и приведи подмогу».

Я побежал изо всех сил, словно бегун-стайер. Когда достиг нашей линии, сначала не мог отдышаться и вымолвить хоть слово. Армейские по рации вызвали санитарную машину. Я взял у них носилки и вернулся. Когда мы донесли Хасана, машина ещё не приехала. И вдруг он резко сел на носилках. Всё его лицо, грудь, военная форма были в крови. И все наши помыслы были только о том, чтобы он остался жив. Как только он начал произносить слова намаза, кровь забурлила в горле и потекла сильнее. В этот миг приехала санитарная машина. Командир участка закричал: «Ребята, грузите его в машину».

После ранения Хасана Торка ситуация с разведкой левого сектора горы Гиске стала совсем запутанной. В рапорте на имя Али мы написали, что наступление в этом секторе встретило бы две большие трудности, каждая из которых делала успех практически невозможным. Первая состояла в том, что никакого прохода сквозь иракские позиции так и не было найдено и мы могли только атако-

вать гору Гиске в лоб. Вторая заключалась в том, что наша разведка выдала себя, а потому следовало ожидать, что иракцы умножат количество выдвинутых вперёд сторожевых постов и засад, а это не только сделает невозможным наступление пехотных батальонов, но даже одному человеку будет не добраться до подошвы горы. Прочитав этот рапорт, Али сказал: «Сегодня ночью идём в разведку. Я сам пойду по тому прежнему маршруту». В этот раз к разведгруппе присоединился также Хамид Малеки, а наша группа осталась в тылу. В тот же день я спросил Али о его мнении насчёт проведения батальона по этому проходу, и он ответил: «Я пришёл к такому же выводу, как и вы».

После этой разведки Али неоднократно повторял такое выражение: «Через проволочные заграждения врага пройти может тот, кто не запутается в проволочных заграждениях своей души».

Вскоре мне в отделе пропаганды дали письмо из дома. В нём было написано: «Установлена дата бракосочетания твоего брата Амира. Скорее приезжай в Хамадан». Я попросил отпуск у Али. Он полностью доверял своим бойцам и не прибегал к строгостям, но сказал мне: «Два-три дня, и возвращайся». Я поехал и присутствовал на бракосочетании брата. Амир был моим старшим братом, и я радовался, что и он до свадьбы побывал на фронте – первый и единственный раз. Амир работал на самосвале отца; он вызвался быть добровольцем для фронтовых работ: на постройке шоссе, нужного для наступления «Хейбар» на острове Маджнун. Именно на этом фронте иракцы впервые применили химические бомбы, и именно там Амир подвергся воздействию химикатов.

В день бракосочетания у Амира была высокая температура. После окончания церемонии мы отвезли его в больницу. Там у него взяли кровь на анализ и сказали, что у него рак крови. И я не знал, что мне делать: то ли остаться в городе ради Амира, у которого не было шансов

выжить, то ли выполнить указание Али и вернуться. Я знал одно: нужно успокоить мать. Она не знала ни о ранении Джафара, ни о болезни Амира. И мне казалось несправедливым оставить мать с Амиром и всеми этими проблемами. Вечером того же дня мама узнала о страшном диагнозе Амира, и одновременно я встретил Мосайеба Маджиди, которого командировали на фронт на «Тойоте», полной черешни. Этот груз черешни был подарком фронту от жителей деревни Ущелье Морадбег. Я спросил:

– Какие новости в Сумаре?

– Сегодня ребят перевели в район наступления «Хейбар», на замену прежней части. Иракцы непрерывно контратакуют и хотят отобрать острова.

И я сказал ему:

– Я тоже еду.

После этого я забежал домой, поцеловал руку маме и умоляюще сказал ей:

– Я понимаю ситуацию в доме. Тебе нужна помощь, но что я могу сделать, если мне обязательно нужно уехать?

Она ни слова не возразила. Знала, что, если я говорю «уезжаю», это значит, что уезжаю. А у меня сердце разрывалось от жалости к ней и другим членам семьи. Я пошёл к Амиру и попрощался с ним, потом мы с Мосайебом Маджиди поехали на острова Маджнун.

Когда мы доехали до шоссе Ахваз – Хоррамшахр, я повеселел. Опять под кожей побежала радость от воспоминаний о разведке, которую вели во время операции «Бейт оль-Могаддас». Потом мы свернули от этого шоссе в направлении на Хур и вскоре прибыли на остров Северный Маджнун. У Мосайеба был точный адрес. База разведки располагалась рядом с секретной базой «Носрат» («Победа») на северном острове, и мы сочли добрым знаком то, что приехали как раз вовремя к молитве. Бойцы читали молитву, а дальнобойные иракские орудия заставляли дрожать почву острова. Первый раз я видел на небе красные

следы от французских артиллерийских снарядов: подобно ракетам, они прочерчивали небо, потом вдруг потухали, а через несколько секунд сотрясали землю. Причём взрывы этих снарядов всё приближались к нашему месторасположению. Повсюду вокруг виднелись только вода и тростниковые заросли, и единственным нашим опорным пунктом был этот северный остров, на который враг мог легко проникнуть силами своей разведки в любую ночь.

Молитва закончилась, но один снаряд попал в землянку парней в лагере «Носрат». Двое погибли на месте, шестеро были ранены. Под рукой не оказалось иной машины, кроме той «Тойоты», на которой мы с Мосайебом привезли черешню, и вот мы торопливо разгрузили ящики и погрузили раненых. Хамид Малеки тоже получил осколочное ранение. Когда мы приехали в госпиталь, появился человек в белом халате, осветил фонарём раненых и объявил: «Так ведь они все умерли». Эти восемь человек были командирами, расквартированными на базе «Носрат».

Первая ночь на острове была горькой, и не от горечи той воды, которая окружала остров и в которой всё ещё оставались многочисленные трупы иракцев, погибших во время операции «Хейбар». Вода издавала трупный запах. К запаху гниения добавлялся сернистый запах, что явилось результатом газовой атаки. Вообще этот остров был другим миром. Температура поднималась до 50 градусов, и казалось, что ты кипишь насквозь до костного мозга; при этом страшная влажность, – всё это напоминало мне традиционные бани в Шотор-Галу. Здесь всё было необычно и не по правилам, как вверху, так и внизу, начиная от почвы, в которую ноги при каждом шаге уходили по колено, и заканчивая крысами, которые так откормились на трупах, что выросли до размеров кошек.

Линия фронта, которую здешняя пехота называла «дзором», также напоминала что угодно, кроме линии фронта. Грунтовая дорога посреди воды извивалась, словно

змея, а потом обрывалась. По ту сторону этого разрыва, метрах в тридцати, были иракцы, по эту сторону – мы. Эту дорогу называли Западным ребром острова Маджнун. По мере того, как по этой дороге ты приближался к передовой из тыла, грохот взрывов звучал всё оглушительнее, а в районе самого «дозора», в тридцати метрах от иракцев, миномётные мины падали дождём.

Иракцы, после нашей операции «Хейбар», после потери двух островов Маджнун¹ – северного и южного, – целый месяц предпринимали непрекращающиеся контратаки, а когда те не принесли успеха, перешли от действий силами пехоты и танков к действиям с помощью воды и огня. Затопить водой из реки Тигр южный остров было их первым деянием; в результате все дороги, кроме трёх, оказались под водой. Таким образом, все наши действия стали видимыми для иракских наблюдателей. Правда, и иракцы замкнули самих себя на этих же трёх дорогах, но соотношение их и наших сил было подобно отношению моря к капле воды. Если мы делали один миномётный выстрел по их окопам, то они отвечали сотнями мин, артиллерийских снарядов и даже прямым танковым огнём по нашим коекак построенным укрытиям. При этом вода перехлёстывала уровень шоссе, и для нас становилось невозможным не только сражаться, но и просто оставаться на том же месте.

Несколько раз побывав на этой передовой линии, мы полностью уподобились здешней пехоте; никакую разведывательную работу вести было невозможно, и мы просто сидели в окопах бок о бок с пехотинцами. Но мы продол-

¹ Острова Маджнун, в силу их близости к автодорогам Басра – Амара – Багдад, считались стратегическими территориями. К тому же на этих двух островах находилось более 60 нефтяных скважин, и для иракской экономики они были очень важны, хотя после начала войны для иракцев добыча нефти здесь стала невозможной, и часть этих скважин до конца войны находились под нашим контролем (*прим. иран. ред.*).

жали это делать по требованию Али, который хотел, чтобы мы таким образом подбодрили и вдохновили на бой усталую и измученную жарой пехоту.

Однажды, вернувшись в тыл, я увидел залезшего в воду Мохаммада Араба. Он то нырял, то появлялся на поверхности; таким образом он из готовых частей собирал наблюдательную вышку. Все ребята из разведки включились в это дело, и вскоре первая наблюдательная вышка восстала из воды. Она имела высоту 20 метров и ширину 2 метра; выглядела она как высокая стальная лестница и была видна из любой точки острова. Залезая на неё, мы становились мишенью прямого и навесного иракского огня. Наши ребята наблюдали с неё за иракскими тылами; в то же время тут велась и работа наблюдателей и корректировщиков нашего миномётного и артиллерийского огня.

Однажды жарким до удушья днём мы сидели в тылу на северном острове, как вдруг увидели вернувшегося после ранения Хамида Малеки. Мы сразу набросились на него и не только столкнули его в воду, но не давали даже голову высунуть. Такие вещи мы делали по намёку или даже по прямому указанию Али; вот и сейчас он был не против того, чтобы мы «макнули» Хамида, однако сделал вид, что рассердился на нас, и повелительным жестом нас остановил: «Парни, вы что, сдурели? Человек только прибыл и наверняка хочет пить. Я вас попросил напоить его, а не утопить». Мы понимали, что Али разыгрывает комедию, однако хадж Хамид действительно хотел пить. Я пошёл к кулеру, чтобы набрать в кружку холодной воды, и вдруг увидел крысу, которая встала на задние лапы и, облизывая краник кулера, пила капающую воду. Я передумал набирать эту воду и вернулся. Али спросил:

– Хошлафз, а где же вода?

– Я эту воду больше не буду пить, – ответил я. – И Хамид Малеки, уверен, тоже не станет.

Я устал сидеть в тылу без дела, поэтому в очередной раз присоединился к бойцам, которые каждую ночь на лодках плавали на передовую. А условия на передовой стали ещё хуже, чем недавно. Ребята до пояса, а кое-где и по грудь сидели в глине и иле. Среди ночи начался обстрел, и нам не двинуться были ни вправо, ни влево, ни даже в тыл. И всё же мы были настроены выдержать, но не отступить. И вдруг рядом со мной взорвалась 60-миллиметровая мина; меня отбросило взрывной волной, и руку в районе запястья мне разорвало железным листом землянки. До восхода солнца следовало успеть в тыл, потому что в дневное время никакие передвижения были невозможны.

Некоторое время я провёл в полевом, затем в тыловом госпитале, а после относительного выздоровления снова вернулся к разведчикам на южном острове, и тут меня ждало письмо из дома. Оно меня встревожило такими строками: «Состояние твоего брата Амира – угрожающее. Ты должен прибыть в госпиталь “Саджад” в Тегеране».

Когда я ехал в тыл с острова Маджнун по шоссе «Сейед Шохади», я думал об Амуре и о том, что и он наверняка принимал участие в строительстве этого шоссе.

Из Андимешка в Тегеран я добрался поездом, а в кармане у меня денег было всего на одну поездку в такси. Добравшись до госпиталя, я увидел возле койки Амира отца и мать. Мама увидела меня, и тучи её сердца раскрылись и пролились дождём слёз. И вот я, как был, немый, с передовой, во фронтовой одежде, два-три дня не отходил от Амира. Я знал, что вижу его в последний раз. Сердце моё приказывало остаться с ним, а ноги сами вели на фронт. И я, пытаясь разрешить сомнения, вышагивал по коридору госпиталя, как вдруг пожилой мужчина с сердитым упрёком сказал мне:

– Какой же ты басидж, если позоришь всех басиджей?

Я встал как вкопанный. Не мог понять, в чём он меня обвиняет, и растерянно спросил:

– Что я такого сделал?

– А ты посмотри на себя, особенно сзади, тогда постыдишься вот так разгуливать по больнице!

Он был прав. Моя фронтальная сгнившая униформа до того изнасилась, что сквозь её дыры было видно нижнее бельё. Я покраснел от смущения и поскорее пристроился к койке Амира и старался уже не отходить от неё.

Из-за болей, которые его мучили, Амир едва мог открыть глаза. Но даже полуоткрытыми страдающими глазами он прочитал на моём лице тревогу. И сказал хрипло: «Дорогой Али, если там тебя ждут, иди». Эта краткая фраза смыла всю пыль беспокойства, которой было покрыто моё сердце. Амир уже не мог говорить, только рукой показывал куда-то вниз, прося меня что-то достать оттуда. И под его матрасом я нашёл деньги: три тысячи туманов. Он выговорил со стоном: «Это тебе».

Теперь я уже не сомневался, что он не только видит насквозь все движения моей совести, но и знает всё о моих пустых карманах и порванных штанах. Я с благодарностью взял эти деньги, поцеловал его в лоб и попрощался с ним, отцом и матерью. И перво-наперво поехал на Таможенную улицу, где купил себе новые форменные брюки; оттуда поехал на Андимешк и на юг. Уже тогда, когда мы были на южных островах, мы слышали, что нам предстоит вновь вернуться в Сумар. Смысла этих постоянных перемещений в Сумар и обратно я не понимал, но у меня была надежда, что хотя бы один раз нам удастся разбить чары горы Гиске и прорвать там фронт. Хамадан находился на полпути при перемещении с южных фронтов на западные, и я испытывал искушение хоть ненадолго заглянуть домой по пути в Сумар. Но в Хамадан я приехал глубокой ночью. А когда пришёл домой, узнал, что Амир как раз сейчас умирает.

* * *

Отметив семь дней со дня смерти Амира, я присоединился к Мохсену Джамебозоргу, и мы вместе поехали в Сумар. За время нашего отсутствия всё здесь изменилось, включая и дислокацию отряда разведчиков. Там, где прежде стояли палатки, было пусто; следовательно, они переехали, но куда? Мы крутились вокруг этого места и увидели неподалёку сейеда Мохсена Фейдаи; он был с мотоциклом и словно ждал кого-то. Оказалось, что по распоряжению Али он был специально оставлен здесь для того, чтобы таких, как мы, направлять по новому адресу. Кроме него, здесь никого не было, поэтому за питанием он ездил в расположение армейской части. От него мы узнали, что наша новая дислокация находится в районе Меймак; но от Сумара до Меймака было очень далеко, и как же мы могли туда добраться?

Я сказал:

– Сейед, наш путь далёк. Одолжи нам мотоцикл, доехать до отряда.

– Но ведь и мне далеко отсюда ездить к армейским за едой, – ответил он. – Чем же я буду питаться?

– Это вопрос несложный. Ты выходи с мисками на шоссе, там попутные машины всегда подбросят тебя до армейских, возьмешь еды и так же вернешься.

Сейед был парень бескорыстный и очень простой, он с лёгкостью принял наше предложение. Протянул ключ зажигания от мотоцикла: «Пожалуйста».

Джамебозорг, как и я, удивился той лёгкости, с которой сейед отдал нам свой мотоцикл, и скомандовал мне: «Али, прыгай в седло, пока он не передумал».

От радости мы даже не попрощались с владельцем мотоцикла. У нас было два больших рюкзака, и их по очереди держал тот, кто был на заднем сиденье. В пять вечера мы прибыли в отряд разведчиков. Все готовились к намазам, совершаемым после захода солнца и перед отходом ко сну.

Али, поздоровавшись, бросил на нас внешне простодушный, а на деле пронизательный взгляд и, нахмурившись, спросил:

– Откуда этот мотоцикл?

Мы догадались, что он не одобрит наших действий, поэтому вперёд выступил я. Я был одет в траурную рубашку, и мы с Джамебозоргом решили, что для человека в трауре Али сделает снисхождение.

– Мотоцикл одолжили у сейеда Мохсена. Мы не знали дороги, и другого выхода не было.

Но Али был слишком рассержен, чтобы его впечатлила траурная одежда. Он сказал, что речи нет ни о наступлении, ни о нашем участии в разведывательных заданиях. Джамебозорг лучше понимал Али, чем я, и сказал ему что-то, что его смягчило. И всё же брови Али были высоко подняты, и он резким тоном распорядился:

– Мотоцикл сдайте снабженцам, они вернут его по назначению.

* * *

Я всё ещё носил траур по своему брату Амиру. Али настаивал, чтобы я пока не ходил в разведку, но я его не слушал. Наоборот, я переубеждал его и уговорил разрешить мне иногда присоединяться к группе под командованием Мехди Карагузлу, который впоследствии погиб под Фао.

Меймак был разграничительным пунктом между фронтами Сумара и Мехрана. Вправо от Меймака, в полосе фронта Сумара, находилась гора Гиске; те места были для меня полны воспоминаний, каждый маршрут и каждое шоссе отзывались какой-то горечью. Меймак с этой точки зрения отличался от Сумара и Гиске. Здесь проникнуть через передовую линию иракцев было нетрудно, однако инициатива в разведке снова принадлежала противнику. Тем не менее мы вели разведку, готовясь к наступательной операции под названием «Ашура». В руках противника

находились горы, распадающиеся на несколько секторов, а именно: высоты Бан-Талхаб, Галаме-Зард и Кале-Лам. Центром тяжести планируемого наступления была высота Галаме-Зард; именно тут ночью должны были пройти батальоны. Здесь работали две разведгруппы, и одна из них – та, в которую вошёл я. Передовая линия, как обычно, была в руках армии. От холмов в этой местности пахло нефтью и серой, здесь было много нефтяных скважин, опечатанных во избежание подрыва или поджога. Маршрут разведки пролегал через реку, которая также не осталась без воздействия нефтяных масел и серы. Мы заходили в воду по пояс, и наша одежда пропитывалась водой с нефтяным жиром, дурно пахнущим. Потом во время всей остальной разведки мы несли с собой этот запах, пока, вернувшись, не находили способа выстирать одежду.

Работа разведки шла успешно. Всё делалось по плану, как вдруг в одной из разведгрупп случилось тяжёлое происшествие. В этой группе был мой давний спутник и друг Бахрам Атайан. В ту ночь Махмуд Хамид-заде, Мохаммад Ханджани, Мосайеб Маджиди и Бахрам Атайан оставили позади гору Галаме-Зард и проходили через минное поле, и тут Бахрам наступил на мину. Взрывом ему оторвало ногу по щиколотку. Несмотря на это, иракцы не догадались об их присутствии. Мосайеб Маджиди взвалил раненого на спину, но на этом беды не кончились. Мохаммад Ханджани также зацепился за мину, и руку его постигла та же участь, что и ногу Бахрама. После второго взрыва иракцы переполошились, но ребята сумели выйти из зоны их огня. Дальше события развивались сходно с тем, что случилось с Хани Такаллу, истёкшим кровью на минном поле. Ребята вытащили обоих раненых из зоны непосредственной опасности, но, пройдя большое расстояние, выбились из сил и оставили Бахрама в укромном месте, чтобы вернуться из тыла с подмогой. Бахрам потом мне рассказал:

«Я лежал с оторванной ногой, страдал от жажды и от тоски и уже потерял надежду, что ребята вернуться. Сам я не мог уползти в тыл, и никто ко мне не приходил. Надежды ни на кого и ни на что не осталось. Тут вдруг вижу у себя над головой Мосайеба Маджиди. Он вернулся и опять взвалил меня на плечи и долго нёс, потом помогли ребята из другой части, и меня доставили к своим».

Как правило, если во время разведки происходил серьёзный инцидент, это означало осложнения в использовании данного маршрута, ведь враг был начеку. Несмотря на это, Али настаивал, ссылаясь на требование командира бригады, чтобы обязательно был найден проход через высоту Галаме-Зард. Настала очередь нашей группы. Карагузлу пошёл впереди, я и ещё трое – следом за ним. Мы миновали высоту Галаме-Зард и минное поле и оказались под иракскими окопами, как вдруг появился иракский солдат и встал прямо у нас над головами. Мехди Карагузлу вжался в небольшую неровность почвы, а я прижался к нему, и мы оба застыли в неподвижности. В небе поднималась луна, и мы не могли бы и шагу ступить. Если бы иракский солдат поглядел вниз, он бы сразу нас увидел. Остальные ребята были подальше. Я слышал биение моего сердца, которое мне казалось более громким, чем голос иракца, позвавшего своего товарища. Мы не знали, видит он нас или нет. Если бы луна была чуть выше, он бы точно нас увидел. Мы с Мехди Карагузлу так плотно прижимались друг к другу, что, если один моргал, то другой это чувствовал. Вдруг луну закрыло облако, и вокруг стало темно. Мы оба знали, что, как только облако уйдёт, всё станет видно, поэтому побежали прочь. Не успели мы отбежать метров на сто от иракского окопа, как опять открылась луна, и мы снова упали на землю. Опять пришлось ждать облачка. А враги что-то заподозрили. Они слышали топот наших ног, хотя нас не видели. Мы это поняли, когда иракцы пошли в нашу сторону: мы хорошо слышали их прибли-

жающиеся шаги и уже не стали ждать облака и темноты. Мы побежали прочь как спортсмены-бегуны, но по такому маршруту, чтобы не попасть на минное поле. Хорошо, что был этот запасной путь отступления. Тут нам стала понятна одна закономерность: если враг реагирует на появление всего трёх-четырёх бойцов разведки, значит, скорее всего, он уже знает о готовящемся наступлении. В таком духе мы и доложили Али, но он повторял одно и то же: необходимо найти проход.

На следующую ночь мы опять пошли в разведку, но другим маршрутом. Возле минного поля мне показалось, что какая-то чёрная тень шаг в шаг следует за нами. Мы останавливались, и тень стояла; мы начинали двигаться, и она приходила в движение. Я ничего не понимал. Неужели иракцы нас окружили? Карагузлу был впереди, и я должен был любой ценой ему сообщить об этой подозрительной чёрной тени. Я снял автомат с предохранителем, так как был уверен, что наши планы раскрыты врагом и что боя не избежать; и вдруг эта тень как молния или как порыв ветра ринулась на меня. Наглость и шум этого натиска ошеломили меня – и вдруг я увидел, что это большой дикий кабан! Он пробежал в метре от меня и скрылся.

Однажды днём мы сидели на базе разведки, как вдруг нам принесли несколько ящичков с фруктами. И все ребята сразу уставились на меня: не совершу ли я глупости? А я уже кружил возле ящичков, зная, что одной-двумя ягодками не удовлетворюсь. Тут были виноград, груши, гранаты. И я уже потянулся к ящичку с виноградом, как вдруг со свистом прилетела мина и упала прямо на палатку для отдыха. Азиз Амруллахи был убит на месте. Ребята бросились к его телу, и я понял, что подвернулась оказия поесть фруктов. Погрузив тело Азиза Амруллахи на санитарную машину, ребята открыли по мне огонь ботинками и тапками.

На следующий день нас посетил айатолла хадж Реза Фазелиян. Во время обеда я увидел, что хадж Реза разво-

рачивает салфетку с домашней едой: там был хлеб с сыром, привезённый из Хамадана. И я спросил:

– Хаджи, вам фронтовая еда кажется подозрительной, вы не хотите её отведать?

– Дело в том, – ответил он, – что это ваша доля – сражающихся, а не моя доля – приехавшего навестить вас.

Возможно, это был упрёк мне. Но я не сдавался:

– Хаджи, может быть, вы всё-таки отведаете из нашей доли?

– Почему же не отведать, дорогой мой. Если ты столь добр, поделись со мной.

В этот день хадж-ага прочёл многим парням договор побратимства, а через несколько дней началось наступление «Ашура». В полосе наступления бригады Великого Пророка возникли осложнения, и наши войска попали в окружение. Было решено послать на помощь батальон из нашей бригады, но перед этим требовалось провести разведку местности. Мы провели две разведки по имевшемуся там оврагу, но результатов не было. Поэтому мы остановили батальон и вернулись на нашу базу.

На шестой день наступления авианалёты иракцев достигли максимума. Они так усилили налёты, что ни одно место в тылу не осталось вне досягаемости их бомб и ракет. Иногда они доходили до полной наглости, и их самолёты снижались даже в погоне за отдельной «Тойотой», так что ребята шутили: вон тот лётчик на водителя «Тойоты» извёл целый боезапас.

Не было иного выхода, кроме как вывести войска даже из тылов. Хадж Реза Шокрипур, начальник штаба бригады, лично зачитал этот приказ батальонам и отрядам. И мы уже начали передислокацию в тыл, то есть в сторону лагеря Чарзабар, когда база нашего отряда подверглась сильнейшей бомбёжке. Некоторые передислоцировались в лагерь Чарзабар, а мы – в Хамадан, причём я прямиком поехал навестить в госпитале Бахрама Атайана. Культа

его оторванной ноги ещё не зажила. Бахрам Атайан, как и Хасан Торк, боялся щекотки. И вот я сидел у его койки и издали подносил к нему руку щекочущим жестом, он начинал нервно смеяться и дёргаться и просил меня прекратить; при этом он клялся, что чувствует, как его отрезанная нога чешется. Иногда наш шуточный разговор принимал серьёзный оборот, и я говорил: «Бахрам, тебе ногу оторвало в Меймаке, а иракцы подобрали её и подняли как знамя, и говорят: пришёл он по своей воле, но возвращение его в наших руках».

Несколько дней я занимался делами Бахрама. Мы вместе ходили в госпиталь, и я ждал, пока ему сделают перевязку. В мечети, как бывало раньше, рассказывали ребятам о боях, надеясь привлечь их в войска.

В этом году, несмотря на трудности разведывательной работы, особенно в Сумаре, война для нас не завершилась участием в наступлении. Поэтому определённая категория парней, которые пришли в войска во время наступлений, опять вернулась к учёбе. Была такая категория, которую мы называли «застёгнутыми на все пуговицы»; многие из них стали студентами-богословами. Они также приходили в мечети, что поднимало моральный дух парней, группирующихся вокруг мечетей; кроме того, оно организовывало паломнические поездки в Кум или Мешхед, это тоже помогало пережить оторванность от фронта. Не только среди ребят нашего квартала, но и среди всех ребят разведывательного отряда стало обычаем иногда ездить в Кум или Мешхед, чтобы, так сказать, отполировать зеркало души.

Однажды мы поехали в Мешхед группой ребят из разведки. С нами были Бахрам Атайан и Джафар Монтагами. Мы проехали Нишапур, а потом Али высадил ребят посреди пустыни. В машине остался только он сам, водитель и я.

– Ты почему не выходишь? – спросил он меня. Я без церемоний резко ответил:

– Ты сам выйди первый.

Я знал, что у него есть какой-то план. Он рассердился:

– Выходи из машины.

– Нет, не выйду. Пока ты сам не сойдёшь, и я не сойду.

Он ткнул меня кулаком в бок:

– Ах, хитрец, разгадал меня! – Потом высунулся из кабины и объявил ребятам: – Парни, сейчас одиннадцать вечера. К четырём утра вы должны вернуться в Нишапур. Представьте себе, что вы в иракском тылу и потеряли дорогу. Воспользуйтесь подсказкой звёзд.

Ребята вернулись в Нишапур в полчетвёртого утра. Усталые и измотанные, пройдя много километров. Один парень упал в реку и пришёл в мокрой форме, другой в пути повредил ногу, и товарищу пришлось километры тащить его на спине. Однако никто не ворчал и не жаловался.

После посещения мемориального комплекса имама Резы в Мешхеде мы были приняты для беседы известным богословом хадж Джавадом Техрани. Ребята просили его дать напутствие, и он сказал: «Парни-разведчики, начало всего – чистота души, и конец – чистота души. Ключ к вашему спасению – чистое сердце».

Из Мешхеда мы вернулись в Хамадан. Али попросил меня привести в разведку Насера Фатхи – брата Надера. В нём течёт та же кровь, – говорил Али, – значит, он столь же мужествен и искренен, как Надер. Так оно и оказалось.

Когда я пришёл домой, отец сказал мне: «Приходил твой товарищ, который берёт для нас горячий хлеб. Уже дня два-три он по утрам приносит горячий хлеб и спрашивает о тебе». Что-то мне подсказало, что это, должно быть, Али Мохаммади – ещё один парень-богослов из нашего квартала. Я удивился: ведь никаких наступлений не планировалось. После вечернего намаза я увидел его в мечети квартала.

– Али, разве ты не учишься в Куме сейчас?

– Учёба никуда не уйдёт, а вот случай пойти в бой бывает не всегда.

– Но сейчас наступлений не планируется. Поезжай по своим делам, а при подготовке операции я тебе сообщу.

– Неважно, есть ли сейчас наступление или нет. Важно откликнуться на призыв имама.

Я не понял, о чём он говорит. Потом выяснилось, что в те дни, когда мы были в Мешхеде, имам Хомейни по телевидению обратился к народу и к молодёжи и призвал наполнить фронты.

Таким образом мы с Али Мохаммади вторично вместе получили направление на фронт.

В этот раз Али Мохаммади и ещё несколько человек получили командировку на фронт Джаванруд, а другая группа поехала в Сумар. База отряда, как и прежде, расположена в здании уездного управления города Саре-Поле-Захаб. Я приехал туда вместе с Али. Вначале он пошёл на совещание, а я в баню. Потом мы поехали дальше, в «Тойоте», причём я сидел в кузове. Перед отъездом Али дал мне мешок грейпфрутов, видимо, забыв, что это – то же самое, что пустить козла в огород. Всю дорогу от тыловой базы до фронтовой я ел грейпфруты. Я был в ударе и в хорошем настроении. Периодически напоминал себе, что это – рацион парней, но юношеская неодолимая тяга к фруктам, зародившаяся во мне в саду бабушки Аджи, была ещё жива. Кстати, не только мои домашние, но и ребята из разведки привыкли к этой моей страсти.

Мы приехали на базу отряда, и пришло время всем сесть за стол. Али распорядился: «Хошлафз, принеси из машины грейпфруты и раздели на всех». А я погладил живот и ответил: «Я уже их разделил. Они здесь».

Только тут Али понял, какую ошибку совершил. Он бросал в меня всем, что было под рукой, а потом шутливо заявил: «Излечить тебя можно тем, что не пустить в разведку. Так и сделаем».

И он отправил большинство ребят в Сумар, а меня и ещё несколько человек – в Джаванруд.

* * *

Фронт в районе Джаванруд был спокойно-неподвижен. И я воспринял мою командировку сюда как ссылку: наказание в стиле Али Читсаза. Я немного обиделся, но успокоился после того, как услышал, что сюда ещё раньше был отправлен Али Мохаммади. Приехав в Джаванруд, начал искать его и вскоре нашёл.

Мы пробыли в районе Джаванруд 20 дней и лишь три-четыре раза сходили в разведку, в сторону расположенного на иракской территории озера Дарбандихан. И всё это время я был под впечатлением неколебимого спокойствия Али Мохаммади. Единственный сын своих родителей, он в его столь молодые годы имел в слабом теле столь сильный дух. Это был дух самоконтроля и заботы о других. Даже то, каким образом и сколько он спал, было рассчитано и научно обосновано. Если он ложился вздремнуть после полудня, то считал одобренным лишь получасовой сон, а ночью тоже не спал более двух часов. При этом в дневное время он выглядел бодро и весело. Ни слова он не произносил впустую. Говорил кратко, без намёков и заглазной хулы. Я был уверен, что он в жизни своей ни разу не сказал ничего лживого и не сделал ни одного шага с иной целью, кроме как заслужить одобрение Всевышнего. Мы с Али были ровесниками, и при этом я считал нашу дружбу и даже любой разговор с ним уроком для себя. Когда он говорил мне «дорогой Али», мне казалось, что меня окликают все мои друзья-фронтовики сразу: от Хабиба Мозахери до Резы Ноурузи и Надера Фатхи. Али Мохаммади был для меня воплощением всех погибших. И тайное чувство говорило мне, что я не должен терять сладостных минут общения с ним, ибо очень скоро его не станет.

Через какое-то время мы с ним вместе вернулись на базу в уездном управлении Саре-Поле-Захаб. Там собрался едва ли не весь наш отряд. Говорили о том, что на совещании состоялось представление нового командира

разведки, что командир бригады принял решение назначить Али Читсаза начальником штаба бригады, а новым начальником разведки – Резу Мостаджири, который до сих пор командовал батальоном Хазрата Али Акбара. Эта новость встревожила всех парней разведки. Али не был просто их командиром, он был их неизменным другом и товарищем. Он вместе с ними ходил на задания, вместе с ними смеялся и плакал. Али просто-напросто был эмблемой разведки. Ясно было, что и он не рад этому удалению от разведчиков, но командованием двигали соображения пользы и желание использовать столь достойного командира на другой ответственной работе. На том совещании Али держался с величавым достоинством и потребовал от всех полного доверия к Резе Мостаджири и сотрудничества с ним. Несколько человек после этих перестановок не выдержали отсутствия Али и ушли из отряда. Реза Мостаджири не был неопытен в боевых действиях. Я знал его со времён операции по освобождению Хоррамшахра. Теперь он сразу же назначил своим замом Махмуда Хамид-заде, а среди других назначений и я получил должность командира разведгруппы. Я бы хотел, чтобы в моей группе оказался и Али Мохаммади, но его назначили заместителем командира другой разведгруппы – Мохсена Джамебозорга. Все разведгруппы отправили в Сумар, и по дороге туда в памяти моей ожили все перипетии здешних разведзаданий. От наступления «Муслима ибн Акиля» и гибели Резы Ноурузи до происшествия на минном поле и ранения Хасана Торка, до того случая, когда я попал во вражеское окружение и спасся не иначе как чудом. В этот раз, однако, мы наблюдали перемещения бригад и целых дивизий и понимали, что армия и КСИР готовят крупную операцию.

Целевая полоса для нашей разведработы находилась слева от горы Гиске в районе Кани-Шейх и представляла собой возвышенность, которую Али Шах-Хосейни метко назвал высота Сэндвич.

Разведработа здесь началась силами трёх групп: одной командовал Рамазан Даштара, второй – Мохсен Джамебозорг, третьей – я. Даштара работал слева, Джамебозорг – в центре, я – справа. Все три группы выходили в поиск одновременно. В одну из ночей моя группа столкнулась с иракской. Мы видели друг друга в темноте, но ни одна из групп не применила оружия, и мы взаимно отступили. Уклонение от боя означало, что ни одна из сторон не хочет раскрывать себя и в то же время имеет некий план действий.

На следующей неделе, после четырёх разведок, мой маршрут был утверждён. Он проходил через минное поле и в стороне от иракского дозора, находящегося в правой части высоты Сэндвич, и заканчивался оврагом. Новый начальник отряда Реза Мостаджири сам пошёл с нами в разведку, чтобы убедиться в надёжности этого маршрута, и потом сказал мне и моему заму Наги Гавидасту: «За этот маршрут я спокоен. До ночи наступления больше сюда не ходите».

После того как и я сам, и начальник отряда убедились в надёжности маршрута, у меня не было никакой работы до начала наступления. Однако я ездил на мотоцикле осматривать холмы позади нашей линии фронта, а иногда и впереди неё. Однажды я забрался в отдалённое место, показавшееся мне очень подозрительным. Увидев меня, группа бойцов бросилась в бегство. Я не понял, наши ли это бойцы или пятая колонна противника, и стал преследовать их. Но они исчезли, как вода в землю, и эта загадка разъяснилась для меня лишь позже. Дело обстояло так. Две разведгруппы, состоящие из командиров бригадного уровня, отправились в разведку для того, чтобы окончательно убедиться в пригодности ещё двух маршрутов. Один из этих маршрутов разработал армейский разведчик Али-Реза Мостафави (он позже погиб под Фао), другой – хадж Реза Мостаджири и его заместитель Махмуд Хамид-заде; вместе с ними был командир одного из батальонов по имени Хасан Таджук. Их сопровождали четверо опытных развед-

чиков – Хосейн Джафарийан, Мохаммад Араб, Реза Мирзаи и Мосайеб Маджиди. Эта группа попала в окружение противника, начался бой, и все побежали каждый в свою сторону. В самом начале этого боя Мохаммад Араб, Хосейн Джафарийан и хадж Хасан Таджук были тяжело ранены. Враги налетели на их тела и прошили всех троих очередями, и даже сделали контрольные выстрелы. Остальные наши отступили, и единственным, кто не вернулся в тыл, был Реза Мостаджири. Мы были на командном пункте отряда, когда об этом сообщили. Я, Карим Мотахари и ещё несколько человек выдвинулись к месту боя. Враг к тому времени отступил, и мы нашли залитые кровью тела Хосейна Джафарийана и Мохаммада Араба, причём у каждого был след от контрольного выстрела.

Искали остальных, и вдруг я увидел хадж Хасана Таджука. Он не шевелился, и всё его тело было невероятно изрешечено пулями. От ног до живота он был весь прострелен, и кровь текла из ран, как из родникового ключа. На черепе его была видна дырка от контрольного выстрела, но при всём при том он дышал! Несколько человек волоком потащили хадж Хасана в тыл, а мы, продолжая искать Резу Мостаджири, обшарили все овраги, кусты и скопления камней, но так и не нашли. Я, Карим Мотахари и ещё двое бойцов использовали наше оружие и пулёмётные ленты для того, чтобы сделать импровизированные носилки, на которые положили Мохаммада Араба и понесли его в тыл, причём кровь из его головы лилась мне на ногу. Он мгновенно погиб от контрольного выстрела врага, но мы не имели права оставить его тело в пустыне. Как нам было забыть то, сколь мужественно он нёс Хани Такаллу – километры с минного поля в тыл; и вот теперь его расслабленные руки и голова качались в такт нашим шагам, а иногда тело его падало на землю с наших самодельных носилок, заставляя мою душу гореть от жалости. Вся трагедия и безысходность человеческой беспомощ-

ности были видны в его изувеченном облике. Он пришёл к нам из Ирака и не имел здесь близких. Даже если бы мы отвезли его в Хамадан, кто пришёл бы на его похороны, кто оплакал бы его? Пройдя семь-восемь километров, мы принесли его на нашу базу, и там парни встали кружком вокруг тел его и Хосейна Джафарийана и читали молитву. Здесь тучи моей души разрядились слезами. Али срочно вернулся в отряд и распорядился любой ценой найти тело хадж Резы Мостаджири. И сам принялся за дело. Он сформировал несколько групп и отправил их по нескольким маршрутам, и мы пошли развёрнутым строем, насколько это было возможно, однако никаких следов хадж Резы Мостаджири так и не обнаружили. Через какое-то время мы поняли, что парни попали в засаду контрреволюционеров – внутренней пятой колонны. Теперь я увидел связь случившегося с той группой убежавших людей, которую заметил в отдалённом месте.

Через некоторое время мы получили предписание возобновить работу на высоте Галаме-Зард. С нами вместе туда выдвинулся господин Кухестани из штабной разведки. Он, я, Аббас Халяджи и ещё двое дошли до иракских окопов у подножия высоты, и вместе с Кухестани мы зафиксировали на бумаге расположение иракских окопов, минных полей и другие особенности их оборонительной линии на высоте Галаме-Зард.

Был полдень. На куске пластика мы разложили сухой хлеб и рыбные консервы, начали есть, как вдруг послышался шум вертолёта. Мы подняли головы и увидели приближающийся вражеский вертолёт. Он приближался и завис прямо над нашими головами. Его вращающиеся лопасти подняли такую тучу пыли, что нам показалось, будто он садится прямо на нас. Было от чего растеряться; но вдруг вертолёт пошёл вверх и опять завис, теперь на высоте метров двадцати. В его кабине был хорошо виден иракский генерал рядом с вертолётчиком. Мы все изготавились

к стрельбе, однако стрелять в них не следовало, пока они сами не предприняли каких-то определённых действий. И вот машина висела над нами и не двигалась ни вперёд, ни назад. Нависала над головами как смерть. И вдруг снова послышался шум: издали к командирскому вертолёту подлетал другой, штурмовой, с пушками; он тоже завис чуть позади первого вертолёта, в котором находился иракский генерал. Мы ожидали, что в любую секунду штурмовой вертолёт выпустит по нам ракету. Глаза наши были на командирской кабине, а пальцы на курках. И вдруг вертолёт с генералом взмыл вверх, описал круг и улетел, а штурмовой вертолёт следом за ним также покинул район. Мы вздохнули с облегчением и устремились к Али, неся целый ворох информации. С гордо поднятыми головами и счастливые, мы доложили ему о произошедшем, а в стороне я увидел Али Мохаммади; он сидел и что-то писал. Наверняка пишет рапорт о проделанной разведработе, подумал я. И тут он склонился над своим листком бумаги и заснул. Я тихонько подошёл и взял этот листок: это было завещание. И тут он открыл глаза. Я успел бросить ему в руки этот листок и отойти, чтобы он не понял, что я читал его завещание.

– Что ты писал? – спросил я его.

Я был уверен, что он не солжёт. Улыбаясь, он ответил:

– Письмо моей семье.

Я хотел ему сказать: а разве здесь что-то происходит? – но остановил сам себя. Он опять улыбнулся. И, как всегда приветливо, сказал мне:

– Ты ведь уже подготовил маршрут.

– Да, всё надёжно, подтверждено.

– А у нас тоже решено: если не будет луны, то сегодня ночью и мы делаем последнюю, контрольную проверку маршрута.

– Иншалла, – сказал я, – и вы тоже утвердите ваш маршрут.

– Разведгруппу должен возглавить я, – сказал он. – Али-джан, у меня не хватает людей. Пойдёшь со мной?

Эту просьбу он произнёс с удивительной наивностью и смирением. Командир его группы Джамебозорг был ранен, и вести разведчиков предстояло ему. А у меня – не знаю, почему, – в ушах всё время звучала та фраза, которую он произнёс в Джаванруде: «Ведь здесь ничего не происходит».

Али был частью меня. Я знал, что мы с ним неразделимы, но его умоляющая интонация воспламенила мою душу. И я ответил:

– Почему же мне не пойти, дорогой мой? Я тебя привёл на фронт, привёл в отряд, а теперь брошу тебя?

Мой заместитель Наги Гавидаст слышал этот разговор и сказал:

– Я тоже пойду.

Мы тут же попросили разрешения у зама командира отряда, Махмуда Хамид-заде, и он утвердил решение: командиром группы пойдёт Али Мохаммади, минёром – Мохаммад Горбани и членами группы – Хосейн Джафари, Наги Гавидаст и я.

На закате, перед самым выходом на задание, я увидел, что Али Мохаммади сидит в сторонке и читает молитву, при этом он беззвучно плакал, и всё лицо его было залито слезами. И вновь мне стало не по себе: неужели сегодня что-то случится, причём нехорошее? Меня раздирали противоречивые импульсы: мне не хотелось ни самому идти на задание, ни допускать к разведке Али и его спутников, однако язык мной словно парализовало. И я ничего не сказал: ведь, если бы я посоветовал ему воздержаться от задания, он мог бы подумать, что я не хочу идти сам, следовательно, я нечестен.

Ещё до вечернего азана мы сели в «Тойоту» и выехали на передовую. Я деланно смеялся, но на душе было нехорошо. Приехали на передовую, и там Хосейн Джа-

фари, который раньше уже ходил по этому маршруту с Али Мохаммади и другими членами группы, сказал мне:

– Брат Хошлафз, я вчера видел сон, который очень меня встревожил.

– Какой сон? – спросил я.

– Я видел сон о том, как мы пошли в разведку с Али Мохаммади. Была ночь, и вдруг небо покраснело – до такой степени, что все члены группы подняли к нему глаза. Там клубилось красное облако. Я не мог понять, что это. Спросил у Али Мохаммади: что происходит в небе? Он ответил: каждый, кто сможет прочесть написанное внутри красного облака, увидит Бога. Я спросил: а что же там написано? Он ответил: свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, свидетельствую, что Мухаммад – Посланник Аллаха.

Когда Джафари рассказал этот сон, мне опять стало нехорошо. Теперь я уже был уверен, что что-то случится. Я спросил:

– Ты рассказал этот сон Али Мохаммади?

– Да, но он просил никому не говорить, чтобы не истолковали ошибочно.

Я невольно вспомнил Надера Фатхи и тогдашний сон, и то, что Надер тоже не велел никому рассказывать сон, чтобы не перетолковали.

Мы дошли до подножия высоты Сэндвич. Было темно. Я подошёл к Али и сказал:

– Дорогой Али, пришло время молитвы. Давай прочитаем намаз.

Говоря это, я думал, что после намаза смогу убедить его не ходить дальше в разведку. Но произошло то, чему я не поверил. Он, который ни разу в жизни ни на минуту не задержался с чтением намаза, ответил:

– После возвращения с задания прочтём намаз.

– Но сейчас как раз время.

– Я учёл то, что восход луны – в 22 часа 17 минут. Мы должны до её восхода пройти через минное поле¹.

– Али-джан, – сказал я, – я несколько раз был на минном поле при лунном свете, и ничего страшного. Иногда, наоборот, луна помогает не наступить на мину.

Улыбнувшись, он ответил:

– Я, мины и луна не сочетаемся.

Мы двинулись дальше. Али шёл впереди, за ним ми-нёр, потом я, Джафари и Гавидаст на дистанции от передовых. Несмотря на темноту, мы с Джафари поглядывали и друг на друга, и на уверенные действия Али Мохаммади, который то и дело присаживался и смотрел в бинокль ночного видения, потом опять двигался.

Мы прошли первое минное поле, и я подошёл к нему и спросил:

– Как далеко вперёд ты намерен зайти?

– До рубежа, на который в ночь атаки выведут батальон.

– Но я слышал, что в предыдущие ночи доходили только до сих пор.

– Ты, Джафари и Гавидаст оставайтесь здесь. Мы с Горбани пойдём вперёд. Если мы не вернёмся до 22-15, возвращайтесь в тыл.

До сих пор я не слышал от Али приказов и распоряжений в приказном тоне. Дискуссия была невозможна. Решение его было окончательным: в эту ночь он любым способом дойдёт до окопов у подножия высоты Сэндвич. Когда он уже сделал шаг, я поймал его руку и снял перстень с его пальца, а ему дал мой перстень. И в последний раз я увидел на его лице эту красивую улыбку, после чего он удалился. Я был сам не свой. Ведь у него даже не было автомата. И если он попадёт в засаду, то...

¹ В разное время года мы перед разведкой уточняли время восхода и захода луны, чтобы при лунном свете не быть на минном поле.

Мысли мои совсем перепутались. Я смотрел на фосфоресцирующий циферблат часов. Прошёл час, и я заколебался: идти вперёд или оставаться на месте? Время приближалось к 22-15, как вдруг по ушам моим ударил зловеющий звук взрыва, не раз слышанный мной раньше. Взрыв мины «Валмара». А через несколько секунд чей-то палец нажал на курок, и раздались одиночные выстрелы. Я их считал: один, два... всего шесть выстрелов. Я хотел выдвигаться вперёд, когда прозвучал ещё один взрыв – опять мины «Валмара», и ещё несколько выстрелов подряд, а затем – стон Али Мохаммади.

Взошла луна, и я, пригибаясь, двинулся к минному полю. Гавидаст схватил меня за руку: «Куда?».

Меня душили рыдания. «Разве ты не видишь, что там, впереди, происходит?» – спросил я его.

Расстояние от нас до минного поля было меньше ста метров. Мы не видели ни Али Мохаммади, ни Мохаммада-Резу Горбани, но видели иракцев, они находились в полосе нашего обзора. Гавидаст сказал: «Пока враг нас не заметил, мы не можем выдвигаться на минное поле, они сейчас стоят над ребятами. Вообще, может быть, эти одиночные выстрелы были контрольными».

Он был прав, но я не хотел его слушать. Али Мохаммади был мне ближе моего собственного родного брата Джафара. Его смиренный стон заставил мой дух выйти из тела. Наги Гавидаст и Хосейн Джафари знали о моей тесной дружбе с Али. Гавидаст, увидев, что не сможет меня остановить, сказал: «Брат Хошлафз, ни я, ни ты не являемся командирами в этой группе. Пусть окончательное решение примет Хосейн Джафари, являющийся членом разведгруппы». Хосейн Джафари сказал то же самое, что говорил и Гавидаст.

Мы вернулись. Серп месяца висел в небе и ясно освещал окрестности. Я уходил и всё время оборачивался. Моя душа осталась на том минном поле. На базе нас встретил Али и воскликнул: «Мохаммади и Горбани?».

Я хотел ответить, что, когда взошёл месяц, они... И разрыдался.

Когда Читсаз понял, что случилось, он в ту же ночь послал Мосайеба Маджиди и других бойцов на это минное поле, но через несколько часов они также вернулись с пустыми руками.

Рано утром мы отправились на наблюдательный пункт, с которого просматривалось минное поле, и сквозь оптику разглядели тела Али Мохаммади и Мохаммада Горбани на этом поле.

Несколько дней я был сам не свой. Ходил тучей и ни с кем не разговаривал. Даже когда пришла весть (впоследствии не подтвердившаяся) о гибели моего брата Джафара, я остался равнодушным. Я знал многих парней, погибших во время массированной иракской бомбардировки Саре-Поле-Захаб, но после гибели Али Мохаммади я сам словно бы превратился в ходячего мертвеца, чья душа осталась на том минном поле.

Ночью, когда всходила луна, я на лунном диске видел лицо Али Мохаммади, и его голос вновь и вновь звучал в моих ушах: «Я, мины и луна не сочетаемся»...

* * *

Лагерь Абу-Зарр подвергся бомбардировке, и сотни людей выбыли из строя; одновременно пришла новость о том, что нас перебрасывают на юг. В район наступательной операции «Бадр».

При передислокации из Сумара на юг мы проехали Хамадан, но я даже часа не задержался в городе. Всем своим существом я переживал стыд встречи с родными Али Мохаммади. Мы прибыли на юг, конкретно – в военный лагерь мученика Мохаррами на шоссе Ахваз – Хоррамшахр, недалеко от реки Карун. Прямо в вечер приезда Али оповестил нас, что все должны собраться перед штабом. В чём дело, мы не знали. Только радио сообщало, что

наступление под названием «Бадр» началось в болотах Хура и что воины ислама, пройдя Хур, вышли на асфальтовое шоссе Амара – Басра. За полчаса собралась вся бригада. В темноте озабоченно гудели голоса, и вот вперёд вышел командир бригады хадж-ага Хамадани. Он был одет как простой боец и одной рукой сжимал ремень складного автомата Калашникова, висящего у него на плече, в другой был мегафон. Он объявил: «Там впереди парни попали в окружение врага. Наступление захлебнулось, и иракцы топчут ногами тела наших погибших. Имам приказал, чтобы Мохсен Резаи и Сайяд Ширази также выдвигались вперёд. Мы все должны пойти в атаку и нанести удар прямо в сердце вражеских войск. Но это – путь без возврата. Всем, кто пойдёт вперёд, суждено расстаться с жизнью. Возможности перегруппировок у нас нет. Мы должны прийти на помощь дивизии “Ашура”. И сегодняшняя ночь – это наша ночь Ашуры. Ночь Ашуры бригады “Ансар аль-Хусейн”. Никакого принуждения нет. Ночь темна, и каждый может сделать свой выбор и уйти».

Постепенно выступление командира приобрело оттенок молитвенного чтения. Командир бригады сказал, что никакого принуждения нет, но большинство ребят было готово пойти в бой. Они подтягивали ремни, разбирали патроны, гранаты и РПГ. И все, от командира бригады до простого басиджа, стали как бы единым ополчением. А камеры фотографов отдела пропаганды выхватывали из тьмы искренние слёзы и моменты прощания.

Хасан Торк сел в «Тойоту». Командир бригады потребовал от него раньше других прибыть в район боевых действий. Я настоял на том, чтобы Хасан взял и меня. С того случая, когда он был ранен на минном поле, моя дружба с ним была глубокой. Он не стал возражать, чтобы я поехал, а я не стал получать разрешение у Али, так как было сказано, что времени на переформирование нет и что каждый будет участвовать в сражении в числе общей массы

пехоты. И вот я в жёстком стальном кузове «Тойоты» подстелил спальный мешок и проспал всю дорогу, от лагеря до неизвестного места, в которое мы приехали. Даже орудийный грохот и взрывы не разбудили меня. Приехали мы на какую-то пристань, и похоже было, что путь придётся продолжать на лодке. Хасан Торк, удивлённый моим глубоким сном, еле растолкал меня: «Ты Хошлафз – “хорошо говорящий” – или “хорошо спящий” летаргическим сном? Давай, вставай. Обрато поедем».

Услышав слово «обратно», я выпучил глаза:

– Почему обратно?

– Из штаба распорядились: бригаде Сторонников Хусейна возвращаться.

Я огляделся. Местность напоминала остров Маджнун: кругом тростник и водные протоки. Иногда загадочную тишину Хура раскалывал тяжёлый взрыв орудийного снаряда. Но обстановка показывала, что делать что-либо поздно и что от пехоты здесь пользы не будет. Каждая лодка, причаливающая к пристани, была полна ранеными и убитыми.

Мы поехали обратно. По пути нам встретились грузовики, полные солдат; они тоже направлялись в тыл.

На следующий день, по распоряжению штаба, бойцов продолжали грузить на грузовики и увозить в разных направлениях. Это делалось для обмана противника, который отслеживал передвижения наших войск с помощью американских самолётов-разведчиков АВАКС. Кроме противника, в заблуждение вводили также своих, которые думали, что там, куда их везут, и начнётся новое наступление.

Тянулось время. Неопределённость утомляла меня. Не было ни разведки, ни других заданий, и тут я услышал, что батальон Али Асгара (155-й) сливают с армейским и готовят к боевым действиям.

Я пошёл к Али и сказал: «Поскольку нет разведывательных заданий, отпусти меня в пехотный батальон».

Он замечал, что после гибели Али Мохаммади я стал беспокойным и нервным. И отпустил меня, но поставил условие, что я вернусь в разведку, а чтобы гарантировать моё возвращение, он лично пошёл к командиру 155-го батальона и представил меня ему. При этом сказал: «Я отдаю вам Хошлафза во временное пользование».

Хамид Рахбар, командир батальона, послал меня в первую роту, командиром которой был Мозахер Маджиди. А тот назначил меня командиром одного из взводов.

Служба в этом батальоне отличалась от порядков в разведке. Утром происходило построение, затем утренняя зарядка и завтрак. А потом занятие за занятием и одно полевое учение за другим. Но с идейной точки зрения парни этого батальона не отличались от парней из разведки.

Глава десятая

БОЙ ЗА ФАО

Пришёл Навруз: 21 марта 1985 года. Мы не заметили бы наступления Нового года, если бы отдел пропаганды батальона не распространил среди парней новогоднее обращение имама Хомейни. Лишь тогда мы осознали, что уже два-три дня, как наступил Новый год. Я был счастлив, что нахожусь в среде, где меня почти не знают. Каждое утро после общей зарядки я надевал ветровку и пробегал ещё несколько километров, чтобы сбросить вес. Постепенно я настолько забыл ребят из разведки, словно уже годы их не видел. Единственное, что не отпускало меня, была память об Али Мохаммади и о той лунной ночи.

Прошло уже сорок дней, а новостей о наступлении всё не было. За мной зашёл Али и сказал:

– Возвращайся в отряд.

Но я ответил:

– Хочу остаться здесь.

Однако у него был способ повлиять на меня. Он сказал:

– Мы с ребятами из отряда едем в Хамадан и зайдём домой к Али Мохаммади.

Мне было неловко туда заходить, но Али убедил меня поехать и просто молча посидеть в уголке.

Когда мы подошли к дому Али Мохаммади, у меня начали подкашиваться ноги. У дверей стоял его отец, одетый в чёрную рубашку. Ясно было, что, хотя со дня гибели его

сына прошло уже два месяца, он всё ещё в трауре. Увидев меня, он заплакал и воскликнул:

– Ах, друг, что же случилось с моим Али? Почему ты сына мне не привёл?

Ошеломлённый, я стоял и смотрел в землю. В душе моей кричали голоса. Хотелось сказать: «Клянусь Богом, вся душа моя осталась с ним на том минном поле». И ещё хотелось сказать: «Клянусь Богом, я был один, но, даже если бы не был один, вынести тело Али с поля этого боя было невозможно».

Я вошёл в дом, сел. Али рассказывал о личных качествах Али Мохаммади и об обстоятельствах его гибели, о его искренности, выносливости, мужестве, о его вере в Бога и о его следовании обрядам.

В конце встречи отец стоял у дверей, прощаясь с нами. Я вспомнил о перстне Али и отдал его отцу. Он узнал перстень сына. Приложил его к глазам, заплакал и успокоился.

Через день, по дороге на фронт, я сказал Али:

– Хочу перейти в другую дивизию.

Он в шутку ответил:

– Опять удираешь? Теперь куда?

– Вы разрешите мне перевестись. А куда – станет ясно потом.

– Уверен: хочешь стать тегеранцем, к старым друзьям присоединиться. К 27-й¹.

– Нет, – ответил я. – Если выпадет такая судьба, то пойду в 10-ю дивизию Сейедо Шохад².

– Иди, но помни о принципе верности. Когда придёт время, возвращайся. И возвращайся не с пустыми руками.

¹ До этого момента я не говорил ни Али Читсазийану, ни кому-либо ещё о том, что в первые годы войны я служил в отделе разведки 27-й тегеранской дивизии Пророка Мохаммада.

² 10-я дивизия Сейедо Шохад комплектовалась из жителей провинции Альборз. Единственным моим побуждением в выборе этой дивизии было священное имя Сейедо Шохад; кроме того, в ней меня никто не знал.

Найди ещё двух-трёх таких, как Али Мохаммади, и приведи их в отряд, конечно, если сам к тому времени не погибнешь.

Я был доволен тем, что в глубине души Али одобрил мои действия. Я чувствовал, что сделал хороший первый шаг. Бумаги о моём переводе были подписаны Али Читсазом и штабом бригады и направлены в КСИР Зоны 10 Тегерана, а оттуда мои документы передали в дивизию Сейедо Шохادا. Там сказали, что дивизия Сейедо Шохادا не нуждается в новых кадрах, которые в данное время набираются только для 27-й дивизии Пророка Мохаммада. Упоминание 27-й дивизии оживило во мне хорошие воспоминания о совместной службе бок о бок с хадж Ахмадом Мотевааселианом, хадж Махмудом Шахбази и хадж Хемматом. Однако сладость этих воспоминаний вступила в противоречие с моим желанием подражать мученику Али Мохаммади. Ведь я искал такое место для службы, где никто меня не знает. Если же меня зачислят в 27-ю дивизию, то наверняка там меня узнают бывшие сослуживцы по разведке, а это заразит меня вирусом карьеризма. И вот прямо в отделе кадров КСИР Тегерана я сел в сторонке. Открыл свою личную тетрадку – ту тетрадку, которую считал правдивым свидетелем моих сокровенных мыслей и желаний, а также поручителем за правдивость моих слов на Страшном Суде. У меня не было иного выхода, кроме как принять это назначение и согласиться с направлением в 27-ю дивизию. И я принял назначение, и вновь был поезд Тегеран – Андимешк, и вновь Докухе.

В поезде я всю дорогу думал о том, как мне в 27-й не столкнуться с ребятами из разведки. Наверняка пехотные батальоны будут лучшим местом для нешумного служения. И я решил проситься в пехотный батальон. Попав в Докухе, я словно бы вновь ощутил запах всех мучеников сразу. Пошёл в отдел кадров. Там меня спросили, какова моя военная специальность, и я ответил: «Стрелок, гранатомётчик,

готов к любой службе в пехотном батальоне». И добавил: «Какой из ваших батальонов лучше всего готов к началу боевых действий, в тот меня и отправьте».

– Видно, что ты у нас новичок, – ответил мне с улыбкой кадровик. – Слишком быстрый. В который батальон ты сам хочешь?

– За исключением батальона Муслима ибн Акиля, готов пойти в любой, на который вы укажете.

– Иди в батальон «Шахадат».

Такое название батальона показалось мне привлекательным. Я сразу подумал, что это та самая часть, куда я должен попасть. Взял листок с направлением и представился командиру батальона, получил оружие и боеприпасы.

В те дни общих намаз проводился в большой хосейние под названием хосейние хадж Хеммата. Мы прочитали намазы, и боец рядом со мной протянул мне руку и сказал: «С прибытием. Аллах да приветствует тебя». У меня кровь застыла в жилах. Это был брат Муса, заместитель командира разведки 27-й¹.

Улыбаясь, он сказал мне:

– Твоей работой было находить маршруты наступления, но сейчас ты как будто сам потерял маршрут. Как ты здесь оказался?

– Я боец батальона «Шахадат». Прибыл только сегодня. И в бригаде Стронников Хусейна тоже был в пехотном батальоне.

Он не дал мне закончить объяснения, а взял под руку и отвёл в свою палатку, а там угостил обедом в честь встречи и позвонил Джафару Техрани – начальнику разведки 27-й дивизии – и сказал, что здесь Хошлафз. Он же поговорил

¹ К сожалению, я забыл его фамилию. Все звали его брат Муса, а мы с ним были знакомы со времён разведок в Мехране и Сумаре, а также пересекались во время наступления «Зейн аль-Абидин». Здесь он был заместителем начальника разведки дивизии. Он погиб под Эль-Фао.

и с командиром батальона «Шахадат», и моя однодневная служба в батальоне закончилась. Несмотря на моё нежелание, я снова стал бойцом разведки.

Я спросил:

– Из старых кадров кто ещё остался?

Брат Муса ответил, что практически все здесь будут для меня новыми людьми, так как большинство парней разведки за эти несколько лет или погибли, или перевелись куда-то. В этом смысле я немного успокоился и спросил:

– В какой полосе вы работаете?

– И в западном направлении, и в южном. Но на западе наступление начнётся раньше.

Тут мне стало смешно. Брат Муса удивлённо спросил:

– Над чем смеёшься, брат Хошлафз?

– Над той несчастной судьбой, которая всё время возвращает человека на одно и то же место. Я уехал с западного направления, но, похоже, судьба опять ведёт туда же.

Я хотел спросить: «Где конкретно на западе?» – но заставил себя замолчать. Ведь я дал самому себе обещание быть покорным Богу, а это означало – идти туда, куда отправят.

* * *

На следующий день с шестнадцатью молодыми бойцами, ни один из которых ещё не имел фронтового опыта, я погрузился в микроавтобус. После полудня мы доехали до шоссе на Исламабад. Брат Муса выехал по маршруту раньше, и теперь один только наш водитель знал о месте назначения. И я сказал сам себе: «Не иначе как едем на Сумар и на Гиске; может быть, на место гибели Али Мохаммади». Но микроавтобус поехал прямо до Саре-Поле-Захаб. Город теперь слегка ожил по сравнению с прежними временами. Многие жители вернулись в родные дома, хотя иракские орудия и миномёты всё ещё стреляли по всем городским районам. Мы сделали краткий привал в новопостроенном

медресе. Несколько бойцов пошли спать на крыше микроавтобуса, причём под их весом железная крыша ходила ходуном. Я хотел спросить их: разве мало вокруг места, что вы туда забрались? Машину поломаете... Но ничего не сказал, а сел в уголке со своей тетрадкой.

На рассвете мы поехали дальше и в пути миновали гору Каравиз. Здесь мне больше всего вспоминался мученик Хасан Морадиан – так и стоял перед глазами. Мы свернули на равнину Захаб. Тут ждал брат Муса, в металлическом ангаре, который принял у находившихся в нём раньше армейских. Здесь же мы прошли инструктаж и узнали, что нам предстоит работать на высоте 604. Эта высота была разделительной точкой между высотами Каравиз и Танге Хаммам. Мне было трудно в это поверить, но, по прошествии трёх лет, линия фронта проходила там же, где и в 1982 году. Иракцы по высотам создали сильную оборонительную линию. Она проходила по горным возвышенностям, начинаясь от подножия горы Каравиз и далее – высота 604, Бишган, Танге Хаван. В первый же вечер мы сформировали две разведгруппы, обе по восемь человек. Брат Муса представил меня одной из групп в качестве её командира и подчеркнул, что работа разведки должна уложиться в срок не более десяти дней, так как сразу же начнётся наступление, а мы будем переброшены для работы в другом районе.

Маршруты работы двух разведгрупп нигде не совпадали. Наша группа выдвигалась со стороны равнины Захаб и шла параллельно ревущей реке, доходя до склона высоты 604. Вторая группа начинала работу от шоссе Саре-Поле-Захаб в сторону Касре-Ширин и как бы клещами охватывала высоту 604, поднимаясь вверх. Две-три первые ночи мы выходили безрезультатно. Разведка склона горы была невозможна из-за обилия минных полей и прямого обзора иракских дозоров. Мой опыт подсказывал, что тут нужно действовать так же, как в Чангуле, то есть найти маршрут для удара по противнику с тыла.

На четвёртую ночь мы начали движение от разделительной черты между рекой и высотой. Бурление и шум реки способствовали тому, что иракцы не могли слышать движение нашей группы из восьми человек. Мы дошли до точки, в которой иракцы построили мост через реку для переброски подкреплений на высоту; по этому мосту туда и обратно двигались их автомашины. Мост мы также миновали и попали на тыльную сторону горы. Здесь было очень много фугасных бочек¹. Они были снабжены растяжками-западнями, чтобы взрыв одной из них сразу осветил бы всю округу. Теперь мы добрались и до маршрута, по которому иракская пехота проникала из тыла к высоте 604. Это был хороший и надёжный маршрут для проводки нашего батальона в ночь наступления. Мы вернулись, и я доложил брату Мусе: «Мой маршрут закрыт. Поскольку здесь возможен удар по врагу только со стороны его тыла, то не нужно больше направлять туда разведгруппы до ночи наступления».

Брат Муса рассказал мне, что вторая группа не смогла найти подходящего маршрута для наступления, а время начала операции приближается, поэтому нужно и вторую группу также пустить по нашему маршруту. Я пытался доказать ему, что новая группа раскроет этот маршрут врагу, но он настаивал на том, что ничего не случится. Тогда мне в голову пришла одна мысль, и я предложил сделать так: раз второй группе трудно найти проход, то я с первой группой могу пойти по их маршруту, а мой маршрут останется в неприкосновенности. Барт Муса согласился со мной, но я не знал, что он принял решение всё равно пустить вторую группу вдоль реки.

Следующей ночью я со своими восемью бойцами двинулся от шоссе Саре-Поле-Захаб на Касре-Ширин, в сто-

¹ Эти бочки были заполнены взрывчатыми и горючими материалами и обычно предназначались для размещения в траншеях или в других узких проходах. Бочки имели высокий тротильный эквивалент (*прим. иран. ред.*).

рону высоты 604. До высоты 604 нам было ещё далеко, как вдруг со стороны её склона, то есть оттуда, где накануне мы прошли по маршруту, послышалось несколько минных взрывов подряд, а потом оттуда же донеслась стрельба автоматными и пулемётными очередями. Теперь вперёд нам пути не было. Иракцы наверняка привели в полную готовность все свои посты вокруг высоты 604. До рассвета мы вернулись назад.

Утром мы узнали, что из девяти человек, которые ночью пошли по маршруту вдоль реки, вернулись на базу только двое. Четверо их товарищей были убиты, ещё трое – ранены. Я понял, что те взрывы мин были вызваны действиями второй группы и что произошло нечто похожее на трагедию с гибелью Али Мохаммади и Али-Резы Горбани, только теперь людей погибло больше.

Утром я с биноклем был на наблюдательном пункте. Я был рассержен действиями брата Мусы, но ещё более виноватым считал самого себя. Да, мои доводы в пользу того, чтобы не повторять проход по маршруту вдоль реки, были справедливы, но если бы я сам повёл туда группу, то, возможно, она не наткнулась бы на мины. С тылового НП было хорошо видно, что в этом секторе иракцы вполошились: джипы их командиров ездили по всем склонам. В ту же ночь с восемью бойцами я отправился вдоль реки, чтобы вытащить тела погибших. Когда мы были примерно в двухстах метрах от минного поля, иракцы начали выпускать осветительные ракеты. В их свете видны были тела, запутавшиеся в колючей проволоке. Осветительные ракеты взлетали постоянно, и у нас не было никакой возможности подобраться к минному полю и вынести убитых.

На следующую ночь мы вновь пошли по тому же маршруту. Постоянные запуски осветительных ракет вкупе с перегруппировкой иракских дозорных убедили нас в том, что они ждут наших попыток добраться до тел погибших.

В конце концов я подал брату Мусе и Джафару Техрани подробный рапорт, суть которого состояла в следующем: «Здесь невозможно не только наступление, но даже работа разведки».

Погибшие остались на минном поле, а мы после 12 дней вернулись на базу.

* * *

Война длилась уже пять лет. И в это время мы поехали на тот самый фронт, с которым у меня было связано столько воспоминаний; в ту самую точку, где я в 1981 году впервые стал фронтовиком: на Дорогу крови. Вот Мариван, и вот та самая вышка связи, и вот тот самый окоп, который через четыре года кажется мне неузнаваемым. Джафар Техрани провёл инструктаж, в котором сказал нам, что в этом месте ожидается наступление силами нескольких дивизий. Оно должно начаться от Маривана и от Паве с целью продвижения наших войск вглубь иракской территории. Здесь, каждая в своей полосе, должны были работать несколько разведок: бригад «Вали Аср» и Стронников Хусейна, а также нескольких отдельных частей. После того как Джафар Техрани произнёс название бригады Стронников Хусейна, я уже больше ничего не слышал.

«О Боже, какому испытанию Ты меня подвергаешь?» – вопрошал я мысленно. Я бежал от знакомых, но, вопреки моей воле, всё складывается так, что меня раскроют. В конце своего выступления Джафар Техрани подчеркнул: «Разведка должна вестись без взаимодействия с другими частями; фактически она является секретной».

Разведка в открытой горной местности с большими высотами и с многочисленными горными тропами была делом нетрудным. Порой мы километры шли по ущельям и горам, прежде чем достигали вражеских позиций. После недели круглосуточной разведки ноги у меня стёрлись до пузырей. Я поехал в тыл помыться в бане и на шоссе увидел

знакомое лицо юноши лет 14-ти. Его звали Мохаммад Мохтаран. Его отца, хадж-агу Мохтарана, я знал по 27-й бригаде, и тот несколько раз брал с собой сына. Здесь Мохаммад служил в расчёте 120-миллиметрового миномёта. Он тоже быстро меня узнал, а я в нём увидел прежнего себя. Ведь я в его возрасте в этом самом месте служил в миномётном расчёте; с тех пор прошло уже четыре года. Я попросил Мохаммада Мохтарана не говорить ребятам из Хамадана, что он видел меня.

Через несколько дней с высотного наблюдательного пункта я смотрел туда и сюда, в том числе в расположение соседних дивизий. И увидел, как человек пять странным образом подпрыгивают. Вгляделся и понял, что один из них – Али Читсаз; он из кружки плескал в других ребят водой. Я засмотрелся на их баловство. Не думал я, что так скоро мы с нашим разведотрядом станем соседями. Они разместили свою базу около ручья и наверняка, как и мы, работали в секторе, лежащем напротив них.

И вновь меня начало мучить внутреннее противоречие. Увидев это живое общение и весёлых ребят отряда, особенно Али, я очень захотел с ними встретиться – это с одной стороны. Но с другой – я дал себе самому обещание идти одиноким путём неизвестного бойца. Кроме того, Джафар Техрани настаивал, что другие части не должны узнать о нашем присутствии. Через некоторое время в 27-й дивизии появился хадж-ага Мохтаран – отец того юноши – и спросил меня:

– Ты здесь служишь, брат Хошлафз?

– Да, но я не хочу, чтобы ребята из Хамадана знали об этом.

Он был опытным и сдержанным мужчиной, да и характер мой знал. И он ободрил меня: «Я вижу, что ты настоящий профессионал».

Прошло около месяца, и вдруг мы узнали о том, что парень из одной разведгруппы попал в плен к контррево-

люционерам из «Комалы» или «Демпартии». И что баасисты содрали с него кожу и после пыток выставили его тело перед окопами, чтобы подорвать дух наших бойцов. Многие видели тело этого замученного, а ещё больше наших слышало о нём. И командиры допускали, что он, не выдержав пыток, мог заговорить. Поэтому большинство частей, в том числе и наша, прекратили разведку.

Мы вернулись на юг, в Докухе. Брат Муса сказал: «Едем в такое место, где разведработа, возможно, займёт несколько месяцев». А я ответил ему: «Я не могу слишком долго оставаться. Дай мне расчёт».

– Парень, ты ведь только пришёл, – ответил брат Муса.
– Я не согласен тебя отпустить.

Дело дошло до Джафара Техрани, начальника разведки. Я объяснил ему, что моя просьба о расчёте объясняется не желанием вернуться в хамаданскую бригаду Сторонников Хусейна, а стремлением перейти в какую-то другую часть, где есть настоящая работа. Конкретно, я уже наметил для себя дивизионный батальон подрывников. В итоге, после прохождения моих бумаг через штабы, я оказался в батальоне подрывников.

Этот батальон квартировал в металлическом ангаре примерно в километре от военного лагеря в Докухе. Прямо у входа я увидел лозунг, настроивший меня на хороший лад. На деревянном щите было написано: «Основа подрывного дела – подрыв духа самоуверенности». Когда я пришёл к ним, все подумали, что я – призывник по мобилизации. Если в разведке меня знали Джафар Техрани и брат Муса, то здесь меня не знал никто. Возраст этих совершенно незнакомых мне парней начинался от 13–14 лет и заканчивался в районе 20 лет. Большинство были басиджами, а меньшинство – моего возраста – мобилизованные. И вот я затерялся среди этих примерно семидесяти новобранцев: именно то, чего и хотел. Стал совсем простым студентом-минёром.

Обучение началось с разборки и сборки «калашниковых», с приказов «сесть – встать», с военных построений, и вот, наконец, типы мин. Когда во время урока я взял в руки мину «Валмара», в памяти моей ожили все связанные с этими минами истории. И не давала покоя мысль: если бы я в ту ночь умел обезвреживать мины, то у тела Али Мохаммади была бы другая судьба, а совесть моя была бы спокойнее.

Нас разделили на три учебные роты – в подавляющем большинстве, все были на фронте впервые. Командиром нашей роты был юный басидж, распорядившийся довольно безапелляционным тоном. Его строгость иногда казалась мне смешной, но я скрывал свои чувства. А он думал, что я мобилизован по призыву; к таким, как я, он относился как к людям, призванным в армию против их воли, следовательно, он старался с нами быть построже. Здесь, в отличие от моей службы в бригаде «Ансар аль-Хусейн», я старался держаться в одиночестве и ни с кем не сближался. В свободное время из расположения части я уходил в Докухе и там садился перед зданием батальона Муслима ибн Акиля, таким образом спасаясь от одиночества. В памяти моей оживали лица мучеников и однополчан, с которыми мы вместе освобождали Хоррамшахр, – всех, начиная от Хабиба Мозахери... И я всё это записывал, увековечивая их память в моей тетрадке.

Однажды у нас был урок, включавший в себя реальный подрыв мины. Это была противотанковая мина с большой мощностью взрыва. Преподаватель подготовил мину к взрыву, а парни сидели поодаль за холмиком. Мина взорвалась, и в воздух взметнулись земля и камни; осколок камня, как пуля, ударил меня по десне, и рот мой наполнился кровью. Я пытался не подать виду, но обильное кровотечение, запачкавшее форму, было не скрыть. Все подумали, что я ранен осколком, и командир роты вызвал санитарную машину, отвёзшую меня в госпиталь. После этого те

немногие слова, которые я произносил, вообще превратились в молчание, так как с марлей во рту говорить было невозможно. Зато я стал заметен для всех в роте, в том числе для её командира, который понял, что и я басидж. Также после этого происшествия я сблизился с тремя бойцами роты: Али-Резой Эбрахими, Хосейном Азиз-заде и Саидом Токмедашем. Все трое были басиджами из Тегерана. Они помогали мне; ведь я мог только через трубочку пить воду и принимать жидкую пищу. Эти четыре человека и ещё командир роты, чьё имя я забыл, составили тот кружок, в котором я спасался от одиночества. Они коллективно как бы возродили для меня Али Мохаммади; всё это было так искренне и просто, что я и сам себе казался заново родившимся.

Через какое-то время нас автобусами перебросили в лагерь Хадж Аббаса Карими в Кузеране. Потянулись дни, недели, месяцы. В этом лагере мы не только учились подрывному делу и участвовали в скорбных церемониях месяцев мохаррама и сафара¹, но и занимались военными упражнениями на местности. Однажды я решил взять свой личный дневник и уйти в горы в стороне от лагеря, найти местечко для уединения. Прошёл пешком несколько километров и между скал нашёл уютное место, и так погрузился в процесс писания дневника, что совсем забыл о времени. И вдруг неподалёку раздался взрыв. Начались манёвры нескольких батальонов. Поначалу я пытался не обращать на это внимания и продолжал писать, но вот уже красные трассеры и пули калибра 23 миллиметра начали бить по камням и скалам вокруг меня. Наверняка стрелявшие и мысли не допускали, что кто-то может быть в этом месте. И пули били по скалам и отскакивали рикошетом, и, если бы в меня попали, не знаю, кто бы потом нашёл моё тело. Я заполз в расщелину меж двух каменных плит и оставался

¹ Сафар – второй месяц мусульманского лунного года (*прим. перев.*).

в ней, пока стрельба не закончилась, а с наступлением темноты вернулся в лагерь.

С точки зрения учебных возможностей этот лагерь было не сравнить с бригадой Сторонников Хусейна. Например, здесь были хорошо оборудованные лингафонные классы для изучения английского языка, с магнитофонами и наушниками, – вот только я с моей гноящейся раной челюсти не мог участвовать в языковых занятиях. Рана не заживала несколько месяцев, и нагноение её так обострилось, что тяжёлый запах у меня изо рта раздражал всех окружающих. Я отправился в госпиталь, и врач там был удивлён, как я живу с такой раной. Он сделал мне операцию, наложил 18 швов и дал освобождение по состоянию здоровья.

Мне показалось, что в духовном отношении я стал ближе к Али Мохаммади и готов к нему присоединиться. В лунные ночи в Кузеране, находясь в уединении, я видел озарённое луной лицо Али Мохаммади. Правда, была одна вещь, являвшаяся частью моей собственной личности и неотделимая от меня, а именно: моя склонность к созданию переполоха и к шуткам, лежащим за пределами шариката; к тому, чтобы по-фронтальному бросать вызов окружающим. Это моё свойство проявилось сразу же, как только я приехал в находящийся неподалёку, в местечке Чарзабар, лагерь бригады Сторонников Хусейна. Ребята разведотряда и в особенности Али ничего не знали о моём ранении в челюсть и, увидев меня после нескольких месяцев, по старинке набросились на меня с кулаками, и я тоже немилосердно отбивался от них руками и ногами.

Али уже и сам был не очень рад этим буянам и сказал мне:

– Я набрал в отряд столько борцов и боксёров, что ты уже меркнешь в сравнении с ними.

Он был прав. Его искусством было привлекать в отряд тех, кто, наряду с физической подготовкой, имел дух готов-

ности к самопожертвованию и к тяжкой работе, однако теперь я увидел новую разновидность парней из Хамадана, которые пришли в отряд прямо из секций спортивных боевых искусств. Я не остался в долгу и ответил:

– Я тоже сагитировал трёх парней из числа подрывников 27-й дивизии перейти сюда, в разведку.

– Ну и где же они? – спросил Али.

– Ты сначала вызволи меня из 27-й дивизии, где мне не дают расчёта, – сказал я, – а те трое перейдут после меня.

Я объяснил ему, что отряд подрывников отказывается дать мне расчёт, и Али тут же связался с Хамидом-Резой Рахбаром, который оформил запрос на моё имя. Таким образом, я с хорошими чувствами попрощался с подрывниками 27-й дивизии.

* * *

Несколько дней вместе с разведчиками я провёл в Хамадане. Впервые вернулся домой после нескольких месяцев. Мамин взгляд в первый же миг упал на мою раздувшуюся челюсть.

– Ты ранен? – спросила она.

– Нет, просто кормили хорошо.

Через неделю мы отправились на юг. Местом нашего назначения был лагерь мученика Мохаррами рядом с рекой Карун и шоссе Ахваз – Хоррамшахр.

Здесь всё изменилось, начиная от руководящего состава дивизии, командира и начальника штаба, до появления новых, только что сформированных подразделений. Хадж Хосейн Хамадани был переведён на должность командира дивизии «Иерусалим» Гиляна, а на его место был назначен хадж Мехди Кийани, из революционных командиров первого призыва. Он привёл с собой несколько высококвалифицированных командиров с большим боевым опытом. Все готовились к масштабному наступлению. Но в отряде разведчиков – при всей их готовности к бою – настроение

представляло собой смесь идейной напряжённости, молитвенного плача и, в то же время, шуток и смеха. Однажды мы сидели перед палаткой разведчиков, и Али сказал: «Ну что ж, твоя челюсть зажила; теперь вставай и померяйся силами с одним из этих новичков, а я посмотрю, ты всё ещё богатырь или уже нет».

Моим противником оказался мощный боец. Телосложение и поведение его были борцовские. Несколько минут я с ним боролся, а потом резко бросил его на землю. Я даже сам не поверил, что у меня так получилось.

Али позже сказал мне наедине: «Ты не очень-то гордись, Хошлафз. Этот поединок был экзаменом тебе, а его я уже сто раз испытывал, и он доказал, что он в борьбе настоящий профессионал. Если бы он захотел, он бы тебя уложил за секунды, но он этого не сделал. Это то, что мне требуется. Если бы он здесь слишком щеголял своей силой, то в разведке ему было бы трудно».

По утрам Али уходил на совещания к начальству, а по вечерам перед намазом проводил боевые тренировки. У него было несколько помощников, в их числе и я, которые вели огонь по «условному противнику» из пулемётов Горюнова, «калашниковых» и даже из гранатомётов. Сам Али, когда вёл огонь, например, по бойцам, застрявшим на минном поле, стрелял очень низко над их головами, но нам говорил: цельтесь повыше. В этом была часть его таланта: спокойно и точно класть пули вокруг бойца. Честно говоря, мы тревожились за этих бойцов и говорили: «Али, не поранить бы ребят». Он, смеясь, отвечал: «Ничего с ними не будет. Они должны испытывать реальные чувства, тогда страх пройдёт. Тот, кто недорабатывает в упражнениях, и в бою будет халтурить». А меж тем находились люди, которые уже на этой стадии понимали, что им с разведкой не по пути, и уходили в другие подразделения.

Однажды перед заходом солнца мы с Хосейном Бахтияри на мотоцикле-внедорожнике кружили возле берега

реки Карун, и я заметил большое минное поле. Я про себя удивился: это наш тыл, и здесь минное поле? И мне вспомнилось, что Али уже несколько дней с какой-то целью приглашал к разведчиком парней сапёрных и инженерных специальностей. И я сказал:

– Хадж Хосейн, а ведь у Али есть план: провести парней из разведки для тренировки через это минное поле.

– Хорошо, и что дальше? – ответил он, а меня обуяла одна из моих дерзких фантазий. У меня всегда с собой были ножницы для проволоки, и вот я занялся обезвреживанием мин на этом поле.

– Что ты делаешь? – спросил хадж Хосейн.

– Проход в минном поле. Хорошенький такой проход. Только не говори Али, что это моих рук дело.

Хадж Хосейн умел молчать. Я тоже знал, на что иду. Мы уже сели на мотоцикл, когда к нам выбежал солдат-часовой, поставленный Али для охраны этого минного поля. Хотя прибежал он поздно, но затвор передёргивал решительно и кричал нам:

– Что вы здесь делаете?!

Я держался крайне хладнокровно и вместе с тем очень серьёзно:

– Вот так ты несёшь охрану объекта? Ты спал, что ли? Только сейчас нас заметил? Если я доложу о твоей небрежности Али, ты знаешь, какое тебя ждёт наказание?

Бедняга испугался и пошёл на попятную:

– Я ненадолго отошёл по нужде.

– Хорошо, – смягчился я. – Ты ничего не докладывай о нас Али. Мы тоже не будем докладывать о твоей оплошности.

Через несколько дней начались полевые упражнения. Али подозвал меня, Ахмада Сабери и ещё двоих парней и сказал: «Предстоит серьёзный учебный бой с преодолением минного поля. Вы являетесь частью моей команды. Когда ребята будут на середине минного поля, откроем

по ним такой огонь из гранатомётов и пулемётов, что у них челюсти отвалятся».

Я ничем себя не выдал, и хадж Хосейн тоже молчал. Вечером мы сели в «Тойоту». Весь состав разведки развернулся напротив нас, на другой стороне минного поля. Я и ещё несколько человек засели на расстоянии примерно 100 метров от минного поля, и Али дал нам такой приказ: «Бейте из гранатомётов и пулемётов на 10 метров выше их голов. Они должны испугаться и застрять среди растяжек, а если они пройдут через минное поле и выйдут на нас, то тут уже, по правилам игры, нужно будет отложить оружие и как следует угостить их пинками и кулаками. Но огневая завеса не должна любой ценой прижать их к земле. Не дай Бог, будут потери».

Али говорил, а я слушал с очень серьёзным видом и понимающе кивал. Начался учебный бой, и в нём Хосейн Бахтияри был на стороне условного противника. Он построил ребят за собой и повёл их по моему проходу, а мы с ребятами, согласно указаниям Али, раскрасили небо над ними словно салютом. Али, как всегда, стрелял очень близко к ребятам, но они невероятно быстро шли вперёд по проходу. Али не понимал: почему не срабатывает ни одна растяжка? Они так быстро вышли на нашу сторону, что Али был в шоке. «Перешли, – сказал он нам. – Сейчас на нас накинутся». И действительно, он видел, что положение наше весьма серьёзно, тогда он объявил: «Ребята, бежим отсюда».

И мы кинулись прочь к кузову «Тойоты» и предпочли уехать, чем драться с ними врукопашную. По выражению Али я видел, что он так и не понял, каким таким образом ребята столь быстро преодолели минное поле. А мы с хадж Хосейном молча переглядывались и хохотали в душе.

* * *

Началась зима, и похолодало даже здесь, на юге. Из Хамадана привезли кабачков и тыкв, и я вместе с другими сидел возле керосинки, на которой в кастрюле варилось кушанье из тыквы. Внезапно в палатку вошёл Мосайеб Маджиди и встревоженно объявил:

– Али, командир дивизии приказывает вам поднять бойцов и выдвинуться вперёд. По-видимому, произошло нечто похожее на ситуацию во время наступления «Бадр», когда наши силы попали в окружение иракцев. Мы должны ударить по врагу и прорвать окружение.

Али, словно ждал этой новости, скомандовал:

– Йалла, ребята, вперёд. Всем взять оружие – и по машинам.

Внутренний голос подсказал мне, что реакция Али на слова Мосайеба Маджиди была слишком спокойной. Слово он владел информацией заранее. Может быть, и нет; но мне показалось, что это опять ложная тревога, как те, которые Али использовал, чтобы оценить подготовленность бойцов. Все собирались в бой, как в ту «ночь Ашуры». Некоторые даже, присев в уголке, писали завещания, как Хосейн Эбрахими и Хосейн Азиз-заде, оба из 27-й дивизии, недавно присоединившиеся к нам. Али-ага встал перед строем и произнёс напутственное слово. Его речь была прочувствованной и похожей на ораторскую, но в его глазах мне почудилась ироническая искорка. Все отправились в путь, а я словно прилип к керосиновой печке, и Али это заметил.

– Хошлафз, вперёд. Ты последний остался.

– Я не пойду, – ответил я. – Я простудился. Не готов умереть. Мне очень страшно, и от шока ничего не соображаю.

Али знал меня, быть может, лучше, чем я сам.

– Вставай и шагом марш, – сказал он. – Не заставляй ребят задавать вопросы. Йалла, вперёд.

– Я не хочу, чтобы меня насильно отправили на тот свет. Как ещё объяснить, что я боюсь?

Али понял, что я его разгадал. Приблизившись, угрозил:

– Ну, негодяй, придёт время, я тебе покажу! – и стукнул меня кулаком по шее.

Прошла половина ночи, а ребята всё не возвращались. Был я, и были сварившиеся, готовые к еде тыквы. Накинув на плечи одеяло, я начал их есть.

Ребята вернулись в три часа ночи. С их голов и лиц, с униформы текла вода. Ясно, что Али перебрасывал их в болота наподобие болот Хура. Увидев меня, ребята спрашивали: «Подлец, а как ты узнал, что это была ложная тревога?» Они рассказали, что Али с помощью Мосайеба и ещё нескольких человек столкнули их всех в воду и принудили возвращаться вплавь. Среди парней были те, кто не умел плавать: их ещё оставили там учиться плаванию.

Под утро вернулись все остальные. Дрожали, как ивы на ветру, и горели желанием согреться, поев горячих тыкв, но какие тыквы к утру? Ребята бросились ловить меня, а я – в бега.

Начиная с этого дня, парни регулярно выдвигались в район Рафийи¹ и пограничного поста Саидийя к югу от города Бостан. Это болотистый район с застойными водами, густыми зарослями камышей и свободно гуляющими там буйволами. Нетронутая природа этой местности и обилие птицы показывали, что в плане вражеского огня здесь ситуация отличается от островов Маджнун. Дикий район, в который не выдвигались ни иракские, ни иранские войска, где в смысле обстрелов было сравнительно безопасно, потому и летало такое количество диких гусей и уток. Вести разведку и плавать по этим водным протокам должно было быть достаточно легко. Разведка наша началась в сто-

¹ Рафийя – название деревни к югу от Бостана на границе с Ираком. Этот заболоченный район Ирана тянется до Ховейзе (прим. иран. ред.).

рону озера под названием Узим¹. Труднее всего оказалось бесшумное передвижение на маленьких деревянных лодках, рассчитанных на трёх человек. Неправильный гребок веслом – и лодка переворачивалась и все трое оказывались в воде. Теперь я понял, почему Али так настаивал на умении плавать и нырять.

Несколько раз мы сходили в разведку, и каждый раз отыскать маршрут было сложной задачей. Здесь были плавающие камышовые острова – мелкие и крупные, сухие посередине, но они легко перемещались по воде. Из-за перемещения такого острова широкий и открытый водный путь, похожий на реку, вдруг превращался в узкий ручеёк или вообще закрывался, а иногда всё происходило наоборот. Иногда эти острова соединялись и полностью закрывали путь, и рисунок местности при нашем движении туда и обратно совершенно отличался. Из-за этого применение компаса и любых других приборов оказывалось бесполезным. Поэтому бывало, что, углубившись в камыши, мы сразу теряли направление и вынуждены были возвращаться. А у меня, впридачу к этой общей для всех разведчиков трудности, возникла ещё одна, под названием пендинская язва² на левой ноге. Вначале я пытался её игнорировать, но постепенно язва достигла такой глубины, что стала напоминать отверстие от пулевого ранения. Выхода не было. Вода была врагом этой язвы, а следовательно, мне нужно было держаться подальше от болот. Через несколько дней и на второй ноге у меня появилась такая же язва, и врач сказал мне, что они возникают от укусов комаров и являются

¹ С военной точки зрения этот район являлся восточной частью полосы наступательной операции «Бадр»; данный сектор по водным протокам выводил на шоссе Амара – Басра (прим. иран. ред.).

² Пендинская язва – «пендинка», ашхабадская язва, кокандская язва и т.д. В медицинской литературе принято название «кожный лейшманиоз». Переносчик болезни – комар, заражающий человека при укусе (прим. перев.).

очень опасным заболеванием. При отсутствии лечения язва может дойти до кости, и тогда всё закончится ампутацией ноги.

Какое-то время меня держали в карантине и пичкали большим количеством таблеток глюкантима; кроме того, каждый день нужно было вкалывать по несколько ампул лекарства вокруг язвы. За уколы отвечал боец разведки, по происхождению иракец, который теперь в отряде выполнял те же обязанности, что раньше лежали на Мохаммаде Арабе. Он колот, а трое держали меня за руки и за ноги, чтобы я не вырвался. Стоны мои были столь громкими, что Али не раз повторял мне: «Ты в таком состоянии не можешь ходить на задания. Кроме того, местность здесь болотистая, а потому отправляйся в Хамадан».

Несколько дней я оставался в карантине, потом лекарство понемногу начало оказывать действие. Я обернул ногу в полиэтилен, потихоньку начал ходить и сказал Али:

– Хочу пойти на задание.

Он рассмеялся и в отместку за мою выходку в тот вечер ответил:

– Но тут требуются люди, готовые умереть. А ты сказал, что не готов на это.

Через несколько дней он сам пришёл ко мне:

– Отправляйся в разведку с местными арабами из Хура. Пойдёшь с Хабибом Мозахери¹ и Садеком Назари.

Местные проводники знали здешние пути как свои пять пальцев. Перемещение камышовых островов ничуть не сбивало их с толку. Многие из них до войны жили в Хуре и промышляли рыбной ловлей. Единственной нашей трудностью с ними была языковая: мы не понимали, что они говорят, а они не понимали нас.

¹ Это был тёзка Хабиба Мозахери, командовавшего батальоном Муслима ибн Акиля. Этот Хабиб прослужил некоторое время в разведке и получил статус инвалида войны; в настоящее время он является инженером в сельскохозяйственной отрасли.

Каждый из нас троих сел в одну из трёх маленьких деревянных лодок, а позади него – двое местных арабов. Мы также взяли с собой мешки с водолазным снаряжением на тот случай, если в воде окажутся мины или колючая проволока: надев водолазные костюмы, мы сможем устранить эти помехи.

Итак, мы отплыли. Встретив плавучий камышовый остров, местные иногда отталкивали его веслом, иногда, наоборот, связывали два острова тростниками. Кое-где они надламывали тростники в качестве опознавательного знака, чтобы таким образом найти дорогу назад. А иногда – просто для развлечения, для того, чтобы разрядить обстановку, – ударяли веслом по плечу сидящего впереди и смеялись.

Мы проплыли большое расстояние, достигли и миновали иракскую сухопутную перемычку. На ней виднелись иракские землянки, но часовых было не заметно. Видимо, в силу того, что с нашей стороны почти не было движения, иракцы чувствовали себя спокойно; возможно, они спали в этих землянках. Миновав земляную перемычку, мы снова по протокам выплыли на глубину. Я предполагал, что местные намерены достичь берега вблизи шоссе Амара – Басра, однако они вдруг остановились у одного из плавучих островов и высадились на него. Все мы, девять человек, сошли на этот остров. Арабы втащили на остров лодки и спрятали их в тростниках. Потом сами уселись в тростниковом укрытии, а мы с Хабибом Мозахери и Садеком Назари могли только гадать об их дальнейших действиях. Накрапывал дождь, и они растянули у нас над головами полиэтилен вместо крыши, а на камышовом основании острова развели костёр. Один из них спрыгнул в воду и с помощью острых тростниковых гарпунов поймал несколько рыбин. Всё это он проделал так быстро, ловко и спокойно, что мы трое только ахали. Наши спутники словно приехали сюда на пикник; из рюкзаков они извлекли куски сырого теста,

сделали из них лепёшки и положили на огонь. Лепёшки были хорошо размяты, они надулись и быстро испеклись. Но к небу поднимался дым, и вместе с ним поднялись наши протестующие голоса. Мы знаками спросили их: «Как это так? В тылу врага разводить костёр?».

Местные вместо ответа лишь смеялись, что окончательно поставило меня в тупик. Чтобы рассеять наше беспокойство, они принялись угощать нас жареной рыбой.

Мы выдвинулись из лагеря в десять утра, а сейчас уже был вечер, темнело, и мы жутко проголодались. Я взял рыбину и впился в неё зубами: удивительно вкусная! Назари и Мозахери тоже поели. Издали послышался стрёкот иракского вертолёта. Этот шум приближался, и местные поскорее затушили огонь. Вертолёт пролетел над нами, и мы так и не поняли, видели с него нас или нет. Когда местные снова зажгли костёр, я сказал ребятам: «Они ведь иракские агенты. С помощью дыма они показывают врагу наше местоположение, и теперь следует ждать гостей».

Было уже совсем темно, когда вновь прилетел вертолёт. Проводники повторно затушили костёр, но при этом очень громко разговаривали и смеялись. А вертолёт на этот раз выпустил несколько осветительных снарядов, и над рекой на несколько минут стало светло, как днём. Как только ракеты погасли и вертолёт улетел, местные спустили лодки на воду и начали грести.

Было темно. Мы миновали земляную перемычку с иракскими землянками. Оттуда слышался громкий возбуждённый разговор, а местные гребли очень тихо. Каждый осторожный гребок продвигал лодку вперёд всего на метр-два. Не успели мы далеко отплыть от перемычки, как услышали за собой шум иракских лодок. Наверняка второй вертолёт заметил нас, и теперь эти лодки двинулись за нами в погоню. Местные гребли теперь в полную силу, и дождь тоже лил без остановки. Опять мы оказались там, где было много тростника и водных протоков, и здесь местные

остановились. В отличие от того, как они вели себя раньше, теперь они не смеялись и не разговаривали. Иракские лодки прошли мимо, но мы их не видели, только слышали. Быть может, расстояние между нами было в один-два протока. Потом опять началась гребля, и посреди ночи мы вернулись на наш причал.

В эту ночь я очень многому научился у арабов-проводников. Как грести, как связывать вместе островки и как разделять тростники, и как ловить рыбу и готовить на камышовом острове; вот только разведения огня вблизи неприятеля я не мог понять. Я сдал отчёт о разведке Али, и он сказал мне: «Больше местных посылать не будем. Если вы запомнили дорогу, то с завтрашней ночи будете ходить в разведку одни».

Через несколько ночей мы отправились на новое задание: группа из шести человек на двух лодках. Из этой группы я запомнил двоих: Махмуда Нури и сейеда Моджтабу Хосейни. Я был всё ещё под впечатлением действий местных и даже взял с собой хлеб-лаваш и рыбные консервы. Мы проплыли по протокам несколько километров и, по примеру проводников, я связывал камыши или оставлял какие-либо другие знаки. Был день, и мы должны были вернуться до наступления темноты. Но мы не проделали ещё и половины пути, как поднялся ветер и начался дождь. Ветер свободно двигал островки, как бывало и раньше; и оказывалось так, что широкое озеро вдруг превращалось в небольшой прудик. Везде вокруг нас были большие и малые камышовые острова. Компас показывал нам все четыре стороны света, но пользы от этого не было. Сколько мы ни пытались вёслами отпихивать тростниковые острова, они как приросли к земле – не двигались. Словом, мы не понимали, где находимся относительно иракской земляной перемычки и куда нам следует двигаться. Я включил рацию, но связи не было. Али не отвечал, сколько я его ни вызывал.

Всю ночь до утра мы пытались куда-нибудь выбраться, но были похожи на людей, застрявших в болоте и погружающихся тем глубже, чем больше они дёргаются. Так и мы всё меньше понимали, где находимся.

Второй день до вечера прошёл в таких же блужданиях. В предыдущую ночь мы съели весь хлеб и рыбные консервы, ведь провизии у нас было на одни сутки. После полудня второго дня почувствовали голод. У Махмуда Нури было немного изюма, и он знал, что у меня язва желудка, не позволявшая мне долго обходиться без пищи, поэтому отдал весь изюм мне. Сам он и другие ребята обходились тем, что жевали стебли камыша.

На вторую ночь я не мог бороться со сном и сказал Нури: «Я должен поспать, чтобы завтра иметь силы». Нури был человеком долга, не сказал мне ни слова. Остальные ребята тоже не возражали, хотя самим им было не до сна. А я, по примеру местных, наломал сухого тростника и сделал себе из него матрас и одеяло. И ничего, кроме запаха тростника, уже не проникало в моё сознание, даже дождя я не чувствовал. Так я спал до утра, а потом наступил третий день, и нужно было обязательно найти путь назад.

Утром мы сплели камыши в вязанки и построили из них нечто вроде колонны, забравшись на которую, хотели осмотреть окрестности. Внизу стена тростниковых зарослей заслоняла обзор, но и с высоты этой колонны ничего не было видно, кроме лабиринта водных протоков в камышах. Ещё у нас была мысль развести костёр, чтобы иракцы послали свои лодки в сторону дыма, тогда мы, соответственно, двинулись бы в противоположную сторону. Но и от этой затеи мы отказались. И вот я сидел в уголке одного из камышовых островков. Больше всего мучили меня голод и язва желудка.

Вечером третьего дня я штыком рубил на мелкие кусочки камышовые стебли и украдкой наблюдал за лицами ребят. Они жевали стебли камыша, немного похожие

вкусом на салат-латук, – но долго ли так можно было продержаться? Ещё раз безо всякой надежды я включил радио: «Али, Али! Ответ Садеку. Али, ответ Садеку!».

Это было невероятно. Я вдруг услышал голос Али:

– Я слушаю, слышу тебя. Где вы, Садек?

– Я не знаю, где мы, – ответил я обрадованно. – Возможно, на том самом маршруте, который проходили с местными.

Али с ребятами и с местными проводниками круглосуточно искали нас – по нескольким направлениям, с несколькими лодками. Местные нашли обёртки от печенья, которые мы оставили три дня назад, и по этим следам вскоре обнаружили нас. Первый же человек, которого я увидел, нёс на плече мешок с едой. Он вывалил её перед нами, и я горстями начал есть финики, другие пятеро парней тоже не отставали, и вскоре мы вернулись к своим.

В целом разведка в районе Хур – Ховейзе силами других групп, по разным маршрутам, принесла хорошие результаты. До такой степени, что все были уверены: вот-вот придут водно-сухопутные десантные силы, и здесь начнётся крупное наступление¹. После того, как мы слегка отдохнули от той тяжёлой разведки, я увидел, как Али хохочет. Несколько парней из нашей группы стояли рядом с ним и рассказывали ему о наших злоключениях. И он спросил меня:

– Хошлафз, скажи правду: ты действительно намеревался съесть ребят?

Сначала я его не понял. Было известно, что я люблю поесть, но ведь не до степени людоедства. Все смотрели на меня, вытаращив глаза. Али повторил мне рассказ ребят, и я понял, что речь шла о четвёртом дне. В тот день мои муки голода достигли пика, и я действительно мрачно и в

¹ Позже мы узнали, что зимой 1985–86 годов на многих фронтах велась успешная разведка, но всё это делалось, чтобы обмануть противника. Основные боевые действия разворачивались в это время вдоль Арвандруда и напротив города Эль-Фао.

отчаянии смотрел на парней и поигрывал штыхом, так что они могли подумать, будто я хочу их съесть. После возвращения в тыл они сделали из этого шуточную историю по вкусу Али.

* * *

Однажды мы отправились в боевой район, которым командовал Саид Читсазийан. Али хотел, чтобы мы посмотрели на устройство наших дозоров. Саид, двоюродный брат Али, с 16 бойцами держал оборону на камышовых островах и протоках. Об иракцах здесь ничего не было слышно. Бойцы жили в палатках, установленных поверх наплавных мостов, несли дозор и иногда купались.

Однажды мы с ребятами решили поохотиться на диких гусей. Их здесь было много, и они, почуввав опасность, поднимались в воздух целыми стаями. Подстрелить их удобнее всего было, пока они ещё на воде. Я стрелял, но не только не убил ни одного гуся, а попал в лодку и продырявил её. Мне повезло, что в лодке никого не было, но Али очень рассердился, узнав об этом. Вызвав меня, он спросил: «Кто стрелял в сторону лодок?». Я ответил: «Хошлафз». И повторял без остановки: «Хошлафз, Хошлафз, Хошлафз, Хошлафз».

Он вопросительно поднял бровь.

– Твоя уверенность мне нравится, но больше так не делай.

Лицо моё приняло унылое выражение. Назавтра он принёс мне пять штук гусей и сказал: «Приготовь их на обед». Видимо, Али хотел таким образом извиниться за свой вчерашний резкий тон со мной. Я ошипал гусей, но ещё до варки вырезал у них печень, поджарил её на вертеле и съел. За столом Али спросил: «Хошлафз, а у этих гусей была печень?» – «У них вообще не было ни внутренностей, ни силы воли, – ответил я, – иначе они бы тебе не попались». – И в который раз мне пришлось защищаться от него.

Так проходили наши дни. Все были на подъёме.

* * *

Военная база имени мученика Мадани, расположенная в 25 км от города Дизфуль, представляла из себя столпотворение бойцов. Она напоминала лагерь Докухе в Андимешке и лагерь Абу-Зарр в Саре-Поле-Захаб, где перед наступлением скопились тысячи бойцов. И здесь с приближением сезона наступлений оказалось восемь пехотных батальонов полного состава, готовых к бою; собранные на утреннее построение на главном плацу базы, они представляли собой вдохновляющее, прекрасное зрелище. Ожидалось прибытие главнокомандующего КСИР. Готовясь к этому событию, командир дивизии «Ансар аль-Хусейн» – хадж Мехди Кийани – попросил назвать ему имя бойца, который мог бы приветствовать главнокомандующего от имени всех бойцов; причём командир дивизии настаивал, что заранее должна быть подготовлена яркая речь, которую боец прочтёт по бумажке. Все сходились во мнении, что таким преданным делу является Хамид Хашеми. Хамид принял на себя эту ответственность, но со свойственной ему уверенностью настоял, чтобы заранее подготовленной речи не было, так как он экспромтом выразит состояние бойцов.

В назначенный час прибыл Мохсен Резаи, вместе с ним – другие высшие командиры КСИР и организаторы главных боевых действий на фронтах войны. На трибуну вышел Хамид Хашеми. Организаторы митинга и тысячи бойцов сидели и слушали его яркую, запоминающуюся речь, имевшую такой зачин:

– Великолепно, вот это запах! В воздухе витает аромат Победы. Мы сразу почувствовали это. Мы почувствовали его всей нашей кровью. И всё время мы восклицаем: мы пришли только ради одобрения Всевышнего. Мы пришли с одобрения Бога и стоим здесь с Его одобрения. У кого в мире высшая власть? Кто представители этой высшей власти? Высшая власть принадлежит Господу, Господу и ещё раз Господу...

Огненное выступление Хамида Хашеми¹ было выдержано в духе Ашуры и словно верёвкой Бога связало решимость всех нас. После Хашеми выступил командир дивизии «Ансар аль Хусейн», и неопишное воодушевление охватило всех присутствующих на плацу. Батальоны начали составлять заветания. В этот же день я побывал во всех палатках, и светносные лица бойцов поразили меня. Многие из них на фронте были впервые, и бой за Эль-Фао стал их последним боем, завершившимся гибелью. Моя фотокамера деятельно заработала, чтобы запечатлеть состояние парней, в том числе в этот день появился последний снимок Джамала Энайати. На этом снимке я сфотографирован с отцом и сыном – хадж-агой Энайати и Джамалем Энайати. Хадж-ага был одним из самых возрастных бойцов, родом из нашего района в Хамадане. Попав на фронт, он сразу вступил в отряд разведчиков, но Али не хотел посылать его на задания и назначил в снабженцы отряда.

Началась предбоевая реорганизация. Согласно решению Али, часть ребят из отряда разведки переводились в батальоны: они должны были стать помощниками батальонных командиров по разведке. Я тоже очень хотел, чтобы меня перевели в батальон Али Асгара, другими словами, в тот самый 155-й батальон, где я уже служил. Но Али не отпустил меня и настоял на зачисление меня в состав авангарда из шести человек, включая его самого, которые отправились впереди всех в Фао. Часть ребят отряда осталась в деревне Рафийя, а мы выехали в Хоррамшахр.

Однажды утром кто-то подал Али записку. Он прочёл её и стал вглядываться в лица парней, пытаясь отыскать того, на кого жаловались. Тот, кто написал эту записку, не упомянул ни своего имени, ни имени того, на кого он жаловался. Написано было: «Брат Али, эти братья устра-

¹ Он погиб в наступательной операции Фаджр-8 в бою с танками, на шоссе Фао – Басра.

ивают хулиганство. Среди ночи они светят фонариками в лица бойцам».

Али догадался, что нить проделки тянется ко мне. Даже сомнений у него не возникло. После утреннего построения вызвал меня, и я сказал себе: наверняка сделает опять кислое лицо и начнёт меня отчитывать. Но я запретил себе вступать с ним в пререкания. Догадался он правильно: это действительно было делом моих рук. И вот Али прочитал вновь записку того бойца, но не рассердился, а рассмеялся. Придя в хорошее настроение, сказал мне так: «Хошлафз, у тебя блестящий послужной список. Но книга твоих благих деяний нуждалась в предисловии. Теперь и предисловие есть. Так что, если будешь писать воспоминания о войне, предпошли им эту записку: очень занимательно получится».

В эти дни все настраивались на предстоящий бой, ждали приказов о выступлении. Батальон Хазрата Али Акбара – 154-й – также был в это время выдвинут в Хоррамшахр, и – силами 10-й дивизии Господина Мучеников и 21-й бригады Имама Резы – началась отвлекающая операция на острове Буравин, на той стороне Арвандруда. Мосайеб Маджиди и Карим Мотаххари были назначены проводниками батальона, однако с началом боевых действий вести разведку стало невозможно. Кроме того, с Каримом произошёл несчастный случай, поэтому я невольно оказался в паре с Мосайебом Маджиди. Батальон Хазрата Али Акбара под командованием хадж Резы Шокрипура выдвинулся на передний край плацдарма, захваченного 21-й бригадой Имама Резы, и лицом к лицу встретился с врагом на острове Буравин. Ранним утром – очень холодным – безжалостный огонь врага превратил остров в преисподнюю, полную огня и дыма. Иракцев поддерживал огонь танков с той стороны острова, а наши войска связывал с этим островом лишь мост.

Хадж Реза Шокрипур прилагал все силы, чтобы выстоять и отбить постоянные контратаки врага. Мы тоже

участвовали в этом бою как простые пехотинцы. Мосайеб Маджиди стрелял из гранатомёта. Когда кончились реактивные гранаты, начал стрелять из пулемёта Горюнова. Он, заместитель Али, то есть заместитель начальника разведки дивизии «Ансар аль-Хусейн», воевал здесь как простой боец батальона. Мы столько стреляли по врагу, что наши уши полностью заложило, и мы не слышали друг друга. Не слышали даже громкого голоса батальонного связного, который кричал нам: «Приказано отступить. Возвращайтесь!».

Мы были вынуждены собрать раненых и отступить по мосту, а ребята-подрывники под огнём вражеских снайперов заминировали и взорвали этот мост.

Ночь мы провели на базе в Хоррамшахре, и тут услышали по радио марш, возвещавший о наступлении «Фаджр-8».

Отвлекающая операция дала свои результаты, и наши водолазы пересекли Арвандруд и, прорвав укреплённую линию врага в порту Фао, ворвались в этот порт. На базе прошёл слух, что убит сейед Аббас Алджи, начальник материально-технического отдела дивизии.

Бахрам выглядел очень воодушевлённым. Его бодрый вид объяснялся той историей, которая с ним произошла в тылу и о которой он сейчас нам рассказал.

– Воистину, – сказал он, – те женщины, которые вместо чадры надевают платок, не так плохи, как мы о них думаем.

Такое начало рассказа заставило всех прислушаться. Даже Мосайеб Маджиди, сидевший в стороне, подошёл, держа в руках рюкзак. Бахрам продолжал:

– Когда меня выписали из госпиталя, в кармане денег не было даже на одну поездку на такси. И с отрезанной ногой мне до автобусного терминала было не добраться. И вот я торчу на стоянке такси и смотрю: притормаживает рядом со мной женщина в манто, довольно пожилая, в легковой машине дорогой марки. Я сажусь, благодарю Всевышнего. Она по всему моему виду, по моей форме и

палочке поняла, что я фронтовик, и решила сделать доброе дело. Довезла до терминала и дала немного денег, сказав так: «Я даю на благотворительность и хочу, чтобы эти деньги дошли до фронта».

Неожиданный в этих условиях рассказ Бахрама меня очень ободрил. Было приятно думать о том, что в тылу люди всех состояний и положений с таким уважением относятся к фронтовикам.

Меж тем Али передал Мосайебу приказ о выдвижении. Командир дивизии потребовал от него послать первые разведгруппы в Фао. Мы двинулись к берегу, чтобы на лодках добраться до Фао. Каждая дивизия имела тут свою протоку, а в ней причал, с которого катера выезжали в Арвандруд, а оттуда в Фао. Протока, доставшаяся дивизии «Ансар аль-Хусейн», называлась Гасемие. Выдвигаясь сюда, мы думали, что будем первыми из нашей дивизии, кто ступит на землю Фао, и вдруг увидели причаливающий катер из Фао, полный погибших. Их тела лежали одно на другом, а поверх всех – залитое кровью тело моего бывшего помощника, Наги Гавидаста. Это зрелище меня потрясло. Вместе с ним в катере лежали 12 погибших, которые были убиты на месте авиабомбой. А я даже не знал, когда Наги был переброшен в Фао.

Али объяснил: «Батальон Гасема ибн аль-Хасана – 153-й – раньше других выдвинулся для помощи сражающимся в городе частям. Это погибшие этого батальона. Наги Гавидаста я также придал этому батальону в качестве проводника».

Тут же на пристани я взял фломастер у парней, занятых эвакуацией убитых, и написал на окровавленной гимнастёрке Гавидаста: «Наги Гавидаст из разведотряда дивизии “Ансар аль-Хусейн”, провинция Хамадан».

Я взвалил на себя его тело и перенёс из катера на берег, положил под пальмой. Мне вспомнилась наша разведка в Сумаре, ночь, проведённая вместе с ним, Али Мохаммади

и Горбани, – к этому моменту все трое расстались с жизнью. Мы выгружали последнее тело из катера, когда на пристань приехал хадж Мехди Кийани, командир бригады. Он повторил Али приказ – обследовать все три шоссе: Фао – аль-Бахар, Фао – Басра и Фао – Умм-Каср.

Мы вшестером сели в катер. Как только вышли в воды Арвандруда, началась бомбёжка, сопровождавшая нас до порта Фао. Город весь горел, подожжённый обстрелами и бомбами. Мы достали два мотоцикла: один повёл я, второй – Мосайеб. Али принял решение: «Начнём с шоссе на Басру».

Мы выезжали из города в сторону асфальтового шоссе на Басру и на повороте дороги наткнулись на иракский штаб, недавно взятый нашими. Иракские рации всё ещё были включены и хрипели, и весь пол штаба был завален трупами иракских командиров и солдат. Кто-то застонал. Это был иранец, бисидж, говоривший с исфаханским акцентом, раненный в ногу осколком. В это время в небе появились иракские самолёты и начали посылать по штабу ракету за ракетой. По-видимому, иракцы уже не думали, что кто-то из их командиров остался жив. Тут же Али вскочил в седло мотоцикла, посадил позади себя нашего раненого и заявил: «Отвезу его в тыл». Мосайеб настаивал, что эту работу должен проделать он, но Али не согласился и под сильным обстрелом увёз раненого с поля боя, а через полчаса вернулся.

Из иракского штаба мы выдвинулись вперёд к линии боя. По обе стороны шоссе Фао – Басра виднелось много сгоревших машин и множество трупов. Было очевидно, что многие иракцы не успели даже высадиться из автобусов, на которых их привезли: несколько автобусов с людьми внутри всё ещё горели. Воздух наполнял тошнотворный запах горящего мяса. Это были бойцы иракской Республиканской гвардии, переброшенные по этому шоссе, чтобы отбить город Фао, но попавшие в засаду нашей 25-й дивизии

«Кербела» и 14-й дивизии Имама Хусейна. Мы положили мотоциклы на землю. Мосайеб показал нам новое оружие, которого мы до сих пор не видели: автоматический гранатомёт «Пламя»¹.

Я взял это оружие, но везти его на мотоцикле с тремя седоками было невозможно. Али распорядился: «Поищите вокруг, соберите уцелевшее вооружение».

Каждый из нас что-то нашёл. За несколько минут мы собрали несколько штук реактивных гранатомётов, десятки переносных ракет, всё это складировали в одном месте. Тут и там лежали убитые с индивидуальными вещмешками. Я подошёл к собранному оружию, которое ребята сложили в яму и замаскировали её, насыпав сверху земли. Али оставил значок на этой земляной куче, сказав: «В подходящее время вернёмся и заберём».

Лавируя меж трупами, мы поехали дальше, в зону боя. Здесь был Хосейн Харрази, командир дивизии Имама Хусейна. Мы думали, что Али представится ему и поговорит с ним, а тот вдруг воскликнул: «Ребята, танки идут. Вперёд! Помогите!».

Было около двух часов пополудни. Мы все укрылись за маленьким низким валом, который водитель дорожно-строительной машины насыпал под вражеским огнём. Битва была в таком разгаре, что никто нас даже не спросил: кто вы такие и что здесь делаете? Мы выбрали пулемёт и РПГ, лежащие возле тел убитых и раненых, а я нашёл иракский 60-миллиметровый миномёт с боекомплектom к нему; и так мы держались против наступающих танков с ребятами из дивизии Имама Хусейна. Танки рассыпались по равнине справа и слева от шоссе, но не решались обойти нашу небольшую насыпь. Когда танки отступили, Али скомандовал: «Возвращаемся».

¹ Данное оружие ведёт огонь, выпуская гранаты очередями (прим. иран. ред.).

Мы вспомнили, что посланы сюда для разведки, а не для непосредственного участия в бою. Мы уже возвращались в тыл, когда я заметил подрывника из 27-й дивизии, Саида Такмедаша. Я не понял, что он здесь делает, и не спросил его. Али я сказал:

– Это один из трёх басиджей из Тегерана, о которых я давал слово, что они перейдут в разведку.

Потом я повернулся к Такмедашу:

– Али-Реза Эбрахими и Азиз-заде перешли к нам, а ты когда перейдёшь?

– После этого боя, – ответил он. – При условии, что выживу.

Попрощавшись с ним, мы вернулись в Фао. Остановились в том здании, где разместились Хасан Торк и ребята из штаба. Тут не было ни одеял, чтобы отдохнуть, ни еды, зато вокруг лежало много трупов. Постепенно от вида стольких убитых мне сделалось нехорошо. Язва желудка тоже меня беспокоила, а ведь не было ни кусочка сухого хлеба. Приехала «Тойота» – кажется, это была первая машина нашей дивизии, которую переправили сюда на катере, но ведь это была не полевая кухня. Это была «Тойота» 153-го батальона, и распоряжался ею Мохсен Торкашванд. Али, увидев его, сказал:

– Хаджи, дай нам эту машину, ребята поедут на важное задание.

С одной стороны, Торкашванд раньше служил у нас в разведке и испытывал к Али уважение как к командиру, но, с другой стороны, эта машина должна была выполнять все дела батальона. Батальона, который понёс первые потери от бомбёжки в этом бою. Он ответил:

– Машину дам, но с водителем.

Али согласился и приказал мне, Гасему Хади и Садеку Назари:

– Сегодня вечером поедете в разведку.

– В разведку на машине? – удивился я.

Али не хотел всё раскрывать перед Торкашвандом, потому сказал:

– Да, поедете до того холмика, где мы оставили значок. – Он имел в виду ту яму, где мы закопали трофейное снаряжение. Требовалось съездить туда и при этом задрить мозги водителю.

Мы поехали по шоссе на Басру. Я слегка напугал водителя, сказав ему:

– Оттуда, куда мы едем, не возвращаются. Ты меня понимаешь. Хочешь, поезжай с нами, а хочешь, отдай нам машину, а сам жди вот здесь. Если мы вернёмся живыми, то и машину вернём, а нет, значит, нет.

Встревоженный водитель спросил:

– А что я скажу господину Торкашванду?

Гасем Хади, приготовившийся занять водительское место, ответил ему с выговором человека из деревни Ущелье Морадбег:

– Если поедешь с нами, лишишься жизни. Тогда и говорить будет не о чем.

Вконец запутавшийся водитель отдал нам «Тойоту» и остался ждать возле шоссе. В дороге мы посмеивались над этой ситуацией, однако ведь мы и не солгали. Оттуда, куда мы ехали, и в самом деле запросто можно было не вернуться.

Доехав до развилки трёх дорог, мы увидели человека с мотоциклом. Кажется, осколком ему пробило шину. К седлу мотоцикла были приторочены запчасти и мешки с чем-то. Этот боец был подрывником из дивизии Имама Хусейна, и он объяснил нам, что его товарищи уже отвезли на передовую все взрывчатые вещества, нужные для того, чтобы перерезать это шоссе, а он везёт запалы и взрыватели, но остановлен попаданием осколка в колесо. Поначалу мы не придали значения его словам, Гасем сказал: «Али только отдал распоряжение привезти оборудование, спрятанное в яме. Это наша боевая задача».

Однако я понимал чувства подрывника, от которого зависело выполнение задачи всем отрядом. И боец этот был сообразительный. Он не только умолял нас, но и заплакал. Гасем отвёл меня в сторонку: «Парень, мы ведь дали водителю слово, что берём машину для нашего задания. А теперь этот нас пристроил к делу. Если мы поедem, ты сам будешь отвечать перед Али».

Мы погрузили подрывника в кузов «Тойоты» вместе с мотоциклом и всем его грузом и поехали к передовой линии. Уже стемнело. Чем дальше мы ехали, тем чаще гремели взрывы снарядов и мин, а потом уже и трассирующие пули крупнокалиберных пулемётов начали рассекать небо над головами. Мы уже проехали то место, где зарыли наши трофеи, и ожидали, что подрывник в любой момент скажет, что ему пора сходить, тогда и мы повернём назад. И вдруг над шоссе взорвался осветительный снаряд. Глаза не верили происходящему. С башни танка иракский пулемётчик повёл огонь из ДШК по нашей машине, и вокруг нас принялись чертить воздух трассирующие пули. Сообразительный, но бессовестный подрывник доехал до того самого места, где его ждали друзья. Именно здесь они должны были взорвать и перерезать шоссе. Гасем, который был за рулём, развернул «Тойоту» тылом к иракскому пулемётчику. Мы ждали, что танк вышибет нам мозги, однако осветительный снаряд погас, а машина въехала в яму на обочине. С бранью и криками мы торопливо выгрузили подрывника, его мотоцикл и груз. В этом месте сильно пахло сгоревшими телами иракцев. Поехали обратно, и Гасем ворчал: «А если бы пули попали в “Тойоту”, что ты сказал бы Торкашванду и Али?».

– А что, души нас троих стоят меньше, чем этот кусок железа?

– Наши души в руках Всевышнего, а ответственность за железо лежит на нас.

Я ничего не ответил и молчал до того места, где мы зарыли трофеи. Здесь от асфальтового шоссе отходила в сто-

рону грунтовая дорога. Гасем свернул на неё – была полная темнота. Мы ничего не видели и ехали вперёд буквально наощупь. Машину несколько раз подбросило и тряхнуло, как если бы она наехала на «лежачих полицейских». Мы сошли, я включил фонарик и увидел, что мы, сами того не желая, проехали по нескольким трупам.

Наконец свет фонарика упал на деревянную дощечку, водружённую на земляном холмике. Мы разрыли землю и погрузили в машину РПГ, рации и гранатомёт «Пламя». Вернулись туда, где дисциплинированно ждал нас водитель, буквально расцветший при нашем появлении. Он прыгнул за руль, и мы вернулись на нашу новую базу.

Остаток ночи провели в том же здании, где по-прежнему не было ни одеял, ни еды. От холода зуб на зуб не попадал, и некоторые ворчали: мол, Али, что это за место такое, как тут можно до утра дотянуть, а он отвечал: «Сегодня останемся здесь. Завтра перебазировемся». Джамебозорга, Гасема Хади и Садека Назари он отправил с какими-то поручениями.

Холод измучил нас, но усталость пересилила, и мы заснули. Посреди ночи слышалось, как кто-то приходит и уходит, но мы не реагировали. Когда утром вернулся Джамебозорг, Али напустился на него: «Вы что всё ходили туда-сюда? Где вы были до сих пор?».

– С тех пор, как ушли, – ответил Джамебозорг, – мы сюда не возвращались. Это кто-то другой приходил и уходил.

– Это иракцы! – сразу закричал Али. – Иракцы! Обыщите всё здание.

В этот день мы облазали всё это здание до самых его потайных закоулков и действительно нашли иракцев. До 10 утра взяли 13 пленных, и лишь милостью Божьей объясняется то, что они прошлой ночью с оружием несколько раз проходили мимо нас и всё же, несмотря на то, что мы спали, испугались и скрылись. Из-за того, что в городе

оказалось огромное количество скрывающихся иракцев, мы вскоре перенесли нашу базу за город.

* * *

Вечером второго дня, крайне усталый, я уже засыпал, когда меня растолкал сейед Садек Мостафави:

– Брат Хошлафз, может, не доведётся уже попрощаться. Так храни тебя Бог.

Я ничего не соображал со сна, но тон его голоса был знакомым тоном идущих на смерть. И я спросил:

– Куда ты?

– Мне приказано вести вперёд 153-й батальон.

Однако я знал, что он страдает от воспалённого нарыва на ноге. И я настоял, пока есть возможность, отвезти его в медчасть. Он скрывал боль, но воспаление было. Он согласился, и я повёз его на мотоцикле на пристань. Там под бомбёжками кое-как держалась землянка, в которой оказывали первую помощь. Мужественный медбрат вскрыл и почистил нарыв на ноге сейеда Садека, и требовалось бы дополнительное лечение и отдых, однако сейед Садек уже принял твёрдое решение идти сегодня в бой. Мои настояния остались неуслышанными, он сказал:

– Вернёмся. Уже стемнело, и я должен быть в 153-м.

Я уже завёл мотоцикл, когда к пристани подъехала с передовой «Тойота» и оттуда закричали: «Это погибшие из дивизии “Ансар аль-Хусейн”. Кто-нибудь поможет их эвакуировать?».

Мы с сейедом Садеком подошли к «Тойоте», и тут в точности повторилась сцена первого дня на пристани. Тела убитых высились горой в кузове, а водитель «Тойоты», увидев, что нашлось двое помощников, соскочил в катер, отправляющийся на остров Абадан. Хотя взошла луна, я всё-таки посветил фонариком в лица убитых. Сразу же узнал Мохаммада Месбахи из отряда разведчиков. Освещал фонариком и других: у одного убитого лицо было

обезображено до неузнаваемости, но ветровка оливкового цвета показалась мне знакомой. Я расстегнул молнию на внутреннем кармане ветровки и нащупал свёрнутый карманный молитвенный коврик, чётки и Коран. Я сразу почувствовал запах Джафара Монтагами. Осветил фонариком его личные вещи, и сейед Садек Мостафави спросил: «Кто это? Ты его знаешь?». Заплакав, я ответил: «Знаю. И ты его знаешь. Это Джафар Монтагами».

Когда я произнёс имя Джафара, мы оба разрыдались. Водитель «Тойоты», стоявший в катере в ожидании, увидел наш плач и преисполнился сочувствия, помог нам перегрузить одного за другим убитых из машины в катер. После этого он уехал в сторону Арвандкенара, а мы поехали на базу разведки. Потом сейед Садек отправился в 153-й батальон. И это была моя последняя встреча с ним. Последняя встреча лунной ночью.

В эту ночь наступления не было. Но утром следующего дня батальоны 153-й и 155-й выдвинулись на боевой рубеж, проходящий по шоссе Фао – Басра. В то самое место, в которое позапрошлой ночью мы с Гасемом Хади и Садеком Назари совершили нашу удачную вылазку, подбросив хитрого подрывника в расположение дивизии Имама Хусейна.

Около одиннадцати утра кто-то сообщил, что Садек Назари и Гасем Хади погибли при бомбёжке. Пока мы ещё не вступили в бой, но разведотряд уже нёс потери. Али сказал Кариму Мотаххари и мне: «Ближайшей ночью вы двое отправляетесь в 155-й батальон».

Я поехал туда на мотоцикле, а они двое – на «Тойоте». Но в самом начале шоссе на Басру в «Тойоту» Али попал осколок, и машину пришлось оставить. Когда доехали, Али представил меня командиру батальона Хамиду Рахбари и его заму хадж Саттару Эбрахими, а сам вернулся на базу на моём мотоцикле. Первый раз я видел, что батальон занял позиции раньше, чем в этом районе побывала разведка.

Они ждали приказа и были готовы к атаке, но в каком направлении? Всё моё знание этой местности ограничивалось двумя случайными выездами сюда в предыдущие дни. Согласно мнению штабных командиров, батальон 153 должен был справа кругообразным движением зайти в тыл иракским танкам, а батальон 155 – сделать такой же обходной манёвр слева, затем сомкнуться позади танков и уничтожить их. Так сказал командирам обоих батальонов сейед Масуд Хиджази, начальник штабного отдела. Командиры рот и мы, два разведчика-проводника, знали не больше. Единственным нашим преимуществом было наличие короткой и невысокой насыпи. Но у врага вместо насыпи была возможность укрываться позади танков, бронетранспортёров и даже просто автомашин. Всё напоминало затишье перед бурей. Обе стороны подготовились к бою, который должен был закончиться не в нашу пользу. Как мы могли выиграть этот бой? Удара силами двух батальонов будет недостаточно, чтобы уничтожить такое количество танков. У многих возникала такая мысль, но никто не высказывал её вслух.

Сейед Масуд, известный своим мужеством и умением руководить, увидел на моём лице сомнение и сказал: «Тут не больше двадцати танков. Выдвигайтесь вперёд и обходите их слева». Сердце моё противилось наступлению. Диспозиция напоминала ту, что была в операции «Бейт оль-Могаддас», во время схватки с танками на шоссе Ахвас – Хоррамшахр возле канала Гармдашт. Но там я был весь во власти воодушевления, а здесь – во власти сомнения.

– Брат Хиджази, – сказал я, – где тут двадцать танков?! Их здесь больше двухсот!

– Если ты не хочешь идти вперёд, – ответил он, рассердившись, – то не ищи предлогов. Скажи прямо: не пойду.

– Если не веришь мне, – я протянул ему бинокль, – посмотри сам. Только одних танков на платформах больше двадцати штук.

Для Хиджази понятия страха не существовало. Когда он набрасывал на плечи или завязывал у себя на шее зелёный платок сейеда, все чувствовали воодушевление, даже Али. Сейед Масуд много тугих узлов уже развязал остриём своей воли и здесь тоже настаивал на уничтожении танков. В конце концов замначальника батальона, хадж Саттар Эбрахими, разрядил обстановку, и решено было, что Карим Мотаххари пойдёт с первой ротой, а я – со второй.

Я вспомнил, что Али перед своим возвращением в тыл дал мне указание разыскать хадж-агу Энайати и отправить его в тыл. Я поискал его и нашёл; он был рядом со своим сыном Джамалем. Опять я удивился точности предвидения Али. Ребята отправили хадж-агу Энайати в тыл, и батальон начал готовиться к атаке. Сначала выступила первая рота под командованием Мозахера Маджиди, через короткое время я повёл вторую роту. За мной шёл её командир Насер Фатхи¹, и за ним – бойцы второй роты. Ещё через минуту-другую на нейтральную полосу вышла третья рота, и одновременно иракцы открыли по нам огонь как минимум из пяти пулемётов ДШК. Это был ливневый, сплошной огонь в прямом смысле этого слова. Иракцы подпустили две роты на близкое расстояние и затем начали косить их из пулемётов. Огонь вёлся вплотную от уровня земли до высоты примерно метра. У ребят не было ни насыпи, ни какой-нибудь ямы, чтобы укрыться от косящего всех огня с его красными пулями. Визг очередей заполнил равнину, и первая рота пострадала от этого огня больше нас. Однако некоторые их бойцы добежали до танков и, преодолев огненную завесу, напали на эти танки. Наша рота была от танков дальше, и нас, кроме пулемётного обстрела, подвергли ещё и орудийному и миномётному огню, как и третью роту. Под огнём я всё-таки бежал вперёд, хотя строй

¹ Насер был братом Надера Фатхи, прибывшим на фронт после гибели брата и занявшим его место в разведке. Насер погиб в боях на шоссе Фао – Умм-Каср.

полностью рассыпался и бойцы бежали в разные стороны. Я нацелился туда, откуда стреляли несколько пулемётов ДШК, как вдруг недалеко от меня взорвалась миномётная мина, и осколки попали мне в спину. Я потрогал брюки: они быстро набухали кровью. Но осколки не задели кость, и я не чувствовал холода и способен был двигаться. Добежал до присевших под огнём Мозахера Маджиди и Карима Мотаххари; вокруг них также собрались уцелевшие бойцы: я видел их, когда горели вражеские осветительные ракеты. Из трёх рот вокруг нас было меньше сорока человек. Карим также был ранен в поясницу, причём пуля попала в висящую на его поясе осколочную гранату, блестящий белый капсюль которой я видел даже в темноте.

Мы втроем совещались о том, что делать. Мозахер Маджиди говорил, что приказа отступить не было, но я настаивал на отступлении. В конце концов согласились, что он даст приказ отступить. Связь с Хиджази и с командиром батальона тоже оборвалась. Нужно было любым способом выходить из-под огня ДШК, и единственный путь, который мы нашли, был в три метра шириной и десять сантиметров глубиной: следы в глине от гусениц иракского танка, оставленные накануне. В тех условиях наши головы не нашли другого решения проблемы, хотя вообще-то глубина в десять сантиметров отнюдь не давала защиты от ливневого пулемётного огня.

Мы побежали. Когда вспыхивали осветительные заряды, ложились, и по нам начинали работать пулемёты. Когда осветительная ракета потухала, вновь бежали и всякий раз, оглядываясь, видели, что нас остаётся меньше и меньше.

Постепенно кровотечение ослабило меня до такой степени, что я не мог даже самостоятельно развязать подсумок под магазин, который очень мешал мне. Я попросил помочь какого-то бойца, находившегося рядом. Он тоже был ранен, но, лёжа, сумел зубами развязать проклятый

подсумок. Осветительный снаряд потух, и мы опять побежали – до насыпи оставалось уже совсем немного. Парни уже двигались свободно, как вдруг очередь из ДШК скосила, как молния, сразу пятерых. Они упали, даже не застоялись, и одним из них был тот самый боец, который помог мне с подсумком. Вот остались уже последние шаги, и из-за насыпи мы слышали подбадривающие голоса, один парень кричал с исфаханским акцентом: «Брат, вставай, немного осталось».

Рядом со мной лежал пулемётчик. По-видимому, он был очень ответственным бойцом, так как донёс до насыпи свой пулемёт. И вот я встал, чтобы перелезть через насыпь, а он остался лежать на месте. Я спросил: «Чего ты ждёшь?». Он показал мне на пулемётную ленту, завязшую в глине, которая не давала ему встать. Сильным рывком он всё-таки освободил из глины свой пулемёт – и тут же упал, сражённый пулей.

Когда я перелез через насыпь, то увидел, что из 45 человек только 20 уцелели под шквальным пулемётным огнём. Остальные полегли на тех следах от танковых гусениц и вокруг.

Было три часа ночи. Рана моя горела. Похолодевшие мышцы сводило судорогой, однако здесь почти все были ранены. Даже у тех, кто был на ногах, имелись раны от пуль и осколков. Автотранспорт сначала отвозил в тыл тяжёлых, а мы ждали, как вдруг вся равнина ярко осветилась. Вражеские танки включили свои мощные прожектора и пришли в движение. Они стреляли прямой наводкой и двигались вперёд, давя стальными гусеницами всё, что было на их пути. В течение получаса они совершили то самое обходное движение, которое мы намеревались сделать силами двух батальонов. Теперь они взяли в клещи всю равнину до насыпи, и если бы мы, 20 человек, не вернулись сюда, то наши тела обязательно остались бы под танковыми гусеницами.

К утру нас привезли в Фао, в землянку медиков. Мне забинтовали рану, и я вернулся на базу разведки. Парни отряда переживали из-за результатов боя. Сейед Садек Мостафави и сейед Асгар Мохаммади тоже погибли, и тела их остались на равнине. Али казался очень хладнокровным и будничным. Ему сообщили с передовой, что между нашими позициями и танками остаётся ещё много живых раненых. Около полудня мы с ним вернулись на передовую. Зрелище открылось душераздирающее. Нейтральная зона между насыпью и танками была полна убитых и раненых, причём последние стонали и делали нам знаки. Вражеские снайперы и танки могли их перестрелять, но не делали этого, явно используя раненых в качестве приманки и ожидая, что мы попытаемся их вынести с поля. При этом враг и не наступал.

Анализируя этот бой, Хиджази, Али и все командиры пришли к правильному выводу о том, что, при всех потерях, этот бой ослабил желание противника захватить нашу насыпь и далее развивать контратаку на Фао. Али спросил меня: «Попробуешь, или мне попробовать?».

Не отвечая, я спрыгнул с насыпи и побежал в сторону раненых. Расстояние от насыпи до ближайшего раненого было меньше 20 метров, но посреди пути загремел пулемёт. Я упал на землю. Раненый не отрывал от меня глаз, но мне не было пути ни вперёд, ни назад. Как только пулемёт замолчал, я рванул обратно и перескочил через насыпь. Али сказал: «Бесполезно. Возвращаемся».

Возвращаясь, мы встретили батальон Хазрата Али Акбара – 154-й, который выдвигался для продолжения боя на шоссе Фао – Умм-Каср. Али сказал: «Бой на шоссе Фао – Умм-Каср гораздо ожесточённее, чем на шоссе Фао – Басра».

Мы заехали на базу разведки, а оттуда прямо в блиндаж командира дивизии, расположенный недалеко от передовой. Это был надёжно укреплённый иракский блиндаж рядом с шоссе, на который и вокруг которого, как горох,

сыпались вражеские мины и снаряды. Здесь было несколько человек из разведки и несколько из штаба, а рядом с командиром дивизии – две-три рации. Рапорты господину Кийани следовали один за другим. Ему приходилось решать много сложных проблем, и в этом его главной опорой были сейед Масуд Хиджази, Хасан Торк из штаба и Али из разведки.

* * *

Рана в спине по-прежнему меня мучила. Иногда, не взирая на вражеский огонь, я выходил из блиндажа и шёл на засоленные поля вблизи шоссе. Там я погружал рану в солёную воду – жжение сначала усиливалось, потом боль затихала. По рации передали, что в тыловом штабе ближе к закату пройдёт совещание. Было решено, что именно я отвезу туда командира дивизии.

Мы отъехали от шоссе и оказались под вражеской бомбёжкой. Самолёты группами кружили в небе. Иногда целью их атак были наши зенитные ракеты или пулемёты, но чаще они бомбили войска. Чем ближе к городу, тем рёв самолётов становился громче. Я переживал за жизнь хадж Мехди Кийани и остановился возле земляного холма. Господин Кийани ничего не говорил, смотрел на небо, где из-под брюха нескольких самолётов отделились по четыре бомбы и полетели к земле. По их траектории можно было понять, куда они упадут. Среди МИГов и «Миражей» выделялся громадный самолёт «Туполев», который вместо бомб сбрасывал на войска стальные балки и много чего ещё. Угадать место падения этих балок, в силу их большого размера, было несложно. Я засмотрелся на картину бомбёжки, и господин Кийани напомнил мне, что надо ехать. Мы поехали в штаб, а часом позже вернулись в тот же блиндаж возле шоссе Фао – Умм-Каср.

За то время, что мы ездили на совещание, батальон Хазрата Али Акбара под командованием хадж Резы Шокри-

пура выдвинулся в эпицентр боя. Я обежал глазами людей, находившихся внутри блиндажа: Насера Фатхи среди них не было. Его отец после гибели Надера очень просил меня присматривать за вторым сыном. И он по большей части был со мной, но в этот миг ускользнул и вместе с хадж Резой пошёл в бой.

Темнело, а земля у нас под ногами тряслась, как кожа на барабане. Грохот боя доносился со всей протяжённости шоссе. В командирском блиндаже всё внимание было сосредоточено на рациях, настроенных на волну командиров батальонов на передовой. До утра никому и думать не хотелось о сне. Ясно было, что этот бой на шоссе на Умм-Каср на порядок более жесток, чем бой прошлой ночи. То и дело приезжали на мотоциклах связные с передовой – вся их одежда пропахла порохом. Они докладывали обстановку, получали приказы и уезжали. Работникам штаба и ребятам из разведки тоже было не до отдыха. Разведчики просили командира дивизии отпустить их на передовую, но тот настаивал, чтобы они оставались в командирском блиндаже.

Ближе к утру я вдруг услышал, что хадж Мехди просит Хасана Торка и Али вместе с ним поехать на передовую. Это неожиданное решение вызвало вопросы у некоторых в блиндаже. Кое-кто уже знал новость: хадж Реза Шокрипур на передовой тяжело ранен в живот, и некому взять на себя командование; для этого Хасан Торк и Али Читсаз и ехали на передовую. Я попросился ехать тоже, Али ответил: «Поезжай, но отдельно». Мы приготовили два мотоцикла, и тут к нам подошёл Хамид Малеки. Тоже хотел на передовую, но Хасан Торк ему запретил. Али сказал: «Хасан, выдвигаемся». Два брата Хамида, Саид и Арсалан, погибли в течение двух предыдущих ночей. Наконец Хасан Торк окончательно приказал Хамиду Малеки оставаться здесь, а сам сел на мотоцикл с Али. Я тоже на втором мотоцикле вместе с ними поехал в сторону передовой на шоссе Умм-Каср.

Справа и слева от шоссе рвались снаряды и мины, и вертолёты вели обстрел с воздуха, а из Персидского залива и из пролива Абдаллаха небольшие вражеские корабли также обстреливали идущее по берегу шоссе Фао – Умм-Каср. Миновав весь этот огненный ад, мы добрались до конца нашего участка шоссе. Фронт здесь имел в ширину восемь метров, а по обе стороны шоссе начинались болота, следовательно, вражеские танки не могли окружить нас, как на шоссе на Басру. Но это преимущество было и недостатком: мы не могли рассыпаться по равнине и все теснились на этом восьмиметровом отрезке, полностью простреливаемом. У ребят не было нормального укрытия, и любой, кто появлялся здесь, через несколько минут получал пулю или осколок. И вот в этот грохот стрельбы и взрывов из тыла примчался погрузчик – дорожная машина. Не укладывалось в сознании, как в таком месте, где – подними из укрытия палец, и ты получишь в него сотню пуль, – отважный человек, водитель погрузчика, ухитрился сыпать на шоссе землю с обочин, сооружая насыпь. Но он это делал!

За несколько минут водитель погрузчика под вражеским огнём сделал невысокую насыпь по ширине шоссе – в ней теперь была вся надежда ребят на успешное противостояние наступающим танкам. Водитель успел проделать работу до того, как наступающий танк ударил прямой наводкой и снаряд взорвался в кабине погрузчика. Машина и её водитель так и остались рядом с шоссе. А танки наступали колонной. Присутствие Али и Хасана Торка дало ребятам, чей командир был ранен, новую энергию. Али сказал: «Хошлафз, возвращайся и будь в распоряжении хадж Мехди Кийани».

Я не хотел возвращаться, но спорить было не время. Не успел я отъехать от передовой, как увидел убитого: это был Джамшид, Джамшид Аслиян. Старый друг и однополчанин, твёрдый и честный. Теперь он лежал на спине, а из груди его торчал алюминиевый стабилизатор ракеты РПГ.

Ракета не взорвалась, но пробила его грудь. А вокруг него лежали другие убитые из батальона Хазрата Али Акбара.

Я вернулся в тыл. В это самое время мой брат Джафар в составе дивизионного сапёрного отряда выдвигался на передовую, чтобы перерезать шоссе. Мне повезло, что я и мой мотоцикл уцелели на обратном пути – так силён был миномётный обстрел. Я нёсся на полном газу, но, отъехав от передовой всего с километр, попал под прицел появившегося в небе вертолёта. Можно было подумать, что этот вертолёт уже со всеми расправился, и вот остался один я. Он выпускал по шоссе ракету за ракетой, а я удирал от него, как в приключенческих фильмах. Я был так взвинчен, что, не заглушив мотора, бросил мотоцикл недалеко от командирского блиндажа, а сам вбежал в этот блиндаж. Причём ракета всё-таки угодила в мотоцикл, и он загорелся. В блиндаже рядом с командиром дивизии сидел Мосайеб Маджиди, которому я сказал:

– Иди принимай мотоцикл.

– В таком сражении – какой мотоцикл? – спросил Мосайеб, глянув на моё перепачканное землёй и пылью лицо.

– Может быть, ты захочешь поехать на передовую по-видать Али, – ответил я.

Мосайеб был очень привязан к Али, слушался его как заворожённый, не задавая вопросов. Он вышел из блиндажа, а вернувшись, воскликнул:

– Мотоцикл сгорел!

– Когда сгорел? Я сдавал тебе целый!

– Всё шуточки шутишь, и здесь тоже?!

Мы присели к рациям. Радисты вели переговоры об отчаянном вражеском броневом контрнаступлении: танки колонной пёрли по шоссе от Умм-Каср к Фао, и когда гранатомётчики подбивали один танк, следующий спихивал его с шоссе и полз вперёд. Об этом в разговоре с хадж Мехди Кийани доложил Хасан Торк. Командир дивизии должен был предпринять какие-то новые шаги: фронт рушился.

* * *

С передовой продолжали поступать тревожные рапорты. Натиску иракцев с целью отбить шоссе на Умм-Каср не было конца. Вся душа моя рвалась на передовую: быть с ребятами и что-то делать. Тяжёлые минуты ожидания растягивались. Около трёх пополудни на связь с командиром дивизии вышел Али. Все наши взгляды сосредоточились на лице хадж Мехди Кийани, а слух – на хрипении рации, и вдруг мы увидели, что рука его с микрофоном ослабла. Али сообщил о гибели Хасана Торка.

Эта гибель была тем, чего все почему-то ожидали. Большинство моих друзей ушло в небытие за эти два-три дня. Я рвался вперёд, но на чём? Остался только автомобиль командира дивизии, надёжно спрятанный позади нашего блиндажа. Через час этот блиндаж пережил прямое попадание вертолётной ракеты. Балки перекрытий упали на мешки с песком, пыль и пороховой дым наполнили блиндаж. Под ракетным огнём Мосайеб Маджиди и радисты помогли хадж Мехди Кийани и сейеду Масуду Хиджази перебраться в другой блиндаж рядом с шоссе на Умм-Каср. Я и Хосейн Ширини остались на прежнем месте до темноты. Возле кромки шоссе я ждал какой-нибудь транспорт, чтобы доехать до передовой, и тут приехал хадж Хасан Таджук, командир 151-го батальона. Он заглянул в полуразрушенный блиндаж и спросил: «Кто будет нашим проводником на передовую?».

Он знал, что в этом блиндаже находятся штабные и разведчики, и удивился, увидев только нас двоих. Хосейн Ширини предложил: «Я поеду с вами».

Он уехал, и я остался один-одинёшенек, наедине с моей просолённой раной, боль от которой прожигала меня до кости. А в душе – ещё более глубокая боль от того, что остаюсь здесь в одиночестве.

Этой ночью батальон из Малаера – 151-й – выдвинулся на передовую и храбро сражался, с ними погиб и Хосейн

Ширини. Через два-три дня, когда обстановка немного успокоилась, я встретил Хамид-заде с бинтовой повязкой на глазах. Он приехал сюда из госпиталя и спросил меня: «Али, мы можем ненадолго съездить на шоссе Фао – Бас-ра?».

Хамид-заде постеснялся сказать: «Поищем тело моего брата на этом шоссе». Для него все погибшие, оставшиеся там, были братьями.

На линии фронта теперь размещалась 25-я дивизия «Кербела» из провинции Мазандаран. У них, конечно, возник вопрос: чего мы с Хамид-заде ищем на их участке? Я перелез на ту сторону насыпи. Я хорошо запомнил ту самую танковую колею, на которой мы оставили столько убитых и раненых.

От насыпи я успел отойти всего на несколько метров, когда иракцы заметили меня и открыли стрельбу; пули стали ложиться вокруг. Хамид-заде закричал мне из-за насыпи: «Али, вернись!». Всё это напомнило мне эпизод, когда мы приезжали сюда с Али Читсазом и я попытался вынести с нейтральной полосы раненого, но ничего не вышло. И сейчас мы вернулись, поехали на новую базу отряда в Фао. Настроение у ребят здесь было плохим, никто ни с кем не разговаривал. Моё сердце упало: неужели Али погиб? Оказалось, что погиб Мосайеб Маджиди, незаменимый помощник и заместитель Али, как бы сросшийся с ним душой и телом. Он доставлял боеприпасы на самосвале с пристани на передовую, и началась бомбёжка. После гибели Мосайеба улыбка исчезла с лица Али.

Наступательная операция «Фаджр-8» продлилась более двух месяцев и в начале 1986 года изменила соотношение сил в войне в пользу Исламской Республики Иран. Варварские бомбардировки и постоянные контратаки иракцев не привели ни к чему, кроме потери ими тысяч бойцов и краха всей их военной машины. При всём при том горе от потери друзей и братьев жгло меня до глубины души. Бой

за Фао для всех стал экзаменом. Во время этого испытания брат погибал рядом с братом, а отец – рядом с сыном. И я даже не удивился, услышав о гибели моего брата Джафара. Я сидел в катере, а душа моя улетела на шоссе Басра – Умм-Каср, где, как мне сказали, погиб Джафар¹.

* * *

На каждой улице и в каждом переулке видны были специально оформленные траурные комнаты. Впервые в наступательной операции было столько погибших. Мы образовали группу для того, чтобы заходить в семьи павших и говорить их родным слова поддержки. Постоянными членами этой группы были Бахрам Атайан, Аббас Алафчи и я. Большинство парней из нашего квартала прошли через фронт и многое могли сказать о погибших. Когда моя мама увидела меня после долгой разлуки, она обрадовалась так же, как во время моих первых возвращений с фронта.

Как-то раз я зашёл домой, чтобы надеть чёрную рубашку, а Бахрам и Аббас ждали у дверей. Мама заплакала и сказала: «Вместо тебя я сейчас должна была быть в чёрном».

Я её не понял, тогда она мне объяснила, как сильно она, имея такое любящее сердце, переживает за меня и за Джафара: «Сначала сообщили, что ты погиб. Потом – что ты ранен».

Выйдя из дома, я задумался: кто сообщил о моём ранении? Ведь я скрывал свою рану даже от однополчан в Фао.

Ребята предложили начать с дома хадж Али Фатхи, отца Надера и Насера Фатхи. Насер участвовал в бою на шоссе Умм-Каср, и несколько человек говорили, что видели его гибель, но один человек решительно утверждал,

¹ Но известие это оказалось ложным. Он участвовал в операции по подрыву этого шоссе и увидел, что его однополчанин по имени Мохаммад-Реза Хавари тонет в болоте недалеко от шоссе. При этом у Хавари была оторвана рука. Брат вынес раненого в тыл, а ребята, видевшие эту сцену, решили, что оба они погибли.

что он лично погрузил раненого Насера в катер и отправил в тыл. Наверное, ошибка объяснялась тем, что это был другой раненый, внешне похожий на Насера. Как бы там ни было, хадж Али не верил, что Насер погиб. И он надеялся, что однополчане его сына обойдут больницы и даже морги и установят истину. И я решил махнуть рукой на отпуск и отдых и во имя моей дружбы с Надером и Насером, а также из уважения к их отцу хадж Али согласился поискать тело Насера.

Мы разделились на пять групп и получили в фонде мучеников командировки в Тегеран, Исфахан, Шираз и Ахваз. Я поехал в Исфахан с Мансуром, младшим братом Надера и Насера. Мы начали с палат для раненых в больницах. В каждой такой палате осведомлялись о раненом по имени Насер Фатхи, но везде слышали «нет». Пришла очередь моргов для безымянных павших. В одном вагончике-холодильнике хранилось 35 тел, ответственный сказал нам: «Электричества нет, светите спичками». Он остался снаружи, и там же я оставил Мансура, хотя тот рвался войти вместе со мной. Я зашел один, с несколькими связками спичек.

Сначала в темноте внутри я ничего не увидел. Зажёл первую спичку: гробы стояли в ряд на полу, закрытые крышками, но не заколоченные. Открыл первую деревянную крышку: в гробу лежал солдат без головы. В первую очередь я искал синюю гимнастёрку или куртку: единственное, что мы знали о Насере, было то, что он во время гибели был в синем. Одежда этого бойца была не синяя, и я закрыл крышку гроба. Единственным слабым источником света в вагончике было воронкообразное вентиляционное отверстие в потолке. Оно действовало как вытяжка наоборот: ветерок дул из него внутрь и задувал спички. Иногда, чтобы рассмотреть одного человека, требовалось сжечь несколько спичек. И чем больше гробов я осматривал, тем больше расстраивался. Целых тел здесь почти не было. На

фронте я видел и переносил с места на место множество мёртвых, но теперь этого зрелища я не выдерживал. Каждый из них был подобен Насеру в том смысле, что отец и мать очень ждали их, а они оказались без личной карты, жетона и документов. Пока я осмотрел все 35 тел, я сжёг все три взятые с собой связки спичек.

Когда я вышел, сторож морга сказал мне с исфаханским выговором: «Ты сам как мёртвый!».

Он был прав. Моё лицо посерело, и я только смог сказать ему: во имя Всевышнего и этих погибших, сделай в вагончике какую-нибудь лампу.

Мы вернулись в Хамадан. Все пять групп съездили безрезультатно, и всё-таки хадж Али продолжал ждать возвращения Насера. Вновь мы с ребятами начали посещать семьи погибших. Пришли к нашему другу и учителю хадж Хамиду Малеки, который потерял двух своих братьев, Арсалана и Саида. Хадж Хамид улыбался; вначале мы подумали, что это объясняется его сильной верой и духовностью, но когда он рассказал нам, в чём дело, мы тоже улыбнулись. Он рассказал, что его отец, хадж Оусат, долго был в неведении относительно гибели двух своих сыновей, и никто не осмеливался сообщить ему эту новость. Все ждали, что эту задачу возьмёт на себя старший брат, а потом выяснилось, что новость уже была сообщена соседом и всеобщим любимцем нашего квартала Мохаммадом Аслийаном. Тот сам скорбел по погибшему брату Джамшиду, и вот его мать однажды поздно вечером сказала ему, что сосед ничего не знает и что никто не осмеливается известить его. Мохаммад-ага говорит: прямо сейчас пойду и сообщу. Мама удивилась: так ведь сейчас ночь. Тот говорит: если они заперлись, то перелезу через забор и сообщу. Они ведь меня знают.

В эту ночь мама его отговорила, но утром, ни свет ни заря, Мохаммад-ага выполнил долг. Пришёл к соседу, хадж Оусату, а тот, увидев его чёрную рубашку, начал выражать соболезнования в связи со смертью его брата Джамшида

и утешать его. Потом спрашивает, как вообще дела, а Мохаммад-ага без предисловий ему заявляет: «Всевышний прощает всех мучеников. Нашего Джамшида, вашего Арсалана, вашего Саида». Хадж Оусат так и упал на стул.

Пришло время для посещения семьи погибших братьев Энайати. Это была третья известная мне семья, потерявшая сразу двух сыновей. Хадж Исмаил Энайати, старый фронтовой лев, увидев нас, высказал свою жалобу на судьбу, но с оттенком любви: «Господин Хошлафз, помнишь ту ночь, когда ты и Али Читсаз оторвали меня от моего Джамаля и отправили в тыл? Если бы я в ту ночь остался с сыном на шоссе на Басру, я и сейчас был бы рядом с ним».

Следующей семьёй квартала, которую мы посетили, была семья Джафара Монтагами. Отец его был мощным, как гора. Мы с ребятами решили, что здесь говорить буду я. Я рассказал, как грузил Джафара в катер на пристани и достал из его кармана маленький молитвенный коврик и чётки. Это было единственным его имуществом, которое я и отдал отцу.

С новыми силами мы с ребятами из квартала, а иногда из разведки продолжили посещение семей погибших. Побывали в домах Назари, Хади, Рахими, Мостафави, Ширини, Хасана Торка – и каждое из этих посещений было для нас уроком, школой.

В конце концов мы пошли в семью моего терпеливого и непритязательного однополчанина Махмуда Хамид-заде. Того самого, который в последнем наступлении стал образцом мужества на шоссе Фао – Умм-Каср, того, который был ранен в глаза, но искал своего убитого младшего брата Саида, – тело Саида так и оставалось в тех местах. Семья состояла из отца, матери и братьев; и все они были опорой фронта.

Сестра Махмуда жила в Тегеране и по настоянию Махмуда записала меня на приём к врачу, чтобы я вылечился от язвы желудка, от которой страдал не один год.

Мы с Махмудом Хамид-заде приехали в Тегеран вечером. Я знал, что эндоскопию делают натошак, поужинал, но не завтракал и ничего не ел весь тот день, что мы провели в дороге. Не ел ничего и до следующего утра, но, когда мы сидели в очереди к врачу, я не выдержал. Сказал Махмуду, что выйду ненадолго и вернусь.

На улице в лавке продавали бутерброды, я попросил три бутерброда и две порции напитка и отвёл душу. Продавец и его помощник, увидев, с какой жадностью я ем, удивились:

– Сколько же дней ты голодал?

– Столько, что, если сейчас не поел бы, то умер бы.

Когда я вернулся, нас вызвали к врачу. Мы вошли. Осматривая меня, врач понял по запаху изо рта, что я только что поел. Он потрогал мой живот: полный. И спросил рассерженно:

– Разве тебе не сказали, что надо натошак приходить?

От стыда я ничего не мог ответить. Хамид-заде тоже смотрел на меня непонимающе, а доктор распорядился:

– Осмотр отменяется. Отменяется. Если ты не можешь справиться со своим желудком, то как же ты хочешь справиться с иракцами?

* * *

Наступил конец марта 1986 года. Нашей дивизии отвели новый участок фронта: между двумя шоссе, на Умм-Каср и на Басру, с опорной точкой в виде соляной фабрики. Соседями слева и справа были дивизии Имама Хусейна, «Ашура» и «Кербела». Али снова в отряде разведчиков занялся созданием команды. Наша работа распадалась на два подвида: либо мы шли на передовую и там были вместе с пехотой, либо нас отзывали в тыл, где, по настоянию Али, мы учились водолазному делу. И как же сильно прилипал к телу этот тесный водолазный костюм – на воздухе в холодную весеннюю погоду и в ещё более холодной воде Арванд-

руда! Али привозил нас группами по десять человек сюда, к тому месту, где река впадала в Персидский залив. Ширина свирепого Арвандруда здесь была около двух километров, скорость течения – ужасающая. И вот недалеко от берега Али сбрасывал нас в воду с катера, давал газ и уносился прочь – к тому берегу, где находятся Хосровабад и Арвандкенар. И мы два километра работали ластами, сражаясь с холодными солёными волнами. Но, когда наши ноги уже были готовы коснуться береговой глины, он давал новую команду: возвратиться на исходный рубеж. И мы собирали волю в кулак и плыли обратно ещё два километра. Опасность нападения акул также была реальной. Мы работали ластами, и нас не оставлял страх: вот-вот акула всплывёт и вопьётся в ногу. Заплывы эти были небезопасны: бывало, нахлебаешься воды из-за волн; ребята и задыхались, и тошнило, и рвало прямо в воде. Одному парню разорвало ногу винтом катера. Иракская артиллерия тоже не сидела без дела: вслепую обстреливала водный простор.

Вместе с тем после фронта это было своеобразным отдыхом. Хотя от холода в воде порой сводило челюсти и начинались судороги ножных мышц – от этих судорог имелось своеобразное лекарство: помочиться внутрь водолазного костюма, как бы сделать себе горячий компресс. Об этом ребята шутили во время занятий. После заплывов, выйдя из воды, мы обмывали всё тело в душе, при этом отдавали должное мужеству тех водолазов, которые двумя месяцами раньше, в зимнее время и в тёмную ночь, переплыли эту реку и взломали оборону противника в районе Фао.

Наше обучение водолазному делу в водах Арвандруда длилось 20 дней. Мастерство наше так выросло, что свирепая река теперь казалась ручной. Али превратил берег реки в линию фронта, соревнования в плавании тоже были чем-то вроде боёв. И я горжусь тем, что выигрывал обе дистанции: в плавании и туда, и обратно. Кстати, я, бывало, и в воде перекусывал: либо брал с собой военный сухой паёк,

либо просто шоколадки, которые прятал под мышкой, внутри водолазного костюма. Эти шоколадки отлично восставляли энергию. Ребята шутили: «Хороший едок! ¹ Ты и в воде лопаешь?!».

Я смеялся и иногда отламывал немного шоколада тем, кто плыл рядом со мной.

* * *

Однажды мы отдыхали на базе разведки, и я обратил внимание на спящего Голе-Мохаммади; и выиграло – не без помощи шайтана – моё озорство. Этот боец очень боялся щекотки, до такой степени, что, если перед ним раскрывали ладонь и шевелили пальцами, то его тело вздрагивало – что уж говорить о реальной щекотке, от которой он чуть не умирал. Этот раб Божий безмятежно спал на солнышке, на узкой лавке. Лежанка была приподнята над землёй, и я смог снизу привязать его к ней несколькими патронетами, которые я как раз наполнял. Четырьмя патронными лентами я привязал его грудь и ноги, а он так крепко спал, что ничего не почувствовал. Наконец я сорвал с его ног носки, тут он проснулся, но было уже поздно. Сначала я издали показывал ему, что раскрываю и закрываю ладони, он смеялся, дёргался и умолял пощадить его. Потом я ногтями прошёлся по его подошвам, и тут он такотреагировал, словно это была не щекотка, а удары кнута. Изгибался вверх и вниз, а несколько человек наблюдали за моим озорством и смеялись. Как он ни просил прекратить, я не слушал; наконец он смог невероятным усилием освободиться от патронных лент. Настала его очередь мстить, но то, что он сделал, было невероятно: бросился к оружию и пере-

¹ За годы войны мою фамилию Хошлафз (дословно: «хорошо говорящий») как только не переделывали! Называли меня и «Хорошо излагающим», и «Хорошо раненным», и «Хорошим другом», и «Хорошим едоком», и «Хорошим смыслом». Мне особенно нравилось это последнее прозвище, которое ввёл в обращение мой учитель и образец для подражания, хадж-ага Реза Фазелиян.

дёрнул затвор «калашникова». Увидев, что дело серьёзное, я бросился бежать, но он в раздражении начал стрелять, и у меня не было иного выхода, как заскочить в блиндаж Али.

Тот уже услышал выстрелы и вышел из землянки, и я, как ребёнок, спрятался за его спину. Узнав причину переполоха, Али успокоил Голе-Мохаммади, взял свой «калашников» и сказал мне: «Я сейчас сам тебя застрелю. Что это за шутки, в конце концов?».

Наши отношения с Али были столь простыми и дружескими, что я сказал ему, мол, чтоб ты сдох, ведь этому мы у тебя научились! Ты сам нас поощрял к подобному. Увидев, что он опять берёт автомат, я выскочил из его землянки. Тогда он, в своей учительской манере, начал стрелять буквально в сантиметрах от моих ног. Я бросился наутёк, говоря: вот видишь, я не соврал.

Через какое-то время я отправился на передовую. Там иракцы построили Г-образную насыпь, которая была и перед нами, и слева от нас. Наша насыпь, соответственно, имела ту же форму. Это было время, когда на этом участке царствовали иракские стрелки и снайперы. Стоило поднять голову над насыпью, и можно было получить пулю в лоб. Разведка использовала блиндаж командира батальона, то есть хадж Саттара Эбрахими. Он сказал мне:

– Хошлафз, если здесь высунешься, повторишь судьбу того бойца, который вчера умер. – И командир батальона показал мне брызги крови на мешке с песком. Меня взяла злость, и я спросил:

– У вас есть на передовой 60-миллиметровый миномёт?

– Нет; если мы сделаем один выстрел, иракцы сотней ответят.

Но я убедил хадж Саттара, чтобы сюда доставили 60-миллиметровый миномёт с двумястами минами. Станину миномёта я как следует углубил в землю, сверху укрепил её тёсом и мешком с песком, чтобы добиться устойчивости. Хадж Саттар спросил:

– Ты действуешь наугад или всё хорошо рассчитал?

– В начале войны на фронте под Мариваном я учился миномётной стрельбе. Не подведу вас.

Хаджи отдал приказ бойцам разойтись по укрытиям, и я послал первую мину по иракским позициям. Расстояние между нами было 700 метров. Первая мина упала у начала насыпи. Я прибавил 5 метров дистанции и сделал второй выстрел. Мина попала точно в окоп. Мне помогал басидж, который быстро работал с трубками взрывателя. А я, меняя угол обстрела, накрывал минами всю вражескую насыпь от начала до конца.

Я вёл стрельбу с двух часов до шести вечера. Иракцы не осмеливались высунуться и стрелять в своей обычной манере. На нашей линии наступило затишье, но иракцы «катюшами» обстреляли наш тыл, откуда хадж Саттару сообщили по радию, что несколько человек ранено. Именно в это время из тыла иракцев к ним на передовую приехали два грузовика «Ифа» – видно было, что они запросто доставляют подкрепления на свои передовые позиции. У меня оставалось несколько мин. Я постарался с точностью навести их на два грузовика и наблюдал в бинокль за результатами. Мины упали на один из грузовиков и полностью его уничтожили; а со следующего дня снайперы здесь больше не показывались.

В этой местности повсюду были солёные озера, а вся равнина – смесь солончаков и болот. Ясно, что и позади иракской передовой линии было то же самое, то есть враг не мог использовать танки. Эта особенность местности навела командиров и планировщиков операций на мысль осуществить захват иракской Г-образной насыпи, не опасаясь их броневого контрудара.

Однажды вечером сообщили, что парни из числа сапёров дивизии будут делать минное поле перед нашей насыпью. Логика этого решения была такова: если мы планируем захватить иракскую насыпь, то и они могут раз-

рабатывать планы налёта на нашу насыпь и её зачистки; чтобы обезопасить себя, требовалось минное поле. Когда наши минёры прибыли на передовую, я среди них узнал моего брата Джафара. Он помахал мне рукой и вместе с другими вышел на нейтральную полосу. По приказу хадж Саттара все его бойцы осуществляли огневое прикрытие стрельбой из «калашниковых» и пулемётов. Я тоже выпустил по врагу три полные ленты из «горюнова». Я переживал за минёров и больше всех за Джафара, и, кстати, беспокойство о нём было связано с моей собственной судьбой. Наш старший брат Амир умер, и если что-то случится с младшим, я буду вынужден вернуться к нашей семье. Эта мысль съела меня как проказа: не приведи Бог, что-то случится с Джафаром!

Эта ночь прошла успешно. Перед нашими позициями появилось широкое минное поле, и все сапёры благополучно вернулись. На следующий день мы собирались возвращаться в тыл, как вдруг 120-миллиметровая мина упала прямо на наш блиндаж. Взрыв разрушил дерево и железо перекрытия, никто не был ранен, но одного парня контузило взрывом. До такой степени, что он начал заговариваться: «Дом моей тёти разрушили. Какой прах мне сыпать на голову?».

Он без конца повторял эти слова, как стихи, и сыпал себе на голову землю; я отвёз его в тыл и снова вернулся на передовую. В эту ночь двоих наших посылали на задание на нейтральную полосу. Это мне сказал хадж Саттар, и в темноте я разглядел, что оба они – минёры. Причём один из них Джафар. Я встал на его пути: «А ты разве разведчик, что идёшь в разведку?».

Хадж Саттар попытался вмешаться. Успокаивая меня, объяснил: «Господин Банадери посылает их, чтобы посмотреть: иракцы, по нашему примеру, не делают ли минное поле перед своей линией?».

Я испытывал большое уважение к хадж Саттару, однако предпочёл настоять, чтобы Джафар и второй минёр

остались здесь, пока я не поговорю с господином Банадери. Вскочил на мотоцикл; кстати, блиндаж господина Банадери, начальника штаба дивизии, был недалеко от передовой. И обстреливали его блиндаж на порядок интенсивнее, чем наш на передовой.

Войдя к нему, я спросил:

– Разве у нас нет разведчиков, что уже посылают в разведку минёров?

Господин Банадери мог бы мне не отвечать, но он терпеливо и спокойно дал пояснения:

– Для этого задания нужны кадры, которые смогут выбраться с минного поля, если на нём застрянут.

– Я сам и многие ребята из разведки также являемся специалистами в минном деле. Я не пушу этих двух ребят. Сам пойду на задание с ещё одним парнем из разведки.

Господин Банадери не стал возражать. Он связался с Али и попросил послать двух парней из разведки вместо минёров. А я во время возвращения на передовую увидел убитого, который погиб среди соляных полей. Солёная вода приостановила процесс разложения, и всё же было ясно, что погиб он давно, а тело не забрали, поскольку лежало оно в скрытой от глаз яме. Мне пришлось заняться вывозкой в тыл этого тела, и это всё продолжалось так долго, что, когда я приехал на передовую, увидел, что Али уже выбрал двоих разведчиков для задания вместо минёров. Это были Зульфагари и Канаани¹.

Когда они ушли за насыпь, я сказал хадж Саттару: «Они оба не вернуться».

Здесь ходить в разведку было не то, что под Мехраном и Саре-Поле-Захаб, где можно было прятаться среди деревьев и кустов, на берегах рек и за каменными плитами. Даже разведка на открытом фронте при штурме Хоррамшахра была проще, так как там на километры не было

¹ Оба они позднее погибли.

врага. Здесь была голая равнина, и тот, кто даже умел прятаться от врага, вряд ли мог бы перелезть через его насыпь, за которой было полно окопов и блиндажей, через каждые два-три метра. Кроме того, всякий, кто приближался к противоположащей насыпи, просматривался ещё и слева, благодаря её Г-образной форме. В общем, двое наших миновали проход в собственном минном поле и уползли в сторону врага, скрывшись в темноте.

Пришло утро, рассвет, но о ребятах ни слуху ни духу. До следующей ночи продолжалась неизвестность, и посреди ночи они вернулись, когда мы уже и надеяться перестали. Их униформа от долгого лежания в солёной воде покрылась белой коркой. Они доползли до угла в иракской насыпи, и там их застиг рассвет. Им пришлось лежать в яме с солёной водой до следующей ночи. После этих двух парней было ещё несколько наших разведок, и командование в конце концов убедилось, что перед иракской позицией минного поля нет.

Однажды я возвращался на «Тойоте» с передовой в тыл и был уже недалеко от развилки трёх дорог, которую из-за сильного вражеского огня прозвали «развилкой павших». Развилка уже завиднелась, когда я услышал свист, и в ста метрах от меня взорвалась первая мина. Я прибавил газу, но вторая мина упала в 50 метрах от машины. Тогда я остановился. Я догадался, что следующая мина попадёт точно на развилку. После этого обстрел прервался: по-видимому, иракский наблюдатель ждал, когда я поеду, чтобы потребовать третий выстрел. Но я стоял неподвижно: ясно было, что психологический поединок между мной и иракским наблюдателем подошёл к критической точке. Не видя друг друга, мы взаимно читали наши мысли. Прошло несколько минут, и засвистела новая мина; я понял, что я выиграл поединок. Иракский наблюдатель сдвинул прицел от развилки на 50 метров в ту сторону, где стояла машина. И мина взорвалась в 10 метрах от «Тойоты». Передние и задние

стёкла кабины выбило взрывной волной, корпус машины получил несколько осколков, но я больше не стоял, а дал полный газ. И, прежде чем наблюдатель смог скорректировать прицел, я проскочил развилку и удрал.

Когда я вернулся на передовую, там были Али и Шах-Хосейни. Они подняли шумиху в том смысле, что до начала наступления на передовой всё должно казаться обычным. Иракцы тоже ответно вели плотный пулемётный огонь по нашим позициям. Пули так и впивались в мешки здесь и там. Али вдруг упал на землю так, словно получил пулю, и, глядя в небо, произнёс:

– Парни, я хочу жениться.

– Какое у тебя хорошее настроение, Али! – сказал Шах-Хосейни.

– Вообще-то женитьба требует именно хорошего настроения, – ответил Али.

– Иракский пулемётчик тоже чувствует твоё настроение, – сказал я. – Он решил повеселиться вместе с тобой.

Как только я это произнёс, Али вскочил, как будто отпустили натянутую тетиву лука, выпустив стрелу. Подойдя к автоматическому гранатомёту «Пламя», который мы взяли в качестве трофея, он приготовил его к стрельбе. И открыл бешеный огонь, стрелял до тех пор, пока иракский пулемётчик не замолчал. После этого Али вновь стал прежним шутником и острословом: «Ещё не родился на свет тот, кто испортит мне настроение!».

До ночи наступления осталось не больше пары дней, когда я съездил в расположение батальона Али Асгара – 155-го, в место под названием Рас аль-Бише. Это в уголке между Персидским заливом и дорогой на Умм-Каср; там было много тростника и москитов, по этой причине ребята переделали название места в «Рас аль-Паше»¹. Настроение у парней было удивительное. Радость и рыдания впер-

¹ «Паше» по-персидски – «комар, москит» (прим. перев.).

мешку, причём и то и другое высшего накала. Они и шутили, и молились вместе. Я знал многих из них, но особенно хотел повидаться с сыном моей тёти, Маджидом Салавати. Он был одним из заместителей мэра Хамадана, и его добровольный отъезд на фронт имел слегка скандальный оттенок. Я нашёл его и спросил: «Ты один приехал?». Он ответил: «Нет, здесь и мой брат». «Дорогой Маджид, – сказал я, – будь осторожен. Война, бывает, забирает братьев вместе».

Я вернулся и попросил Али послать меня в бой с батальоном. Он ответил: «Большинство парней из штаба убиты или ранены, и им нужно помочь». И он прикомандировал к штабу меня и Носрата Наини. Впервые в жизни мы получили опыт работы в штабе. Начальник штабного отдела – сейед Масуд Хиджази – разместился на передовой. Мы прибыли и представились ему в прочном бетонном бункере, где расположился штабной отдел на передовой. Здесь мы узнали, что наступают одновременно с нами дивизии Имама Хусейна, «Ашура» и «Кербела». Что касается нашей дивизии, то направление и полоса её наступления силами двух батальонов были прямо напротив нашей позиции, то есть бойцы должны были идти по тому самому маршруту, по которому ходили в разведку Зульфагари и Канаани. Минёры перед наступлением прошли по минному полю и сделали узкий проход. Батальоны скрытно миновали его и достигли иракской насыпи. Очереди и взрывы разорвали ночную тишину. Начался бой, и я впервые за всё время моего военного опыта остался на нашей линии и не пошёл вперёд. Через несколько минут заработали ракеты, и с линии боя господину Хиджази сообщили, что оборона врага прорвана. Между тем безжалостный вражеский обстрел накрыл наш блиндаж. Блиндаж закачался как люлька: каждую минуту, наверное, на него падало сверху по 7–8 мин. Прочные перекрытия держались, однако огонь не давал никому выйти. Один из передовых командиров сообщил

по рации Хиджази: «Между нами и соседним батальоном прореха, надо её заполнить войсками».

В блиндаже было темным-темно. Слышались только голоса из раций и переговоры по рациям, да ещё, если артиллерийский снаряд или мина взрывались очень близко, то сполох вспышки проникал в блиндаж, и мы видели друг друга. Хиджази сказал: «Кто пойдёт добровольцем, соединить два батальона? В нашей линии на насыпи не должно быть прорех».

Добровольцем никто не вызвался. Хиджази был вынужден назначить связного сам и фонариком осветил наши лица. Нас было пять или шесть, и мы молча смотрели на него, а он вглядывался в нас одного за другим, словно в лица преступников, и вдруг выбор его пал на меня. Он спросил:

– Хошлафз, ты знаешь участок и маршрут?

– Так точно, знаю.

– Выдвигайся туда и сделай так, чтобы два батальона взялись за руки, чтобы между ними не было промежутка.

– Господин Хиджази, – ответил я, – батальоны знают меня как проводника из разведки, а не как представителя штаба. Они меня не послушают. Отправь со мной одного из штабных парней.

Он выбрал одного из сотрудников штаба, работавших с ним довольно долго, парня с хузестанским выговором: «Идите вы двое вместе».

Но только мы вышли из штабного блиндажа, как перед нами взорвался артиллерийский снаряд и осколки ударили в грудь моему хузестанскому спутнику. Я втащил его назад в блиндаж. Он со своим южным выговором сказал господину Хиджази: «Масуд, умираю. Масуд, умираю».

– Значит, иди один, – приказал Хиджази, так как иного выбора не было.

Я вышел из блиндажа и вскоре двинулся по тому проходу в минном поле перед нашей позицией. Справа и слева

лежали убитые, а я быстро шёл в сторону захваченной насыпи. Чем ближе я к ней подходил, тем огонь врага становился слабее. Двадцать минут тянулись мои старания найти разрыв между двумя батальонами. Меня лучше знали в батальоне хадж Саттара, поэтому я взял у них взвод и перевёл его на нужный участок.

Было уже восемь утра. Я прошёл всю захваченную насыпь слева направо. Она была плотно забита нашими бойцами, и тут было много трупов врага и некоторое количество наших погибших. Я вспомнил тот день, когда 60-миллиметровым миномётом обрабатывал всю эту насыпь; теперь я был на этих самых позициях. Ребята эвакуировали в тыл раненых и убитых. Дивизии Имама Хусейна и «Ашура» тоже прорвали фронт, и вся Г-образная насыпь целиком была в наших руках. В отличие от своей всегдашней манеры вести бой, иракцы не пытались контратаковать броневыми силами. Я хотел уже возвращаться, как в небе показался самолёт «Трещотка»¹.

Он издавал узнаваемый шум в полёте. Самолёт не имел современного грозного облика и походил скорее на самолёты старых поколений, но его манёвренность и увертливость были высоки. Он издали выпустил несколько ракет и исчез. Ракеты содержали отравляющий газ – я к этому был не готов и, как и большинство ребят, не имел с собой противогаза. Нос наполнил резкий запах чеснока и рыбы; когда этот газ попал мне в лёгкие, голова моя закружилась и мысли смешались. Я упал и через несколько минут увидел у себя над головой Мохаммада Момени. Он был из числа разведчиков и успешно ходил на задание к этой насыпи вместе с Али Шах-Хосейни. Он стал моим ангелом-хранителем: усадил меня на заднее сиденье мотоцикла и отвёз

¹ Самолёт швейцарского производства PC-7, лёгкий турбовинтовой, называемый бойцами «Трещотка» из-за звука в полёте. Иракская армия приняла его на вооружение с 1984 года, и до конца войны было сбито всего два таких самолёта (*прим. иран. ред.*).

в тыл. В пути мы встретились с «Тойотой», полной убитых, направляющейся в тыл.

Меня всё ещё тошнило и рвало, когда мы доехали до прежней фронтовой линии, где теперь не было обстрела и стояла тишина. Шах-Хосейни сказал: «Хошлафз, иди в тот блиндаж, отдохни».

Я вошёл в блиндаж, где всё было приспособлено для отдыха. От чистых одеял до печки и плитки для разогрева пищи; был чайник и даже кулер с ледяной водой! Такой комфортабельный блиндаж во фронтовых условиях был явлением поистине редким. Это был блиндаж «арочного» типа, сделанный из прочных балок и гнутых панелей, а в потолке было нечто вроде светового люка, используемого также для вентиляции. Ясно было, что прежде этот блиндаж предназначался для иракских командиров, где они могли отдыхать в полном покое.

Я взял одеяла и закутался в них. Рядом было несколько парней из числа разведчиков и подрывников, среди них Мохаммадлу, Абади, Хошшеар, ещё кто-то... Я вроде бы начал задрёмывать, но уже через пять минут мне опять стало плохо. Я дёргался, как курица с отрубленной головой, и не мог найти удобного положения; наконец отбросил мягкие одеяла и вышел на воздух. Мохаммад Момени сидел на прежнем месте неподалёку, он спросил:

– Что случилось?

– Не могу заснуть. Непокойно и тошнит.

Мохаммад Момени зашёл в блиндаж и улёгся в точности на моё место, завернулся в те же одеяла. А я нашёл неподалёку, буквально в десяти метрах, другое укрытие, которое не было столь комфортным, как предыдущее. В нём ничего не было: ни одеял, ни воды, ни даже крыши; два-три ряда мешков с песком, выстроенных рядами, – и всё. И я растянулся именно здесь, нашёл какую-то глыбу под голову, и – как это ни удивительно – меня сморил глубокий и спокойный сон.

Я спал до полудня. Никакой грохот взрывов не мог меня разбудить. Проснулся я от голода и пошёл в сторону того комфортабельного блиндажа, однако от него и следа не осталось. Как будто проехал бульдозер и сровнял всё с землёй. Я протёр глаза. Подумал, что в чём-то ошибаюсь, но ошибки не было. Рядом оказался парень из похоронной команды, который, увидев моё недоуменное лицо, спросил:

– Ты где был недавно?

– Я прямо здесь, недалеко, спал. А что случилось? Почему разрушен блиндаж?

– Два часа назад артиллерийский снаряд попал прямо в вентиляционное отверстие блиндажа, и взрывом всех парней там внутри разорвало на кусочки.

Я был потрясён. Не мог поверить. Там, где я лежал, позже лёг Мохаммад Момени, тот самый, который раньше этим утром привёз меня сюда.

Я продолжал недоумевать: как же я мог не услышать взрыв, находясь всего в десятке метров? Вообще, почему я поменялся местами с Момени? Почему?

Я принялся разгрести землю и обломки на месте взрыва. На глубине было много крови, ошмётков мяса и поломанных костей.

Из-за отравления газом я некоторое время находился на лечении, а потом меня отвезли в Хамадан. Это происшествие, подобно гибели Али Мохаммади, оказало на меня сильное влияние. Я начал чуждаться людей и предпочитать уединение. Даже когда ребята из отряда приглашали меня посетить семьи погибших, в том числе Мохаммада Момени, я отказывался. Я как-то совсем сдал. Не было сил осмыслить произошедшее. Даже когда Али передал мне весточку о возвращении на фронт, я ответил ему: «Я не еду».

Глава одиннадцатая

БЕГСТВО ОТ ИМЕНИ И ДОЛЖНОСТИ

Каждый день маршрут мой лежал от дома до мечети, причём я ни с кем не разговаривал, пока однажды не встретил старого друга, Мохаммада-Резу Махмуда¹, который сказал: «Зайди ко мне как-нибудь».

Он предложил мне работу незаметную, но удобную Аллаху, и я принял предложение. Обучение моё он провёл за один день: проинструктировал, как показывать фильмы в мечетях и как пользоваться старыми кинопроекторами и большим видеоманитофоном «Бетамакс».

Однажды вечером он не пришёл, и я сам повёз на пикапе «Симург», принадлежащем культурному отделению Народного ополчения, всю технику, нужную для кинопоказа, в деревню Хесар недалеко от города. Фильм повествовал о фронте. В мечети на верхнем этаже, там, где нужно было показывать фильм, толпился народ. Я повесил на стену белый экран и установил аппарат на железную подставку.

Целый час я возился с видеоаппаратурой, однако, к моему несчастью, она так и не заработала. Теперь уже народ вместо вознесения молитв громко ворчал, некоторые ругались, а один человек закричал мне: «Ты себя сделал пошлостью! Не умеешь, так не заставлял бы нас ждать!».

¹ Полковник Мохаммад-Реза Махмуд во время Ирано-иракской войны в тылу занимался культурно-просветительской работой, а на фронте воевал в противотанковом батальоне.

Я ничего не стал отвечать. Собрал всю аппаратуру, отвёз её Мохаммаду-Резе Махмуду и признался ему: «Это не моя работа».

Вновь я пришёл к Али, который ещё оставался в Хамадане. Он не без иронии сказал мне: «Гостей пригласил, а сам удрал?». Я его не понял: «Каких, куда?» – «А тех ребят из Тегерана, – ответил Али. – Я говорю об Али-Резе Эбрахими и об Азиз-заде, которые к нам пришли после Фао. Они тут мыкались по всем домам, искали тебя».

Правила гостеприимства требовали от меня увидеться с этими двумя, приехавшими в Хамадан. И я их нашёл тренирующимися с другими ребятами из разведки: в бассейне, но в одежде и с оружием. Когда я вошёл туда, Али построил их возле бассейна, и они разом нырнули, как на соревновании пловцов, но во всём снаряжении. Али-Реза Эбрахими прошёл весь бассейн и вернулся первым. Али был в восторге. Он разбирался в людях и понимал, какой ценной находкой был Али-Реза Эбрахими. Тут же и я приветствовал обоих парней, а вечер мы провели в доме одного из наших ребят, и вновь я почувствовал, что хочу на фронт.

* * *

Вместе с парнями отряда мы выдвинулись на юг. После Докухе я занял место в кузове «Тойоты», Али сидел впереди с водителем. И пока мы ехали от Докухе до Ахваза, в моей памяти прокручивались все события с 1981 по 1986 годы. В этих воспоминаниях было очень много друзей.

После того как мы достигли Ахваза, Али тоже перебрался в кузов. Он сказал: «Хочу смотреть на звёзды». Я испытывал приятное чувство. Словно только вчера это было: сейед Хосейн Самават так же сидел после той встречи с имамом Хомейни, когда мы из Тегерана возвращались в Хамадан. Теперь вместо него Али. Но он, в отличие от сейеда, пришёл, чтобы найти возможность излить мне душу.

Стемнело, и замигали звёзды. Али, глядя в небо, сказал:

– Дядя Али¹, я стал очень одинок. Бой за Фао сломал меня. Лучшие парни отряда погибли.

И он одно за другим перечислил имена погибших ребят из разведки, а когда дошёл до Мосайеба, не смог говорить и разрыдался. Я тоже открыл ему душу:

– Али, меня тоже надломило. Я устал. Подавлен. С кем бы я ни сдружился, он уходит, и я остаюсь один. Кстати, я хочу перевестись из разведчиков, если ты дашь разрешение.

Нахмурясь, он сказал:

– Сначала ты сказал, что переходишь в 155-й батальон, я сказал: иди. Потом ты сказал, что уходишь вообще из дивизии, и снова я тебя отпустил. Ты перешёл к минёрам. Сейчас не прошло и двух месяцев после того, как ты привёл этих двух парней из 27-й. И куда теперь хочешь идти?

– Я ещё сам не знаю, куда. В Хамадане я пробовал заниматься культурной работой. Но это у меня не пошло. Постучался в газовую фирму, которая набирала персонал: меня согласились принять, но я сам передумал. Новый призыв имама Хомейни привёл меня на фронт. Не знаю, может, я из-за этих двух тегеранских гостей поехал сюда. Не знаю почему, но я думаю, что должен вскоре перейти отсюда. После гибели Мохаммада Момени считаю себя недостойным работать в разведке.

– На твой уход я согласен, – сказал Али, – но что ты скажешь Али-Резе Эбрахими и Азиз-заде?

– В их отношении я своё слово сдержал. Всякий раз, когда ты говорил: отпускаю, иди, но скорее возвращайся, я уходил и вскоре возвращался. Если мне ещё суждено остаться в живых, то я ещё раз уйду и вернусь к вам.

Али весело нахмурился – это было его особенным выражением лица – и ответил:

¹ Уже год или два, как он стал называть меня «дядя Али».

– Я согласен, что ты «хорошо говорящий». Дядя Али, иди и скорее возвращайся. Ещё до зимы.

Глубокой ночью мы приехали на остров Маджнун. Ребята вновь вернулись на этот остров, в западный край, после двух лет отлучки. На фронт, который – хотя я этого ещё не знал – станет местом гибели для многих из них. Я получил в отряде письмо о моём откомандировании. Али-Реза Эбрахими и Азиз-заде узнали об этом. Эбрахими прямо и без церемоний сказал мне: «Хошлафз, ты подлец и трус!». И он бросил в меня ботинком, который попал мне в плечо. Он сказал это в шутку, а я ответил серьёзно: «То, что ты говоришь, правда. Я это и сам знаю».

Эбрахими был умён и понял всю подоплёку моих слов. Он подошёл и обнял меня.

Я пошёл в кадры дивизии и получил официальное письмо о переводе меня в отдел материально-технического обеспечения. Все были удивлены моим переводом, но на письме была подпись Али. В отделе МТО дивизии я знал Ала-ад-Дина Хабиби и Бахрама Атайана. Бахрам, как и я, перешёл в МТО из разведки и теперь заведовал отделом снабжения дивизии, а хадж Ала Хабиби был его начальником. Хадж Ала спросил:

– Али, какую работу тебе поручить, чтобы завтра она не стала предметом пересудов и легенд?

Я посмотрел по сторонам. Увидел «Тойоту» с цистерной воды и сказал:

– Хочу быть водителем цистерны с водой.

– Ты хочешь, чтобы каждый встречный и поперечный уличал меня в том, что я назначил опытного разведчика водовозом?

Но я настаивал только на этой работе, и он сдался. Отправил меня в подчинение начальника отдела МТО острова, Мехди Казази.

Этот человек тоже знал меня. Он удивился моему назначению, но я объяснил, что это мой собственный выбор.

В его подразделение, кроме меня, пришли многие бывшие работники военно-воздушных сил из Хамадана, с базы мученика Нуже. Теперь они стали водителями грузовиков, погрузчиков, бульдозеров. Позже я узнал, что некоторые из них имеют звание полковника, а из военно-воздушных сил получили освобождение, чтобы приехать на фронт. Погода стояла жаркая: температура под пятьдесят градусов и влажность семьдесят процентов, при этом адский вражеский огонь, сосредоточенный на участке от развилки имени хадж Хеммата до начала передовой линии на юге островов Маджнун. Днём передвижения были редки, это касалось и пеших переходов, и автомобилей, и лодок. Даже если кто-то днём бывал ранен, ему приходилось ждать до ночи, чтобы его на лодке отвезли в тыл. Здесь, на юге островов Маджнун, превосходство врага было во всём. Иракцы постоянно на юге насыпали землю самосвалами, трамбовали её и строили дорогу, чтобы таким образом сжать тисками наши тылы. Десятки танков и сотни единиц артиллерии и «катюш» безжалостно обстреливали нас; и, когда на передовую прибывала цистерна с водой, ребята, измотанные и раненые, припадали к этой воде как к источнику жизни. Я взял за привычку в дневное время наполнять водой цистерну, класть себе на голову кусок льда, крепко привязывать его к голове арафаткой и потом ехать на передовую. Это я делал ежедневно, и очень многие меня знали. И все говорили: «Хошлафз сошёл с ума».

Я действительно очень рисковал, попадая под сильный вражеский обстрел; конечно, вблизи передовой подолгу не задерживался и уезжал как можно быстрее, выполнив свою работу.

Однажды ночью по дороге из тыла к передовой я задержался возле развилки, названной в честь погибшего здесь хадж Хеммата. Как и та соляная фабрика, эта развилка считалась пристрелянным врагом местом. И вот я остановился у этой развилки с зажжёнными фарами. Наши автомобили

тоже остановились, опасаясь подъезжать ко мне. Кто-то закричал мне: «Сумасшедший, если задумал самоубийство, найди другое место».

Сведения о моих необычных, выбивающихся из канонов поступках дошли до командира дивизии. Хадж Мехди Кийани вызвал меня. Когда он узнал, что я оставил разведку, чтобы сделаться водителем водяной цистерны, он выбранил меня и сказал: «Отправляйся в Хамадан. Тебе надо официально стать членом КСИР. Когда вернёшься, я дам тебе работу».

Хадж Ала и я вернулись в Хамадан в один и тот же день. Для меня подготовили официальные документы, и после пяти лет войны я стал членом КСИР. Командир дивизии в своём письме поставил условие, что я пойду служить в батальон Хазрата Али Акбара. В те же дни пришла новость о гибели на острове Маджнун одного из моих старых друзей и сослуживцев по отряду разведки, Амира Фазлуллахи.

* * *

Хотя я имел опыт службы в батальоне Хазрата Али Асгара, командир батальона Хазрата Али Акбара – Аббас Алафчи – предпринял большие усилия, чтобы взять меня к себе. Я поставил условие: пойду к нему, но только простым пулемётчиком, безо всякой должности. Однако уже существовало распоряжение командира дивизии о том, что я не должен занимать должность ниже помощника командира роты, поэтому меня назначили в роту Бахрама Мобараки. Он был командиром роты, первым замом его был Моджтаба Рашиди, а я стал вторым замом. Аббас Алафчи хорошо помог мне войти в курс дела. Бойцы этого батальона в основном состояли из уроженцев Хамадана и окрестных городков Разан и Бехар; причём бросалось в глаза, что среди парней из Хамадана много солдат запаса: как правило, это были учащиеся, которые на время наступлений шли на фронт, потом возвращались к учёбе. Я знал многих из

них. Мы находились в лагере имени мученика Мадани в Дизфуле, и присутствие там этих ребят поднимало общий идейный уровень, так что если я думал, что, уйдя из разведки, потеряю это ощущение, то ошибался. Я чувствовал большой подъём, и всё мне напоминало разведку или миссий 27-й дивизии. По вечерам в нашу палатку приходили Бахрам Атайан из МТО дивизии и мой брат Джафар из сапёрного отряда. Мы разводили костёр рядом с палаткой; холодно не было, но возле костра неплохо было сидеть и шутить друг над другом, так продолжалось, пока мы, устав, не расходились по палаткам. Утром начиналась боевая подготовка. Иногда пешие марш-броски и боевая подготовка с индивидуальным вооружением так затягивались, что мы пропускали не только завтрак, но и обед. Прямо в пустыне продолжали тренировки до вечера. Постепенно я стёр себе ноги, но ни звука протеста не было слышно ни от меня, ни от кого-нибудь другого.

По ночам боевая подготовка и пешие марш-броски имели специальный характер и назывались «ночной яростной атакой». Переходы в темноте сопровождались множеством ловушек в виде учебных мин и шумовых снарядов, обстрелами из РПГ и пулемётов. Это всё очень действовало на тех, кто впервые пошёл на фронт. Они учились преодолевать страх и становились готовыми к ночному наступлению. В этих ночных занятиях подготовка ловушек со световыми гранатами была моей обязанностью.

Я уже привык к тому, что каждый вечер в гости приходит Бахрам Атайан, потому удивился его отсутствию в течение пары вечеров. Выяснилось, что он на принадлежащей отделу МТО «Тойоте-2000» ехал по шоссе Ахваз – Сусенгерд и сбил старика-араба; по этой причине он теперь находился под стражей.

Я посетил его на гауптвахте: его волосы были обриты, а выражение лица – как у преступника. Я спросил:

– Что случилось, Бахрам?

– Мой ножной протез заклинило на педали, и я не мог контролировать машину. Не желая того, сбил местного араба, который переходил дорогу. После столкновения он был жив, и голова его лежала у меня на коленях: так он и умер. Я виноват и теперь должен платить возмещение.

Начальник гауптвахты слышал наш разговор с Бахрамом. Случайно он оказался выходцем из Хамадана. Его впечатлила искренность Бахрама, и он сказал:

– Ты фронтовик. К тому же инвалид войны: у тебя ведь протез. Соответственно, ты не смог затормозить. Это серьёзное смягчающее обстоятельство. Принимая во внимание состояние твоей ноги, я составлю такой рапорт, что тебя оправдают.

Бахрам, хотя и был совершенно растерян и подавлен, ответил так:

– Это дело не имеет отношения к моей инвалидности. Я виновен. И точка.

Начальник гауптвахты рассердился:

– Мы хотели поступить с тобой, не нарушая закона. Но, раз ты против, добро пожаловать в тюрьму.

Я тоже ругал Бахрама:

– Зачем ты так с ним говорил? Ведь ты не совершил наезд умышленно.

– Я неоправданно пролил кровь. И я ответственен перед Богом.

Тут же на него надели наручники и отвели в общую камеру, где он ещё два месяца провёл с бандитами, контрабандистами и наркоманами. А ведь Бахрам был начальником снабжения дивизии. Что-то надо было делать. И мы принялись за дело с ребятами, в том числе в этом решили поучаствовать хадж Ала и хадж-ага Мохтаран, который считался «седой бородой» фронта – влиятельным и авторитетным человеком.

Бахрам ещё раньше нас узнал о том, что старик-араб имел девять дочерей. Это ещё больше усиливало муки

Бахрамовой совести. А когда мы пошли в первый раз в дом убитого, я сказал ребятам: «Нам надо подумать о путях отступления».

Зайдя внутрь, я осматривал обстановку и думал всё о том же: если весь этот род, всё это племенное семейство набросится на нас, сможем ли мы бежать отсюда? Но их благородное и искреннее отношение к нам заставило устыдиться этих мыслей. Гостевая комната была полна арабских стариков, пришедших для переговоров.

Через несколько дней мы вновь пошли на переговоры с представителями родов и старейшинами. Их старший сказал нам: «В нашем роду есть обычай: если кто-то неумышленно умертвит главу семейства, то он обязан взять жену из этой семьи. Таково наше первое требование. Второе требование – плата выкупа за кровь убитого».

Когда мы уходили с этих переговоров, я, вспоминая сказанное, надрывался от смеха. Пришёл к Бахраму и постарался его рассмешить:

– Всё поистине замечательно. Ты задавил человека, а тебе за это дают жену. Хотелось бы мне тоже быть без ноги.

Я надеялся этими словами поднять дух Бахрама, но он так ушёл в себя, что, кажется, вообще не услышал моих шуток.

Вскоре мы пошли в дом погибшего для третьей беседы. В этот раз с одной стороны сидели девять девушек самого разного роста и облика, а с другой стороны – старейшины племени. Нам подали кофе в маленьких стаканчиках, и большинство из нас пить его не стали. Почему-то у нас разыгралось воображение, и мы решили, что туда подсыпали отравы. Арабов, однако, это очень обидело, и мы услышали их окончательный ответ: «Мы не даём своего согласия».

Нашу ошибочную переговорную тактику исправил хаджи Мохтаран: он проявил щедрость и привёз из Хамадана закладную на собственный дом; под этот залог временно выпустили Бахрама, проведшего в тюрьме два месяца.

До начала наступления наша служба состояла в учёбе и ещё раз в учёбе, хотя, как обычно, бывали и моменты разрядки. Однажды мы построили три роты и повели их на холмы позади военного городка: там мы отработывали способности окружения противника. На одном холме в это время паслось стадо вьючных мулов. И я объявил ребятам: «Представьте, что это враги. Окружите их и возьмите в плен». Но ребята не смогли одолеть мулов. Окружить их – они окружили, но ни одного пленить не смогли. Мулы лягались, парни уворачивались, а наблюдающие за этим лежали от смеха.

В то время, как мы совершали пешие марши, ещё одна воинская часть тренировалась в водолазной подготовке: пересекала реку возле плотины под городом Гетванд, что недалеко от Шуштара. Однажды мы смотрели, как они вылезали из воды – страшно холодной в тот день. Там же присутствовал командир дивизии. Он увидел, что ребят трясёт от холода, и приказал Бахраму, только что освободившемуся из тюрьмы: «Выдайте водолазам мёда. Нельзя, чтобы они так мёрзли».

Через несколько дней военный лагерь в Гетванде подвергся бомбёжке и несколько парней погибло, однако это не подорвало решимости остальных идти в наступление. Шли последние дни занятий. Я попросил разрешения у Бахрама Мобараки, командира роты, на то, чтобы в сапёрном отделе мне выдали сколько-нибудь взрывчатки: я хотел устроить учебные взрывы. Командир роты дал согласие, и Асгар Минаи, замкомандира сапёрного батальона, выдал мне большое количество тротила и четыре взрывателя; однако бикфордова шнура было так мало, что я был вынужден к каждому взрывателю прикрепить его всего по два сантиметра; это резко повышало опасность того, что я собирался сделать, и я сам ещё не знал, какую беду повлечёт за собой моя беспечность.

В день занятия 120 человек образовали большое кольцо, в центре которого находился я. Все глаза были прико-

ваны к моим рукам, а мои руки были заняты бикфордовыми шнурами и взрывателями, которые я поместил в тротиловые заряды. Я объяснял: «Ребята, пять тонн в тритоловом эквиваленте – это количество взрывчатки, которое полностью разрушит огромный мост. Во время взрыва сразу падайте на землю и закрывайте головы руками». Потом я потребовал, чтобы на помощь ко мне пришёл какой-нибудь доброволец.

Ко мне быстро подошёл сообразительный боец из басиджей. Я сказал: «Поджигай бикфордов шнур и беги». Он взял спички, а я поджёг второй шнур, и тут меня захлестнуло сомнение. А что если я ошибся в расчётах, тогда эта взрывчатка рванёт, и ребята...

Я подскочил к взрывчатке, когда бикфордов шнур не догорел всего одного сантиметра. И в то время, когда я отрывал бикфордов шнур от взрывателя, взрыватель сработал у меня в руке¹. Я сам не понял, что случилась. Рука моя горела огнём. Из пяти пальцев четыре оторвало, а пятый еле висел. Из руки фонтаном била кровь, орошая всё вокруг, а я бесцельно заметался, словно ошипанная курица. Ребята срочно организовали санитарную машину, но кровь было не остановить. И всю дорогу я стонал и здоровой рукой колотил изнутри по стальной стенке медицинской машины. Пока меня довели до госпиталя, я словно полжизни прожил.

Врач был опытный, из Тегерана. Фаланги четырёх пальцев оторвало, и с ними ничего нельзя было поделать. Он только поработал над пятым, полуоторванным, пальцем и остановил кровотечение. Для следующей стадии лечения меня отправили на поезде в госпиталь в Тегеране.

Оттуда уже на специальных медицинских машинах нас развозили по госпиталям. Меня объединили с одним бойцом, и вот водитель медицинской машины привёз нас

¹ Я совершил сразу три ошибки: 1) бикфордов шнур был слишком короток; 2) упражнение проводилось на плоской местности; 3) ребята лежали головами в сторону взрыва.

куда-то и сдал врачам. Подписал документы и быстро уехал, и только тут я заметил вывеску на больнице: «Родильный дом». Мы со вторым бойцом в недоумении оглядывались по сторонам, меж тем нас провели внутрь. Тут было много медсестёр, все они занимались своими делами. Появлению двоих мужчин они не сильно удивились. Мы оказались в палате с двумя койками и теперь сидели и слушали крики и стоны рожениц. Я начал возмущаться: «Куда это мы вообще попали? Кто-нибудь придёт нам на помощь, вытащит отсюда?».

Прибежали двое или трое женщин, набросились на меня с руганью: «Господин, что происходит? Вы думаете, нам очень приятно, что вы здесь? В госпиталях нет мест, поэтому привозят в роддом».

Мой напарник смягчился, но не я. Я поднял шум на весь роддом из-за того, что тут были сплошь одни женщины. Поэтому во время перевязок они со мной держались очень сурово. Состояние моё было опасным, воспаление раны – серьёзным, но я не хотел оставаться в роддоме. Сколько они меня ни спрашивали: есть у тебя кто-то, дай нам адрес и телефон, чтобы мы сообщили о тебе, я отвечал на всё мрачно и с вредностью: «Нет, у меня никого нет. Только сообщите в фонд фронтовиков, чтобы меня забрали отсюда».

В конце концов, через несколько дней приехал представитель этого фонда, и мне принесли со склада чью-то широченную одежду, после чего я заявил, что сам доберусь до Хамадана.

На самом деле денег у меня не было даже на то, чтобы доехать до автобусного терминала. Я только нашёл меховую шапку, в которую спрятал кисть раненой руки, и теперь стоял за воротами родильного дома, не зная, куда податься. И тут появилась машина «Рено».

Это приехали из Хамадана родственники навестить того басиджа, с которым мы делили палату. И выяснилось, что мы с ними знакомы. Эти люди очень меня выручили; они всё поняли, и я с ними доехал до Хамадана.

* * *

До дома я добрался поздним вечером, позвонил в звонок. Как обычно, дверь открыла мама. До этого я всегда возвращался с фронта в форме цвета хаки, на этот же раз выглядел в высшей степени странно: совершенно не подходящий мне по размеру костюм и шапка, надетая на руку вместо головы.

– Где ты взял такой костюм? – спросила мама. – И что с рукой?

– Попала под удар молотка, ранен, – ответил я и ничего больше не добавил под предлогом усталости. Лёг в уголке, не снимая костюма и шапки, и накрылся с головой одеялом.

Назавтра я пошёл в нашу местную мечеть. Бахрам Атайан также вернулся с фронта вместе с хаджи Мохтараном, и они оба занимались сбором денег для выплаты компенсации за смерть того сбитого Бахрамом на дороге араба. Тем не менее Бахрам оставил свои заботы и сделался моей сиделкой. Настала его очередь иронизировать надо мной. «Господь – судия праведный, – говорил Бахрам. – Помнишь, ты меня называл калекой? Теперь Бог тебе укоротил руку, чтобы сделать тебя человеком».

Как всё интересно повернулось! Раньше я сопровождал в больницу потерявшего ногу Бахрама, теперь он вёл туда меня, лишившегося пальцев. В больнице на меня не было ни карточки, ни записей о прежнем лечении. И, когда меня спросили, что случилось с рукой, за меня ответ дал Бахрам. Причём ответил шуткой, над которой и сам захохотал, и медсёстры: «Это ерунда, его комар лягнул¹. Должен был лягнуть осёл, но убежал».

Через неделю, с укороченной кистью, я вместе с Бахрамом приехал в Дизфуль, на военную базу мученика

¹ Поговорка «комар лягнул» означает, что болезнь или травма очень лёгкая (прим. перев.).

Мадани. Чутьё говорило, что готовится наступление. Перед выдвиганием в зону боевых действий я пришёл к командиру дивизии и доложил, что у моего отца перевернулась машина, и он сейчас в тяжёлом состоянии; мой старший брат недавно умер, и теперь я просил решить судьбу моего младшего брата Джафара – то есть отправить его домой, в Хамадан. Господин Кийани, видя мою решимость, отдал распоряжение командиру сапёрного батальона Хамиду Дервиши, а тот, в свою очередь, сообщил брату, что он должен вернуться в Хамадан. Услышав это распоряжение Хамида Дервиши, брат пришёл ко мне. Я уже был готов выдвигаться в сторону Абу-Шанка¹. Джафар спросил:

– Брат, зачем ты это сделал?

– Мама осталась одна. Ты должен вернуться в тыл.

Брат меня уважал, но сейчас принял вид человека, которого изгоняют из рая. Смирным тоном спросил:

– Почему я?!

– Потому, что я принимаю решение, – ответил я ему.

Когда я это сказал, он заплакал. Ушёл, даже не попрощавшись. Я ему искренне сочувствовал, но был уверен, что другого выхода нет.

Вечером все батальоны собрались в ангаре нашего батальона. Хадж Мехди Кийани произнёс горячую и духоподъёмную речь.

Глубокой ночью мы достигли деревни Абу-Шанк. Это были дома из сырцового кирпича в окружении пальм, за ними – река Бахманшир. На глиняных полах комнат лежали циновки, обстановка самая незатейливая, причём жители деревни всё оставили как было и покинули свои жилища. Всё здесь дышало простотой быта, а огороженные пальмовые сады напоминали что-то из раннего ислама: мы словно погрузились в историю.

¹ Деревня рядом с Абаданом и Бахманширом, в районе которой накапливались войска для наступления на Фао, т.е. для операции «Кербела-4» (*прим. иран. ред.*).

Утром мы с Бахрамом Атайаном и ещё несколько парней пошли на реку Бахманшир. Моя рука всё ещё была забинтована, и мочить её было нельзя. Это стало предметом шуток Бахрама и тех парней. Я зашёл в воду, а руку держал поднятой, и Бахрам со смехом кричал: «Не принимается! Ещё раз повтори!».

В деревне и на берегу реки на пальмах было много засохших фиников, и ребята имели разрешение по шариату рвать их и есть, однако же они остерегались делать это, и никто не лез на пальмы и не сбивал финики камнями. Командир роты Бахрам Мобараки сам происходил из Абадана, и он сильнее всех остальных чувствовал, что он местный. Один раз мы с ним заглянули в его жильё в Абадане. Дверь была заперта, он открыл её ключом, и мы вошли. Внутри обстановка была такой же простой, как в домах деревни Абу-Шанк.

В этой деревне начали проводиться инструктажи по поводу предстоящего наступления. Командиры описывали условия местности на той стороне Арвандруда, напротив Хоррамшахра и Абадана, и поясняли, что мы вводимся в бой вторым эшелонем. Сначала произойдёт пересечение реки водолазами и прорыв первой линии иракской обороны на берегу. Потом, как нам объясняли, предстоят боевые действия на суше, в местности, похожей на ту, что была вокруг этой деревни, то есть в пальмовых рощах, пройдя сквозь которые, мы попадём на шоссе, ведущее к Басре. Затем предстояло развивать наступление на Басру.

Бойцы были обижены тем, что им не доведётся стать частью первой волны наступления, но им объяснили, что второй этап операции будет значительно труднее первого, и они успокоились. Я уже далеко не в первый раз испытывал чувства, связанные с ночью накануне наступления, однако то, как ребята писали завещания под пальмами, стало незабываемым зрелищем.

Мы завязали рюкзаки с личными вещами, сдали их и сели в грузовики. Нас повезли в район сосредоточения под названием «база 7 Абадан». С одной стороны, бойцы батальона должны были находиться вне зоны видимости иракских стрелков, с другой стороны – достаточно близко к передовой, чтобы сразу после прорыва фронта водолазами сесть в лодки и переплыть на ту сторону.

После того, как мы разместились в зданиях базы номер 7, я пошёл туда, откуда должны были начать атаку водолазы дивизии, на берег Арвандруда. Все ребята уже облачились в водолазные костюмы и успели замаскироваться, обмазавшись глиной. Большинство были студентами вузов. Я знал многих из них. Состояние их не поддаётся описанию. В тот вечер я в последний раз видел Мохаммада Мохтарана, Али Монтаги, Мохаммада Иракчи и ещё как минимум 30 человек из числа водолазов. Они были похожи на рыб, выброшенных из воды, но, входя в воду, словно бы входили в вечность. До кромки воды их проводили Али Читсазийан и хадж Саттар Эбрахими. И вот постепенно батальон водолазов Джафара Тайяра исчез в тёмной воде, и мы стали ждать, когда они достигнут того берега, не ведая о том, что иракские снайперы и многочисленные стрелки тоже ждали их и внимательно следили за их приближением к своему берегу¹.

Иногда раздавались беспорядочные выстрелы, ничем не отличавшиеся от прошлых ночей: иракцы таким образом создавали видимость будничной обстановки, и мы не знали, что они уже держат пальцы на курках и целятся в головы подплывающих парней.

Издалека донёсся гул самолётов. Обычно ни мы, ни иракцы не использовали авиацию в ночных боях. Самолёты приближались, и тут иракцы буквально усеяли небо

¹ Главной причиной нашей неудачи в операции «Кербела-4» была осведомлённость врага о времени и месте операции и его полная готовность к бою.

осветительными ракетами: они во множестве очень ярко зажглись над рекой, после чего началась воздушная атака на наш берег. Всё вокруг было освещено как днём. Горели лодки у причалов, а водолазы из всех сил работали ластами, чтобы преодолеть немногие метры, оставшиеся до вражеского берега, и высадиться. И тут поверхность реки вспороли загремевшие очереди зенитных пулемётов. У водолазов не было выбора: среди густой завесы красных трассирующих пуль они выбирались на берег, и, хотя большинство их было ранено или погибло в топях и на колючей проволоке, какая-то часть прорвалась к каналам и меньше чем за полчаса прорвала линию обороны иракцев.

Командир батальона водолазов с того берега просигналил фонариком, что нужно посылать отсюда десантные силы для подкрепления первой волны. По плану операции перед нашим батальоном на тот берег должен был переправиться батальон Хазрата Али Асгара. Хадж Саттар Эбрахими, командир этого батальона, отчалил со своими бойцами и, хотя по большей части враг удержал береговую линию, всё-таки сумел высадиться на небольшом захваченном водолазами участке и завязал бой с иракцами. Теперь пришла очередь нашего батальона, однако поступили нехорошие новости о гибели или пленении большинства водолазов и сухопутных сил, добравшихся до того берега. Из двух батальонов: водолазного и Хазрата Али Асгара – только командир второго батальона хадж Саттар и с ним ещё несколько бойцов продолжали вести бой. Они бились до конца, и хадж Саттар, раненый, после гибели очень многих, в числе которых был и его брат Самад, засел в остове сгоревшего корабля. А на этом берегу на лицах всех без исключения отразилась горечь и растерянность из-за провала операции.

Али словно бы невидящими глазами, не отрываясь, смотрел на тот берег, где среди проволочных и иных заграждений в суровых волнах реки колыхались трупы

наших водолазов. Лодки догорали, а иракцы в знак ликования очередями стреляли в воздух. Наши командиры были озабочены тем, как бы любым способом вытащить хадж Саттара из пасти иракцев, то есть из того сгоревшего корабля, в котором он засел. Когда этот тяжёлый день приблизился к вечеру, несколько водолазов ушли под воду и доставили-таки хадж Саттара на наш берег.

На следующий день я встретил на берегу хаджи Мохтарана, отца Мохаммада. Он стеснялся напрямую спрашивать о своём сыне, погибшем на том берегу. Для него все те, чьи тела остались на том берегу, были равны его сыну Мохаммаду.

Я вернулся в расположение нашего батальона. Все были в полном снаряжении и готовы к бою. Пока только командиры знали, что за прошедшие сутки наступление закончилось и теперь нужно думать о возвращении бойцов в тыл. Ожидание наше тянулось до полуночи. В эту печальную ночь я достал свой дневник и написал в нём: «Не знаю, что сказать в этот миг. Это вечер после разгрома, и Господь знает...».

Кроме душевного горя, я страдал ещё и от нагноения пальцев, хотя не подавал вида. Был получен приказ возвращаться в тыл. Мы вернулись в Хамадан с моим обычным попутчиком, Бахрамом Атайаном. Причём оба мы знали, что у нас очень мало времени. Я спешным порядком лечился, а он погрузился в хлопоты, связанные с выплатой компенсации за погибшего араба. Как раз в это время вышло судебное решение о его повторном аресте. Он был готов сдать судьям, мучился угрызениями совести и снова рассказывал о том, как тот старик умер у него на руках. Казалось, будто он говорит о погибшем на войне герое. Но при этом усилилось и его стремление вернуться в бой, на фронт. Словно внутренний голос говорил ему, что на этот раз он погибнет. На рассвете того дня, когда мы с ним должны были возвращаться из Хамадана на южный

фронт, Бахрам сказал мне: «Али, давай навестим кладбище фронтовиков».

Там он присел к могиле Фазлуллахи, нашего с ним общего друга. Глаза его так покраснели, что он не мог вести машину, и мне пришлось одной рукой рулить до Дизфуля. Когда мы приехали на базу мученика Мадани, нам сказали: «Бахрама Атайана приказано больше не отпускать». Значит, и сюда пришло постановление о его повторном аресте.

Через несколько дней Бахрам Атайан погиб во время операции «Кербела-5». На его улице устроили траур. Судебный пристав явился с повесткой, но, увидев траурное убранство и фотографию Бахрама, растерялся. Я всё это видел своими глазами.

Глава двенадцатая

ШАЛАМЧЕ:

ОТРЫВ НЕРАЗРЫВНЫХ СО МНОЙ

Началось наступление «Кербела-5». Бахрам остался в лагере, а я ночью поехал в зону боевых действий, догонять наш батальон. Не успел я доехать до рубежа атаки, как перед «Тойотой» взорвался химический артиллерийский снаряд: из земли словно вырос гигантский гриб. Справа и слева была вода, и единственная дорога – то самое шоссе, которое должно было привести меня на территорию позади Рыбного канала. Противогаза у меня с собой не было, но не было и выхода, я газанул и прорвался сквозь это облако химического дыма, а потом меня начало рвать, словом, я еле-еле доехал до пристани. Это место раньше было рубежом атаки, а теперь, когда наши передовые части ушли вперёд, превратилось в перевалочный пункт для раненых и убитых. Враг безжалостно обстреливал территорию. Среди тел убитых и раненых я искал кого-нибудь, у кого можно узнать обстановку там, впереди. Увидел парня из роты: Резу Наимийана. Он был связным при Бахраме Мобараки, а теперь лежал на носилках, но, поскольку он был ранен в горло, то говорить не мог. Подошёл катер – опять полный раненых и убитых. В нём оказался Аббас Алафчи: он получил пулю в плечо, которая вышла сзади, но был на ногах и весел. Его силой заставили уйти с передовой. Увидев меня, сказал: «Али, иди вперёд. Вперёд».

Мы разгрузили раненых и убитых, сели в катер, а по дороге я заметил другой катер, и мы остановились борт о борт. Большинство убитых здесь было из нашей роты, и тут же лежал командир роты, Бахрам Мобараки, с тяжёлым ранением. Он на миг открыл глаза и сказал мне: «Хошлафз, принимай командование ротой».

Времени для промедления и расспросов не было. Под вражеским огнём я добрался до того места, которое рулевой катера уже знал, побывав там два-три раза: это была насыпь позади канала для разведения рыбы, которую мы взяли только что, прошлой ночью.

У наших оставшихся бойцов не было сил продолжать бой. Огонь, сосредоточенный на насыпи, делал невозможным любое движение. Трупы иракцев и тела наших убитых лежали вперемешку, и снаряды и мины, свистя, падали и взрывались меж ними. Командир батальона, Мохаммад-Реза Заргари, был ранен. Его заместитель, Салар Абнуш, получил приказ по рации: «Отводи в тыл оставшихся в живых».

Из нашей роты невредимыми или легко раненными осталось только 45 человек, то есть половина. Они смогли вернуться в тыл, а всего из трёх рот батальона осталось две. Мы погрузили бойцов в катера, и другая дивизия заняла наш участок.

Когда добрались до Абу-Шанка, большинство ребят село не под пальмами, а под солнцем, чтобы просушить одежду, мокрую и сплошь вымазанную в глине. Никто ничего не ел. Вчера здесь было полно ребят, которые сегодня были мертвы. И я должен был ободрять как себя самого, так и бойцов. Ко мне подошёл один из басиджей – парень из крайнего бедного района Хамадана. На гражданке он был разнорабочим, а здесь проявил себя способным и мужественным пулемётчиком, на которого я очень рассчитывал в бою. Он мялся рядом со мной и хотел что-то сказать, но не решался. Я спросил:

– Брат Сохраби, какие новости?

Он повесил голову и покраснел.

– Прошу простить меня. Я женат.

– А зачем же просить прощения? – приветливо ответил я. – Да пошлёт Бог счастья тебе и твоей семье.

– Приехал знакомый из Хамадана и сказал, что Бог дал нам дочь.

– Вот и счастья вам! Аллах да сохранит её.

– Знаешь, сейчас ведь зима, в Хамадане холодно. А я знаю, что у моих родных даже керосина нет, чтобы согреться. Если разрешишь вернуться домой, я там поработаю несколько дней, достану им керосина и вернусь.

От его тона мне стало стыдно. Я знал, что он говорит правду, отнюдь не ищет повода сбежать с фронта. Но в тот момент мне пришло в голову только одно: покорно попросить его оказать помощь.

– Брат Сохраби, – сказал я, – ты знаешь, что нас осталось мало. Может быть, твою работу никто не сможет сделать. Если ты согласишься, если ты не против – останься ещё на двое суток. На третий день я обещаю отправить тебя в отпуск.

Он повесил голову, но согласился остаться. И судьба распорядилась так, что следующей ночью он погиб в бою под Шаламче. До сих пор память о нём жжёт меня.

Вернулся в Абу-Шанк и Аббас Алафчи из госпиталя, с продырявленным плечом, следовательно, мы были в сборе. Аббас был мне душевной опорой, и силы мои с его возвращением удвоились. На следующий день мы под пальмами устроили застолье единения, накрошили сухого хлеба в большую миску и сделали отличную окрошку из кислого молока с огурцами. И под пальмами распространился запах свежей зелени и чеснока – только он шёл не от окрошки с огурцами: это был запах отравляющего газа противника, которым всё вокруг пропахло. Доползли эти газы и до Абу-Шанка, и, когда кашель ребят сделался слишком

частым, мы поняли, что отравлены. Развели костёр, чтобы уменьшить эффект от газов, и я отдал всем приказ ночью спать в противогазах, дабы не задохнуться во сне.

Этой ночью опять был авианалёт, после которого запах газа вновь усилился. Из-за раненой руки я не мог сам натянуть противогаз, и Аббас Алафчи сначала помогал мне, а потом уже сам надевал противогаз.

Тревожная, мучительная ночь кое-как перешла в утро, а на следующий день командир батальона Салар Абнуш приказал мне:

– Садись в машину и поедem к командиру дивизии получать инструкции. Этой ночью наш черёд идти в бой.

– На каком участке? – спросил я.

– На очень тяжёлом. За рекой Джасем. Ребята заняли укрепление, а иракцы против них в пальмовой роще. Укрепление взято нами несколько ночей назад, но иракцы давят, пытаюсь любой ценой отбить его.

– Мы действуем одни?

– Нет, параллельно с нами наносит удар 10-я дивизия «Сейед аль-Шохада». Слева до берега реки действует 9-я дивизия «Бадр». Но основная сила – наша, контролирующая само укрепление. Мы должны оттуда нанести удар вглубь пальмовых рощ.

Мы с ним поехали вдвоём в Хоррамшахр, оттуда параллельно берегу Арвандруда и со стороны шоссе Шаламче – Басра доехали до недавно освобождённого городка под названием Дуайджи. Город был в состоянии, не поддающемся описанию. Одним взглядом можно было окинуть сотни сгоревших автомобилей, мотоциклов, танков и бронетранспортёров. Иракский огонь превратил городок Дуайджи в груды земли. Не продохнуть было от запаха горящих шин, пороха и крови. Салар Абнуш сказал: «Эту местность освобождала 21-я бригада Имама Резы с очень тяжёлыми боями».

На выезде из города мы нашли прочное строение, где был командный и связной пункт командира нашей дивизи-

зии. Здание это находилось под непрерывным обстрелом, и, если кто-то высовывался из него хотя бы на несколько минут, то гарантированно получал осколочное ранение. Мы вошли внутрь: стены от пола до потолка были укреплены мешками с песком. Хадж Мехди – командир дивизии – знал, что в начале операции нас было три роты, а сейчас осталось две. Он спросил меня:

– У вас есть опыт руководства бойцами в бою в пальмовых рощах?

– До определённой степени – да, – ответил я.

– Вы должны пройти вперёд от той зоны, которую контролирует 155-й батальон. Первый шаг – зачистка пальмовой рощи прямо напротив укрепрайона.

На карте он показал нам план действий наших рот. Другой информации не было, как и другого выхода. Местность мы изучали только по карте, максимум – по тому, что видели сами с передовой; во всяком случае, до ночи возможности выполнить поставленную задачу у нас не было.

Мы вернулись в Абу-Шанк и объявили ребятам, что после заката выдвигаемся на передовую. Ребята занялись сдачей личных вещей и подготовкой военного снаряжения. Я из-за раненой руки не мог держать оружие. Со мной был радист и связной по имени Сараби. Я всё своё внимание сосредоточил на боевом снаряжении ребят и сам поговорил с большинством из них. Многие удивлялись, как чувствительно я отношусь к их автоматам, патронам, гранатам и всему снаряжению, вплоть до сапёрных лопаток и ботинок, – в то же время сам я по необходимости был в хлопчатобумажной обуви. Даже её мне надел на ноги Аббас Алафчи, и как мне было перед ним неловко, один Бог знает.

На закате ребята построились перед глинобитными домами деревни. Становилось поздно. Мы все были готовы, а приказа командования о выступлении всё не было. Я не знаю, из-за каких событий на фронте мы ждали до утра и только утром выступили в путь. Утренний приказ

о выступлении ещё усилил мою тревогу. Я говорил сам себе: если цель – ударить внезапно, то выдвигаться нужно ночью. Если просто хотим выдвинуться, чтобы занять позицию, тоже надо это делать ночью. В таком случае потеря будет меньше.

Утром мы сели на грузовики и двинулись в сторону Шаламче. Аббас Алафчи на мотоцикле ехал впереди, главные силы – за ним. Оставшиеся должны были с интервалом в полчаса также выдвинуться в сторону городка Дуайджи, а оттуда на передовую, однако случилось непредвиденное. Парни вместо Дуайджи выдвинулись на берег Арвандруда. Только ввиду берега они поняли, что приехали не туда. Аббас потом рассказал мне: «Я уже развернул грузовики, когда иракцы заметили нас и очередями начали поражать стальные кузова грузовиков. Все спрыгнули на землю, кто как мог. Водители тоже оставили машины с работающими двигателями и бежали. Я решил двигаться пешком, пересчитал парней: все были налицо, но при этом из одной машины раздавались крики. Голос звал: “Папа, папа!” Оказалось, девятилетний мальчик сидел под рулём и не выходил из кабины. Я поверить не мог: отец взял его с собой, думая, что едет на фронт, но в безопасное место. Теперь отец бежал, а ребёнок плакал и звал его. Аллах свидетель: мне подумалось о дне Страшного суда, когда все связи распадутся и в наступившем ужасе отцы и дети окажутся разделёнными. Я взял ребёнка и вынес его из опасной зоны, а роту пешим порядком привёл в Дуайджи».

Когда Аббас прибыл в городок, я присоединился к нему с остальными бойцами. Из Дуайджи мы выдвинулись все вместе и по пути миновали дивизионный командный пункт. Здесь у меня в памяти несколько раз прозвучал вопрос, который мне задал хадж Мехди Кийяни: «У тебя есть опыт боя в пальмовых рощах?». Каков же порядок боя в пальмовой роще? – думал я. Несомненно, в рощах следует ударными группами брать окоп за окопом, под прикрытием

своего огня пересекать малые речки и каналы и оттеснять иракцев. В таких мыслях я вёл колонну из 240 человек; мы прошли два-три километра, приблизившись к передовой, и тут нас встретил плотный огонь орудий, миномётов и «ка-тюш». Час пути под этим огнём показался годом. Мы стали движущейся мишенью для иракских корректировщиков, и единая колонна под огнём распалась и растянулась. Свистела мина, и мы падали, но вставали потом не все. Люди сыпались, как осенние листья. Ещё не достигли передовой, а передо мной взорвался тяжёлый артиллерийский снаряд, и пятерых разорвало на куски. Одним из погибших был Набиулла Ахади, замкомандира батальона.

Пока мы дошли до реки Джасем, потеряли 15 человек убитыми. Перешли через реку по шестиметровому наплавному мосту, с большими потерями наведённому нашими сапёрами. А сразу за мостом было это чудовищных размеров военное укрепление. Высота оборонительной линии была 4 метра, а длина – 6 километров; она начиналась от реки Арвандруд и тянулась до западной стороны рыбопромыслового канала. Та сторона укрепления, на которую мы должны были залезть, была очень крутой. Иракцы, до того как оставить укрепрайон, нашпиговали эту сторону минами, которые не позволяли взобраться на насыпь. Теперь укрепрайон был в наших руках, но залезать наверх было по-прежнему трудно, так что наши бойцы карабкались, кто как может. Именно здесь многим нашим минами оторвало ноги.

Верх укрепления напоминал плоскую крышу шириной 4 метра; в центре проходила траншея метровой глубины, она тянулась от самого начала укрепрайона до его конца. Кроме того, было ещё множество вспомогательных окопов и блиндажей и даже танковые капониры.

Захват этого укрепрайона несколько суток назад был громадным событием; теперь нашей задачей было отогнать отсюда врага, а иракцы, наоборот, пытались отбить

укрепрайон реки Джасем. От командиров я слышал, что важность сооружения для иракцев такова, что лично Саддам Хусейн руководил операцией по контратаке. Это иракское контрнаступление совпало по времени с нашим движением сюда. По военным документам я знаю, что иракцы дали своему контрнаступлению название «Большая жатва», и это были не пустые слова. Своим огнём они буквально перепахали укрепрайон, пальмовые рощи, всю землю и реку Джасем. По имеющимся данным, они задействовали 20 тысяч единиц артиллерии и миномётов, в том числе 150 артиллерийских дивизионов.

Мы вошли в укрепление, где нас уже ждали Саид Исламийан, Насер Гасеми, Махмуд Хамид-заде и хадж Саттар Эбрахими. Первые трое, соответственно, выполняли роль командира операции и его первого и второго зама. Хадж Саттар силами своего батальона несколько суток назад захватил это укрепление, и, хотя бойцов его отвели в тыл, сам он остался здесь для введения в обстановку новопривыкших командиров. По мнению командиров, мою роту следовало рассыпать по укреплению от правой стороны до левой, затем я должен был ждать прохода вперёд первой роты под командованием Хейдара Хушйарана, после чего начинать зачистку в глубине пальмовых рощ.

На закате первая рота пошла в атаку, и впереди послышалась стрельба из лёгкого оружия. Тогда же Хушйаран был ранен, после чего мой заместитель Аббас Алафчи принял на себя командование первой ротой. Иракцы накапливались в пальмовых рощах и шли на приступ укрепления, но, не доходя до него, залегали под огнём ребят и отступали. Как я понял, рота Аббаса Алафчи справа от пальм подставила свой фланг врагу и рисковала оказаться в окружении. Саид Исламийан сказал мне: «Хошлафз, следуй за мной».

Мы были на левой стороне вытянутого укрепления и по центральной траншее прошли в правое крыло. Траншея была забита телами убитых иракцев, на которые мы

вынуждены были наступать. Дошли до конечной точки, где начиналась зона дивизии «Сейед аль-Шохада». Здесь был и командир нашего батальона Салар Абнуш. Саид вдруг встал в рост на бруствер окопа, и почти сразу иракский стрелок из пальмовых зарослей задел очередью мякоть его бедра. Однако Саид даже не нагнулся. Он как лев стоял наверху и командовал: «Бейте их, ребята, не давайте им пощады!».

Наши пулемётчики прошли очередями пальмовые заросли, заставив иракцев отступить и спрятаться в окопах. Один из парней соседней дивизии спросил: «Кто этот брат? Удивительно смелый!».

Я, раздувшись от гордости, ответил: «Это богатырь нашей дивизии, хадж Саид Исламийан». Саид услышал меня и ответил: «Хошлафз, не хвастайся».

Тут же он согласовал действия с командиром участка 10-й дивизии, чтобы те не приняли за врага нашу первую роту, углубившуюся в пальмы. Нам пора было возвращаться, и я спросил: «Хадж Саид, не надо тебе ногу перебинтовать?».

С застывшей на лице улыбкой он ответил: «Ты много шума из этого делаешь».

Ещё до рассвета остатки первой роты вернулись из пальмовой рощи, а с восходом солнца настала очередь иракцев испытывать судьбу и пытаться отбить у нас укрепайон. Они начали 120-миллиметровыми минами. Метр за метром они обстреливали центральную траншею, на всём её протяжении от начала до конца; постепенно подключились «катюши» и тяжёлая артиллерия. Когда наступила очередь 60-миллиметровых миномётов, я сказал себе: эта мощная артподготовка может означать приближение их пехоты для атаки. Танкам в пальмовых рощах было не развернуться. Огонь врага был настолько силен, что, даже если бы их пехота подошла вплотную к нам, по ней бы не открыли огонь. Ребята съёжились на дне траншеи, думая

лишь о том, что в любой миг рядом может упасть снаряд или мина. Только я, а также Амир Хан-заде и Хосейн Йалфани курсировали взад-вперёд по траншее и посматривали в сторону иракцев. Под плотным огнём траншея постепенно разрушалась, и если вначале мы могли ходить по ней, не сгибаясь, то теперь она была завалена землёй и мешками с песком, и приходилось где пригибаться, а где и передвигаться ползком. И мы то и дело поглядывали на небо, следя за свистящими снарядами и гадая, когда же кончится обстрел, – и не ведали, что всё только начинается.

В 9 утра появились иракские вертолёты. Первый из них завис в начале центральной траншеи на высоте 30 метров. Вертолётчик был уверен, что у нас нет ни одного крупнокалиберного пулемёта, чтобы сбить его. Сохраби был первым пулемётчиком, который дал очередь из «горюнова» по вертолёту, но тот его опередил, послав в его сторону несколько ракет. Этот простой рабочий, которого я обещал через два дня отпустить в увольнение, здесь и погиб, и душа его полетела на небо.

Второй пулемётчик стрелял с более далёкого расстояния, но и его, как и его помощника, взрывом вертолётной ракеты выбросило из траншеи. Моя рука была забинтована, и я не мог стрелять даже из лёгкого оружия; я вынужден был просто бессильно смотреть, как умирают наши парни. Когда первый вертолёт расстрелял все свои ракеты, прилетел второй, потом третий... Они так плотно обстреливали ракетами нашу траншею, что я мог сосчитать эти ракеты: одна, две три... досчитывал до 14 ракет, это означало, что вертолёт израсходовал весь боезапас, после чего он улетал и прилетал следующий. Теперь даже мы, несколько человек, не могли курсировать по центральной траншее. Я говорил по рации Абнушу, находящемуся в конце укрепления: «Мои ребята, большинство из них, поступили в распоряжение или Шамахи, или Хадипура. Сделай что-нибудь». Садек Шамахи был начальником медчасти дивизии,

а Юсеф Хадипур занимался вывозом трупов; таким образом я полукодированным способом сообщал о потерях. Абнуш, в свою очередь, докладывал обстановку командиру дивизии. Однако, какая бы часть ни держала нашу позицию, судьба её была бы такой же, как наша. Я сказал радисту не ходить за мной, а сам решил добратся до Саида Исламийана. Траншея вчера была полна убитыми иракцами, теперь поверх них лежали наши погибшие, на которых не хотелось бы наступать, но выхода не было.

До этого дня я никогда ещё не чувствовал себя до такой степени бессильным перед лицом врага. В переговорах по рации мой голос дрожал, я психовал. Был зол на себя, на иракцев, даже на командование дивизии... И вот я рядом с Саидом Исламийаном и Насером Гасеми. Саид был на связи с тылом по рации. Закончив разговор, повернулся к Насеру Гасеми и сказал: «Не получится. Зенитчика убили». Речь шла о переброске сюда, к нам, зенитной установки.

– Как? Когда? – спросил его Гасеми, уточняя детали тяжёлого для нас события.

– На подходе к нам убит. Рафии тоже погиб.

Рафии был командиром зенитного батальона нашей дивизии. Таким образом, выяснилось, что от вертолётов спасения нам не будет. Опять заработала рация, и мы все прислушались к голосу сейеда Масуда Хиджази, начальника штаба дивизии, который сообщил: «Продержитесь до заката. Этим вечером 158-й батальон придёт на смену 154-му».

Прошёл час. Я оставался там же, в траншее, рядом с блиндажом командиров, когда к нам вместе с сопровождающим прибыл Акбар Амирпур, командир 158-го батальона, для предварительного ознакомления с обстановкой. Предполагалось, что его батальон займёт наше место. Вражеский обстрел не позволил Исламийану и другим как следует ввести его в курс дела. Здесь шла война тела с огнём, и огонь был односторонним. Горстка наших бойцов в тран-

шее была хорошей мишенью для ракет нового вертолѐта. И вот очередная ракета вылетела из-под брюха вертолѐта, врезалась в траншею и взорвалась прямо среди нас. Взрывная волна подняла меня, перевернула и бросила о стенку траншеи. Впереди меня упали двое и позади – тоже двое. Я попытался растолкать тех двоих, что были впереди меня, но Вахдати и Насер Гасеми были убиты на месте, и один позади меня лежал без движения. У меня кружилась голова и темнело в глазах. Того, кто был сзади меня, я не узнавал, но рядом с ним сидел Саид Исламийан и пристально смотрел мне в глаза; словно и не было вокруг боя за реку Джасем. Сначала я подумал, что он хочет ободрить меня, контуженного, – ведь Саид всегда вливал в других энергию. Но я протёр глаза и увидел, что мышца его ноги разорвана и оттуда торчит сломанная толстая кость. И он не стонал, просто смотрел на меня. Быть может, больше, чем за своё состояние, он беспокоился о том, не отдадим ли мы укрепление¹. Я с большим трудом вытолкнул его наверх из траншеи. Он весил более ста килограммов. От контузии в глазах моих земля и небо иногда менялись местами, и я падал на его тело. Как бы там ни было, я вытащил его из траншеи и, пока нас не убило новым взрывом, скатил его вниз по четырёхметровому склону укрепления. И он скатился туда, опять же без ахов и стонов.

Позади укрепления сидели двое. Они приехали на передовую на единственной машине, которая добралась сюда, и из-за жестокого обстрела не решались уехать обратно. Я закричал на них: «Это хадж Саид. Если не отвезѐте его в тыл, я скажу, чтобы вас расстреляли!».

Один из них с яростью ответил: «Мы и тебя знаем, и хадж Саида. Угрожать незначем, мы его отвезѐм».

¹ После тяжѐлого ранения Саида Исламийана и гибели его заместителя Насера Гасеми командование участком перешло к Махмуду Хамид-заде. Несмотря на все наши потери, укрепление так и не было захвачено иракцами.

Как только машина двинулась, прилетело несколько ракет, но машина уцелела и спешно ретировалась с поля боя. А меня одолело такое головокружение и тошнота, что я едва смог забраться обратно на укрепление и без сил свалился в траншею. Там несколько бойцов спорили с Хамид-заде, настаивая на том, что надо отступить, а он им запрещал. Впервые душа моя оказалась на стороне тех, кто трубил сигнал к отходу, и всё же нужно было получить разрешение командиров. Хамид-заде сказал своё последнее слово, и мне стало перед ним стыдно.

Я развернулся и пошёл к концу укрепления. Увидел Ходжата Изади и хотел спросить у него, где Салар Абнуш, как вдруг над нашими головами разорвался снаряд с дистанционной трубкой. Осколок ударил в челюсть Ходжата Изади, и кровь его брызнула мне на лицо. Я забыл о своём вопросе. Я уже много раз видел, как прямо рядом со мной рвёт на куски людей, и сердце моё закаменело, я уже не придавал значения ранам наших бойцов.

Раньше командир батальона находился в правом конце укрепления. Я отбросил рацию и решил отыскать его, полагаясь на чутьё. Я должен был попросить у него указаний. Огляделся. Моё внимание привлёк пожилой боец, которого я раньше видел в Хамадане. Это был хадж Рустам Хаджибабаи, герой, который уже потерял убитыми двоих сыновей, а теперь с помощью нескольких бойцов, не обращающая внимания на взрывы, наполнял землёй мешки и выкладывал их на бруствере, чтобы защитить от гибели бойцов. Он был земляком нашего командира Салара Абнуша, и я спросил его: «Хаджи, где Абнуш?».

Он молча указал мне на блиндаж, вход в который находился на заднем откосе укрепления и который был в безопасности от прямых попаданий вертолётных ракет, мин и снарядов. Я спустился туда. Увидев Салара, испытал чувство сироты, который потерял отца, мать и всех родственников и теперь жалуется кому-то взрослому:

– Хаджи, большинство моих бойцов погибло. Никого не осталось держать укрепление. Если иракцы пойдут в атаку, некому будет их остановить.

– Я знаю, – ответил он, – но до вечера надо терпеть, придёт подмога.

Я, однако, настаивал на своём: из 120 человек осталось всего-то...

Он включил рацию и перешёл на волну командира дивизии, вновь доложил ему обстановку, но хадж Мехди Кийани ответил кратко: «Вы должны продержаться».

Не знаю, что было со мной: может быть, действовала контузия или горе от гибели стольких дорогих и близких людей, но я выхватил микрофон из руки Салара Абнуша и заявил командиру дивизии:

– Никого не осталось! Мы здесь одни!

– Если ты струсил... – сказал командир дивизии.

Я совершенно потерял контроль над собой и ответил ему что-то резкое. Абнуш распорядился так:

– Я остаюсь. Ты, если хочешь, со своими бойцами возвращайся. Но иди прямо к хаджу Мехди.

Я опять вышел в траншею и прошёл вдоль неё. Я больше не хотел ни секунды медлить тут и смотреть на залитые кровью тела парней. У меня бы крышу снесло от горя. Увидел двух своих бойцов на ногах. Первым был Амир Хан-заде, который сказал, что он остаётся здесь и не пойдёт в тыл. Вторым оказался мой связной Тахмурси, он спросил:

– Господин командир, что нам теперь делать?

Я горько усмехнулся:

– Никого не осталось, чтобы я ими командовал.

Они вместе со мной двинулись в тыл, и как раз в это время в укрепление вошла рота из дивизии «Сейед аль-Шохада»; словно бы свежая кровь влилась в наше умирающее тело. С верха укрепления я последний раз взглянул на множество убитых и на пальмы справа и слева; шеве-

люры этих пальмовых роц недавно смеялись над нами, а теперь пальмы лишились голов и сгорели по пояс.

Вместе с Хан-заде и Тахмурси мы бегом преодолели три километра от укрепления и реки Джасем до городка Дуайджи и командного пункта дивизии. Отбросив занавешивающее вход одеяло, я вошёл в блиндаж. Хадж Мехди и ещё двое-трое сидели перед рациями. От стыда за свой резкий ответ по рации я опустил голову, однако доложил то, что хотел: «Хадж-ага, от роты остался только я и два человека, которые стоят у входа».

Я ждал, что хадж Мехди накричит на меня и отчитает, но он ответил спокойно: «Я знаю». Больше я ничего не сказал и вышел.

Мы искали какой-нибудь транспорт, чтобы вернуться в Абу-Шанк. Но огонь врага был так силён, что ни один водитель машины или мотоцикла не имел мужества здесь остаться. Я подошёл к самосвалу, но лучше бы я к нему не подходил и не видел этой сцены. С другой стороны самосвала погрузчик набирал в ковш убитых и высыпал их в кузов¹. Ясно, что некому было их вывозить иным способом, а если и было, то огонь врага не позволял это сделать.

Когда мы добрались до Абу-Шанка, мне вспомнилось: если в первой фазе операции мы вошли в бой в числе 120 человек, а вернулось 45, то в этот раз из 120 человек осталось только девять. Мне было так тяжело, что я даже плакать не мог. Горловые спазмы душили меня. Я был сражён растерянностью и ошеломлённостью, и то же чувствовали остальные. Из второй роты вернулось несколько человек, и никто не мог ни молиться, ни садиться за общий стол. Перед глазами оживали картины того, как ребята готови-

¹ Эту невероятную сцену за все восемь лет войны я видел только один раз. К погибшим относились с уважением, их тела бережно перевозили в тыл; эта работа лежала на плечах оставшихся в неизвестности бойцов отделов материально-технического обеспечения.

лись к этому бою. Каждый из погибших был частью меня – и тела их сейчас оставались на передовой. Я вспомнил Сохраби и Бахадорбеги, и пошёл в пальмовую рощу, и там в одиночестве громко зарыдал.

* * *

Одновременно с операцией «Кербела-5» начались беспрецедентные авианалёты на города. Враг озверело бомбил Хамадан, надеясь таким образом сломить волю народа и посеять тревогу и хаос среди бойцов. Каждый день приходили новости о том, что многие горожане спасаются в окрестных горах и пустынях, а те, кто остаётся в городе, ежедневно переживают два-три авианалёта. Однако для меня потеря большинства моих бойцов во время второй стадии операции «Кербела-5» была столь тяжким переживанием, что я не воспринимал новости из дома, разве что испытывал удовлетворение от того, что Джафар был вместе с домашними.

Через несколько дней вышел приказ командования о том, что мы можем поехать в Хамадан, чтобы привлечь новых бойцов и заново сформировать части. У меня не было большого желания ехать, но ко мне пришли Ала-ад-Дин Хабиби и хаджи Мохтаран из материально-технической службы и сказали: «Али, в Хамадане ходят слухи, что погибли все до одного бойцы 154-го батальона. Хорошо бы тебе навеститься домой».

Я поехал домой и обрадовался, узнав, что семья наша не покидала город. Хотя и ходили слухи, что я погиб в числе других бойцов батальона, но мама этому не верила. Она говорила Джафару, что знает: Али вот-вот приедет.

За один день, что мы провели в Хамадане, город дважды подвергся бомбёжке. Не было даже возможности зайти в семьи погибших. Вместо этого, по предложению хаджи Мохтарана и Ала-ад-Дина Хабиби, мы поехали навещать раненых в города Исфahan, Шираз и Йазд. Хаджи Мохтаран

ещё скорбел по гибели своего сына Мохаммада, так как со дня его смерти не прошло сорока дней, однако он хотел поднять мой упавший дух:

– Сколько ещё мы будем есть хлеб с картошкой в столовой КСИР? Пойдёмте в знак траура поедим хорошего шашлыка с рисом.

– За чей счёт? – спросил я.

– Благотворительность в память моего Мохаммада.

После визитов к раненым мы прямо из Шираза поехали на юг, на военную базу мученика Мадани в Дизфуле. В ожидании новых бойцов я получил возможность подлечить мучившую меня загнившую руку. По утрам и после полудня получал уколы пенициллина и как следует подсушил нагноение. У меня не хватало фаланги пальца, но я мог этим обрубок нажимать на курок.

Через несколько дней прибыло десять автобусов, полных свежими бойцами, и в помертвевый лагерь вернулись жизнь, радость и энергия. С ними приехали Аббас Алафчи и командир нашего батальона хадж Реза Заргари – он ещё не оправился от раны, но вновь взвалил на свои плечи командование батальоном. Согласно новой организационной структуре, Аббас стал командиром одной из рот, я – командиром другой роты, а должность моего зама вместо Аббаса занял Мохаммад Джахани. Мы с Аббасом сели на мотоцикл и поехали знакомиться с новым районом боевых действий третьей фазы операции «Кербела-5». Этот район был как бы разграничительной зоной между районами первой фазы, то есть Рыбным каналом, и второй фазы – рекой Джасем. Район был взят под контроль батальоном Гасема ибн Хасана – 153-м, однако из-за отсутствия контакта с соседней дивизией здесь образовался разрыв. На передовую перед нами ехал грузовик, полный бойцов, и, как всегда, по дороге вёлся миномётный и артиллерийский огонь. Аббас Алафчи закричал мне с заднего сиденья мотоцикла: «Али, дай газу, обгони их. Надо приехать раньше них».

Мне при этом требовалось обогнать ещё и автобус, и вот прямо в грузовик ударил снаряд «катюши» и несколько человек вылетело из кабины. Один из них, с оторванными руками и ногами, попал под колесо мотоцикла, и мотоцикл сам перевернулся от этого взрыва. Из грузовика слышались стоны раненых. Я подтянулся и залез в кузов. Там было около 25 человек: некоторые разорваны в клочья, а другие, раненые, лежали без движения. Что-то нужно было делать. Но Аббас кричал мне снизу: «Али, пора в путь! Мы должны до темноты осмотреть местность».

Мы оставили убитых и раненых и поспешили вперёд. Там была наполовину законченная насыпь, где по правую сторону держали фронт ребята из дивизии «Наджаф», а нам предстояло заполнить насыпь до её конца, где она выходила на равнину. До прибытия нашего батальона здесь должны были оставаться бойцы батальона Гасема ибн Хасана.

Мы поспешно вернулись назад и распорядились, чтобы бойцы подготовили снаряжение для ночного боя, причём мы с Аббасом проверили снаряжение каждого. Ещё не зашло солнце, как Аббас принёс новость. Без предисловий заявил: «Бахрам Атайан убит».

Меня как перевернуло. Если бы мне сказали, что все члены моей семьи погибли под бомбёжкой, это бы меня так не сразило. Аббас Алафчи продолжал: «Говорят, он погиб под бомбёжкой здесь недалеко. Пойдём посмотрим».

Аббас отказался одну-две минуты провести над телами тех 25 человек в машине, которые пали жертвой снаряда «катюши», а теперь настаивал, чтобы мы перед переброской на передовую батальона пошли смотреть тело убитого Бахрама. Наверняка он считал, что моя с Бахрамом тесная дружба окажет какое-то влияние на то, как я обращаюсь с бойцами нашего батальона.

И вновь он повторял тоном, в котором было какое-то отчуждение: «Али, я, ты и Бахрам – мы один дух в трёх

телах. Теперь часть нашего тела лежит здесь рядом, так пойдём взглянем на него».

Я поднял лицо к небу и закрыл глаза: «Нет, я не пойду. Ты иди и скорее возвращайся».

Аббас ушёл. По моей щеке скатилась слеза, я отошёл в сторонку и в который раз написал завещание. Аббас вернулся и принёс зелёный шарф, а также мокрый от крови Бахрама Коран. «Это шарф Бахрама, ты хотел, чтобы он достался тебе. Вот, он твой».

Ткань этого зелёного шарфа хранила запах Бахрама. Я поцеловал шарф и приложил его к глазам. Открыл Коран: он был влажным от крови. Прочитал несколько аятов и успокоился. Мне стало так спокойно, что я увидел рядом с собой Бахрама, с его всегдашней улыбкой на губах.

После быстрого ужина мы выдвинулись. Шёл дождь, и жидкая грязь и глина затрудняли движение машин. Кроме того, противник обстреливал эту единственную ведущую к передовой дорогу. Вскоре мы упёрлись в наш собственный танк, который застрял и перегородил путь. Значит, здесь шёл танковый поединок.

Добравшись до передовой, мы увидели там Али, начальника разведки дивизии – он был занят организацией дел на передовой. Это была очень странная линия фронта. По нам стреляли как спереди, так и справа, и даже сзади. Поскольку командир батальона, хадж Реза Заргари, был снова ранен, командовал Салар Абнуш, который приказал водителям погрузчиков и бульдозеров: «Со всех сторон, откуда стреляют, сделайте насыпь». Три погрузчика дружно работали под автоматным и пулемётным огнём иракцев и построили насыпь полукруглой формы, которая позже стала известна как Длинная насыпь. Благодаря мужеству этих водителей дорожных машин ребята уже ночью заняли оборону на три стороны. Моя рота заняла позицию от начала насыпи и по левой стороне, рота Аббаса Алафчи – полукруглую и длинную части насыпи у нас за спиной. Мой приказ

ребятам был один: пока не настало утро, отрыть хорошие окопы и укрытия позади насыпи, чтобы быть готовыми к атакам врага. За ночь иракцы, находящиеся прямо напротив нас, сделали несколько наскоков на насыпь, но ребята очередями прижали их к земле. Рана моего пальца уже так зажила, что я и сам выпустил несколько лент из пулемёта Горюнова по противнику. Враг пока не использовал осветительных ракет. Я знал, что их наиболее очевидным решением будет ночная атака. Поэтому каждые четверть часа я выпускал из ракетницы осветительную ракету, а когда рассвело, ребята обнаружили и выстрелами отогнали иракцев, которые кое-где подобрались к насыпи до расстояния всего нескольких метров.

Ближе к утру в небо взлетели первые иракские осветительные ракеты. Смысл этой иллюминации был в том, что после непрерывных ночных атак, не принёсших иракцам результатов, они решили напасть на нас силами танков. Ребята в тревожном возбуждении ожидали штурма, и тут я увидел справа от нас на расстоянии 200 метров колонну примерно из 40 танков. Не обращая внимания на мою роту, они обходили Длинную насыпь. Через несколько минут они встали развёрнутым строем перед ротой Аббаса Алафчи, а с рассветом первые танковые выстрелы ударили в насыпь. Центр боя образовался именно там, где Аббас и его 120 человек сидели за невысокой насыпью и стреляли по танкам из РПГ. Мы с моими ребятами наблюдали за равниной, но там танков не было. Иракцы правильно рассчитали, что, если они сзади ворвутся в разрыв Длинной насыпи, то и нас прижмут с тыла. Мне было бы легче, если бы часть танков воевала с нами и таким образом уменьшилось давление на Аббаса, но в реальности он и его рота стояли грудью против всего танкового напора врага. Быть может, на каждых трёх бойцов Аббаса приходилось по одному танку. Иногда снаряды танковых пушек летели по верх насыпи Аббаса и сзади ударяли в нашу насыпь; то же

самое происходило с танковой пулемётной стрельбой. Мы тоже могли бы стрелять по танкам, но у нас была опасность попасть в ребят Аббаса.

Прошёл час. Несколько танков попытались взобраться на насыпь, но рота Аббаса их подожгла. По радиции я узнал, что командир батальона хадж Реза Заргари, как и на первом этапе операции, был ранен, и теперь все переговоры я вёл только с Аббасом, который сражался с холодным упорством. Иногда наш с ним разговор обрывался из-за пулемётной очереди или из-за взрыва танкового снаряда. И мне вспоминались последние его слова перед боем, казавшиеся гибели Бахрама: «Дорогой Али, я, ты и Бахрам – это один дух в трёх телах. Теперь часть нашего тела лежит на земле здесь рядом, так пойдём...».

Я направился к своему заместителю Джухани, чтобы передать ему командование ротой, и увидел, что он, весь в крови, лежит убитый возле насыпи. Я хотел присоединиться к роте Аббаса в том месте, где обороняемая им насыпь имела полукруглую форму, и тут увидел, что несколько танков, стреляя, наступают прямо на нас. Тут я воспрянул духом. Это было именно то, чего я хотел. Враг отчаялся добиться успеха сзади и опять перенёс давление на нашу роту. По нам вели такой сильный огонь, что высота насыпи уменьшилась вдвое, но парни, мстя за вторую фазу операции на реке Джасем, метко стреляли из-за нашей низкой насыпи и подбили большинство танков, а остальные отступили.

Я вновь прошёл по всему фронту роты. Мы потеряли убитыми всего семь бойцов. С помощью моего радиста мы сложили их в одном месте, и тут оживились оставшиеся вражеские танки, как шакалы, издали почуявшие мясо и кровь. Я хотел бы, чтобы они вновь атаковали нашу роту, но они, как и утром, свернули от нас в сторону роты Аббаса. Я взялся за микрофон радиции, хотел сказать Аббасу, что танки у нас ничего не смогли сделать и опять идут к ним. И я вызывал: «Аббас, Аббас, это Али».

Ответа не было. Я вновь повторил: «Аббас, Аббас, вызывает Али».

Вместо Аббаса ответил его радист: «Аббас вознёсся».

Он вознёсся, а меня подкосило; не пулей или осколком, а потерей души. Аббас верно сказал: моя душа была душой и его, и Бахрама, и она теперь покинула моё тело. Мне показалось, что я мертвец, который лежит в могиле и воочию видит, как душа покидает его тело. Всё моё существо покинуло это поле боя и вернулось в прошлое. В те дни, когда мы с Аббасом и Бахрамом в квартале Шотор-Галу Хамадана нажимали на чужие звонки и удирали; в те дни, когда я уже побывал на фронте и звонил в двери Бахрама и Аббаса, чьи дома стояли по соседству с нашим, и агитировал их пойти на фронт. И вот они с разницей в несколько часов покинули темницы своих тел, и я остался один...

У меня не было сил стоять прямо. От подавляемых рыданий лицо горело. Я опустился на колени. Поднял руки к небу: «О Господь, не могу больше!».

Насер Сараби, связной, услышал мои стенания. Не знаю, может, он пожалел меня, но он обнял меня за плечи, поднял на ноги и с трудом усадил на мешок с песком. Я сидел спиной к длинной части насыпи и к наступающим на неё, стреляющим танкам.

Был полдень, солнце стояло высоко, и пора было читать полуденный намаз. Я нагнулся, чтобы встать, и вдруг в тело моё ударила пуля, подняв меня и бросив на землю. Это была пулемётная пуля из наступающего сзади танка, и она разорвала мне бок и задела позвоночный столб, затронув спинной мозг.

В нос мне ударил горячий запах земли, и я увидел себя рядом с Бахрамом и Аббасом. Рука моя ощупала собственный бок. Рана от пули была так велика, что в неё влез кулак, и это доказало мне, что я ещё жив. И я услышал крик Сараби: «Хадж Али убит!».

Он повторял эти слова, а я сказал: «Насер, ничего не случилось. Пуля попала в поясницу. Не кричи».

Он поскорее схватил арафатку и перевязал мою рану. Платок тут же пропитался кровью.

Я упал неподвижно под насыпью, рядом с убитыми. Ногами я двигать не мог, но пальцами шевелил внутри ботинок. И мне захотелось остаться рядом с мёртвыми. Рядом с ними, и с Аббасом, и с другими парнями, которые ценой своей крови удержали Длинную насыпь и отразили танковый натиск.

И тут случилась, кажется, совершенно невероятная вещь: в пылу боя к нам приехала «Тойота». Саид Бадами, командир батальона военных инженеров, собственной персоной привёз на передовую, под жестокий огонь, груз брёвен, чтобы из них сделать перекрытия блиндажей. Он выгрузил брёвна, а ребята нагрузили кузов «Тойоты» убитыми. Меня посадили впереди, рядом с Бадами. Мы ещё не выехали за пределы насыпи, когда танки открыли огонь. Бадами умело маневрировал, как вдруг один убитый вывалился из кузова.

Я от боли потерял сознание. Когда пришёл в себя, увидел ножницы в руке санитаря, который обрезал бинт вокруг моей поясницы. Он снял с меня пояс с ракетницей, и тут подошёл боец Народного ополчения, стёр с ракетницы запёкшуюся кровь и сказал: «Я еду на передовую. Она мне пригодится».

И вновь я потерял сознание. Потом почувствовал, как кто-то щекочет мне ногу и говорит: слава Аллаху, спинной мозг не перебит. Я посмотрел по сторонам. Я лежал на полу в госпитале, и кругом было много раненых, лежавших так же, как и я, и стонавших.

Глава тринадцатая

ВСЕ МОИ БРАТЬЯ

Из госпиталя в Ахвазе нас отвезли на аэродром и погрузили в С-130 «Геркулес», как вдруг послышалась сирена тревоги: в небе иракские самолёты. В «Геркулесе» мы лежали вперемешку: иранские раненые и иракские раненые – и смотрели с тревогой в иллюминаторы. Наконец прозвучала сирена отбоя, и вскоре «Геркулес» взлетел. От боли я вновь потерял сознание.

Придя в себя, спросил:

– Где я?

– Госпиталь мученика Факихи, Шираз.

Я вспомнил, как всего неделю-другую назад мы приехали в этот самый госпиталь с Ала-ад-Дином Хабиби и хаджи Мохтараном. Мне сделали рентген, и врач сказал:

– Тебе повезло, что пуля не повредила спинной мозг. Машалла! У тебя уже целая коллекция ранений.

На третий день врач демонстрировал окружившим меня студентам-медикам, как рука его входит в мою рану до запястья, и в этот момент в палату вошли мама и Джафар. Джафар вывел маму прочь. Когда медики ушли, вернулись мои родные. Я ожидал, что первой заговорит мама, но инициативу взял на себя Джафар, посетовав:

– Неправильно ты поступил, братец, удалив меня с фронта.

– Тогда ты был бы сейчас такой, как я. Мамина боль бы удвоилась.

Через несколько дней начался курс лечения, иными словами, одна операция за другой. Из госпиталя Факихи в Ширазе меня перевели в госпиталь «Мехр» в Тегеране, оттуда – в госпиталь «Экбатана» в Хамадане, потом ещё в одну больницу в Тегеране, и тут мне повезло: я оказался в одной палате с человеком, который был источником положительной энергии. Рядом с Саидом Исламийаном. Увидев меня, он заулыбался:

– Подождём, пока ты будешь прооперирован и выздоровеешь, после этого я тебе объясню, как нужно правильным образом раненых отправлять в тыл.

Мои лечащие врачи всё время менялись. Они проводили консилиумы, но оперировать меня было делом рискованным, так как мог быть повреждён спинной мозг. Узнав об этом, я понял, почему меня всё время переводили из одной больницы в другую. Когда отец и дядя приехали навестить меня, я на инвалидном кресле посетил общую молитву в мечети.

Через некоторое время Джафар уехал на фронт, и Али привлёк его к работе в разведке.

Итак, от длинной, как палка, насыпи я получил в подарок инвалидную палочку. Я теперь брал эту трость и каждый день доходил до конца нашей улицы и возвращался назад. Стал настоящим домоседом. Когда я видел дома наших соседей – семей Аббаса Алафчи и Бахрама Атайана, то, стуча палкой, поворачивал к дому.

Когда я в последний раз лежал в больнице с этой раной, меня пришли навестить Туба-ханум – мама Бахрама, и Фатима-ханум – мама Аббаса. Мы было стыдно говорить с ними, и я опускал голову. А они обе проявляли такую любовь и теплоту, что мне делалось ещё более неловко. Обе говорили в один голос. Туба-ханум сказала: «Али, когда я вижу тебя, мне кажется, что я повидалась с Бахра-

мом». А Фатима-ханум: «Ты всегда для меня был как мой Аббас».

Вскоре я уже мог ходить без палки. Джафар разгадал мои мысли и опередил меня: «Видишь ли, братец, ты для меня не только старший брат, но и настоящий лидер. Вообще, это ты меня привёл на фронт. Когда ты сказал мне возвращаться в Хамадан, я послушался. Я уехал и остался в стороне от “Кербелы-5”. Теперь ты должен отплатить мне тем же и остаться с матерью до тех пор, пока рана твоя полностью не заживёт. Когда выздоровеешь, я вернусь, а тебя провожу аж до самого фронта».

Мне стало известно, что дивизию передислоцировали с юга на северо-запад. Это был типичный горный район, и там требовалась отличная физическая подготовка и тренированность, а я пока не мог даже нормально подняться по ступенькам мечети. И я сказал брату: «Ступай, и Господь с тобой».

Джафар во время отъезда обронил фразу: «Я хотя и не могу полностью заменить тебя в отряде разведчиков, однако...».

– Почему разведчиков? – прервал я его. – Разве ты не у сапёров?

– Али, командир разведки, пришёл за мной и сказал: раз твой брат на больничной койке, замени его в разведке.

Я почувствовал одновременно ликование и печаль. Ликование оттого, что Джафар пришёл в разведку, и досаду оттого, что сам я сижу дома вдали от атмосферы разведотряда, пропитанной моральной решимостью наших парней.

Джафар уехал, но очень быстро вернулся. На этот раз он разговаривал не со мной, а с мамой и убедил её женить его. И несколько следующих дней они на моём мотоцикле ездили свататься. Не сразу, но всё-таки они нашли девушку, которая согласилась выйти замуж за человека, воюющего на фронте. Мама была счастлива, однако скрывала

свою радость от моей тётки, которая потеряла сына на войне. Джафар тоже не хотел устраивать весёлую свадьбу на весь квартал, помня, что большинство соседей скорбят из-за гибели детей. И он попросил меня: «Братец, мне стыдно перед тобой. Ты и так очень много для меня сделал, но не мог бы ты найти где-то машину, чтобы очень скромно, без шума, сыграть свадьбу? Всё-таки невесту не привозят на мотоцикле!».

Мне понравилась деликатность брата. То, что он не мог сказать маме и сестре, он свободно обсуждал со мной. Я поразмыслил и одолжил у одного знакомого старенькую машину «Пежо-405». Знакового звали Али Оджаги, он служил на фронте в самом начале войны. Он был из числа наших с Джафаром общих друзей, причём это был настолько закадычный друг, что сказал Джафаровым друзьям: «Машину я всё равно буду перекрашивать, так что можете с её кузовом делать всё, что хотите».

В вечер свадьбы я сел за руль, а Джафар и уважаемая невеста – на заднее сиденье. Мы ещё не выехали за поворот, как вдруг появилось сразу несколько машин. Они приблизились к нам сзади, что заставило меня и Джафара сильно удивиться. За рулём первой машины – большого пикапа – сидел Абдольреза Торкаман, врач по профессии, он обогнал нас и бампером своей машины ударил в кузов нашей. Нас здорово потрянуло. Хотя поясница моя сильно болела, я не мог простить такого наглого обращения с нами. Дальнейшее напоминало сцены погонь в приключенческих фильмах. Пока доехали до нашего дома, мы с ними раз десять столкнулись. А когда въехали на нашу улицу, всё моё беспокойство сосредоточилось на том, чтобы друзья Джафара не продолжили свои безобразия перед домами погибших бойцов. И я остановился, не доезжая до дома. Наша невеста так напугалась, что лежала, уткнувшись лицом в сиденье. А я вышел из машины и сказал друзьям Джафара:

– Из уважения к погибшим давайте закончим это дело.

Но когда я вновь садился за руль, послышался звук, который я слышал только на фронте. Это была осветительная ракета ручного типа, которую приводят в действие ударом о колено. Со свистом она взлетела в небо, и я рассердился:

– Разве я не сказал: кончайте?

Но они только смеялись, а тот, кто запустил ракету, сказал:

– Али-джан, мы решили: раз Джафар попал между молотом и наковальней, пусть хотя бы видит, куда ступает. В этом был смысл осветительной ракеты.

Они понимали, что я бессилен против них, смеялись и взрывали петарды, и в итоге начался пожар на крыше одного из соседей. К несчастью, осветительная ракета упала на горючие строительные материалы и подожгла их. Пламя так вспыхнуло, что пришлось вызывать пожарных, а мы потом вынуждены были покрывать большие издержки.

Через три дня после свадьбы Джафар уехал на фронт, а через две недели вновь вернулся. С молодой женой они поехали в Кум. Это было первое и последнее путешествие в жизни Джафара, после которого он вновь вернулся на фронт. Я считал, что Джафар давно стал во всех отношениях взрослым человеком и что эта свадьба стала последним его шагом к зрелости и ответственности перед Богом.

Прошло два месяца, и я не выдержал. Мне повстречался хадж Мехди Рухани, один из известных фронтовых командиров, и я узнал, что он направляется на северо-западный фронт под Мавутом. Тут вновь проявилось моё упрямство и неуправляемость, и я сел за руль. Мой спутник доверился мне и задремал. В тоннеле, не доезжая до города Бане, мы попали в глубокую выбоину. Я выпустил руль из рук, и хадж Мехди Рухани проснулся. Всё закончилось благополучно, но страшная боль в пояснице привела меня в больницу.

Меня наскоро подлечили, и мы продолжили наш путь, конечной целью которого был штаб дивизии. К тому времени бразды правления в дивизии перешли от хадж Мехди Кийани в руки Али Шадмани – опытнейшего и прославленного командира. По соседству со зданием дивизионной канцелярии расположились разведчики и штаб. Тут я встретил Али. Его брат Амир только что погиб на этом самом фронте. Тем не менее разговоры с Али всегда носили оттенок бодрого подшучивания. Я сказал ему:

– Судьба твоего брата Амира решена, но побереги моего брата Джафара.

Усмехнувшись, Али ответил:

– Не беспокойся: сначала ты, потом он.

Я тоже пошутил:

– А когда же твоя очередь придёт?

Он не нашёлся с ответом и запустил пятерню в свою длинную тёмно-рыжую бороду. Сказал:

– Пока думаю, что делать с тобой и твоим братом.

В это время стало известно, что сорок человек из дивизии, из материально-технического отдела, по ошибке заехали в тот район, который контролировала оппозиция. Нас собралось несколько человек, и поздно вечером мы выехали им на подмогу. Там было множество высоких гор и горных дорог, проложенных по их склонам; вероятно, причина попадания наших людей в руки оппозиции заключалась как раз в многочисленности дорог и гор. Мы остановились на склоне, и Али вышел из машины, сказав:

– Если через полчаса не вернусь, идите за мной, но осторожно.

Я сказал:

– Я тоже иду.

– Опять ты за своё, дядя Али! Ты во имя Бога поклониться не можешь, а хочешь лазать по горам?

Эти слова заставили меня задуматься. Он не хотел меня обидеть и говорил правду, ведь я действительно читал

намаз сидя, а коснуться лбом пола не мог из-за боли в пояснице. И всё-таки слова Али были сказаны не просто так.

Он вернулся точно через полчаса и привёл с собой сорок заблудившихся человек из материально-технической службы. Они выглядели так, будто освободились из плена. Али сказал их командиру:

– То место, куда попали эти бойцы, называется «Холм оппозиции». Ты обо всём расскажи нашим, чтобы они тоже не заблудились.

Тут и я не стал медлить:

– Али, я тоже совсем запутался. Объясни мне, что где.

Он провёл для меня краткую экскурсию. Мы начали с города Мавут и здания школы, где находились канцелярии нескольких дивизий, потом он показал мне окружающие горы. Тут были вершины Галан, Гарде Раш, Жажиле, Гашан, Гамиш, Борде Хуш, а также горы, которые ещё были в руках иракцев. У горы Борде Хуш он оставался дольше, чем у других вершин, и я спросил:

– Кажется, эта гора отличается от других – нет?

– Тут у человека из головы пропадает разум¹, – ответил он. – Красивое имя.

Он любил говорить о смысле слов, но я предпочитал конкретные примеры. Я свёл разговор к шутке и спросил:

– А у тебя разве есть разум, который может вылететь из головы?

Я думал, он ответит тоже шуткой, но он вздохнул и сказал:

– Конечно, нет. Люди разумные преодолевают сами себя. Преодоление заграждений и минных полей – лишь предлог. Предлог не для того, чтобы пересилить врага, но пересилить самого себя.

Серьёзный тон Али заставил меня замолчать. Мы вернулись в город Бане. Я попытался найти Джафара, и мне

¹ «Хуш» на фарси означает «разум, сознание, память, рассудок» (прим. перев.).

ответили, что он на передовой. В штабе начальство спросило меня: «Хошлафз, ты можешь отвезти в зону боевых действий группу командиров из дивизии “Камар бани Хашем”?». Я ожидал именно такого предложения.

Мы сели в командирскую машину этой дивизии. Командиры были уроженцами провинций Исфахан и Чахар-мехаль-Бахтиари. Всё то, что показал мне Али, и я им показал издали и рассказал, пока мы доехали до школы в Мавуте, где находился нужный им штаб. Они зашли внутрь, и я думал, что через несколько часов они должны вернуться назад. Ждал их, но дождаться не мог. Один из них выглянул из двери и сказал: «Мы пока останемся».

Я не знал: то ли и мне оставаться здесь, то ли ехать на передовую искать Джафара, то ли вернуться в тыл. Бок мой очень болел, и температура, похоже, поднималась. Я решил вернуться и из Мавута ехал на нескольких попутных машинах; наконец на одном из приграничных пропускных пунктов машину остановили, и караульный потребовал у меня пропуск.

У меня, кроме личного жетона на шее, ничего не было. Ни пропуска, ни удостоверения личности, никаких документов.

– Ничего с собой не взял. Есть только этот жетон.

– Выходи из машины.

Начался спор, я, что называется, завёлся. Подбежали другие караульные, и их командир приказал: «Арестуйте его, это оппозиционер-предатель».

Мне связали руки за спиной верёвкой и бросили меня в кузов «Тойоты». Сколько я ни повторял: «Я из дивизии “Ансар аль-Хусейн”», – никто не слушал. Быть может, они были правы. Территория была заражена влиянием оппозиции, всегда готовой оказать услуги иракцам, и они думали, что поймали одного из таких наёмников-предателей.

Весь путь в 20 километров до города Бане я сидел со связанными руками, а по обе стороны от меня – вооружён-

ные караульные. Этот путь в 20 километров показался мне имеющим длину в 20 лет. Нас так трясло на выбоинах, что рана у меня в боку открылась, и форма намочла от крови. В отделении КСИР Бане начались допросы. Я отвечал на любой вопрос, но подозрения только росли. Потом меня посадили в одиночную камеру, и тут в зимнем холоде и одиночестве я вспомнил Бахрама. Принесли ужин, я не стал есть. Даже моё тяжёлое ранение не стало для них доказательством того, что я фронтовик. Я бросил еду в тюремщика и сказал: «Идите и сообщите Али Читсазийану, что вы поймали оппозиционера по имени Али Хошлафз».

Наутро дверь камеры открылась, и следователь сказал: «Господин Хошлафз, в следующий раз не нужно ездить по территории без документов и пропуска».

Военный юрист этими словами исчерпал проблему, а я постеснялся рассказать ребятам из разведки, какая беда со мной приключилась. Но, оставаясь наедине с собой, я стоял от боли моей раны и не мог вздохнуть. В конце концов Али отправил меня в Хамадан.

В Хамадане я чувствовал себя как ощипанная курица. Мама понимала, что со мной происходит, и хотела, чтобы я окончательно обосновался в городе и начал жить. Она предложила женить меня, на что я ответил:

– У меня нет никакого имущества в этом мире. Когда я как следует встану на ноги, я вернусь на фронт.

– Джафар был в таком же положении. Не имел ни денег, ни имущества. При этом и женился, и поехал на фронт.

Я продал свой мотоцикл, мама надела чадру, и мы пошли свататься. Была хорошая благочестивая семья. Уважаемая девушка не видела проблем с моим уходом на фронт, но её отец сказал: «Мой сын погиб на фронте, и я не хочу скорбеть ещё о ком-то. Вы уже были на фронте, и этого долга на вас больше нет».

Услышав это, я обиделся. Сказал маме: «Вставай, уходим».

Этот случай настолько меня обескуражил, что я хотел отказаться от женитьбы, но мама не сдавалась. Теперь мы пошли в семью, в которой один из сыновей попал в плен. Он участвовал в тех же сражениях, что и я: в операции «Бейт оль-Могаддас» и во взятии Хоррамшахра, но был захвачен врагами. Это была именно такая семья, найти которую я надеялся. На половину суммы от проданного мотоцикла я смог устроить свадьбу. Как раз и Джафар вернулся с фронта. Он был очень весёлым, и мы уже строили планы жить в отцовском доме на две семьи.

В вечер свадьбы все мои усилия были сосредоточены на том, чтобы друзья не учинили каких-нибудь бесчинств и чтобы не повторилось произошедшее на свадьбе Джафара. Я пошёл к матерям Аббаса Алафчи и Бахрама Атайана и попросил их благословений. А они сказали, как и прежде, в один голос: «Когда видим тебя в костюме жениха, нам кажется, что это наши сыновья».

Через несколько дней Джафар собрал свой походный рюкзак и пришёл прощаться. Мама взяла в руки Коран, встала перед воротами и два-три раза поцеловала сына. Джафар со смехом говорил: «Дорогая мама, целуй сколько хочешь. Не первый раз я ухожу на фронт».

Мама обводила Кораном его голову и вновь целовала его. Супруга Джафара стояла в уголке двора и тихо плакала. Эти проводы отличались от всех проводов меня и Джафара за все годы войны. Мамины движения говорили о чём-то потаённом. Мне стало нехорошо на душе. Когда Джафар ушёл, я сказал маме:

– Я завидую Джафару. Ты провожала его словно в последний раз.

Мама до этого момента сдерживалась, а тут вдруг разрыдалась:

– Этой ночью мне приснилось, будто я в бесконечной пустыне, и посреди неё стоит громадный шатёр. Я отодвинула полог, там посреди шатра сидела дочь Пророка.

А вокруг неё собрались матери погибших, в том числе Туба, мать Бахрама, и Фатима, мать Аббаса Алафчи. И Госпожа сказала мне: «Добро пожаловать».

Как только мама рассказал этот сон, я, стуча палкой и хромая, побежал на базу КСИР «Ансар аль-Хусейн», откуда происходила отправка. Но Джафар только что уехал на северо-западный фронт.

* * *

Потянулись тяжёлые дни. Всё внутри меня клокотало. Мне хотелось прямо с моей незажившей раной поехать на фронт, но я знал, что мамин сон раньше или позже разъяснится. Осенью 1987 года в Хамадан с северо-западного фронта приехало несколько автобусов с таким количеством бойцов, что, казалось, весь фронт должен был оголиться. И, как бомба, взорвалась новость и разошлась по всей провинции: «Убит Али Читсазийан, начальник разведки дивизии».

Быть может, если бы даже принесли весть о гибели моего брата Джафара, я не был бы так растерян и ошеломлён. Али был знаменем дивизии. И то, что дивизия и фронт будут функционировать без него, не укладывалось ни в чьём сознании. Хотя все знали, как горячо он желал стать мучеником.

Я вспомнил нашу последнюю встречу. Как он мне показывал склоны горы Борде Хуш. И именно там, в разведке в том районе, он подорвался на mine.

Вечером я пошёл в морг госпиталя и просидел до утра возле его окровавленного тела, как бы исповедуясь ему. После гибели Али Джафар из разведки вернулся к сапёрам.

Через некоторое время на том самом фронте началась операция «Бейт оль-Могаддас-2». Я в раздражении отбросил свои костыли и пошёл на базу КСИР. Там я встретил хадж-агу Самавата. Он притронулся к моей голове и сказал: «Возьми опять твою палочку и призови на помощь

выдержку. А также призови к выдержке твою семью. Семьи погибших очень близки и дороги Всевышнему». Я понял, что он сообщает мне о гибели Джафара. Наверняка и мама моя предчувствовала, что вот-вот постучат в дверь её дома и скажут, что Джафара больше нет. Но как я мог теперь смотреть в глаза его молодой жене? Тут же я встретил одного из парней-сапёров, близкого друга Джафара: он плакал. Обнял меня и сказал:

– Джафар в ночь наступления отдал мне свои часы и сказал: из всего мирского имущества у меня есть только эта вещь, и я хочу, когда предстану перед Господом, чтобы ничего от меня не осталось.

И он протянул мне часы Джафара, но я их не принял.

– Где его тело? – спросил я.

– От него ничего не осталось¹, – ответил боец.

Я отправился в морг. Все те, кто за эти годы умерли рядом со мной или в моих объятиях, были мне как братья – даже ближе, чем братья. Но мне было горестно оттого, что я остался, а Джафар ушёл. Тот брат, которого я привёл на фронт, который пришёл туда гораздо позже меня, ушёл раньше. Он сам не раз говорил: брат, проси у Господа, чтобы мне быть таким, как ты.

В морге бок о бок стояли гробы сорока убитых. Я читал их имена одно за другим: Хамид Камари, Голам Саидифар... Со многими из них я заключил договор побратимства. На одном из гробов была написано: «Джафар Хошлафз, сын Асадоллы, сапёр дивизии “Ансар аль-Хусейн”, Хамадан».

¹ В ночь наступления на маршруте вдоль шоссе Мавут – Сулеймания сапёры дивизии проделали проход в минном поле для наших войск. В результате атаки нескольких батальонов, ещё до восхода солнца, все позиции врага были захвачены, но вражеский снаряд попал в складированные в одном месте вражеские мины, и прогремел страшный взрыв. Джафара и ещё нескольких сапёров этим взрывом разорвало на куски. Сила взрыва была такова, что многие бойцы по всему фронту в течение нескольких секунд видели яркой, подобный дневному свет, словно взошло солнце.

Я открыл крышку гроба. Ожидал увидеть оторванную руку, ногу или тело без головы, но размер савана был меньше 20 сантиметров. Там было всего несколько кусочков тела, умещавшихся в горсти. И я пошёл сообщить эту новость семье.

Когда я вошёл, мама читала Коран и вытирала слёзы. Было принято при сообщении семье о гибели сына сначала говорить, что он ранен, потом – что состояние его тяжёлое, и, в конце концов, сообщать о его гибели. Я, запинаясь, проговорил:

– Дорогая мама, Джафар получил небольшую рану, и его отвезли в госпиталь.

Мама посмотрела мне глаза в глаза и сказала:

– Джафар убит.

Я сердито спросил:

– Кто тебе сказал?

Она ответила спокойно:

– Коран.

И продолжала:

– Сегодня, когда по радио передали о наступлении на фронтах, я взяла Коран, и он открылся на этом аяте.

И она громким голосом прочитала аят: «И никак не считай тех, которые убиты на пути Аллаха, мёртвыми. Нет, живые! Они у своего Господа получают удел»¹. Мама продолжала:

– Господь сказал, что он погиб, а ты хочешь скрыть это?!

Мамина вера и её твёрдость внушили мне спокойствие духа. Я перестал тревожиться, однако не мог и сказать матери, что тела её сына не осталось.

В ту же ночь я увидел во сне Бахрама Атайана. Он спросил меня: «Али, где мои Коран и шарф?». Я опустил голову. Эти Коран и шарф, в свою очередь, перешли к нему от

¹ Коран, 3:169; сура «Семейство Имрана», текст дан в переводе И.Ю. Крачковского (*прим. перев.*).

другого; всего они прошли через руки четырёх павших бойцов. И если кто-то у меня их требовал, это значило, что и я уйду. И я взмолился: «Дорогой Бахрам, если я недостойн этих окровавленных реликвий, попроси у Господа, чтобы я их отдал кому-то, кто был бы таким, как ты. Ведь после тебя многие погибли: Аббас Алафчи, Джахани, Хамид Камари, Голамали, Саидифар, Али-Реза Торкаман, Али Читсазийан и многие другие. Не осталось никого, кто был бы достоин твоего Корана и шарфа». Он ответил: «Я всех их знаю. Мы здесь все вместе, но ты не назвал имени одного человека».

Эти слова Бахрама словно открыли для меня дверь мирской клетки, в которой я находился, он словно бы сказал: выходи на волю и лети. Живительный восторг побеждал, как кровь, по моим жилам. Я подумал, что тот последний, неназванный человек – я. В радостном возбуждении я спросил: «Чьё имя я не назвал?». И ждал, что он ответит: ты сам и есть тот оставшийся неназванным человек, но Бахрам произнёс: «Этот последний человек – Джафар, и он тоже у нас. Очень весёлый и счастливый, как новобрачный».

Моя радость превратилась в печаль, в чувство безнадежности. Мучительное горе до глубины наполнило мою душу. Я заплакал. Когда я проснулся, лицо моё было влажным.

На следующее утро, перед похоронами Джафара, я положил к нему в саван частицу окровавленного шарфа Бахрама, а после семи дней вернулся на фронт.

Через несколько месяцев, в августе 1988 года, навязанная Ирану война закончилась, и я остался жить, и осталась память о сотнях погибших.

Литературно-художественное издание

Хамид Хесам

КОГДА СКРЫЛАСЬ ЛУНА

Воспоминания об Ирано-иракской войне

حميد حسام
وقتی مهتاب گم شد

ISBN 978-5-6043820-8-0

9 785604 382080

Подписано в печать 25.03.2020. Формат 60×90^{1/16}.
Гарнитура CharterITC. Тираж 500 экз.
Заказ № 03675

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127214, г. Москва, Полярная ул., д.31В, стр.1, Э/ПОМ/К 3/1/1
Тел.: (495) 230-20-52